

№4 (91)
АВГУСТ

2021

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Организация
объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

У
УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Объявлена подписка
на 1-е полугодие 2022 г.

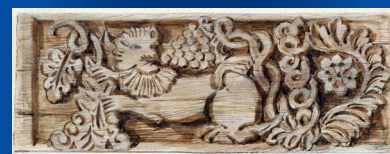
Цена подписки:
1 мес. – 206,53 руб.
6 мес. – 619,59 руб.

Индекс ПА041

Первый фестиваль,
посвященный
Татьяне Эйхман.
«Я счастлива,
что родилась в России».

стр. 24

Летопись
симбирских древностей.
Рисунки Д.Архангельского

стр. 43

Живописная рапсодия
Бориса Клевогина

стр. 57

Волга в творчестве
Николая Благова

стр. 76

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Светлый день над Волгой	3
Карамзинский сад	
И снова на родине Гончарова	4
Книжная полка	
Николай Полотнянко. Сказания земли Симбирской	8
Память сердца	
Ольга Даранова. Я счастлива, что родилась в России. Фестиваль имени Татьяны Эйхман	24
Алесь Туманов. Памяти Татьяны Эйхман. Стихи	24
Дорога к храму	
Иеромонах Пантелеимон (Кравец). Вы мне не поможете?	27
Дмитрий Савельев. Аллея	29
С любовью ко всему родному	
Юрий Козлов. Талантливое и авторитетное в науке перо	30
Ирина Маршалова. Путеводная миссия Недзвецкого....	40
Валентина Костягина. Родная красота в творчестве Д.И. Архангельского	43
Тайна былой красоты. Работы Д. Архангельского	49
Земная жизнь и радость бытия. Картины Бориса Клевогина	52
Под сенью дружных муз	
Нина Никифораки. Живописная рапсодия художника Клевогина	57
Молодые голоса	
Леонид Дроздов. Усадьба	62
Артём Даллакян. Стихи	73
Дарья Ефремова. Игра. Рассказ	74
Край мой на Волге	
Нина Васильева. «Волга. Синее сиянье» в творчестве Н. Благова	76
Светлана Матлина. Почти газетный репортаж	84
Николай Ларионов-Йелмел. Фестиваль памяти Николая Благова	86
Светлана Нефёдова. Я о Волге стихи напишу	87
Волжские пейзажи. Фотографии Владимира Ламзина и Алексея Шишова ...	89
Мир как миф. Картины Владимира Фуфачёва	92
Елена Крюкова. Знаки земли	97
Юбилей	
«Я вам желаю честности и любви». Интервью с писателем Еленой Крюковой	101
Дороги памяти военной	
Нина Орлова-Маркграф. Заступница. Повесть	104
Всё живое	
Марина Бирюкова. Голубка	125
Страна поэзия	
Людмила Свирская. Моей весны последнее «прости». Стихи	133
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	135
Юбилейный календарь	137

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Телефон редакции: 41-04-32
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 17.08.2021 г.
Дата выхода 24.08.2021 г.
Тираж 700 экз. Заказ №548

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №4 (91), 2021

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Борис Клевогин. Натюрморт с ангелом. 2019, холст, темпера, 90x60.

На обороте обложки: Б. Клевогин. Травы. 2015, холст, масло, 80x100.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Вы можете пригласить на дом почтальона для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Все подписавшиеся на журнал Симбирск на II полугодие 2021 года смогут участвовать в розыгрыше призов. Тел. для справок: 41-04-32

Оформить подписку на I полугодие 2022 года (подписной индекс ПАО41) можно и с помощью Интернет на сайте podpiska.pochta.ru или через смартфон по QR-коду:

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ НАД ВОЛГОЮ

В новом номере журнала – стихи и проза, краеведческие очерки, хроника культурной жизни.

О торжественном собрании, посвященном 70-летию ульяновской писательской организации, рассказывает Ольга Даранова.

В рубрике «С любовью ко всему родному» – статья Юрия Козлова о писателе и ученом-зоологе Модесте Богданове. Юбилею известного гончароведа Валентина Недзвецкого посвящена публикация Ирины Маршаловой. Валентина Костягина продолжает серию очерков о творчестве Дмитрия Архангельского, представляет «альбом рисунков местной старины» художника-краеведа. «Краеведов называют хранителями народной памяти. Это люди, которые не по должности, а по призванию занимаются изучением родного края». Рисунки Дмитрия Архангельского, запечатлевшие родную красоту, – живописное краеведение.

Публикуем продолжение «Сказаний земли Симбирской» Николая Полотнянко.

*...И ты, поэт, во мраке буден,
В труде, на смертном рубеже
Не забывай, что ты подсуден
Одной лишь собственной душе!*

В июле в Карсуне состоялся первый фестиваль памяти поэтессы Татьяны Эйхман «Я счастлива, что родилась в России». В празднике приняли участие ульяновские писатели.

В рубрике «Под сенью дружных муз» журналист Нина Никифораки рассказывает о творчестве Бориса Клевогина, в своих картинах художник раскрывает красоту обычных вещей и явлений.

Проза на страницах номера представлена повестями Нины Орловой-Маркграф «Заступница» и Марины Бирюковой «Голубка».

Несколько публикаций номера посвящены Волге. Краевед Нина Васильева обращается к творчеству Николая Благова, для которого волжская тема была очень значимой, поэт в стихах радостно приветствовал каждый «светлый день над Волгою».

*...А дальше – Волга. Синее сиянье.
Лишь подойди – начнет тебе шептать!
Мне этот шепот был как обещанье
Чего-то светлого. Не уставал я ждать.*

Поэтический «почти газетный репортаж» Светланы Матлиной с посвящением памяти директора Андреевской школы Анатолия Ефимова написан

под впечатлением одного из литературных праздников в селе Андреевка.

*Я тоже здесь, на родине поэта,
У Николая Благова в гостях.
Его уж нет... Но родина воспета
В послевоенных трепетных стихах...*

В июле 2021 года в селе Андреевка Чердаклинского района состоялся очередной 15-й Благовский фестиваль «Жар-слово», об этом на страницах журнала рассказывает Николай Ларионов.

Волге посвящена поэтическая подборка Светланы Нефедовой.

Представляем нижегородского художника Владимира Фуфачёва, на цветной вкладке репродукции его картин «Мир как миф».

В рубрике «Юбилеи» читайте интервью с известным поэтом, лауреатом Благовской премии, лауреатом Гончаровской и многих других литературных премий Еленой Крюковой.

По традиции публикуем стихи и прозу молодых авторов: повесть лауреата премии «Первая роса» Леонида Дроздова, стихи Артема Даллакяна, рассказ Дарьи Ефремовой.

В разделе «Дорога к храму» читайте рассказ иеромонаха Пантелеимона (Кравца) «Вы мне не можете?»

На поэтических страницах – стихи гостя «Симбирска» Людмилы Свирской (Чехия).

Август. Мы прощаемся с летом, где «алело зарево клубники, манили яблочные дали...»

Уже все яснее звучит «флейта осени» и предосеннее настроение в стихах наших авторов.

*...Не избыть грусть ни песней, ни словом
Лишь недолго порадовал нас
Аромат быллым – Спас Медовый,
Вкусом прошлого – Яблочный Спас.
И в Успенье прольется покоем
Тихий свет с благодатных высот.
И в лукошке тепло золотое
Спас Ореховый в дар принесет!.. (В. Гужев)*

На исходе лета хорошо бы обрести минуты тишины, чтобы полюбоваться Волгой и небом над ней и ощутить тихий свет с благодатных высот.

Елена КУВШИННИКОВА

И СНОВА НА РОДИНЕ ГОНЧАРОВА!

Литературное собрание к 70-летию
образования Ульяновской писательской организации

19 июня 2021 года в Торжественном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина состоялось литературное собрание «И снова на родине Гончарова!», посвящённое 70-летию образования Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

Ольга Даранова и Александр Смекалин

Собрание прошло в контексте ежегодных Гончаровских дней и Первого съезда именных библиотек России.

В Литературном собрании приняли участие: исполняющий обязанности председателя правительства Ульяновской области Александр Смекалин, исполняющий обязанности министра искусства и культурной политики Ульяновской области Евгения Сидорова, сопредседатель Союза писателей России Вадим Терёхин, председатель Самарской писательской организации Александр Громов, редактор журнала «Волга – XXI век» Елизавета Мартынова, заместитель директора издательства «Детская литература» Марина Минаева, прозаик, поэт, член Союза писателей России Евгения Декина, писатель, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова Елена Крюкова.

Илья Таранов и Александр Смекалин

Памятную плакетку от врио Губернатора Ульяновской области А.Ю. Русских к 70-летию образования Ульяновского регионального отделения Союза писателей России руководителю отделения Ольге Дарановой вручил исполняющий обязанности председателя правительства Ульяновской области Александр Смекалин. Он, в частности, отметил: «Россия всегда была страной великой литературы и культуры, а писатели Симбирского-Ульяновского края ощущали себя частью большой русской литературы и на протяжении всей своей истории достойно служили Родине своим талантливым пером».

Почётной грамотой губернатора Ульяновской области награжден Илья Таранов, писатель, член правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

Выступает Николай Марянин.

Именным подарком губернатора Ульяновской области – наручными часами – награждён поэт, краевед, член правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России **Николай Марянин**.

С приветственным словом от Союза писателей России выступил сопредседатель Союза писателей России Вадим Фёдорович Терёхин. Он провёл церемонию награждения ульяновских писателей почётными грамотами Союза писателей России.

За большой вклад в развитие отечественной литературы, многолетнюю творческую деятельность и в связи с 70-летием Ульяновского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ Союза писателей России награждены:

ЕРЁМИН Валерий Александрович – поэт, прозаик, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, председатель Сурского литературного объединения «Промзинские слоги»;

Выступает Валерий Еремин

ЗАЗИМКО Светлана Витальевна – поэт, член Союза писателей России, руководитель Димитровградского общественного клуба любителей поэзии «ЭХО»;

ИГНАТЬЕВА-ТАРАВАТ Валентина Николаевна – поэт, прозаик, член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин Ульяновской области;

КАШКИРОВА Раиса Иршатовна – поэт, член Союза писателей России;

ЛАРИОНОВ Николай Николаевич – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Чувашской Республики;

МАЛАХОВ Виктор Леонидович – поэт, член Союза писателей России;

МАРЯНИН Николай Викторович – поэт, журналист, краевед, член Союза писателей России;

МАТЛИНА Светлана Ивановна – поэт, член Союза писателей России, лауреат поэтической премии имени Николая Благова;

НИКИТИНА Лидолия Константиновна – прозаик, член Союза писателей СССР, член Союза писателей России;

Лидолия Константиновна Никитина

ПОЛОТНЯНКО Николай Алексеевич – поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии имени И.А. Гончарова.

В июне этого года в Москве состоялось заседание приёмной комиссии Союза писателей России, итогом которого было решение о принятии новых членов в ряды Ульяновской региональной писательской организации. Сопредседатель Союза писателей России Вадим Фёдорович Терёхин вручил членские билеты вновь принятым писателям. Ими стали:

КУРЫЛЁВА Марина Юрьевна, писатель, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова;

МЕДВЕДЕВ Андрей Владимирович, писатель, историк, музеевед;

МАТЛИНА Анисия Михайловна, поэт, прозаик, лауреат областной литературной премии «Первая роса»;

Вадим Терехин вручает билет члена Союза писателей России Анисии Матлиной

ПАПЕТА Любовь Викторовна, прозаик, публицист, член Союза журналистов России, редактор Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова.

С поздравительным словом выступила исполняющий обязанности министра искусства и культурной политики Ульяновской области Евгения Сидорова. Она, в частности, отметила: «В именах наших прославленных земляков – целая эпоха, вместившая наследный дух Карамзина и Гончарова, лучшие образцы словесности советской литературы, фронтовые реликвии – строки наших земляков, добытые в боях, отразившие послевоенные нелёгкие будни, восстановление хозяйства, городов и сёл, возвращение к мирной жизни. Год за годом писательская организация жила в ногу со временем, дышала воздухом народа, его проблемами и достижениями. И всё это выплёскивалось в книги. Наша область является одним из немногих субъектов Российской Федерации, где реально действует Программа финансовой поддержки книгоиздания. Программа книгоиздания Ульяновской области является определённым региональным брендом. Мы с гордостью заявляем, что с 2006 по 2020 год по областной Программе книгоиздания вышло в свет свыше 100 наименований книг ульяновских писателей общим тиражом более 30 000 экз.»

Далее Евгения Сидорова вручила благодарственные письма.

За заслуги в развитии чтения в Ульяновской области, высокий профессионализм и плодотворную работу **благодарственным письмом министерства искусства и культурной политики Ульяновской области награждены:**

БУХАРИН Александр Викторович, поэт, член Совета молодых литераторов Ульяновской области;

Зазимко Светлана Витальевна, поэт член Ульяновского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», член Ассоциации «Писательская организация «Слово» г. Димитровград;

НОЗДРЯКОВ Данила Сергеевич, журналист областного государственного автономного учреждения «Издательский дом Ульяновская правда».

Участники собрания посмотрели видеофильм об истории Ульяновской писательской организации «Мы – частица России!», созданный профессиональным режиссёром ГТРК «Волга» Дианой Шпоркиной.

Ульяновскую писательскую организацию с юбилеем поздравили: председатель Самарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор журнала «Русское эхо» Александр Громов, главный редактор журнала «Волга – XXI век» (Саратов) Елизавета Мартынова, поэт, прозаик, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова Елена Крюкова (Нижний Новгород), заведующая отделом детства Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова Елена Голушева, заместитель

Выступает Юрий Шерстнев

директора МБУК «ЦБС города Ульяновска» Александра Буйлина, председатель Совета молодых литераторов Александр Дашко.

Слова поздравления и благодарности высказали члены УРО Союза писателей России: руководитель Димитровградской писательской организации Юрий Шерстнёв, руководитель литературного объединения «Промзинские слогги» Валерий Ерёмин, прозаик, член Союза писателей СССР и России, лауреат Международной премии «Филантроп» Лидолия Никитина, поэт, прозаик, лауреат Всероссийской литературной премии имени И.А. Гончарова Николай Полотнянко, поэт, член Союза писателей России, руководитель Димитровградского общественного клуба любителей поэзии «ЭХО» Светлана Зазимко и другие.

После литературного собрания гости посетили Гончаровский праздник на бульваре Новый Венец, посмотрели выставку Российской национальной музея музыки «Музыкальная гостиная Пушкинской поры», представленную в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова.

Там же в конференц-зале состоялся **круглый стол «Современная литература: традиции и вызовы времени»**.

Интересная и актуальная тема привлекла к себе многих. Среди участников были: заведующая музеем современного изобразительного искусства XX-XXI вв. – филиала Ульяновского областного художественного музея Елена Сергеева, доктор филологических наук Александр Дырдин, писатель, философ Анатолий Марасов, коммерческий директор АО «Издательство «Детская литература» (Москва) Марина Минаева, сопредседатель Союза писателей России Вадим Терёхин, председатель Самарского отделения Союза писателей Александр Громов,

редактор журнала «Волга – XXI век» Елизавета Мартынова, ульяновские поэты и прозаики.

По завершении круглого стола подведены были итоги. В его решениях было учтено желание участников продолжать диалоги о литературе на межрегиональных встречах, фестивалях и форумах, а также в обоюдных журнальных публикациях. Было предложено активнее принимать участие в международных проектах и конкурсах.

Творческое общение продолжилось за праздничным ужином. Вопросы обсуждались самые разные: как живёт литературное объединение в другом регионе, есть ли финансовая поддержка на издание книг, в каких конкурсах писатели принимают участие и многое другое.

Гостей приветствовала исполняющая обязанности министра искусства и культурной политики Ульяновской области Евгения Сидорова. Она озвучила инициативу учреждения в регионе – Дня Ульяновского писателя, приуроченного к выходу Постановления Секретариата Союза Советских писателей от 25.06.1951 об образовании регионального отделения Союза писателей России. Данное предложение было принято с большим одобрением.

Была достигнута договорённость ульяновцев со своими коллегами из других областей о совместных публикациях, визитах, встречах на фестивалях и профессиональных форумах. Ближайший – межрегиональный литературный фестиваль «Сызранская излучина» (участники: Самара, Ульяновск, Пенза, Сызрань, Жигулёвск, Новокуйбышевск). С Еленой Крюковой, лауреатом Международной литературной премии имени И.А. Гончарова, ульяновцы запланировали провести цикл видеолекториев и презентаций книг.

***Николай ПОЛОТНЯНКО**, поэт, прозаик, драматург, родился 30 мая 1943 года в пгт Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг стихов и прозы: «Братина», «Круги земные», «Симбирский временник», «Государев наместник», «Клад Емельяна Пугачева» и др. Лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова. Награжден медалью Н.М. Карамзина, орденом Ф.М. Достоевского. Живет в Ульяновске.*

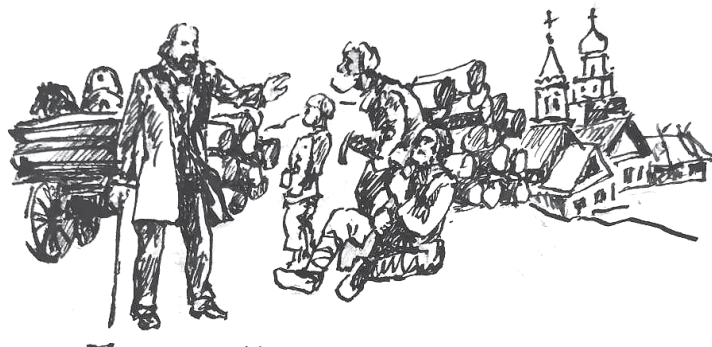
СКАЗАНИЯ ЗЕМЛИ СИМБИРСКОЙ

Большой симбирский пожар, 1864.

Глава 11 СКАЗ ПРО ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

- 1 -

Морозные звёзды смолола
Метель на крутых жерновах.
И мчались, как белые пчёлы,
Над полем снежинки впотьмах.
Рыдал колокольчик поддужный,
Скрипели постромок ремни.
Из тьмы, беспокойной и вьюжной,
Таращились волчьи огни.

Как стража, столбы верстовые.
 Двуглаво распяты гербы.
 Одна лишь дорога в России
 У правды и честной судьбы.
 И чудились – звоны да звоны,
 Кандальные звоны теней.
 И лики, печальней иконных,
 Витали в потёмках полей.

Владимирка!
 Песни, былины
 Про вечно гонимый народ.
 Ухабы избиты, как спины,
 Безвестно ушедших вперёд.
 Брели они с бритыми лбами,
 С печальной надеждой в груди.
 Века пронесли за веками,
 А горе, как прежде, в пути!

Машиною лязгнув, Европа
 Царизму влепила под дых.

Кострищем пылал Севастополь,
 Солдатскою славой велик.
 Забиты окошки проливов.
 Зарыты в суглинок сыны.
 И стали видны все нарывы
 На теле огромной страны.

Крым вырвал Россию из сони.
 Все стали роднее на миг
 Друг другу, услышав, как стонет
 На павшем редуте мужик.
 Испив свою чашу страданья,
 Россия открыла лицо.
 Пришли времена покаянья,
 Ответа детей за отцов.
 Москва, Петербург – две столицы
 Бурлили, вершили дела...
 А здесь во Симбирской провинции
 Плевалась окалиной мгла.
 Сочился молозивный сумрак.
 Дымки завивались из труб.
 В потёмках, рассветных, угрюмых,
 Маячили тени халуп.
 Чернели плетни вдоль дороги.
 Прах инеевый сыпался с крон.
 И слышался чистый и строгий
 Из церкви к заутрене звон.

- 2-

– Ну, вот и приехали, барин!
 Примерзла к земле тишина.
 Навстречу, спросонок распарен,
 Спешил со всех ног старшина.
 – С прибытием, ваше...
 – Ульянов...
 Приезжий стяхнул с шубы снег.
 – Директор училищ...
 Престранный,
 Учёный, видать, человек.
 Без спеси, чиновного ору,
 Смекнул волостной – простота.
 По тропочке узенькой в гору

Пошли на сиянье креста.
 Не школа, а слёзы –
 Две лавки,
 Да стол из шершавых досок.
 В дешёвой латунной оправке
 Лампада,
 Задумчивый бог.

...Сходились неспешно, с оглядкой:
 С какого прищучат конца?
 Своим заведённым порядком
 Вставали поодаль крыльца.
 – Чего там надумали власти?
 Опять, поди, новый оброк?..
 Все знать непременно хотели,
 Что власть припасла мужику.
 Замёрзшие лапти скрипели
 На жёстком январском снегу.
 По въевшейся в душу привычке
 (Приезжий-то сам генерал!)
 Попадали шапки мужичьи.
 Ульянов рукой замахал:
 – Покройтесь!
 Я к вам за советом, за помощью...
 Лес уже есть...
 Построить бы надобно летом
 Школу на тридцать мест.

Крестьяне молчали, хмуря:
 Незнамое дело – как взять?
 Опять на мужицкую шею
 Хомут, и его притирать.
 И солнечный полдень немилым
 Покажется в спорах, пока
 По делу столкнешься с миром
 И с места столкнёшь мужика.
 – А тёс как? А гвозди? А стёкла?..
 – На восемь саженой хором!
 Рубаха на госте промокла,
 А всё ж настоял на своём.
 Ульянов провёл своё дело.
 Сочли по копейке рубли.
 Пока отрядились, стемнело,
 И звёзды вокруг расцвели.

И в путь!
 Отдохнувшая пляшет
 Пристяжка, дымясь куржаком.
 Вдали за околицей машет
 Ночная метель рукавом.
 Ямщик засвистел:
 – Эй, родные!..
 В лицо брызнул колкий снежок.
 И снова в потёмки России
 Ввинтился скрипучий возок.
 Стихии бурлящая воля.
 Метелей крылатых полёт.
 Ещё одно поднято поле,
 Где знание людское взойдёт.
 Не сразу, не скоро –
 Подспудно
 Созреют добра семена.
 Пока ещё спит непробудно

Державы родной глубина.
Салонные кончились споры.
За дело другие взялись.
Дымком динамитным террора
Пахнуло из дальних столиц.
Проклятие вечных вопросов.
И в них было русское всё:
Иль бомбы бросать под колёса,
Иль делать всю жизнь колесо?..
Мучительный гнёт самовластья
Придуман иль сам он возник?..
О скорбное русское счастье –
Сжигать свою жизнь для других!
Не всем пьедестал эшафота
Достался. Немало людей
Сожгла беспощадно работа,
Чтоб стало в России светлей.

-3-

Умыла февраль непогода,
И месяц взошёл молодой.
И стал посылать на работы
Своих мужиков волостной.
Повинностью всех наделили,
Хоть ругани было и слёз.
Но в двадцать саней снарядили
Для вывоза леса обоз.

По зимней дороге не тряско
Катили с бугра на бугор.
За каждой торчал опояской
От холода синий топор.
За пазухой хлеба краюха.
На дровнях верёвка, пила,
И мягче лебяжьего пуха
Охалка соломы была.

Просторно!..
И взгляд не охватит
Всю ширь. Голуба высота.
Снегов самобраная скатерть
Смотри, хоть ослепни, пуста.
Лишь копотью чёрной вороны
Осели в седой березняк.
И воздух, промёрзший до звона,
Скрипел на зубах, как наждак.
Подроста елового ровня
Взбежала на белый бугор.
Катили крестьянские дровни
В Присурье, в откупленный бор.

Неяркой латунной жестью
Закат застелил синий снег.
Крестьяне приехали к месту
И встали гуртом на ночлег.
Умяли лаптями поляну,
Костры развели – и вповал.
Наутро лесник им деляну
Деревьев мелком отсчитал.
За лесом вдали заалелась
Рассвета туманная гарь.
Они кипятком согрелись,
Ржаной пожевали сахарь.

Чтоб не быть за душу в ответе,
Подальше коней отвели.
Деревья, литые из меди,
Гудели натугой земли.
В сосне, золотой и дебелой,
Старшой остриём топора
Зарубку широкою сделал,
Потрогал рукою – пора!

Примета старинная: сосны
Валили, когда из корней
Густой и янтарный, как солнце,
Сок двигался в перья ветвей.
Столетиями срубы не гнили,
Держались и в мокреть, и в стужу.
И церкви, как лебеди, плыли
Над Русью, и ныне плывут.

В мужицкие лица смолисто
Живицей пахнула кора.
Запела протяжно и чисто
В руках голубая пила.
– Ну, с богом!
И острым разрезом
Вошли в древесину с боков.
И запричитало железо
В руках молодых мужиков...
– Пошла!

– Берегись!

Покачнулась
Земля.
Отшатнулся мороз.
Сосна до корней содрогнулась
И пала, ломая подрост.
И грохот пошёл по чащобе,
Тяжёлый, как медь, громовой.
Сохатый споткнулся в сугробе
И молча потряс головой.
Медведь потянулся в берлоге
И мох под бочину подгрёб.
Над лесоповалом сороки
Трещали по-бабьи, взхлеб.

– С почином!..
И в воздухе стылом,
Давясь древесиной, вразмах,
Качнулись певучие пилы
В надёжных мужицких руках.
И двадцать стволов враз упало.
И вздрогнул от грохота лес.
Лоснился,
Как жёлтое сало,
Исчерченный кольцами срез.
За комель петлёю – и в волок
Под хриплые выплески слов.
Морозные искры иголок
Посыпались с конских боков.
По вагам катали на сани
Тяжёлые брёвна. Обоз
Сполна нагрозили. В тумане
Три солнца сулили мороз.
С них наземь текла позолота
Процеженной стужей с небес.
Поели, и снова работа:
Везти заготовленный лес.

Истёрта спина, в кровь избита,
 Но надо тянуть, коль велят.
 Упёрлась в четыре копыта
 Кобыла, а дровни стоят.
 Мужик навалился. Полозья
 Скрипуче запели, пошли.
 Простором пахнуло морозным.
 Вечерние тени взросли.
 На небе взошла самосевом
 Звезда, как цветок на лугу.
 Дорожным синичьим напевом
 Свистели полозья в снегу.

- 4 -

Заботы, тревожные думы...
 Ульянов работой горел.
 Скупы подотчётные суммы,
 А столько задумано дел!
 Крестьянство бедно, а помещик
 Уж сыт либеральной игрой,
 Да мало ль в России есть трещин,
 Куда утекает добро?..
 В обычае кражи и взятки
 (Пример как из нынешних дней).
 За что бы ни взялся – нехватки:
 Ни денег, ни нужных людей.
 Спасенье – листы подписные,
 На дело годился и грош.
 Щедро добротой Россия,
 Но много ли с нищих возьмёшь?..
 Крестьянин долгами стреножен.
 Никак не возьмёт себе в толк:
 Всю жизнь проработал
 И должен.
 И внукам останется долг.
 А век-то мужицкий недолог,
 Сорвал пуповину – остыл.
 Но поп, как любой идеолог,
 Всем вечное счастье сулил.
 И с миру по нитке, что голым,
 Жалея крестьянских детей,
 Собрали на новую школу
 Почти сорок восемь рублей.

Ульянов прикинул расходы –
 Пособия, парты, доска...
 Не раз подсчитал все работы
 На жёлтой осьмушке листа.
 За свой счёт община построит,
 Она ж педагога наймёт...
 И нет от раздумий покоя,
 И в голову сон не идёт.
 Закроет глаза он –
 В тумане,
 Как спелый подсолнух,
 Пред ним
 Встает невеликое зданье
 С шатровым
 Крылечком резным.
 Вкруг гомон, ребячий, весёлый.
 В цветке золотится пчела.
 Таковую построй бы школу,
 Чтоб дома роднее была!

Не спится.
 Поднялся с кровати.
 К столу подошёл, торопясь.
 И начал в рабочей тетради
 Чертить всё, что видел сейчас.
 Не то.
 Зачеркнул.
 Постепенно
 Из плена бумажного ввысь
 Прозревшие окнами стены
 С крылечком резным поднялись.
 Вкруг дома вставала ограда,
 За нею и пчельник, и сад.
 Наличников ярких оклады
 Резьбой оживили фасад.

Чертёж получился отменный.
 Илья Николаевич встал.
 Окно распахнул.
 Белопенный
 Сад тихо во сне бормотал.
 Весна.
 Жизнь как будто в начале.
 Душа не грустит о былом.
 Все зимние смывы печали
 С земли торопливым дождём.
 Ещё только жизни середка.
 Есть силы и пыл молодой.
 Судьба, словно утлая лодка,
 Над тёмной летит глубиной.
 Тяжка просвещения пашня.
 Он знал всю её без прикрас.
 Часы городские на башне
 Пробили предутренний час.

- 5 -

Отсеялись.
 Вешний Никола
 Отпразднован шумной гульбой.
 Пора приниматься за школу,
 Решили на сходке гурьбой.
 Лес, сложенный загодя в штабель,
 Подсох на весенних ветрах.
 И струйки смолистые капель
 Желтели на круглых боках.
 Ударишь в бревно – колокольно
 Гудит древесина, что бас.
 Директор училищ довольно
 Глядел на сосновый запас.
 Лесины, пахучи и прямы,
 Лежали пред ним, во весь рост.
 С зимы заготовили рамы,
 И краску, и гвозди, и тёс.
 И место нашлось, где не тесно –
 На взгорке, у самой реки.
 Артель подобрали из местных,
 Степенные все мужики.
 Из тех, кто прошёл с топорами
 До волжского низа всю Русь,
 И в каждом построенном храме
 Все помнил венцы наизусть.
 Такие, коль надо, вслепую
 Построят игрушку избу.
 Одним топором золотую

Развезят с карнизов резьбу.
Наточат игривых балясин.
Отхолят перила не раз.
Стоит дом,
Как чудо прекрасен,
Народной душой напоказ.

Крестьянин на все руки мастер.
Гонялся годами, спеша,
В отходных работах за счастьем,
Да так не нашёл ни шиша.
Но эта работа не барам,
А вся для своей ребятни.
Работали плотники даром
Для мира, где жили они.
А труд веселее свободный.
В нём что-то от детской игры.
Скатали бревно поудобней,
И взяли его в топоры.

Сосну раздевая, железо
С причмоком стреляло щепой.
И рдели сосновые срезы,
Крутой наливаясь слезой.
Затенькали звонкие пилы,
В сухую вгрызаясь кору.
Работы крылатая сила,
Как праздник, красна на миру.
Работали жарко, торопко,
И брёвна пошли нарасхват.
Нашлись добровольцы
На копку – не мало.
Все тридцать лопат.
Стояли вокруг, бородами
Уткнувшись в махорочный дым,
Пока размечали фундамент
Ульянов с артельным старшим.
Разметили. Сразу за дело
Взялись мужики –
Не оброк.
Светлея, железо скрипело,
Вгрызаясь в лежалый песок.

Азарт (нет запальной завода!)
Зажёг всех, горят мужики.
Нашлась и мальчишкам работа –
Бульжник таскать из реки.
Несли, кто охапку, кто горстку –
Любого старшой привечал.
Илья Николаевич тёзку,
Оглоблина, сразу узнал.
Илюшка директора вспомнил,
Но что-то невесел, смурной.
Ульянов услышал, что помер
Отец мальчугана весной.
Непросто семье без кормильца.
Пять братьев, сестрёнки – орда!
Бесхлебьем обсосаны лица,
В глазах застоялась беда.
Навряд ли придётся Илюшке
Учиться. Заест парня жизнь.
Ульянов по жёсткой макушке
Погладил и молвил:
– Крепись...
Илюшка оттаял, не букой

Глядел, а надеждой светясь.
– Я выучил целых три буквы,
И все напишу хоть сейчас!
Присели на брёвнышко. Мигом
Стопнулись ребята вокруг.
Ульянов взял детскую книгу
И начал читать её вслух.
Притихли и слушают вечный
Рассказ о победе добра.
Звук радостной пушкинской речи
Дошёл до глухого угла.
Сияло волшебное слово,
Проклюнулся знаний росток.
Под стук топоров в школе новой
Ульянов дал первый урок.

День гнал по земле волны света.
Рад жизни был каждый листок.
Приспело и время обеда.
И все потянулись в тенёк.
Расселись по кругу.
Артельный
Махнул кашевару – давай!
Пошли по рукам миски с кашей
И хлеба тугой каравай.
И первая гостю – обычай.
Ульянов приветно кивнул.
Уж тут не до светских приличий,
И миску в колени приткнул.
Молчат, только стук слышен ложек,
Да всплески ветвей, будто крыл.
Ульянов покушал и ковшик
Кваску молодого испил.
И вновь разговоры о деле
Пошли без подначек, всерьёз.
– Закончим к Петровской неделе...
– Нам неча тянуть – сенокос...
Высокое солнце в накале.
Над пашнями марева дым.
Опять топоры застучали
По брёвнам от зноя тугим.

- 6-

Всё сделали, как порешили.
Чуть лето успело остыть,
Всем миром его пригласили
В деревню, чтоб школу открыть.
И снова дорога!.. В укладке
Нехитрые школе дары:
Всемирная карта, тетрадки
И книжки для всей детворы.

Мелькали тележные спицы,
Грязь брызгала из-под копыт.
Летели осенние птицы
Над родиной, плача навзрыд.
Стояли деньки золотые.
Листва облетала с берёз.
Волнуясь, прощалась Россия
С порою цветенья и гроз.
От зябких дождей проржавели
Зелёные крыши лесов.
И чувства иные прозрели
К отчизне – печаль и любовь.

И сердца коснулась, тревожа,
Листвы облетающей дрожь.
И стала родней и дороже
Земля, на которой живёшь.
Открылась душе по наитью
С природой бессмертная связь.
Пора журавлиных отплывий
И грусти, пронзающей нас!

Простор дрожкой нитью прострочен
Станиц, уплывающих в синь.
И горечью пахла с обочин
Седая, как пепел, полынь.
Ворона взлетела с разбега.
Зайчишка метнулся в кустах.
И ходко катила телега
В просторных осенних полях.

Хлеб убран. Стерня золотилась.
И шла в деревнях молотба.
Была умилённая милость
В земле, подарившей хлеба.
Над током пыльца обмолота
Клубилась под гомон цепов.
Журчали, заждавшись работы
Литые круги жерновов.
Деревня считала прибитки
И сколько налогов отдать.
Остатка лишь только
На нитки хватало,
Чтоб рвань залатать.
Царю, господину и Богу,
Хоть сдохни, но доли отдай...

Ульянов смотрел на дорогу
На милый затерянный край.
День тихо катился на убыль.
Темнел на деревьях раскрас.
Вдали вспыхнул храмовый купол,
И речка блеснула, змеясь.
Илья Николаевич зорко
Вгляделся...
– А вот и она!..
У речки на ровном пригорке
Стояла в четыре окна.
Домов деревенских повыше
С широким крылечком резным,
Под светлой тесовою крышей
Возникла вдруг школа пред ним.
Вкруг чёрный лоскут огородный,
Под ивами мельничный пруд.
Вздохнулось легко и свободно
От счастья, омывшего грудь.

СКАЗ ПРО МОСКОВСКИЙ ТРАКТ

Изъезжен тракт,
Разбит колесами.
Вороны. Выводки галчат.
Деревья старые вопросами
Вдоль по обочинам стоят.

Прошли года. Над перестарками
Всё то же солнце, звёзды те ж.
Стоят берёзоньки огарками
Былых раздумий и надежд.

А тракт изрезан буераками,
Давно распахан кое-где.
Шумит налившимися злаками,
Пшеницу нянчит в борозде.

Он много за век перевидал
Людского счастья и невзгод.
И столько русских песен выдумал,
Где воли чудится полёт!

И здесь, под ветками пониклыми,
Не счесть людских могил и слёз.
Но жизнь уже другими нитками
Давно прошита и насквозь.

Остался старый тракт изъезженный,
Что от колёс давно остыл.
Куда он вёл? Какой надеждою
В потёмках путника манил?..

Метнётся птицей мысль встревоженно.
Качнётся вихря пыльный столб.
Шумят берёзы придорожные
Над русской памятью взахлёб.

СКАЗ ПРО КАМЕРГЕРА ПОЛИВАНОВА

Лесов осенних панорама
Открылась мне и тешит взгляд.
Сухое лиственное пламя
Вкруг охватило Акшуат.

Село раскинулось в долине,
Горой укрывшись от ветров.
И в палисадниках рябины
Пылают отсветом костров.

Вокруг, куда ни глянешь, злато.
Наверно, правду говорят,
Что Поливанов здесь когда-то
Зарыл для нас великий клад.

Не проиграл, не растранирил
На мягких девок и борзых,
А память добрую оставил
Сияньем сосен золотых.

Деревья эти старше века,
Но до сих пор ещё растут.
И всё бессмертье человека
В том, что дела его живут.

СКАЗ ПРО ЮНОГО ВЛАДИМИРА УЛЬЯНОВА

-1-

Прошёл легчайший дождь,
Почти неуловимый,
И радуга воздвигла зыбкий мост.
Трава курится вогловатым дымом,
Чуть розовым от зноя и стрекоз.
И вспыхнувший цветеньем
Куст сирени
Дымится тоже, хоть и не промок.
Над Волгою в неясном отдалении
Пошаливает радостный громок.
И стая голубей над парком кружит,
И падает на землю с виража.
И важно ходят голуби по лужам,
И воду пьют глотками, не спеша.
Они взлетают хлопотливым роем,
Меня крылами не задев едва.
Сегодня на земле всё молодое:
И гром, и дождь, и солнце, и трава.

-2-

Его весна назад тому столетье
Была такой же юной, как сейчас.
И соловьи трубили о победе
Любви к всему, что окружает нас.
Клубился мёд сиреневых туманов.
Стучали ветви клёнов по окну.
Входил, волнуясь, молодой Ульянов
В открытую ветрам свою весну.

Семнадцать лет!
Судьба на ярком взлёте,
И в сердце ощущение крыла.
На грозном российском небосводе
Его звезда высокая взошла.
Пускай она, неведомая миру,
Лишь для него горит в кромешной мгле,
Он ощущает радостную силу
В себе самом и молодой земле.
Ещё чуть-чуть и будет брошен жребий,
Что мир расколется через тридцать лет.

За вешней Волгой, отражаясь в небе,
Вставал, играя, радужный рассвет.
Открыли церковь. Нищие старухи
На папертях с протянутой рукой.
Симбирск чадил угаром летних кухонь
И терпко пахло молодой травой.
Прогрохотал исправник на пролётке,
Как будто идол, деревянно прям,
Прошёл, дырявой хлюпая подмёткой,
В кабак родства не помнящий Иван.
Швейцары двери драили присутствий,
Зевал судья, читая приговор,
И заводил с клиенткой об искусстве
Галантный парикмахер разговор.

Симбирск вставал, весь в колокольных звонах,
Весь благолепный, истовый как встарь.

Он был одной из многих ножек трона
На коем восседал российский царь.
Царь был для всех – и божий гром, и милость,
Паря над миллионами голов.
И паутины власти все сходились
В когтях бездушных гербовых орлов.
Сословия, чины... Кругом ранжиры
Указы циркуляры, рапорта.
Битком набита каторга Сибири.
Разлома обозначилась черта.
Народовольцы – молодость и совесть,
Чья вера – лишь один прицельный взрыв.
Не понаслышке знал он эту повесть,
А сердцем и умом переварив.

Саднила память, горечью распята.
Рыдания мамы и сестёр испуг.
Ульянов помнил день ареста брата,
И сквозняковый холодок вокруг.
Косился лавочник, отвешивая сахар,
Судачили соседи шепотком.
На тротуаре взвизгивала плаха
Под полицейским жёстким сапогом.
У дома день и ночь в засаде сыщик
Сидел – как бы чего не просмотреть.
Ульянов знал: неумолимо рыщет,
Круги сужая, возле брата смерть.
Он заточен в пучину каземата
И отказался бить царю челом.

А здесь, в Симбирске, яблонька крылато
Плескалась под Володиным окном.
Запел скворец, сверкая антрацитно.
Жизнь совершала свой весенний взлёт.
И за Свягой – с косогора видно –
Работал на полях простой народ.
Скрипели сохи. Надрывая жилы,
Тянули с хрипом баржу бурлаки.
И тощие коровы воду пили,
В трясине увязая, из реки.
Он был не в силах радоваться маю.
Ему судьбы чуть приоткрылась даль.
Его вырослила, душу остужая,
Недетская холодная печаль.

-3-

Куда пойти?..
С кем поделиться болью?
Мать рядом с Сашей,
Нет в живых отца.
Запруженная арестантской голью,
Вскипала гулко улица с конца.
Косил лиловым глазом конь горячий,
Конвойный офицер крутил усы.
Совала бабка каторжным калачик,
Как повелось от века на Руси.
Владимир жадно всматривался в лица.
Кого ни привели сюда пути!
Вот два студента, может, из столицы?
Спросить про Сашу... Но не подойти.
Гонимый люд шёл, спотыкаясь, в гору,
Сквозь толпы обитателей градских.
Хотелось отшатнуться от позора
Своей страны, но он смотрел на них.

-4-

Над городом весны звенело знамя.
 С Венца дул лёгкий ветер – ласковой.
 Над крышами домов, над куполами
 Кружился май на крыльях голубей.
 Шумело монастырское кладбище
 Вороньим граем, молодой листвою.
 И словно на родное пепелище,
 Пришёл Владимир к стеле гробовой.
 Тот день вставал в сиянии немилком.
 Народ всё шёл и шёл издалека.
 Под синим генеральским вицмундиром
 Остановилось сердце мужика.
 Отец лежал в гробу, прямой, лобастый.
 Сторонник дел. Противник болтовни.
 Он был педагогических дел мастер,
 Учитель и наставник ребятни.
 Под шум дождя и всхлипывание вьюги,
 Не думая про званья и почёт,
 Он объезжал Симбирскую округу
 И все деревни знал наперечёт.
 Курные избы, рощицы, пригорки.
 Серп полумесяца, сияние креста.
 Папузы, Курослепки, Домосёрки –
 Беспамятные дикие места.
 Сквозила бедность русских, инородцев
 Из каждого дремучего угла.
 За ним вставали школы как колодцы
 С живой водою знания и добра.
 – Отец, отец...
 Мы – пасынки отчизны, твои сыны...
 (О, как земля молчит!)
 К чему ни прикоснёшься в русской жизни,
 Умом иль сердцем – всё кровоточит.
 Не оступиться б, что найдёшь, не знаешь.
 Ведь на Руси, как будто в сказке той:
 Пойдёшь налево – совесть потеряешь,
 Пойдёшь направо – голова долой.

Вороний грай шумел над тополями,
 Земля молчала под родным крестом.
 Но знал Владимир, что пойдёт он прямо.
 Своим, ещё не тореным путём.
 Пройдёт сквозь испытания на ощупь,
 В бореньях прозревая, чтоб потом,
 В семнадцатом, рванула штурмом площадь,
 Всё обрекая на распыл и слом.
 Земля молчала, но ударил ветер,
 Взыграла в небе света полоса.
 Цепляясь за верхушки старых ветел,
 Шла на Симбирск весенняя гроза.

СКАЗ ПРО БАРЫШ

В березняке задумчивая тишь.
 Сосновый бор едва шумит устало.
 «Симбирская Швейцария» – Барыш –
 Вступает грустно в пору листовала.

Старинный край!
 Он русским стал давно.
 Был некогда украинным, дозорным.
 В его деревнях каждое окно
 Украшено наличником узорным.

Загадочный языческий мотив,
 Подумать если, вовсе не случайный.
 Как заклинанье, каждый в нём извив
 Ещё дохристианской дышит тайной.

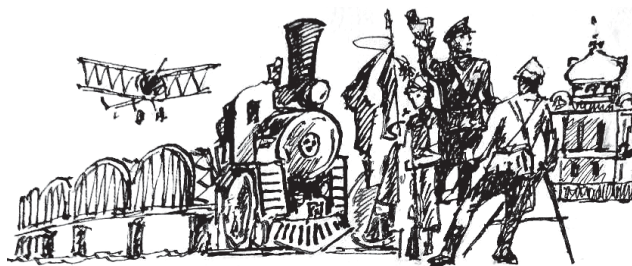
Здесь испокон веков жила мордва,
 Упрямое, загадочное племя.
 В узорах зашифрованы слова.
 Их для потомков сохранило время.

С берёзы соскользнул печальный лист,
 Напоенный осенним жёлтым светом.
 Люби свой край, храни его, трудись,
 Рожай детей – разгадка только в этом.

Нам предки передали эту весть,
 Живущим ныне, письменами крова.
 Языческое солнце, Божий крест –
 Судьбы незамутнённая основа.

Глава 12

СКАЗ ПРО НАЧАЛО ДВАДЦАТОГО ВЕКА

* * *

Век начинался молодо,
 С верой в лучшую жизнь...
 Аэроплан над городом,
 Как этажерка, завис.

Первые телефоны,
 Беспроводной телеграф.
 Думские пустозвоны.
 Поиски воли и прав.

Хоругви, кресты, иконы.
 Деревни, пьяные вдрызг.
 Маршевые батальоны
 На фронт провожал Симбирск.

Первые поражения.
 В петлицах траурный креп.
 Первые повышенья
 В лавках цены на хлеб.

Грозные забастовки.
 Бунта кровавые дни.
 В руках у толпы винтовки.
 Боже, Россию храни!

Это – лишь только начало
 Отсчёта счастливых и бед.
 Всё это памятью стало
 Белой и красной на цвет.

СКАЗ ПРО РОМАНОВСКИЙ МОСТ

И при царизме строили мосты,
Почти вручную, накрепко и споро.
Всё на заклёпках – балки и листы
Железные. Гранитные опоры.
Река катилась медленно на юг,
Степенно огибая крутояры.
Звучал кувалд могучий перестук
И по воде был слышен до Самары.

Четыре года стройки колесо
Работало без усталы и лени.
И град Симбирск смотрел на это всё
С обломовским вполне недоуменьем.
Он всё к себе примеривал, решал,
Но будущего всё-таки не ведал.
И скоро на всю Русь такие беды
Пришли, что их никто не миновал.

Пока же год шестнадцатый.
Оркестры
Играют марши, трубы вверх задрав.
К мосту впритык походкою железной
Подходит испытательный состав.
Локомотив упрямой силой пышет.
Бушует в топке яростный огонь.
И мост, как материнская ладонь,
Над Волгою состав едва колышет.

СКАЗ ПРО ПЕРВЫЙ В СИМБИРСКЕ ПАРОВОЗ

Волжане шумною толпою
Толкали в гору паровоз.
А тот всей тяжестью литою
Тянул ватагу под откос.

Но устояли симбиряне.
Потомки мощные стрельцов.
И в гору леший окаянный
Был завезён в конце концов.

И весь Симбирск на чудо-юдо
Смотреть сбежался, рты открыв.
И вот парадная минута –
Стрельнул гудком локомотив.

Затем он пыхнул клубом пара
И чёрный дым пустил в трубу.
Зажглась прожекторная фара
В его крутом и медном лбу.

В Симбирск век пара и железа,
Взамен сохи и топора,
Пришёл. Радетели прогресса
Вскричали радостно: «Ура!..»

Лишь некий скептик со значеньем
Сказал, увидев паровоз:
– Он к нам не жизни облегченье,
А революцию привёз.

СКАЗ ПРО ЗЕМЛЮ

Спит мещанский Симбирск,
Февралём убаюкан –
Обещаньем свободы,
 раздела земли.

Отшумела в садах
Листвяная осенняя вьюга,
Ледяные зазимки
На зелень отавы легли.

Гулко грянул Октябрь –
Революции огненный праздник.
Будоражит страну
Обновления жуткая новь.
Но Симбирск молчалив,
Монастырский, лабазный,
С кистенём под полой,
Ошалевший от яви и снов.

Мыслят люди с деньгой:
Лучше пусть верховодят эсеры.
Совнаркомия Питера
Нам, волгарям, не указ.
Наша местная власть
Вся купеческой веры.
Их мы знаем насковзь –
Покупали не раз.

Спит мещанский Симбирск,
Но в казармах шумят о свободе
Те, кто с вошью окопной
Был три года на ты.
И пять сотен рабочих
Бузят на патронном заводе.

И крестьянин ко лбу
Поднимает щепотью персты.

Он ещё не опомнился,
В строки вчитавшись декрета,
Что в обмотке привёз
С галицийского фронта шабёр:

– Надо землю делить!
Неча ждать учредилки и лета.
Не помогут слова,
Так поможет топор!

Он молчит,
Но «люблю» сердце шепчет земле.
И мозолят глаза
Гребни потных борозд.
До рабочей зари
Мужику будут в мареве сниться
Неба край,
Да копыта,
Да взмыленный хвост.

Он приникнет к земле,
Задохнётся от жара,
От затаённого
В почве огня.
Буйно щедр

Чернозёма опара,
Насквозь пропотевшая,
Будто холка коня.

Дождь пойдёт по земле,
Пашню каплями тыча,
Ярый дождь, что ждала
Вся земля
Столько дён!
И сорвутся к земле
Струи
Сотнями тысяч
Тугоскрученных ветром
Золотых веретён!

Как желанно мила
Зеленям эта пряжа,
Оживляюще-сладкий
Весенний поток.
И потянется к солнцу
Хмельно и протяжно
Зеленоклювый
Дрожащий росток...

Золотое зерно
Защекочет ладоней мозоли.
Зажурчат жернова,
Сладко в ноздри пыля.
Не мечтает мужик
О другой, лучшей доле:
Лишь бы стала своею
Навеки земля.

СКАЗ ПРО ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Светлый день – воскресенье!
Рынок в Симбирске
Колобродит, как стачка,
Мычит и визжит.
Из-под круга точильного
Сыпятся искры.
И заря кровянит
Голубые ножи.

Любит сердцем точильщик
Работу хмельную,
От которой земля
Закачается вдруг,
Когда вопьётся
Взасос, в поцелуе,
Нож заголяшный
В наждачный круг!

Тоци, пролетарий,
Косы и вилы,
Коли, окунай
В родниковую студию!
Земля раскрутилась
Гудящим точилом –
Вылетел в небо
Млечный путь!

Рынок в Симбирске
Шумит, колобродит.
Из уха в ухо слушок течёт:
– Керенки больше, того,
Не ходят.
Только царь – золоту
Вечный почёт.

В руках у кого-то
Мелькнула газета.
Споры.
И некому речи пресечь.
– Быстро новая власть
Производит декреты.
– Как блины их печёт.
Как бы рот не обжечь.
– Кто их знает?
– Там Питер, Советы.

Здесь начальство и баба.
Я лучше на печь.

Как огонь в самокрутках,
Имя пыхает:
– Ленин. Ульянов.
Пожилкой старожил
Мужикам из Тагая внушал:
– Это наш, симбирянин,
Без всяких обманов.
Я его самого
И отца его знал.

– Это надо ж! –
Качали вокруг головами.
– Наш, симбирянин!
А может, ты врешь?..
– Я тогда промышлял
В их порядке дровами.
Брехуном не дразнили.
Неужто похож?..

– Ну, и как из себя он?
– Кто?
– Ленин тот самый.
– Был смиренный мальчишка,
Но взглядом востёр.
Волосы будто лампадное пламя...
– Ты гляди, а докуда допёр.
– Чай, из богатых?
– Какое богатство.
Домик, сад,
Ребятни полный двор.

...Рынок,
Стихнув,
Внезапно звереет от ора.
Плещет смрадная ругань
Из глоток, как дым.
Ловит скопом толпа
Карманника вора.
Наземь свалив,
Нависает, как туча,
Над ним.

Смертью пахнуло,
Могильной землёю.
Жизнь встрепенулась,
Почуяв провал...
Воздух густой
Разорвал над толпою
Выстрел, и с крыш
Воронье посдувал...

Рынок отпрянул,
Немой от испуга,
Чтоб обернуться
И вызверить лик.
Ноги расставив
И подняв руку,
Встал на телеге
В шинели мужик.
Рядом ещё.
Но негусто, с ползвода.
Крепкие парни.
Винтовки, штыки.
– Граждане!
Власть в руках народа!
Правят Россией
Большевики!
– Сам-то ты кто?..
– Я пришёл от Совета,
Чтобы отдать правду Ленину
Вам:
В своих деревнях
Создавайте комбеды,
Землю делите
По головам!

– Мы бы ничо,
Да чего бы ни вышло...
– Хватит, слезай!
Что пустое брехать?

– Уши развесили:
К новому дышлу
Всех вас привяжут,
И ну – погонять!..

– Хватит, как малых детей
Нас баюкать!
– Эх, мне бы, батя,
Винтовку да штык.

– Бери в намозоленные
Мослатые руки
Плуг революции,
Русский мужик!

Трудно и страшно
С духом собраться.
Мужик всё примерит
Не раз и не пять,
Прежде чем бунтом
Пойти на богатство
И на господ
Свою руку поднять.

А точильщик всё точит,
Камень кружится.

От весёлой работы
Трепещет душа.
И сыплются искры,
Как перья жар-птицы,
С раскалённого кругом
Голубого ножа.

СКАЗ ПРО ГОЛОД В ПОВОЛЖЬЕ

Клубился зной,
Колючий, злой.
Желтело небо, как рогожа.
Сграбастал голод пятернёй
За глотку нищее Поволжье.

Смерть шла по выжженным полям
Тенями рваными пожара.
И кровью наливался шрам
На детской шее комиссара.
Угрюмо заседал комбед.

Бесхлебье обсосало лица.
И падал из окошек свет
На злые острые ключицы.
Крик петушиный.
Выстрел. Стон.
Скрипят ворота, как протезы.

Клокочет в глотках самогон.
Лежат за пазухой обрезы.
Огнём обкусанный забор.
Голов отъятых позевота.
Скороговорка пулемёта.
И пуля разрешала спор.

СКАЗ ПРО ЗЕМЛЕМЕРНУЮ САЖЕНЬ

Голенаста, как аист,
Мозолины глаже,
Вымахав,
Тысячи пашенных вёрст,
Висит на амбаре
Старинная сажень,
Деревянные ноги
Топыря вразброс.

Сделал её,
Когда был ещё в силе,
Дед,
Воротившись с Гражданской домой.
Землю
Навечно крестьянам делили,
Счастьем ржаным
Одаряли с лихвой.

Путаясь в полах
Пробитой шинели,
С саженью шёл он,
Спеша со всех ног.
Землю делил мужикам
И артели,
Мощностью в шесть лошадёнок и сох.

Всех наделил
И запрягся в работу.
Залежь ломал
И в отход уходил.
Чтоб прокормить десять ртов –
Всю голоту,
От зари до зари
Выбивался из сил.

Как она пахла,
Родная земляца,
Плугом обласкана.
Вся в зеленях,
Вот и досталось судьбе
Распрячиться,
Больше не чудился
Голод и страх.

Малость окрепнув
К тридцатому году,
Думал,
Что дальше помчит рысаком.
Но для крестьянства
Другую свободу
Выдумал вождь
В кабинете своём.

Так зануздали –
Не брыкнешься даже.
От мужика
Отшатнулась земля.
Снова ладони
Мозолила сажень,
Пашню для нового счастья деля.
Тем, кто покрепче,
Под самые срубы
Землю обрезали,
Что негде встать.
Медные трубы
И чёртовы зубы –
Всё это им
Предстояло узнать.

Сбрую снесли,
И скотину согнали
В общий загон.
Сочинили колхоз.
Этих сослали.
Этих избрали.
Этих молчком отнесли
На погост.

Новая жизнь
Стала тише и глаже.
Думать не надо,
Коль всё решено.
Мерила труд
Бригадирова сажень.
Время катилось.
Куда? – всё равно.

Русская доля,
Судьба ножевая!
Горечь утрат.
И забвенья трава.
Только застонет душа,
Прозревая,
В горле занозой
Застрянут слова.

СКАЗ ПРО АРКАДИЯ ПЛАСТОВА

Он был художником от Бога
И сыном Родины своей.
Искусством праведно-высоким
Очеловечивал людей.

И от картин его исходит
Простой и ясной правды свет.
Он для народа жил в народе,
И разделил с ним ужас бед:

И революции, и голод,
И весь российский перетряс,
Когда ковал репрессий молот
Меч справедливости для нас.

И в красоте его полотен
Сияла будущая жизнь.
Он был воистину народен.
Ему крестьянский коммунизм

Всегда был по сердцу...
Но время
Пришло: ни мира, ни войны.
И возросло другое племя,
Другие внуки и сыны.

Другая жизнь, чужое счастье
Смущает сказками народ.
Сменилось многое, но Пластов
В своих полотнах не умрёт.

Он был художником от Бога
И сыном Родины своей.
Искусством праведно-высоким
Очеловечивал людей.

Глава 13

СКАЗ ПРО
ПОЛЕВОЙ ОДУВАНЧИК

Я помню,
Как я – тот далёкий мальчик,
Каким-то чудом выживший в войну, –
Держу в руке
Поспевший одуванчик
И слушаю живую тишину.

Вокруг меня,
Древнее, чем былина,
Лежит до неба звуками полна
Просторная
Столовая равнина,
Нетронутая плугом целина.

Полынь горчит,
Татарник пахнет мёдом.
Степные травы встали в полный рост.
Следят за грозным
Ястребиным взлётом
Перепела испуганные с гнёзд.

В лицо летит
Полынный терпкий ветер.
Вдали клубится смерчевой поток.
И простодушно веруя в приметы,
Держу в руке я сорванный цветок.

Он вырос
Под степным горячим небом.
И, как дымком, окутан был пушком.
Его упругий
Чуть шершавый стебель
Был переполнен горьким молочком.
И сердцем,
Не обманутым ни разу,
Я верил слову каждому тогда,
Что если сдую
Все пушинки разом,
То воплотится в явь моя мечта.

Но я не знал,
Когда пух разлетался,
Ни жизни, ни её добра и зла.
Мой детский мир бесхитростный
Кончался
В те годы за околицей села.

Мой дивный мир:
Землянки, огороды,
За ними даль без края и конца.
Здесь я набрался
На всю жизнь свободы
И запахов пьянящих чабреца.

Я видел всё
в сиянии Победы,
И подвига народа на войне.
Я, как и все,
Не думал и не ведал,
Что лишь полвека жить моей стране.

Вокруг кипела
Праздником работа,
И время густо свадьбами цвело.
Уставшее
От войн и недорода
О близком счастье грезило село.

Добро и зло,
Надежды и сомненья,
Как остро это всё переплелось
В моём таком наивном
Поколение...
И мне пора о нём сказать всерьёз.

Мы – сыновья времён
И чувств железных,
Когда войною шёл на брата брат.
С тех пор страна
Колеблется над бездной,
Из душ никак не выгорит разлад.

Не правда, нам страшна...
Кровь заблуждений духа
Уж скоро век, как гложет совесть нам.
И либеральный бред,
Усталость и разруха
Надолго стали свойственны умам.

И нет замены
Рухнувшим кумирам.
В почёте только злато-серебро.
Нас ждёт война самих с собой и миром,
Который ополчился на добро.

И я уже не тот наивный мальчик.
Познавший нашей жизни виражи,
Я вновь срываю
Пыльный одуванчик
И вдаль гляжу с опуханной межи.

Шатается,
Кипит пшеница в поле,
Спешит волнами спелыми ко мне.
И, как осколок

Дивной детской воли,
Кружит над степью ястреб в вышине.

До ясных звёзд
Набито небо громом.
От высоты захватывает дух.
Сдувает гулкий рёв ракетодома
С цветка белёсый невесомый пух.

СКАЗ ПРО РАСПАД СССР

Шумят окраины. Кичливые призывы
Спят умы. Уже пролита кровь.
И только лишь Россия молчаливо
Взирает на безумные порывы
Былых друзей, теперь почти врагов.

Её сыны своєю кровью тушат
Пожар вражды беспамятных племён.
Былой покой и проклят, и разрушен,
От своеволия одичали души.
И пыль столбом от рухнувших икон.

Вновь начата трагическая повесть
Братоубийства, где героев нет.
На площадях бушует митинговость.
Витии верховодят. Меркнет совесть.
И на Россию пал кровавый свет.

В который раз ей выпало коварства
Терпеть от тех, кого она спасла
Своим мечом от унижений рабства,
От гибели, и, подав руку братства,
Как равных за собою повела!

Но что им Русь? Что отчие святыни?
Что братские могилы на полях?
С Россией им не по пути отныне.
Так пусть идут туда, где кровь и страх.

Что их держать, коль всё им здесь немило?
Пусть торжествуют – рушится Союз,
Горит, как коммунальная квартира...
А Русь пойдёт стезёй добра и мира,
Не оскверняя злым словом уст.

СКАЗ ПРО ЯЗЫКОВО

На всем печаль,
На всем печать разрухи.
По улицам сухую пыль метёт.
Но раз в году
Здесь торжествуют звуки
Поэзии... И праздничный народ
Вступает в парк
Под лиственные своды.
Гремит оркестр,
Потом звучат слова,
Что в прежних временах,
Мол, не было свободы,
А нынче есть и вольность, и права.

Святая незатейливая ложь!
Другие мы, чем Пушкин и Языков,
В нас много подъяремного. И всё ж
Мы до тех пор народ,
Пока святые лики
Поэтов освящают каждый год
Старинный парк.
Развалины седые,
Родник и пруд
И праздную толпу.
Ещё жива глубинная Россия,
Что знает правду, веру и судьбу!

Другие мы.
И лишь земля и корни
Связуют нас с минувшим.
Да с высот
Небытия,
Заоблачных и горних,
Поэт всем знак участия подаёт.

СКАЗ ПРО ЖУРАВЛЯ В НЕБЕ

Журавль прокурлыкал прощально.
Деревья притихли во мгле.
О Господи!.. Как всё печально
Сегодня на Русской земле.

Шумит на священных могилах
Сухой и полынный бурьян.
О Господи!.. Будем ли в силах
Развеять хулу и обман?..

Лесов золотая разруха.
Серебряно-светлый Покров.
О Господи!.. Хватит ли духа
Надежду сберечь и любовь?..

Глава 14

СКАЗ ПРО СТОЛИЦУ СИМБИРСКОГО КРАЯ

Крутыми вьюгами обшарен,
Спал город, как усталый мозг,
Разбитый на два полушарья
Рекой, что льдом сковал мороз.

Безлюдный, к полночи усталый,
Замешан круто на стекле,
Бугрясь бетоном и металлом,
Он распластался на Земле.

Но в спящем городе всё время
Был слышен тяжкий мерный гул:
Его сигнальная система
Несла бессонный караул.

В потёмках уличных извилин
Клубились смерчи снежной пыли.
Не спали сыщики утро.
Пугливый вор с добычей крался.
И слепо верящий в добро,
Во сне ребёнок улыбался.

Солдат сны видел про войну
И просыпался от бомбёжки.
И рвал сиреной тишину
Внезапный вызов «неотложки».

Шла беспрестанная работа.
Кипела срочная страда.
Взлетали в небо самолёты.
Мглу разрывали поезда.

И перекачивались громы
В кузнечных огненных цехах.
Не спали фабрики, роддомы
И часовые на постах.

Земному шару неизвестный
Не спал поэт в каморке тесной.
Стремясь постигнуть красоту,
Он вглядывался в темноту.

Ему прозренья роковые
Неизречённо душу жгли.
На стёклах окон ледяные
Цветы бестрепетно росли.

Позёмка тёрлась по-гадючьи
О стены жёсткой чешуей.
Луна, испуганная, в тучах
Летела жёлтою совой,
Как бред над тканью мозговой.

Не воплотившаяся в слово,
Как будто всадник безголовый,
Мысль по извилинам немым
Неслась под сводом черепным.

И в мутном лунном освещенье,
В клубок метельный сплетены,
Роились образы и тени
И человеческие сны,
Криво-зеркальным отраженьем
Дневных испугов и надежд
Бывалых умниц и невежд.
Фосфоресцировали бредом
Над сонным городом умы.
Под циркульным фонарным светом
Метались ключья снежной тьмы.

И нервно вспыхивали звёзды
Над мозговой корой Земли.
И в голубых глазах мороза
Цветы бестрепетно росли.

Они ползли, как хмель, всё выше
По нитям света звёзд сквозь тьму.
И становилось небо ближе,
Доступней сердцу и уму.

Мир был огромен и печален.
Летел, рассыпавшись во мгле,
Огонь с вселенских наковален
Метеоритами к Земле.

СКАЗ ПРО СУДЬБУ РОССИИ

Бурлят разломы жизни грозовые.
За век два царства пущены на слом.
И мечется во тьме душа России
Как погорелец, потерявший дом.

То к Западу качнётся, то – к Востоку,
Но не поддастся чуждому уму.
То в одночасье охладает к Богу,
То восплает верностью к нему.

То, в смуту впав, опять себя терзает,
Без милосердия всё вокруг круша.
И только вещей чёрный ворон знает,
Что ищет в бунте русская душа.

Она стремится к своему истоку:
Ведь только ей, вселенской голытьбе,
Господь поволил знать к нему дорогу
И крестный путь изведать на себе.

СКАЗ ПРО РУССКОГО ПОЭТА

Сомнений тьма, а ты один.
Меж двух глубин – земли и неба
Живёшь не зряче и не слепо,
И раб себе,
И господин.

Ты постигаешь свой удел
И не дойдёшь никак до сути:
Где остановка, где предел
Всему, что есть?
Тому, что будет?..

Но что страшиться...
Жизни бег
Нас потрясает вещей дрожью.
И ты, бессмертный человек,
В себе почуешь искру божью.

Ты ею будешь приобщён
К судьбе великого народа.
Поэту не нужна свобода,
Коль воли нет.

Пусть знает он
Свой долг и подвиг, и гоненья.
Поэт призваньем осуждён
Быть вещей болью поколенья!

Что этот век?
Что век иной?..
Не сотвори из них кумира.
Лишь ты один есть совесть мира.
Звенит врачующей струной
Над болями земными лира.

И ты, поэт, во мраке буден,
В труде, на смертном рубеже
Не забывай, что ты подсуден
Одной лишь собственной душе!

Ты перед ней за всё в ответе.
Сжигай себя, томи, неволь!
Как раскалённый уголь, светит
В твоей душе святая боль!

СКАЗ ПРО НАРОДНОЕ СЧАСТЬЕ

Ведь всё так просто: лес и поле,
И нищета сорочьих гнёзд.
А вот, поди ж ты, заневолит,
Заворожит почти до слёз.

В России утро или вечер?
Куда ведёт судьбы тропа?..
Сквозняк задул в соборе свечи.
Молчат священные гроба.

Стою у Вечного огня.
И чувствую – незримым током
Струится пламя сквозь меня,
Соединяя душу с Богом,
Что был на русской стороне
Почти со всей Европой битвы,
И танков крестный ход в огне
Под орудийные молитвы
Он освящал...

В солдате каждом,
Счастливо выжившем иль павшем,
Бог был частичкой любви.
И храм Победы на крови
Воздвигнул на небесной тверди
И души их хранит в бессмертье...

Причин для радости немного.
Но жив надеждой русский бог,
Хоть колесована дорога
В град Китеж вдоль и поперёк.

И я не прячу чувств под маской.
Насмешек жалких не страшусь,
Что до сих пор осталась сказкой
Про счастье будущая Русь.

И пусть всегда такую будет,
Чтоб было что любить, беречь.
Мечту народа не остудит
Ничья предательская речь.

Он знает сам, где быть, где небыль,
Где жизнь, где вечный упокой.
Он головой упёрся в небо,
И держит тяжкий свод земной.

Рисунки Анатолия Обвинцева

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Я СЧАСТЛИВА, ЧТО РОДИЛАСЬ В РОССИИ

Первый литературно-музыкальный фестиваль имени Татьяны Эйхман

18 июля 2021 года в парке посёлка Карсун состоялся Первый литературно-музыкальный фестиваль имени Татьяны Эйхман.

Татьяна Александровна Эйхман – ульяновская поэтесса, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат поэтической премии имени Николая Благова, врач по профессии (1956–2020). 19 июля 2021 года ей могло бы исполниться 65 лет...

Ульяновские писатели, члены литературных объединений области, медицинские работники, учащиеся школы и колледжа, библиотекари, жители посёлка Карсун посетили Первый литературно-музыкальный фестиваль имени Татьяны Эйхман.

Фестиваль организован отделом культуры и организации досуга населения МО «Карсунский район» (руководитель Владимир Александрович Хорев), в нём приняли участие ульяновские поэты и прозаики Илья Таранов, Валерий Ерёмин, Алексей Жданов, Николай Ларионов, Раиса Кашкирова. С приветственным словом выступила председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова.

Коллеги по перу посетили могилу Татьяны Александровны, возложили цветы.

Свежа утрата, сложно пока осознать, что не сама Татьяна всё это организует, что пришли люди отдать дань её памяти...

Татьяна Эйхман многие годы бесценно руководила литературным объединением «Родники» при газете «Карсунский вестник», помогла состояться многим талантливым землякам. Она была инициатором, вдохновителем и бесценным руководителем молодёжного литературного конкурса «Друзья по вдохновению», который объединил не только районную молодёжь, но и стал известен далеко за пределами района и региона. Татьяна Эйхман прикладывала много сил, собирая талантливую пишущую молодёжь из других городов, привлекая их к участию в конкурсе.

Татьяна Александровна Эйхман была одним из организаторов Чесноковских чтений, проходящих ежегодно с 2010 года на Карсунской земле, в день рождения поэта Анатолия Чеснокова и посвящённых его памяти.

Она всегда откликалась на всё живое, помогала, учила, подсказывала.

Вот и в этот светлый летний день она была среди нас... Странно говорить о ней в прошедшем времени, хочется избежать этого беспощадного слова «была»... Все старались... Мы услышали её голос, увидели её открытое лицо, почувствовали её человеческое тепло... У каждого из присутствующих нашлось для неё свое незаёмное слово...

Татьяна Эйхман – наша Совесть, наша Душа, наше общее Добро и объединяющее всех чувство родины, родства, дружбы. Она – пример мужества и силы, скромности и ответственности.

Отдавать, беречь, помогать – это было её естество, её предназначение на земле...

Земля Карсунская не позволит оскудеть талантами, идут, идут следом молодые. Накануне дня рождения поэтессы звучали в парке их звонкие голоса. Казалось всем, что и она, сама Татьяна с нами

Ольга Даранова

Илья Таранов

Раиса Кашкирова

Участники фестиваля – писатели: В. Еремин, О. Даранова, И. Таранов, А. Жданов, Р. Кашкирова

рядом, слышит, улыбается, разговаривает. Все, кто пришёл вспомнить Татьяну Александровну, отмечали её доброту, верность в дружбе, участие в судьбах других людей. Все благодарили её за простоту и мудрость, человечность и бесстрашие, за стихи...

У неё вышли авторские сборники стихов «Вьюга», «Рыжий вальс», «Взгляд», «Зелёный шум», сборники стихов для детей «В лес за земляникой», «Навстречу Рождеству», «Книжка-невеличка», «Находка перед праздником» и другие. Её публикации можно найти в журналах и альманахах: «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Сура» (Пенза), «Брусника» (Вологда), «Живое слово», «Излучина» (Сызрань), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Карамзинский сад» и «Симбирскъ» (Ульяновск).

Её подборки стихов вошли в антологию «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2015) и «Симбирская пристань» (2019).

Листаю один из последних сборников «Золотые травы». Всё пропитано любовью к земле, к родной природе, всё дышит её красками и запахами. Каждое слово – напоминание о быстротечности человеческой жизни и бесконечности всего земного. Всё есть в её строчках: и грусть, и радость, и восхищение жизнью, и предчувствие...

*Нет ни боли, ни бед, ни наград,
Только вечность. Земля – синий шар...
Позади все пути – в Рай ли, в Ад.
Обрела свои крылья душа.
Никогда не позабуду
Серебро июльских рос,
Над цветами перебуду
Золотых шмелей и ос...
Не ищи любви за морем –
Не найдёшь ты, так и знай...
Здесь навек свое, родное.
Где родилась – там и рай!
...А мне казалось, жить так просто,
А мне хотелось долго жить,
Плыть по реке, купаясь в звездах,
И нитку лунную ловить.*

Карсун, Золотое сечение России, пополнился ещё одним именем, которым можно и должно по праву гордиться.

Подготовила Ольга Даранова

Алесь ТУМАНОВ, лауреат конкурса «Друзья по вдохновенью», 15 лет, Большепоселковая ОШ.

Памяти Т.А. Эйхман

* * *

Ты любила летние рассветы
И носила белые одежды,
Ты была врачом, была поэтом
И вселяла в сердце свет надежды.
Ты была поэтом – душу грела,
Ты была врачом – лечила тело,
Ты несла нам веру и здоровье,

Просто по-другому не умела.
Ты на небе ангел златокрылый,
Ты спасаешь души, как спасала жизни,
Молишься за наш ты мир унылый,
Для тебя любой чужой стал ближним.
Ты ушла, оставив только память,
Что была ты в этом мире светом,
А на полке книжка – тонкий глянец...
Ты была врачом. Была поэтом.

ДОРОГА К ХРАМУ

Иеромонах ПАНТЕЛЕИМОН (Кравец)

«ВЫ МНЕ НЕ ПОМОЖЕТЕ?»

Рассказ

Я понял, что потерялся... Район перестал быть знакомым и превратился в бесконечный томительный лабиринт. От путеводной нити Ариадны я откасался, выходит, добровольно. Говорила же Нателла Ильинична: «Батюшка, давайте до подъезда довезу! Потеряетесь ведь!» Нет же! Упрямый! Сам найду! Вот сверну за кинотеатром, пройду наискосок, и всё. Тут рукой подать. Что я, маленький, что ли?..

На самом деле мне просто хотелось поскорее отпустить её. Вчера весь день и уже полдня сегодняшнего Нателла Ильинична катала меня по Москве, казавшейся бескрайней, катала сквозь огонь, воду, дорожные пробки, узкие проезды, утыканные автомобилями, как ружейная обойма патронами, от одной церковной лавки к другой, и теперь спешила к своей маленькой воспитаннице – работала няней. Я решил, что ехать ей лучше сразу отсюда, с проспекта, а не петлять по дворам, доставляя моё преподобие к подъезду. И вот – теперь бродил туда и сюда, печатая шаг по теплому июльскому асфальту, ныряя то в один переулок, то в другой, но знакомого дома так и не находил. Время было уже далеко за полдень – те милые часы, когда бурлящая столица на короткое время вдруг утихает, будто устаёт, и мирно дремлет, как кот на батарее. Во дворах становится пусто. И мне долго не удавалось

найти того, кто мог бы мне помочь. Наконец, рядом громко щёлкнул замок и из подъезда вышел мужчина лет пятидесяти, в чёрном строгом костюме. И сам весь какой-то строгий и правильный, как фолиант афоризмов. Лишь галстук цвета марсала во всем его облике хоть как-то сочетался с палитрой летнего дня. Он решительным шагом направился к серому джипу, вплотную притёртому к низкому железному заборчику.

– Простите, пожалуйста! Вы не подскажете... – ринулся я к нему.

– Я не верую! – отвечал он, не поворачивая головы. Фолиант оказался немногословным.

– Вы не поняли, я хотел...

– Не верую! – и он отшатнулся от меня как от шелудивого пса. «Ударим атеизмом по топографии...» – мелькнуло в голове. Джип, плюнув дымом, элегантно поплыл вдоль тротуара.

И я опять бродил по дворам – и влево, и вправо, и на все четыре стороны, хотя прекрасно понимал, что хожу бесцельно, чтобы хоть что-то делать. Ноги понемногу наливались усталостью, сердце – досадой. Ещё раза два мне попались пожилые женщины, довольно модно одетые, с небольшим светской праведности на челе, но обе с kleймом ин-тервалом по времени сказали примерно одно и то

же: «Не знаю!» Правда, одна нарочито равнодушно, заунывным припевом прибавляя к каждому «не знаю» речитатив: «Ага... Господи, помилуй... Ага... Ага... Господи, помилуй... Ага...», другая – с заметным чувством: увидев меня, перекрестилась, истоиво, будто привиделась какая нечисть. Ну, что же, и за то спасибо!

Наконец, обессилев, я решил позвонить Нателле Ильиничне и признаться в своём позоре.

– Я так и знала! – грянуло из телефона. – Я так и знала, что вы потеряетесь! Никогда меня не слушаете! Я вот вас всегда слушаю. А вы... Ладно! Сейчас найдём. Смотрите, там должен быть спортивный комплекс. Видите?

– Вроде вижу, – я покрутил головой.
– Он сейчас слева или справа от вас?
– Кажется, справа...

– Кажется? Фу-у-ух... Ну, хорошо! Что там написано? Если большими красными буквами – вы справа, если чёрными – вы слева...

Ещё минут двадцать Нателла Ильинична дистанционно двигала мной по дворам, но всё безрезультатно.

– Это какая-то родовая порча, – попытаться пошутить я.

– Вот вы шутите! А мне вовсе не до шуток! Всё! Мне пора Алису в художку везти. Уже опаздываем! Это какая-то о-очень уж элитная школа, там опаздывать вообще никак! – судя по голосу, Нателла Ильинична не на шутку расстроилась. – Что же теперь делать?!

– Не волнуйтесь! – мне было совестно. – Это же не пустыня. Сейчас кто-нибудь подскажет!

– Сразу сообщите!
– Аминь!

И вот небо сжалилось надо мной! Едва я сунул телефон в карман, как заметил, что в мою сторону неспешно направляется молодая женщина. На вид лет около сорока. В бирюзовых джинсах с такими модными теперь «прорехами» с веру до низу. В белой футболке, на фоне которой издали почти растворялись спадающие ниже плеч светлые волосы. Белую длинную сигарету она элегантно держала в таких же длинных белых пальцах. В другой руке сжимала баночку пива, отхлёбывая раз за разом и как-то интересно соизмеряя это с тактом шагов. Я забеспокоился, что, едва вспорхнув, надежда моя сейчас скроется в каком-нибудь из подъездов, и поспеши навстречу.

– Вы мне не можете?
– А что случилось?
– Я заблудился.

– Вы? Заблудились? – она посмотрела на меня удивлёнными глазами цвета нежной бирюзы, будто нарочно подобранными ею сегодня утром под цвет джинсов. Её удивление выглядело как «А я и не знала, что вас иногда выпускают из храмов и разрешают вот так запросто бродить по городу!»

– Вам какой адрес нужен?
Я назвал.

– Это, кажется, где-то рядом... Где-то... – она покрутила головой по сторонам. Потом ловко перехватила баночку пива рукой, в которой держала сигарету. Пощёлкала пальцем по телефону: длинный

розовый ноготь, словно нос экзотической птицы, клевал буквы с экрана. – Сейчас... Алло! Сына? Алё-ё! Сынуля! Слушай, посмотри там у себя по навигатору: Городецкая, 113 – это где? Это же, кажется, тут вот рядом во дворах?.. Ага... Ага... Так... Поняла! Всё, сынуль, целую! Скоро буду!

Она уверенным движением отправила недокурную сигарету и пиво в ближайшую урну. Кстати, судя по звуку, с которым баночка ударилась о железное дно, она была почти полная. Это я как-то машинально отметил.

– Да, это действительно рядом! Вот тут наискосок.

При слове «наискосок» я невольно улыбнулся.

– Что?.. – она не поняла моего веселья.

– Нет-нет, ничего! – и я поспешил объясниться: – Просто сегодня меня что-то подводят гипотенузы. Не получается срезать наискосок.

– А-а! Может день такой? День кривых путей. Пойдемте, я вас провожу.

Она взяла меня под руку, и мы пошли. Боковым зрением я успел заметить: прежде она потёрла ладонь о край футболки. Зачем?.. Да и вообще – зачем брать меня под руку? Уже много лет, с момента ухода в монастырь, меня не брали под руку женщины! Но... было в этом её жесте столько уважительного, столько какой-то потаённой необходимости, что я не стал возражать. Мы шли вдоль запертых молчаливых подъездов, пустых лавочек, скучающих по своим говорливым всезнающим старушкам. По кривой асфальтовой дорожке, разрисованной веселыми тенями каруселей и лесенок детской площадки. Вдоль безликих, униженных заботливыми ножницами городских кустов, вечно похожих на затаившихся испуганных зверушек. Бледными движущимися кадрами мы отражались в окнах первых этажей: что-то большое, чёрное, и совсем маленькое, трепетное, белое, прильнувшее к руке. Она вдруг спросила:

– Скажите, а пост скоро?

– Пост? Та-ак! – я начал подсчитывать в уме. – До поста осталось две недели.

– Две недели... Успенский ведь? Да? Я знаю... Успенский.

Она опять немного помолчала и вздохнула: – У меня плохо получается поститься.

– У меня тоже, – улыбнулся я. – Видите, какой толстый?

– Не-ет! Неправда! – она добродушно рассмеялась. – Вы не толстый! Вы просто вообще крупный. И это вас, кстати, совсем не портит.

– Ещё как портит! Никто не верит, что я тоже пошусь.

– Думаете, если похудеете, то поверят?..

Я не нашёл, что ответить. Мы какое-то время шли молча, и было слышно, как за распахнутыми створками лоджии в третьем этаже грохочет боевик – с воплями, пальбой, с визгом тормозов. Сбоку раздавались радостные детские голоса: где-то там, за домами, копошился, должно быть, детский сад на прогулке.

– Так что, вот так... – она словно продолжила какую-то недосказанную ранее мысль. – Не отпускают меня эти... радости жизни. Безнадёжная?

Она грустно улыбнулась, поглядывая искоса.

– Да что вы! Нет-нет! Как же это, безнадёжная? – я старался говорить увереннее, подобрать какие-то важные и правильные слова. Но все они оказывались пустыми, никчёмными. Сухие, нищие глаголы. Я искал в глубине сердца хоть что-нибудь, чтобы наполнить их. Росток жизни, каплю небесного нектара. Я чувствовал страшное бессилие наполнить их чем-то главным. Получался обычный поповский протокол. – Старец говорил нам, что если душа искренне чему-то противится, но всё равно делает это в силу привычки, навыка, то она со временем непременно найдёт в себе силы это оставить. Проверено!

– Значит... я всё-таки найду силы оставить этого человека... – почти шёпотом отозвалась она. Я не нашёл в себе сил что-либо переспросить. Она так ничего и не добавила. Кто был «этот человек», осталось тайной. Мы молчали. *Два существа, сошедшиеся в беспредельности...* скорее всего, в первый и последний раз в мире, силились сообщить друг другу что-то очень важное, сокровенное и оба мучились от своей немоты, от своей недостаточности.

Наконец она отпустила мою руку и, указывая, сказала:

– А вот и ваш дом. Шестой подъезд вон там.

Видите, это было совсем рядом.

– Действительно рядом... Как я мог заблудиться?

– Всякое бывает... – и вдруг добавила: – Спасибо вам!

– Да что вы, что вы! Это вам спасибо! Никто не хотел мне помочь! Скажите хоть, как вас зовут?

– Люба, – смутившись, ответила она.

– Любовь? О-о! Вот почему всем помогаете.

– Себе только не могу...

– Себе всегда сложнее...

– Наверное...

В тишине негромко хлопнула оконная створка. Испугавшись чего-то, вспорхнули голуби с тротуара.

– До свидания!

– Всего вам доброго!

Я уже дошёл до железной двери с багряным *человеческим* «шесть», сплошь облепленной разноцветными объявлениями, похожими на отчаянные сигналы SOS, она – до места, где асфальтовая дорожка круто сворачивала вправо, вдоль чахло-го ряда смущённо замерших тополей, когда оба мы одновременно оглянулись и улыбнулись на прощание друг другу.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей

АЛЛЕЯ

Безлетно лето. Утро разгоралось
Спокойно – так же, как тысячелетья
Назад и как спустя тысячелетья
Спокойно будет солнце подниматься
Над горизонтом средней полосы.

Оно лениво, будто замирая,
Смотрело на зеленую аллею,
Шоссе автомобильное, участки
Счастливых обладателей коттеджей,
На желтые церковные кресты

И думало: ах, как однообразно
Вокруг него вращаются светила,
Бока попеременно подставляя
Его лучам! И кто же догадался
Планет болтанье в поле тяготенья
Назвать гармонией небесных сфер?

Меж тем аллеей проходили люди
Пружинистою утренней походкой,
С привычным недовольством обсуждая,
Что им готовит предстоящий день,

Который не успел еще наскучить
Строителям и милиционерам,
Шоферам, поварам, конторским дамам,
Спешащим на работу с разговором
Для каждого и важным, и живым,

Волнующим, но вовсе не похожим
На то, чем озабочены старушки,
Бредущие до церкви к литургии,
И тоже с разговором о своем:

«Умнее всех меж нас была Лукерья –
Недаром столько книг перечитала
Божественных. Она нам говорила:
«Дай Бог вам всем скончаться до второго
Пришествия Христа». – Она успела.
А мы-то как же? Бог нам помоги!»

Я тоже проходил аллеей этой,
Но без забот, тревог, без всяких мыслей,
С раскрытыми глазами и ушами,
Воспринимая всё, как чистый лист,

Запоминая запахи и звуки,
Коры шершавость, листьев шелестенье,
Птиц щебетанье, воздуха прохладу...
И между всех идущих по аллее
Я для неё, наверно, был не в счёт

Людей, а вроде кошки иль собаки,
Случайно на тропинку заглянувших
И здесь являющихся антуражем
Самой аллеи. Пусть я не могу

Соединиться в храме с Абсолютом
И груз забот нести с людьми достойно,
Но овладевший мной дух любопытства,
Блуждая с бескорыстным интересом,
Наткнётся, может быть, на нечто,
Что оправдает и мои грехи.

Юрий КОЗЛОВ, краевед, заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор книг «Столыпин и Симбирскъ», «Генерал Каппель и волжане», «Керенский из Симбирска» и др.

ТАЛАНТЛИВОЕ И АВТОРИТЕТНОЕ В НАУКЕ ПЕРО

К 180-летию со дня рождения зоолога, писателя, охотника
Модеста Николаевича Богданова

Дед его, московский чиновник Василий Фёдорович Богданов «за отлично-усердную службу» был пожалован потомственным дворянством. Отец, Николай Васильевич, три года прослужил подпрапорщиком в армии и вышел в отставку. Он женился на Анне Борисовне Бестужевой из древнего благородного рода и поселился в имении жены Русская Бекшанка Сызранского уезда Симбирской губернии.

Модест родился 19 сентября 1841 года, между ним и младшими братьями было более десяти лет разницы. Его приятелями стали крестьянские дети, чему отец не противился. Николай Васильевич в имении держал голубятню и учил сына, как ухаживать за птицами, как их кормить и лечить в случае болезни, замечая при этом, что «всякое дело требует знаний».

С семи лет Модест ходил с отцом на охоту. Случалось, что вместе с убитой дичью домой приносили мелких зверьков и птенцов; клетки и ящики занимали все углы в детской. Мальчугану доставалось за свой зверинец от матери, она ссорилась с потакавшим ему отцом и, наконец, махнула рукой.

«Каждый поход в лес, в поле, на речку кончался знакомством с новым, невиданным животным. Каждый день перед моими глазами развёртывались новые картины природы, картины живые, подвижные, переменчивые, где ни одна фигура не оставалась праздною, безучастной. Сцены жестокой борьбы между животными, вызываемые голодом и жаждой, сменялись сценами счастья, привязанности и самоотвержения. Природа открывала мне свои заветные тайники».

Модест Николаевич Богданов

В десять лет Модеста отдали в Симбирскую гимназию. Тепло вспоминал он преподавателя русского языка Н.А. Гончарова, старшего брата знаменитого писателя. «Это был замечательный чудак. Добрый и честный, вечно задумчивый, беспамятный, но в то же время общий любимец <...> Николай Александрович был поэт в душе, и эту поэзию он вносил в грамматическую сушь. Мы любили часы уроков грамматики так же и потому, что чувствовали себя как-то вольнее, свободнее, чем у других учителей...».

Гимназия располагалась неподалеку от бровки волжского косогора, покрытого садами. Это был сплошной лес яблонь, груш, слив и вишен вперемежку с кустами смородины, крыжовника, барбариса и малины. По осени сюда слетались птицы и заглядывали зайцы, что привлекало Богданова и его друзей.

В начале сентября они с собакой отправились в дальний сад, который славился обилием птиц. Модесту выпал жребий ловить дроздов понцами из тонкой филейной сетки. Солнышко уже пригревало, когда к его точку, усыпанному серёжками ольхи и ягодами рябины, подлетела стайка зелёных чижей. «Маннй чижик беспокойно завертелся в клетке, обрадовавшись своим родственникам, и зачирикал изо всех сил, приглашая их к себе, – будет вспоминать Богданов. – Но гости церемонились и туго шли на приглашение. Они осторожно стали спускаться на нижние ветви берёзы, подозрительно высматривая своего злополучного собрата».

Всё-таки один голодный чиж порхнул на точок и стал есть приваду, его примеру последовали и другие. Птицелов дернул верёвку и выскочил из шалаша. Но одно полотно понцев стояло торчком, а под другим билось только три или четыре чижа! Остальные птицы улетели, поскольку при подготовке понцев Модест задел ногой сломанный сук яблони, который зацепил наружный край сети. Оправив понцы и вынув чижей, он снова спрятался в шалаш;

однако птицы летели мимо и ни одна не присела на его точок.

Спустя час-другой Модест услышал сигнал тревоги и бросился в лагерь, где увидел двух друзей, отбивавшихся палками от целой шайки семинаристов. Он бросился на выручку, тут подоспели и другие товарищи. Семинаристы метнулись через забор, пёс Валетка трепал полы их сюртуков. Гимназисты подобрали опрокинутый горшок с ухой, сели обедать печёной картошкой. По возвращении на свои места обнаружили, что семинаристы сломали лучки, выпустили манных птиц, разрушили шалаша. Зная по опыту их коварство, гимназисты перекочевали в другой сад, где знакомый пчеловод приютил их в мшаник на ночлег.

Утром на новом месте ребята расчистили точки, оставили снасти и к полудню уже не знали, куда девать пойманных птиц. Добыли 133 зяблика, 92 чижа, 15 реполовов, 21 лесную канарейку, 17 щеглят, 3 чёрных дрозда, 48 дроздов-рябинников и 17 долгохвостых синиц. А пёс долго гонял и ухватил за бок зайца, когда тот умудрился спрятаться в сложенном у забора хворосте.

«Русаки любят прятаться в хворост, – заметит провожавший гимназистов пчеловод. – Вот погоди, начнутся пороши, сколько их тут разведётся в садах – и не счесть. Ночью гуляют, гложут яблони, а к утру и залагут в бурьян или под хворост».

Когда Модест перешёл в четвёртый класс гимназии, отец подарил ему ружьё. На Покров, когда пушистый снег покрыл белой пеленой улицы и крыши домов, Богданов с компанией отправился охотиться в сады. Гимназисты бросили жребий, кому с кем идти на зайцев. Ребят было семеро, и Модест оказался заштатным одиночкой. Прошёл один сад, перелез в другой и заметил на рыхлом снегу печатный след русака, пробежавшего ночью. Зашагал по следу в полной уверенности, что непременно выйдет к логову косога.

«Заяц <...> гулял по грядам, грыз обрубленный кочан капусты, листья брюквы; затем следы так перепутались, что я добрых полчаса напрасно проходил по капустнику, отыскивая их нить, – напишет Богданов. – Тогда я попробовал обойти гряды кругом и сейчас же напал на выход зайца. Ленивыми скачками косой направился по огороду, присел перед плетнём, перескочил через него в соседний сад и прошёл по нему ровными прыжками. Но что же это такое? Навстречу моему зайцу, по тому же следу, как будто шёл другой, – и как ловко, лапка в лапку. Иду дальше и держу в памяти пословицу, что за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Вдруг следы пропали совсем: ни того ни другого зайца как не бывало».

Модест остановился, стараясь прочитать заячью грамоту; вдруг невдалеке раздался выстрел. За яблонями стоял высокий старик с окладистой бородой, в руках ружьё. В первую минуту он подумал, что перед ним видение. Но призрак закинул ружьё на плечо и произнёс: «Доброго здоровья, сударь! Надо полагать, что в первый раз изволите охотиться?»

Незнакомец пояснил, что заяц укрылся в ближайших кустах малины. Затем стреканул было дальше, но попал под выстрел. Старик улыбнулся и

спросил отрока, мол, чьи вы? Узнав, что перед ним внук его бывшей помещицы Надежды Алексеевны, разговорился. Рассказал, что он, Егор Степанов, тридцать лет у его дедушки, Бориса Петровича Бестужева, доезжачим был, и тот перед смертью на волю его отпустил.

Они подошли к лежавшему на снегу большущему русаку с глазами навывкате. Степанов привязал добычу себе на спину, зарядил ружьё и обещал Модесту предоставить другого зайца. Прошли два сада, а в третьем старик обнаружил след. Русак разрывал снег и поедая травинки, грыз кору на деревьях и шёл дальше. В одном месте след опять спутался. Старик объяснил, что как начнёт русак метать петли, значит, высмотрел себе логово и хочет ложиться. Косой сделает на снегу петлю, а затем прыгнет в сторону, это по-охотничьи называется сметка. Модест пригляделся и обнаружил, что заяц отпрыгнул на добрую сажень и пошёл дальше. После первой петли сделал вторую, а спустя немного и третью.

Степанов прошептал, что надо осмотреться: где надуло снега, где бурьян или кочка, там и лежит заяц. Но Модест как ни разглядывал кругом, ничего не заметил. Тогда старик указал рукой туда, где под сорванной веткой яблони, укрытой снегом, двигались уши. Юноша дрожащими руками поднял ружьё, прицелился и выстрелил. Кинулся к зайцу и крепко ухватил первую добычу.

Больше поохотиться не удалось, так как пошел снежок и запорошил старые следы. Молодой охотник хотел проститься со старым, чтобы вернуться к товарищам, но тот упрашивал зайти к нему. «Переночуйте у меня, баринок, ведь не чужой вы мне, – убеждал старик. – Покажу вам свою охотку, а на утро и еще зайчиков найдём».

Получив вольную, Степанов перепробовал много дел: торговал, землю снимал и сады арендовал, но никакого проку не выходило. В конце концов пристроился сторожем к симбирскому купцу Карташову в большой яблоневиный сад. Обзавелся домишком, купил тёлку и вырастил из неё корову, устроил себе огородик. Всё свободное время проводил на охоте, держал двух гончих и легаша. Карташов им дорожил. У других за зиму зайцы так обгложут молодые яблони, что все они погибнут; а к Степанову в сад не совались, живо подцепит косога вора. Летом в иных садах двуногие зайцы по ночам нагрядают целые мешки ворованными яблоками, но к Егору за этим лучше не ходить. Шумило и Громило (так назывались его гончие) да легаш Трезор зададут такую трёпку, что яблокам рад не будешь. Весной старик спускался с Трезоркой к Волге, в челноке переезжал на Чувичинский остров и стрелял там жирных дупелей. В июне в лугах Степанов с дудочкой и с сетью крыл перепелов, а в августе травил на полях ястребами перепелов. В сентябре трубил в рог по окрестным лесам и садам, это работали его гончие, добывая зайца и лису. Зимой он бродил по порошам или расставлял капканы, а в морозные ночи просиживал на приваде, поджидая волков. Что добудет, то несёт знакомым господам: кто даёт денег за дичь, кто овса, кто муки. Между купцами старик слыл за первого знатока соловьёв, платили они ему за добрых певцов немалые деньги.

Богданов узнал это, пока шагали до карташовского сада. Встретила их старуха, жена Степанова, накормила, обогрела и уложила спать. Утром Модест не сразу понял, где находится: на окнах – клетки с жаворонками, на потолке – клетки с перепелами, в соседней каморке – ястреба-перепелятники. Показал ему хозяин своих знаменитых соловьёв. По его словам, один из них жил у него седьмой год, пятьдесят рублей за него давали, но сколько ни дай – все мало, а такого соловья не найдёшь.

За ночь погода испортилась, охота пропала, пора было собираться домой. Запряг Степанов в телегу старую сивую лошадку, и потащила она их на крутую Смоленскую гору, в город.

Охота с ружьём стала любимым занятием Модеста. Как-то в Бекшанке в грозовую ночь он заблудился и встретил старика-пасечника Калиныча, прозванного в народе Лешим. При отблесках молнии показалось, что в такую непогоду в лесной глуши можно столкнуться только с лешим. В действительности же Калиныч, как и тургеневский герой-тёзка, оказался человеком добрым, любил и понимал природу.

«С этого дня, как я заплутался, мы большими друзьями стали с Калинычем – я дни дневал у него на пчельнике. Исходили мы с ним бор на десятки верст. Он научил меня, как искать глухаря, как подманивать рябчиков, как найти зверя по следам, как поставить лучше ловушку. Под его рукой впервые познакомился я с лесной природой, с её таинственной жизнью. И, наверное, многие учёные-немцы не показали бы мне того, что показал Калиныч в лесных труппах и тайниках».

В 1858 году Богданов окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Казанского университета. Особого тяготения к медицине не проявлял, больше его привлекала работа над коллекциями зоологического кабинета под руководством профессора Э.А. Эверсманна. Он был оставлен на второй год, а затем переведен на физико-математический факультет как неспособный к медицинским наукам. Плодотворному учению мешало слабое здоровье; тяжелый сердечный недуг – эндокардит – часто заставлял прерывать занятия.

Весной 1862 года Модесту пришлось оставить университет и полтора года провести в деревне. Перерыв в учении использовал для вылазок на охоту и расширения своих наблюдений. В это время отец подал прошение в Симбирское дворянское собрание о внесении его вместе с детьми в дворянскую родословную книгу Симбирской губернии. 16 октября 1864 года Николай Васильевич был переписан в III часть родословной книги из Московской губернии, туда же внесли и детей.

Богданов окреп в домашней обстановке, и в 1864 году был вновь зачислен на второй курс естественного отделения физико-математического факультета. К тому времени профессор Эверсманн уже умер, на кафедре зоологии его сменил Н.П. Вагнер, поработавший в заграничных лабораториях и окончивший в теоретические споры европейских биологов. Профессор Вагнер и студент Богданов оказались приверженцами английского исследователя Чарльза Дарвина, вскрывшего основные факторы эволюции органического мира.

Университетские занятия Богданова шли успешно. В лаборатории он занимался вскрытиями животных и приготовлением анатомических препаратов. Одновременно участвовал в подготовке к печати рукописи покойного Эверсманна, заключающей описание почти всех русских птиц. Свободное время отдавал ружейной охоте, изучал пролётную и оседлую дичь в окрестностях Казани.

Весной 1866 года Богданов сдал экзамены за университетский курс и к ноябрю подготовил к защите на степень кандидата диссертацию под названием «Материалы для исследований орнитологической фауны в Симбирской и Казанской губерниях». Тогда существовала трёхступенчатая система учёных степеней: кандидат, магистр и доктор наук. Кандидатскую диссертацию, представляемую одновременно с окончанием университета, можно сравнить с дипломной работой.

На последнем курсе университета он определился с будущей службой. На кафедре зоологии требовался прозектор или лаборант, говоря современным языком; профессор Вагнер пригласил его на вакантную должность.

* * *

В декабре 1867 года на общероссийском научном съезде естествоиспытателей обсуждались важнейшие вопросы русского естествознания – от трудов Дарвина до развития отечественного воздухоплавания. Часть докладов была посвящена роли естественных наук в жизни общества, их практическому значению. Было решено создать при университетах общества естествоиспытателей, чтобы «умножить и соединить местные учёные силы с целью направить их на изучение определённой полосы России».

Спустя год было создано Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, ещё через полгода образовалось Общество естествоиспытателей при Казанском университете. Его действительными членами, помимо профессоров и студентов, состояли врачи, лесоводы, агрономы, военные, преподаватели гимназий. Богданов был избран секретарём и казначеем.

Летом 1869 года Общество направило его вместе с ботаником О.О. Бауманом в экспедицию по Волге. Они спустились до южных пределов Самарской и Воронежской губерний, затем перебрались в бассейн Дона, чтобы проследить связанных с чернозёмом животных и растений. Собранный материал позволил составить карту распространения лесов в правобережье Волги, выделить основные зоогеографические районы. Осенью Модест Николаевич представил отчёт «Зоологические области Поволжья», а зиму посвятил сдаче магистерских экзаменов.

К этому времени по рекомендации Вагнера Богданов был зачислен на стипендию для подготовки к профессорскому званию. Он вошёл в число учредителей Казанского общества охоты, устав которого был утверждён в марте 1868 года и предусматривал «ведение правильной охоты в дозволенное законом время». Его членами могли быть «лица всех сословий, как живущие в Казани, так и иногородние, кроме охотников-промышленников».

Для ведения дел общества избрали распорядителем Ю.И. Блюменталю – государственного лесничего, но возникли споры при обсуждении предстоящих общественных охот. Некоторые высказались за приобретение стаи гончих и наём псаля; другие считали более целесообразным арендовать дачи для охоты и разведения дичи. В конце концов решили завести стаю гончих, нанять псаля и купить остальное для организации псовой охоты. В качестве уступки противникам приобретения гончих постановили арендовать часть Порохового казенного болота.

В июле у разных людей было куплено 17 гончих собак, которых опробовали на охоте 11 августа в Ковалях без псаля. Участник той охоты Богданов заметит, что собаки «гоняли <...> отлично, дружно, верно, держась по целому часу на следу, как после не гнали почти ни разу под управлением знаменитого Ваньки-псаля». На 10 ружей в этой охоте было добыто 19 зайцев. Но вскоре стая гончих оказалась в руках Ваньки-псаля, совершенного профана в деле охоты с гончими, перепортившего и заморившего собак, несмотря на дороговизну их содержания.

За первый год было проведено девять общественных охот с гончими и три охоты с загонщиками, где убили 1 волка, 1 лису и 124 зайца. По подсчётам Богданова, если на покупку собак, содержание псаля, приобретение лошади с упряжью было израсходовано около 800 рублей, то каждая общественная охота с гончими обходилась почти в 90 рублей, а каждый добытый заяц – в 9 рублей. Это противоречило основной задаче общества – «организовать правильную, добычливую и дешёвую охоту».

Провалом закончилось и намерение взять в аренду часть Порохового болота. Городская дума отказала на основании того, что передача в аренду этих мест стеснит выгон городского скота. Таким образом, истинные любители охоты вместо наслаждения испытали сожаление не столько о впустую потраченных деньгах, сколько о потерянных надеждах.

В начале 1869 года почётных и действительных членов общества охоты уведомили, что 11 января состоится годичное собрание. Богданов опоздал к началу и очень удивился, что из 48 членов присутствуют лишь 8 человек. Мало того, зачитанный Блюменталем отчёт был утверждён большинством всего в 6 голосов, а при выборах распорядителя на новый год один из присутствующих попросил его остаться в этом звании и получил согласие. Те же самые 6 человек поддержали предложение распорядителя не рассылать членам годовой отчёт, так как «он не представляет ничего достойного внимания». Но самым поразительным было решение «продать, или за неимением покупателей раздать членам, а если и тут не найдется желающих, то просто купить на общественные деньги верёвку и перевешать всю стаю общественных гончих, так как охота с ними оказалась неприменимой для общества».

Богданов посчитал не вправе молчать и подготовил для «Казанских губернских ведомостей» материал о неприглядном положении дел в обществе охотников. Подобную корреспонденцию направил и в «Журнал охоты и коннозаводства», рассказал о

15 ЯНВАРЯ.

ЖУРНАЛЪ

1869 Г.

ОХОТЫ И КОННОЗАРДСТВА

ВЫХОДИТЬ 1-го и 15-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ОДИНЪ ГОДЪ

СЪ ПРЕМІЮ 7 руб.; съ доставкой и пересылкою 8 руб.

БЕЗЪ ПРЕМІИ: съ доставкой и пересылкою 6 руб.; безъ доставки и пересылки 5 руб.
 Полугодовая подписка не принимается. Листы, которыя пожелаютъ подписаться въ продолженіи года, получать всѣ прежде вышедшіе номера журнала. — ПРЕМІИ состоятъ въ великолѣпномъ хронографированномъ рисункѣ большого формата, съ изображеніемъ скачекъ или охотничьей сцены. — ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ Редакціи журнала „Охоты и Коннозаводства“ (по Евстафьевскому каналу, у Казацкой части, д. графини Рибольеръ, № 107) ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, въ конторѣ Редакціи Ежемѣсячнаго Календаря (по Офицерской ул., у Вознесенск. пр. № 6) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. — Изъ иногороднихъ обращаются съ своими требованіями исключительно въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Охоты и Коннозаводства“.

№ 2.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ДЛЯ НАПЕЧАТАНІЯ

ПРИНИМАЮТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ.

Объявленія принимаются съ платою по 10 коп. за строку мелкаго шрифта, или занимаемое ею мѣсто; за рекламы платится по условію. Для объявленій могутъ быть, по желанію, изготовлены рисунки. — Желаяще печатать постоянно въ теченіи мѣсяца года извѣстное число объявленій, иже съ опредѣленнымъ задаткомъ, пользуются уступкою, соразмѣрно числу объявленій, которыя они объявляютъ помѣстить. — За размѣну при журналѣ отдѣльныхъ объявленій, взимаются по 5 руб. съ тысячи экземпляровъ. — Статьи, для помѣщенія въ текстъ журнала, должны быть доставляемы въ контору Редакціи, непременно за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего онѣ печататься не будутъ. — Статьи, признанныя Редакціей неудобными въ печатанію, сохраняются въ теченіи 6 мѣсяцевъ въ конторѣ Редакціи, для возвращенія по личному требованію, а за тѣмъ уничтожаются. — На статьяхъ, представляемыхъ для напечатанія за гонораріемъ, должны быть означены условія, на которыхъ авторъ желаетъ помѣстить ихъ.

Содержаніе: I. Охота: 1) О составленіи псовыхъ охотъ и выборѣ охотничьихъ собакъ сообразно мѣстности. — 2) Охота на лодей. — 3) Прирученіе выдры и дрессировка ея къ рыбной ловлѣ. — 4) Тигръ. — II. Коннозаводство. — 1) Происхожденіе и историческій очеркъ конскихъ скачекъ. — 2) По вопросу о бѣгахъ на призы въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ. — 3) Варварійскія лошади. — III. Ветеринарная медицина. — О кормленіи лошадей. — IV. Фельетонъ: Охота въ Индіи (продолженіе). — V. Официальная извѣстія. — VI. Разныя извѣстія. — VII. Справочный листокъ. — VIII. Объявленія. — Рисунки: 1) Лось; 2) Тигръ; 3) Выдра; 4) Варварійская лошадь.

ОХОТА.

О составленіи псовыхъ охотъ и выборѣ охотничьихъ собакъ сообразно мѣстности.

Составленіе или формированіе псовыхъ охотъ должно соображаться:

- 1) съ мѣстностью,
- 2) съ продовольственными способами того края, гдѣ предполагаютъ завести охоту, и наконецъ,
- 3) составъ всякой охоты зависитъ также отъ характера охотниковъ тѣхъ странъ, къ которымъ принадлежатъ самыя охоты.

Мѣстность, играющая во всемъ и всегда важную роль, оказываетъ большее вліяніе и на составъ самыхъ охотъ; а потому, чтобы ближе рассмотреть, какъ и въ какомъ родѣ должно

принимать въ соображеніе мѣстность, при желаніи сформировать охоту, раздѣлимъ ее на слѣдующіе виды:

- а) мѣстность, покрытая густыми, обширными и притомъ нерасчищенными лѣсами;
- б) мѣстность, покрытая хотя и большими лѣсами, но расчищенными и удобопроходимыми;
- в) мѣстность, состоящая изъ частыхъ, отъѣмныхъ лѣсовъ;
- г) мѣстность ровная, открытая, состоящая изъ обширныхъ полей, и наконецъ
- д) чистогорныя страны.

Казалось бы что сформировать охоту не трудно: стоитъ купить только борзыхъ и гончихъ, да дать людямъ лошадей — и охота готова.

Конечно, борзья, гончія и лошади суть главнѣйшія основныя части всѣхъ вообще псовыхъ охотъ; но дѣло состоитъ въ томъ, что мы въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаемъ разныя охоты: въ одномъ мѣстѣ видимъ охоту, сформированную изъ однихъ гончихъ, въ другомъ состоящую изъ борзыхъ и гончихъ, и наконецъ, находимъ такія страны, гдѣ охотятся съ одними только борзыми; и причиною всего этого разнообразія охотъ бываетъ мѣстность; а потому, подробнымъ разборомъ каждого изъ обозначенныхъ здѣсь видовъ мѣстности, покажемъ: въ какой мѣрѣ и по какимъ именно причинамъ составъ одной охоты соответствуетъ такому роду мѣстности, между тѣмъ какъ для другаго онъ не только не удовлетворителенъ, но даже вовсе бесполезенъ. Начнемъ съ разбора видовъ мѣстности.

грубом нарушении устава и других проблемах. В заключение отметил: «Пока в решениях общества не будет выражаться мнение действительного, а не воображаемого большинства, пока не будет должного уважения к законным правам общества и отдельных его членов, до тех пор вступать в члены общества для охотника, действительно желающего улучшения охоты, не имеет никакого смысла. Пожелаем же обществу этого благотворного кризиса, тогда ряды его снова пополнятся и дело пойдёт хорошо».

Срыв первого года работы общества ударил по его авторитету среди казанских охотников-любителей. Если 1 января 1869 года в обществе охоты насчитывалось три почётных и 53 действительных члена, то к началу 1870-го число действительных членов сократилось до 13, неизменным осталось лишь количество почётных членов. Таков был результат необдуманных действий в первую очередь распорядителя Блюменталя, который провёл в почётные члены представителей казанского высшего общества, заручился их поддержкой и перестал считаться с мнением остальных. Выступление в печати Богданову «сильные мира сего» не простили и в дальнейшем постарались отомстить.

Модест Николаевич напишет профессору химии А.М. Бутлерову, перебравшемуся в 1869 году из Казани в Санкт-Петербург: «Не знаю, при Вас ли было годовое заседание здешнего общества охоты, которое, то есть общество, большая часть из нас бросила. Посылаю Вам наши брошюры (Янишевского и мою), как образчик того, что сделали немцы (консервативная группировка членов. – Ю.К.), заручившись поручительством почётных членов, о которых они хлопотали <...> Грустно, Бригадный (дружеское прозвище, данное Бутлерову в кружке казанских охотников. – Ю.К.), что холопство всослось у нас в плоть и кровь и не можем мы быть свободными людьми даже в таком деле, как охота».

С Бутлеровым у него сложились дружеские отношения, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении: один – прославленный учёный, второй – недавний выпускник университета. Летом 1870 года Богданов получил от профессора письмо о случае на тяге, когда низко летевший вальдшнеп на секунду присел к нему на шляпу, затем вспорхнул и отправился дальше. Профессор успел выстрелить вслед, его собака нашла убитого долгоносого. Модест Николаевич опубликовал в «Журнале охоты и коннозаводства» заметку «Проделки вальдшнепа», посчитав это действительно не соответствующим нравам этой птицы.

Не менее любопытная история произошла в Симбирской губернии, рассказанная журналом осенью. «На Волге, в двух верстах выше Сенгиля, в конце сентября, рабочими содержателя рыбных ловель, крестьянина Никиты Красильникова, пойман осётр, весом в 1 пуд 23 фунта с продетою в левую жабру серебряною, вызолоченною серьгой, которая имеет на обеих сторонах следующие надписи: на одной: «Его императорское высочество, великий князь Константин Николаевич», и на другой «Саратов, 12-го июня 1870 года». Осётр этот выпущен обратно в Волгу, причём к его жабрам прикреплена на проволоке 20-копеечная серебряная монета чекана 1862 года».

С мая 1870 года Модест Николаевич носил звание приват-доцента, то есть внештатного преподавателя Казанского университета. Летом вновь отправился вниз по Волге для исследования птиц, населяющих её долину. Поначалу отправился на лодке, но вследствие бурь и ветров пересел в Саратов на пароход, чтобы ехать прямо в Астрахань.

Такие путешествия Богданов повторял не раз, делая остановки в разных местах. Компанию ему нередко составлял кто-нибудь из братьев Воейковых, имение которых располагалось в селе Самайкино Сызранского уезда. Однажды отправился на верховую прогулку вдоль Волги вместе с Александром Ивановичем Воейковым, уже известным климатологом. Они остановились на лесной даче графа В.П. Орлова-Давыдова под Сызранью и узнали от лесника, что неподалеку лежит сваленная ветром берёза, «а под ней земля горит». Проехали к указанному месту и обнаружили залежи гудронных песчаников. В 1873 году один из Воейковых организовал там асфальтовое производство.

Летом 1869 года в нескольких номерах «Журнала охоты и коннозаводства» печатался очерк Богданова «Охота в окрестностях Казани». Журнал был далёк от русской охоты, в нём преобладали переводы малоизвестных иностранцев об охоте на слонов, бизонов и носорогов. Неудивительно, что написанные со знанием дела и хорошим слогом материалы Модеста Николаевича привлекли внимание читателей.

На следующий год Министерство внутренних дел опубликовало проект новых правил о весенней охоте и выразило желание, чтобы русские охотники высказали свои замечания. Богданов поддержал запрет на стрельбу в бобров, косуль, оленей и лосей, поскольку «злейший враг их – человек и его оружие». Отметил, что самым страшным оружием для серой куропатки является шатёр. «Эту подлую сеть, истребляющую сотнями одну из лучших пород нашей дичи, следовало бы запретить самыми страшными мерами. В 30-ти верстах от Симбирска, в с. Елшанке есть крестьянин, вылавливающий с своими сыновьями каждую зиму до 2.000 и более куропаток».

По его мнению, настоящим бедствием для дичи была торговля ею весной; если не будет сбыта дичи, то исчезнет и промысел. «Поэтому торговлю дичью следует запретить по крайней мере до 15 июля, – утверждает он, – при этом запретить не только торговлю свежей, но вообще какую бы то ни было, хотя бы солёной дичью, потому что всю весну в некоторых городах продают свежих куропаток и тетеревов, выдавая их за отстреленных зимой и сохранённых будто бы на льду». Напомнил также о «злейших врагах нашей дичи», вовсе не упомянутых в проекте, куда относил волка, лисицу, хорька, норку, куницу, а также сокола, орла, ястреба, сову и филина.

К весне 1871 года Богданов закончил работу над магистерской диссертацией «Птицы и звери чернозёмной полосы Поволжья, долины средней и нижней Волги», которую напечатали в первом томе «Трудов Казанского общества естествоиспытателей». Он обрисовал изменение фауны Поволжья с конца третичного периода до современности, связав её с геологическими сдвигами, определившими

ход процессов почвообразования и распределения растительного покрова. После успешной защиты получил степень магистра зоологии.

В середине июня по поручению Казанского общества естествоиспытателей учёный отправился на Кавказ. Он посетил окрестности Порт-Петровска (ныне Махачкала), Хасав-юрта, Грозного, Владикавказа и Тифлиса (Тбилиси). Потом выехал в Ставрополь, совершил поездки в долины Кубани и Терек, побывал в селе Тарумовка. Здешние места славились обилием дичи, в ожидании кабанов на рисовых чеках он заболел тропической лихорадкой. В начале октября казаки вывезли его чуть живого через Порт-Петровск. После систематизации материала издал книгу «Птицы Кавказа» с описанием грифа белоголового, дятла черного, сарыча кавказского и других встреченных там птиц.

Общество естествоиспытателей пользовалось известностью не только в Казани. В сентябре 1871 года председатель Мамадышской уездной земской управы, что в 160 верстах от губернского города, прислал на имя президента Общества Н.А. Головкинского письмо «с приложением нескольких экземпляров червей, поедавших всходы». На заседании было постановлено передать червей в зоологический музей университета. В феврале 1872 года действительный член Общества Юрлов из Симбирска прислал лимон «весьма замечательной патологической редкости». В сопроводительной бумаге отметил: «Здесь по игре природы сочеталось вместе два плода двух совершенно различных пород растений (лимона и апельсина); так что кора этого плода принадлежит лимону, мякоть же апельсину; причем каждый из плодов сохраняет свои отличительные свойства: вид, вкус (кислоту в коре и сладость в мякоти) и проч.».

В соответствии с уставом Общество устраивало публичные лекции для жителей Казани по анатомии человека и другим естественным наукам, на которые собиралось более 600 человек. При подготовке к чтению лекций в 1871 году Богданов, по недостатку времени, отказался от чтения элементарного курса по зоологии. Но 22 декабря «решил предложить Обществу свои услуги для популяризации и проведения в публике тех результатов работ, которые до некоторой степени закончены, и думал хотя бы отчасти осуществить свою задачу, прочтя около 10 публичных лекций...».

Представленная им программа цикла лекций «О былом и настоящем высших (позвоночных) животных Европейской России» показывала не только историю русской фауны от Белого моря до Арало-Каспийской области, но и её современного состояния, хозяйственное использование и воздействие человека, включая звериный промысел и рыболовство. «Волжско-Камская газета» отмечает: «Судя по программе, опубликованной лектором (Богдановым. – Ю.К.), заслужившим уже почётную известность своими работами и сочинениями по зоологии, – эти чтения обещают быть особенно интересными».

С 1 января открылась подписка на слушание курсов, совет университета разрешил лекторам пользоваться помещением и необходимыми научными пособиями из музеев университета. Однако

14 января полицмейстер Мосолов прислал магистру зоологии Богданову бумагу о том, что «чтение публичных лекций допущено быть не может». Предлогом послужило то, что своевременно не было испрашено разрешение от попечителя Казанского учебного округа, а также согласие губернатора. Модест Николаевич остановил подписку на свои лекции и вывесил в кассе объявление, что чтение курса прикладной зоологии запретил губернатор и деньги будут возвращены.

Занимаемое Богдановым место приват-доцента не давало твёрдого материального обеспечения. Когда освободилась должность второго профессора по кафедре зоологии, то совет физико-математического факультета постановил сохранить вакансию для замещения специалистом по зоологии позвоночных, имея в виду Модеста Николаевича. Но во время его отъезда для защиты диссертации в столицу совет университета баллотировал на упомянутую должность гистолога Н.М. Мельникова, кандидатуру которого поддержал попечитель учебного округа.

В августе 1871 года, после перехода Вагнера по приглашению видного зоолога К.Ф. Кесслера в столичный университет вторым профессором на кафедру зоологии, Богданов пишет Бутлерову: «Новости здешние сообщать Вам нечего, так как вероятно они уже сообщены, но вместе с тем нельзя не пожалеть о будущем естественного разряда Казанского университета. С Вашей лёгкой руки начинается такая миграция профессоров, что, по меткому выражению одного моего знакомого, скоро останутся уже не сапоги, а только подошвы. Головкинский, Ковалевский и Вагнер! Кто еще останется после отъезда их? Судите сами. С отъездом этих лиц и мое положение принимает новый оборот».

Совет факультета пытался выхлопотать ему командировку за границу для подготовки к профессорскому званию, но в середине февраля 1872 года пришел отказ министерства из-за отсутствия средств.

После отъезда из Казани профессора геологии Н.А. Головкинского, бывшего президентом общества естествоиспытателей, деятельность общества приняла иное направление. Богданов попросил освободить его от обязанностей секретаря и казначея, в середине марта дела и кассу у него приняли. 24 марта на заседании слушали его заявление: «Откладывая до более удобного времени продолжение моих исследований на Кавказе, я намерен посвятить лето 1872 г. на исследование чернозёмных степей между Волгой и Уралом и лесов южного Урала. Не говоря уже о том, что это будет непосредственное продолжение моей прежней работы, результаты которой напечатаны в Трудах Общества, местность эта оказывается интересной в биогеологическом отношении, как один из уголков очень древней ковыльной степи, пережившей Ледниковый период <...> Для этих исследований необходимо до 300 руб., которые может быть Общество признает возможным ссудить мне».

В выделении средств на продолжение исследований Модесту Николаевичу было отказано. Учёный принял решение перебраться в Северную столицу и в конце марта с тяжёлым сердцем покинул Казань.

* * *

Вскоре после переезда Академия наук избрала Модеста Николаевича одним из хранителей своего зоологического музея, в котором он приводил музейные коллекции в порядок и собирал материалы для своих трудов. Как и в Казани, Богданов стал одним из самых деятельных членов Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, являлся бессменным секретарём зоологического отделения. За зиму четыре раза выступал здесь с научными сообщениями, а весной 1873 года отправился в Среднюю Азию.

Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства неоднократно совершали грабительские набеги на окраины Российской империи. В июне 1865 года удалось захватить кокандскую столицу Ташкент и образовать Туркестанское генерал-губернаторство. Спустя три года был взят Самарканд, бухарский эмир признал протекторат русского царя. Теперь войска готовились нанести по Хиве одновременный удар с трёх сторон. В поход выступили более 12 тысяч солдат и офицеров при 56 орудиях, а в низовья Амударьи из Аральского моря вышла военная флотилия. Командовал экспедицией туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант К.П. Кауфман.

Богданову предстояло вместе с войсками проникнуть в малоисследованные земли, ознакомиться с Хивинским оазисом и окружающей его пустыней. В конце февраля он покинул столицу и направился к низовьям Сырдарьи. По прибытии в крепость Казалинск оказалось, что колонна с лошадьми и верблюдами уже в пути. Вместе с проводником и препаратором учёный отправился вдогонку и через десять дней прибыл на Иркибай, где пятитысячный отряд задержали начавшиеся дожди.

Вместе с отрядом Богданову приходилось делать утомительные переходы через песчаные барханы и глинистые такыры, по многу часов не покидая седла, а сбор коллекций совершать во время коротких остановок. Как ни тяжело было терпеть изнуряющую жару и песчаные бури, не менее того мучила полнейшая неизвестность будущего пути. Сколько верст до желанной Амударьи? Есть ли вода на пути? Эти вопросы задавал себе каждый в отряде и ответа не находил.

Богданов с помощником находились в авангарде отряда, так как стремились наблюдать ещё не потревоженную людьми живность. Удаляться от колонны опасались, дабы не столкнуться с хивинцами. Такое случилось 29 апреля, когда колонновожатые, два офицера с четырьмя казаками и пятью киргизами-проводниками, оторвались версты на полторы от отряда. Неожиданно из-за барханов выскочила шайка всадников человек в полтораста и окружила колонновожатых со всех сторон.

«Наши не потерялись, быстро спешились по команде Н. А. И., и началась перестрелка, – пометит Модест Николаевич в путевом дневнике. – Хивинцы несколько раз бросались в атаку, но, встречаемые пулями казачьих винтовок и револьверов каждый раз отступали назад, и начали в свою очередь палить в наших из своих «мултуков» <...> Возясь с лошадьми, один из киргизов отделился от кучки и

тотчас же был зарублен хивинскими клычами (кривая азиатская сабля) <...> Как ни храбро держались наши, но положение семи или восьми человек среди массы нападающих с каждой минутой становилось отчаяннее. Оба офицера, два казака и один киргиз были уже ранены хивинскими пулями; остальных каждую минуту ожидала та же участь. К счастью, в двигавшемся отряде заметили огоньки выстрелов, и, ещё не поняв в чем дело, один казачий хорунжий с восемью казаками понесся вперёд полным карьером. Подскакав ближе и убедившись в том, что это действительно нападение, казаки прихлестнули коней и с криком «ура!» врзались в толпу хивинских всадников; те, озадаченные внезапно нападения казаков и не рассмотрев их ничтожного числа, расступились в стороны, чем дали казакам возможность соединиться с осаждёнными. Началась усиленная перестрелка. Хивинцы сделали ещё попытку напасть, но были снова отбиты, и заметив, что уже от отряда бегут к месту боя стрелки, пустились наутек <...> Радость сияла на всех лицах, от генерала до солдата. Не жажда крови, боя, смерти виднелась в этой радости, нет, скорее жажда жизни, потому что, если хивинские войска были так близко от нас, то следовательно или в степи есть вода, или же близко сама Амударья».

В последнем переходе длиною 60 вёрст были ещё схватки с хивинцами. В стычках участвовал и Богданов, которому пригодились охотничьи навыки. После двухмесячных мытарств отряд вышел на берег Амударьи. А 29 мая русские войска вошли в Хиву, откуда Богданов предпринял поездку в Куня-Ургенч через Газават, Ташауз и Иляллы, подробно знакомясь с фауной долины Амударьи. Его восхитила местная порода борзых тазы, на которых, как и на лошадях, отразился характер их хозяев-туркмен – превосходных зоотехников. «Я несколько раз пытался купить тазы у туркмена, – пишет он, – но всегда просили за собак, далеко не первого сорта, такие суммы, что я отступал со срамом».

Поход на Хиву закончился подписанием мирного договора, после чего отряд направился в обратный путь. К середине октября Богданов вернулся в Санкт-Петербург, привезённые материалы вызвали большой интерес в среде зоологов. Он был удостоен медали «За Хивинский поход», выпущенной в память о военной экспедиции.

С начала 1873 года Модест Николаевич возглавил редакцию «Журнала охоты и коннозаводства», с его приходом журнал «деревенских удовольствий» стал превращаться в научно-популярный. Но его участие в Хивинском походе прервало удачно начатую работу: корреспонденции с мест поступали слабо, номера выходили с большим опозданием. Редакция стала заполнять страницы пространной информацией о конных состязаниях и породистых лошадях.

По возвращении из Средней Азии Богданов уже не мог уделять руководству журналом много внимания. Во-первых, он женился на О.Д. Шидловской; во-вторых, стал приват-доцентом столичного университета и начал читать курс биологии млекопитающих. Кроме того, приступил к подготовке большой Арало-Каспийской экспедиции. Уровень содержания журнала понизился, объём выпусков

сократился. С его отъездом весной 1874 года в экспедицию издание прекратило свое существование.

В этот раз общество естествоиспытателей направило в экспедицию группу молодых зоологов во главе с Богдановым. Планировалось, что О.А. Гримм и В.Д. Аленицын займутся исследованием морской фауны на Каспии и Арале, а Модест Николаевич примется за изучение сухопутной фауны полуострова Мангышлак и низовьев Амударьи вместе с только окончившим университет М.А. Бутлеровым, сыном друга-академика.

К концу октября участники Арало-Каспийской экспедиции вернулись в столицу, материалы исследований вышли как приложение к «Трудам Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей». На личной встрече с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом Богданов высказал свои соображения по хозяйственному освоению территории Средней Азии. В частности, рекомендовал использовать ценные качества туркменской и киргизской лошадей, которые отличались резвостью, выносливостью и неприхотливостью. Выдвинул идею переселения уральских казаков, как отличных рыбаков, на Амударью с целью разведения осетра, стерляди и белуги, для которых здесь имелись подходящие экологические условия. Генерал Кауфман так и сделал, причём с большой пользой для края.

В 1875 году Богданов с женой поехал за границу – Санкт-Петербургский университет командировал его для изучения коллекций в музеях Европы. Сначала супруги направились в Австрию, где учёный интересовался распространением чернозёма в придунайских землях и населяющим их животным миром. В Германии изучал орнитологическую коллекцию Зоологического музея Берлинского университета, посетил естественно-исторический музей в Штутгарте. Затем направился в Швейцарию, где ознакомился с коллекциями музеев Базеля, Лозанны, Невшателя. Думал также побывать на Британских островах, однако рецидив застарелой малярии заставил прервать командировку.

По возвращении из-за границы Модест Николаевич в университете читал курс орнитологии. Вокруг него сплотилась группа студентов, которые выделялись «редкой любознательностью и серьёзным, искренним отношением к науке». Спустя полтора года учёный был утверждён в должности штатного доцента университета, подготовил первую из трёх своих крупных орнитологических работ – монографию «Птицы Кавказа», где описал 323 вида птиц и места их обитания.

В апреле 1878 год журнал «Природа и охота» опубликовал статью Богданова «Тазый и киргизские борзые», посвященную охотничьим собакам Средней Азии, а в ноябрьском номере уже сам с интересом прочёл «Очерк современной охоты в Симбирской губернии». Его автор Денисов сетовал: «Главное горе всех симбирских охотников, – это бедность, или лучше сказать, совершенное отсутствие породистых собак; горе это отравляет нам всякое удовольствие». Через год на 6-й съезде русских естествоиспытателей Модест Николаевич выступил с докладом «О значении собаки в истории человечества». По его мнению, только благодаря собаке человек мог перейти от собирательства к охоте,

затем к приручению других животных, выйти из лесов и расселиться в степях, горах и пустынях, даже проникнуть на дальний Север.

На съезде он предложил послать экспедицию на север Европейской части России для изучения животного мира и условий его обитания. Профессор Вагнер возглавил первый отряд для изучения фауны и флоры Белого моря и Соловецких островов. Второй отряд во главе с Богдановым должен был исследовать фауну Кольского полуострова, птиц Мурманского побережья и рыб в этой части моря. Непосредственно Модесту Николаевичу было поручено изучить норвежский китобойный промысел и его влияние на русское рыболовство в прибрежных водах. Пароход, на котором он плыл в сторону Норвегии, попал в сильный шторм и был выброшен на берег в глухом районе. Только через месяц учёный сумел вернуться к ожидавшим его членам отряда.

В 1881 году вышла из печати его монография «Сорокопуты русской фауны и их сородичи», где показана эволюция сорокопутов и их постепенное расселение на материке. Это была докторская диссертация Богданова, рецензенты считали его научные работы «образцовыми по ясности изложения и умению живо передавать явления природы». Параллельно с разработкой систематики русских сорокопутов он представил в Академию наук план издания «Общей русской орнитологии». Первый выпуск увидел свет в 1884 году под названием «Перечень птиц Российской империи» на русском и французском языках.

После кончины профессора К.Ф. Кесслера Богданов был избран экстраординарным профессором, позднее назначен ординарным. Желая достойно отметить память старшего товарища и предшественника по кафедре зоологии, Модест Николаевич подготовил к печати биографию покойного. Книгу завершало стихотворение «Памяти К.Ф. Кесслера» за подписью «студент 60-х годов». Можно предположить, что написано оно самим Богдановым. Вот его заключительные строки:

Долго мы, – и наши внуки!
Будем черпать твой запас,
И пусть мирный труд науки
Единит и учит нас!

Помимо общества естествоиспытателей, Богданов принимал деятельное участие в работе Вольного экономического общества, Русского географического общества, Комитета грамотности и всевозможных комиссий. В 1885 году учёный основал Русское общество птицеводства, чтобы «содействовать развитию и улучшению птицеводства в России». Он был инициатором создания Санкт-Петербургского общества любителей породистых собак, первой кинологической организации в империи. Как первое, так и второе из упомянутых обществ проводили регулярные выставки и состязания своих питомцев, отбор и улучшение пород.

Богданов находил время и для литературного творчества. Более пятидесяти очерков и рассказов вышло из-под его пера, где художественная сила сочеталась с научной точностью и объективностью. Он выступал на страницах педагогического ежесемичника «Воспитание и обучение», в журнале «Родник» стремился передать детям свои знания и

наблюдения, научить понимать и любить природу. Многие из них издавались отдельными книжками, были допущены Министерством народного просвещения «в ученические библиотеки всех средних и низших учебных заведений, а также и в бесплатные народные читальни и библиотеки».

В 1883 году Богданов подготовил сборник очерков «Мирские захребетники» о живых существах, так или иначе связанных с жизнью человека и его бытом. «Мы только тогда обращаем на них внимание, когда они нам мешают спать, есть, заниматься делом, портят вещи или чересчур грабят нашу провизию, – пишет Богданов. – Постараемся узнать, кто с нами живёт; зачем поселились эти жильцы; что они делают; кто их друзья и враги и как они относятся к нам самим».

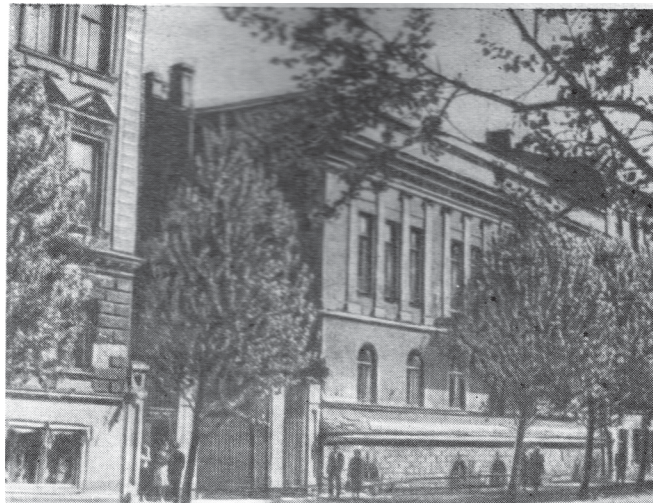
Сборник переиздавался более 20 раз. «Ничего подобного нет в русской литературе, – отметит журнал «Русская мысль». – Книги написаны замечательным учёным и, кроме того, написаны поэтично, увлекательно. В них каждая строчка – золото, каждая страница – клад. По своей талантливости они стоят выше всякой похвалы».

Первым критиком и ценителем сочинений Богданова был его старший сын Дмитрий, которому он читал их вслух. На многих очерках и рассказах имеется посвящение младшему сыну – Олегу.

С годами здоровье учёного становилось всё хуже. Сначала он вынужден был оставить место хранителя музея Академии наук, в 1885 году прекратил чтение лекций. Университет дал ему командировку на Кавказ, предполагая, что в тёплом климате он сможет работать и поправить свое здоровье. Однако повышенная влажность дурно повлияла на него, врачи посоветовали скорее уехать.

С марта по октябрь 1887 года Богданов проживал в родной Сызрани, где насчитывалось около 30 тысяч жителей, имелись публичная библиотека и земская больница. Модест Николаевич встречался с родственниками, гулял по живописным окрестностям и замечательно поправился.

Осенью Богданов вернулся в столицу таким бодрым, каким его давно не видели. Возобновил лекции в университете, взялся за научную работу, включился в деятельность созданных при его участии обществ. Но приступы тяжёлой болезни вскоре возобновились. На страницах «Родника» появились три его очерка, последний из них под названием «Глухарь» Модест Николаевич диктовал уже

Дом, в котором жил и умер М.Н. Богданов (Васильевский остров, 2-я линия, д. 37).

будучи прикованным к постели. Однако надеялся выздороветь, выйти в отставку, уехать на родину и писать для детей и народа.

4 марта Модест Николаевич почувствовал себя совсем плохо. Дома был только старший из трёх сыновей, десятилетний Дмитрий; больной скончался на его руках. В последний путь Богданова провожала большая толпа народа, студенты несли на руках гроб от университета до Александро-Невской лавры. Было много цветов, тёплых речей, некрологов в русских и зарубежных изданиях.

Сочинения Богданова, не вошедшие ранее в сборник «Мирские захребетники», после смерти автора его друг и соратник Вагнер собрал и издал под названием «Из жизни русской природы». Книга пользовалась не меньшей любовью читателей, чем «Мирские захребетники». Основу ее составляют очерки из жизни зверей и птиц, причём некоторые, как например «Леший», «Охота в симбирских садах», «На косых», целиком построены на воспоминаниях детства. В простой и занимательной форме Модест Николаевич дал ответы на многие вопросы любителей природы, нарисовал целые картины из жизни обитателей лесов и полей, ярко описал их повадки и нравы. «Вестник Европы» заметит, что «детской литературе редко достаётся счастье иметь для себя такое талантливое и вместе авторитетное в науке перо».

Ирина МАРШАЛОВА, кандидат филологических наук, зав. сектором научной работы музея И.А. Гончарова.

ПУТЕВОДНАЯ МИССИЯ НЕДЗВЕЦКОГО

85-летию известного гончароведа посвящается...

21 апреля 2021 года исполнилось бы 85 лет известному литературоведу, заслуженному профессору Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Валентину Александровичу Недзвецкому (1936–2014). В.А. Недзвецкий принимал участие в открытии единственного в стране Историко-литературного музея И.А. Гончарова в 1982 году, а затем обновлённого и расширившего экспозиционные площади Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова в 2012 году. Начиная с 1987 года исследователь являлся постоянным участником всероссийских и международных научных конференций, приуроченных к юбилеям писателя и проводимых на родине великого симбирянина. В.А. Недзвецкий – лауреат Литературной премии 2008 года, посвящённой 200-летию юбилею И.А. Гончарова, за совокупность исследовательских работ о творчестве романиста.

Открытие Историко-литературного музея И.А. Гончарова. Ульяновск, 1982 г.

В третьем номере «Вестника Московского университета» за 2011 год в статье «Валентин Александрович Недзвецкий», написанной к 75-летию учёного профессором Московского государственного университета С.И. Кормиловым в соавторстве с профессором Московского педагогического университета В.И. Коровиным, был опубликован более чем внушительный список научных, просветительских работ исследователя. Ссылаясь на уважаемых авторов московского издания, перечислим некоторые из них: «И.А. Гончаров – романист и художник» (1992), «Роман И.А. Гончарова» (1996, 2000), «Русский социально-универсальный роман XIX века. Становление и жанровая эволюция» (1997), «От Пушкина к Чехову» (1997), «И.С. Тургенев» (в соавторстве с

Приветственное слово в рамках заседания учёного совета с межрегиональным участием к 85-летию со дня рождения Валентина Александровича Недзвецкого (1936–2014) кандидата филологических наук, доцента Московского городского педагогического университета, супруги В.А. Недзвецкого Елены Юрьевны Полтавец (г. Москва). Ульяновск, 21 апреля 2021 г.

П.Г. Пустовойтом и Е.Ю. Полтавец, 1998), «Русская деревенская проза» (при участии В.В. Филиппова, 2000), «Роман Н.Г. Чернышевского “Что делать?” и его оппоненты» (2003), «Роман И.А. Гончарова “Обломов”. Путеводитель по тексту» (2010), «Статьи о русской литературе XIX–XX веков. Научная публицистика. Воспоминания» (2011), «История русской литературной критики XVIII–XIX вв.» (1992), «И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя» (2008, 2011), «Русская литература XIX века. 1840–1860-е годы» (при участии Е.Ю. Полтавец, 2010), два издания «Истории русского романа XIX века. Неклассические формы» (2010) и другие. Особо стоит отметить деятельность В.А. Недзвецкого как комментатора и автора сопроводительных статей в первую очередь книг И.А. Гончарова «На родине» (1987), «Обыкновенная история» (1995), «Необыкновенная история» (1999). Он участвовал в подготовке 8-томного собрания сочинений писателя. А в «Материалах V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова» (2012) в своей статье «Романная “трилогия” И.А. Гончарова и античный роман» Валентин Александрович резюмировал важнейший вывод для понимания миссионерской задачи великой русской литературы в целом и собственной исследовательской позиции в частности: «В заинтересованном внимании к мифологическим мотивам (или фигурам) греко-римской античности Гончаров в той же мере продолжатель А. Пушкина, М. Лермонтова и Н. Гоголя, как и предшественник

Ф. Достоевского, Н. Лескова и Л. Толстого. Для автора «Обломова» художественная потребность в них диктуется желанием и умением уловить в настоящем непреходящее, в текущем – устойчивое, в меняющемся – вечное, в социальном – национальное, в национальном – всечеловеческое. А ведь главное, что отличает миф от религии, философской или научной истины, как и литературный образ от понятия и всего лишь украшенного риторического слова, заключается в органичной обоим воистину неисчерпаемой *многозначности*. Иное дело, что в контексте романа *нового времени* древняя мифология (и не только языческая, но и ветхозаветная, христианская, исламская), исполняя уже иные, чем в античной (или средневековой) прозе художественные функции, претерпевает неминуемую *модернизацию*. Но и в этом случае значительно повышает *универсальность* героев и коллизий данного романа, к которой всегда стремились и будут стремиться творцы великих созданий словесного искусства».

Именно 21 апреля в конференц-зале Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова по инициативе музейщиков и при поддержке ведущих гончароведов страны состоялось заседание учёного совета с межрегиональным участием, посвящённого 85-летию со дня рождения выдающегося филолога В.А. Недзвецкого. В однодневном заседании в форматах онлайн и очно выступили члены Союза писателей России, преподаватели вузов страны, библиотечные и музейные работники Ульяновска. Во вступительном слове кандидат филологических наук, заведующая сектором научной работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова И.О. Маршалова заметила: «Прежде чем передать слово уважаемым коллегам, отмечу важнейшую особенность, как бы подсвечивающую деятельность учёного на протяжении огромного периода времени: я бы обозначила это литературоведчески, в терминологии Михаила Михайловича Бахтина как

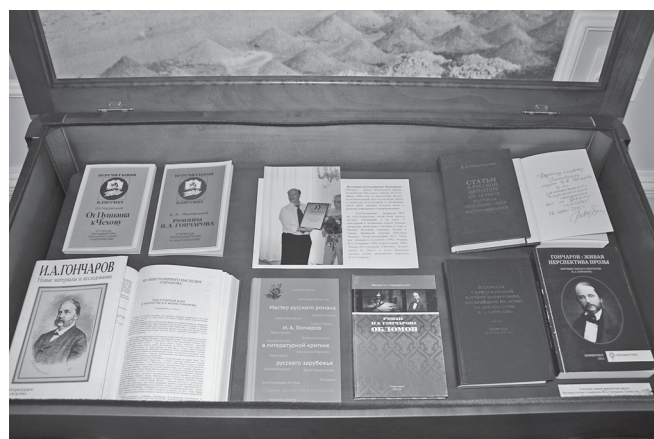

Сообщение старшего научного сотрудника Антонины Васильевны Лобкарёвой «В.А. Недзвецкий и Музей И.А. Гончарова: история взаимоотношений и сотрудничества» в рамках заседания учёного совета с межрегиональным участием, посвящённого 85-летию со дня рождения Валентина Александровича Недзвецкого (1936–2014). Ульяновск, 21 апреля 2021 г.

«память жанра». Эту память жанра Валентин Александрович изучал, культивировал и обогащал как преподаватель, читавший тематически разнообразные лекционные курсы по русской литературе, критике и истории русского романа в частности; как коллеги, ценивший «исторический путь» развития филологической науки, вклады и достижения каждого учёного; как крупный специалист в области русской литературы XIX века, закрепивший её многоаспектные связи с письменными памятниками античности». С приветственным словом к собравшимся обратилась кандидат филологических наук, доцент Московского городского педагогического университета, супруга В.А. Недзвецкого Е.Ю. Полтавец (г. Москва), которая продемонстрировала комплекс наиболее значимых публикаций исследователя, поблагодарила организаторов совета и пожелала

В.А. Недзвецкий (второй справа) на вручении Литературной премии, посвящённой 200-летию юбилею И.А. Гончарова, среди лауреатов, потомков воспитанников Гончарова – семьи Трейгут и сотрудников музея. Ульяновск, 2008 г.

Мини-выставка «Памяти В.А. Недзвецкого» по материалам фондов Ульяновского областного краеведческого музея. Ульяновск, 21 апреля 2021 г.

коллегам дальнейших успехов на «гончаровской ниве». О В.А. Недзвецком, как наиболее заметном исследователе русского романа, рассказала доктор филологических наук, профессор, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова И.А. Беляева (г. Москва). Весьма убедительно прозвучало утверждение, восходящее к недавней статье исследовательницы «Данте как скрытая причина спора: к вопросу о конфликте И.А. Гончарова с И.С. Тургеневым» (2021): «...Гончаров открыл для Тургенева новые возможности романа. Он познакомил его со своей идеей романа, которая имеет прямое отношение к архитектонике “Божественной комедии” Данте». Это в немалой степени позволило «скорректировать представление о “гончаровской школе” (В.А. Недзвецкий) Тургенева и определить границы и степень влияния романских идей Гончарова на романное творчество Тургенева». Доктор филологических наук, профессор, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова И.В. Пырков (г. Саратов) в докладе «Путеводная миссия Валентина Александровича Недзвецкого в науке о Гончарове и в науке о человечности» поделился наблюдениями над гончаровскими концепциями литературоведа, по-прежнему не теряющими методологической ценности. В сообщении заведующей сектором краеведения Модельной центральной городской специализированной библиотеки им. И.А. Гончарова О.Т. Абдулиной «Слово о В.А. Недзвецком» внимание было уделено посещению учёным в июне 2008 года ульяновской библиотеки в рамках вручения Литературной премии, посвящённой 200-летию И.А. Гончарова. Выступление старшего научного сотрудника А.В. Лобкарёвой «В.А. Недзвецкий и музей И.А. Гончарова: история взаимоотношений и сотрудничества» подтвердило глубокую заинтересованность учёного и сотрудников музея в продвижении имени великого писателя на всероссийском и международном уровнях: «Валентин Александрович часто приезжал в Ульяновск на Гончаровские праздники, мы подолгу разговаривали, он расширял круг наших представлений, он чётко формулировал наше порой слишком эмоциональное восприятие проблем гончароведения, задач развития музея. Тогда пришло осознание, что сотрудники музея внесут свой вклад в гончароведение, если займутся архивными изысканиями, которые станут

значимой основой для составления научной биографии писателя. Также пришло осознание, что музей должен стать объединяющей площадкой, где могут проходить научные конференции и издаваться сборники конференций. <...> В.А. Недзвецкий вел большую работу по популяризации жизни и творчества И.А. Гончарова. Помогал создавать, а затем был членом Гончаровской комиссии при Союзе писателей России, принимал участие в торжественных собраниях, посвящённых юбилеям писателя. Эти собрания проводились Союзом писателей России в Колонном зале в Москве. <...> Валентин Александрович присутствовал на праздновании 200-летнего юбилея И.А. Гончарова. С докладом он выступал на пленарном заседании юбилейной Гончаровской конференции. Мы рады, что Валентин Александрович увидел новый музей писателя, признание Гончарова на государственном и международном уровнях. Ведь он сам вложил столько сил, ума, энергии, чтобы изменить отношение к писателю, раздвинуть рамки восприятия его творчества». Доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного технического университета А.А. Дырдин напомнил собравшимся об активной диссертационной деятельности учёного, способствовавшей созданию максимально благоприятных условий для защиты соискателями подготовленных ими диссертаций.

Во время работы учёного совета все желающие могли ознакомиться с мини-экспозицией «Памяти В.А. Недзвецкого» по материалам фондов Ульяновского краеведческого музея, подготовленной под руководством заведующей сектором научно-экспозиционной работы Е.Б. Клевогиной. На выставке были представлены работы (статьи и монографии) В.А. Недзвецкого разных лет, фотолетопись сотрудничества исследователя с Музеем И.А. Гончарова.

Учёный совет завершился свободной дискуссией участников.

Заседание было приурочено к Году книги в Ульяновской области. В мероприятии приняли участие члены Союза писателей России, преподаватели Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского городского педагогического университета, Саратовской государственной юридической академии, Ульяновского государственного технического университета, библиотечные и музейные работники, СМИ и общественность города.

Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал».

РОДНАЯ КРАСОТА В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА АРХАНГЕЛЬСКОГО

Виктор Васильевич Киселёв – заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии им. Репина, называвший Архангельского другом, учителем и просто дядей Митей, однажды сказал: «В жизни Дмитрий Иванович всегда видел красоту и радость. Искусство его было правдивое, радостное, солнечное, светилось искренностью и простотой».

Сам Дмитрий Иванович так определил тему своего творчества: «Колоритный город Симбирск – Ульяновск, имеющий богатую историю, Волга, оживленные общественной жизни города – всё это подсадало мне направление моей деятельности. Я стал художником – учителем и краеведом».

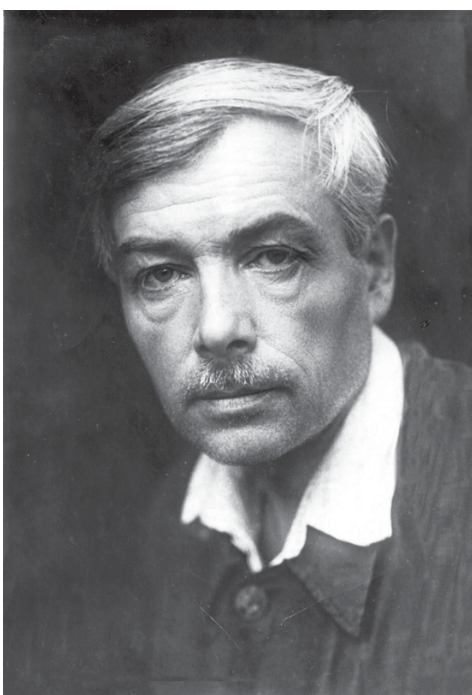
Краеведение – это важнейший элемент провинциальной культуры. Краеведов называют хранителями народной памяти.

Это люди, которые не по должности, а по призванию занимаются изучением своего родного края.

В автобиографических заметках «Как я стал краеведом» Дмитрий Иванович вспоминал: «В детские годы я любил рассматривать цветные узоры для вышивок (приложения к журналам) и кружева матери. Хорошо помню, как она искала новые мотивы кружев. Когда я с ней шёл на базар как помощник по переноске тяжёлых покупок, она брала с собой вязальный крючок и нитки. А в нашем городе было в обычае оконные занавески украшать кружевами. И если ей встречались новые мотивы кружев, она останавливалась и принималась снимать образчик новой композиции».

У бабушки в сундучке я видел русское шитьё 150-летней давности из глухой деревни Симбирской губернии, откуда она была родом. На простыне (невестинной) были вышиты «кони», а в левом углу надпись «Господи». И когда мне уже было много лет, я как-то подумал, что значит это изречение, и пришёл к выводу, что «кони» – большая сила для деревенского хозяйства – обещают благополучие обладательнице простыни.

Там же были у бабушки полотенца с русским шитьём, с мотивами народного фольклора: кони, хороводы, птицы и т.д. Совсем уже старенькой, бабушка все эти драгоценные узоры передала в мои коллекции. Я их берегу, с благодарностью вспоминая добрую бабушку и, конечно, показываю их своим посетителям

Д.И. Архангельский. 3 сентября 1933 г.

и учащимся».

В настоящее время «бабушкин сундучок» хранится в Музее-мемориале В.И. Ленина, куда он вместе с другими многочисленными коллекциями, которые долгие годы любовно собирались художником, был передан внучкой Д.И. Архангельского Натальей Андреевной Мешалкиной. Да и сам Дмитрий Иванович собрал немало образцов шалей, платков, кружев, вышивки, тканей конца XIX – начала XX вв., бытовавших в Симбирской губернии, образцов вологодских, михайловских, вятских, костромских, елецких кружев, доставляемых в Симбирск по Волге.

«С открытием навигации на Волге у нас в городе появились богатые торговцы. Снизу привозили саратовскую сарпинку, сверху – кружева, вязанные на коклюшка. Татары разносили ткани. В один

прекрасный день к нам постучалась кружевница и попросила посмотреть её товар. Она бережно вынимала из своего узла свёртки кружев из суровых ниток. Это было рукоделие кустарей, плетение по народным образцам. Я ухватился за возможность пополнить в своё собрание образцы народных кружев. Попросил мастерицу отобрать мотивы «постарше» и отрезать $\frac{1}{2}$ аршина. Когда мы рассчитались с мастерицей, она сказала, что ходит уже не один десяток лет, а не было случая, чтобы кружева покупал мужчина».

Яркие детские впечатления на всю жизнь оставили глубокий след в душе художника.

«Из городской жизни помнится нечто фееричное – зимняя ярмарка, балаганы, карусели, «Петрушка», резные игрушки, нарядные книжки в ярких обложках и конный ряд с сотнями коней».

На Волге весной, после ледохода, горожане ждали появления первого парохода, а мальчишки – весёлой, золотистого цвета под косым парусом «косушки». И это было понятно, ведь косовые везли замечательные вещи: городецкие пряники печатные. На них были оттиснуты «кони», фантастические «птицы», пышные «цветы». Привозили пряники медовые, тёмные, большого размера, также с оттисками, но более сложных сказочных сюжетов. Кроме пряников, прибывали к нам верховые, глиняные, неотразимо привлекательные куклы. Их покупали, что называется, на расхват, и, поднимаясь по горе в город, юные покупательницы шли медленно, чтобы часом не споткнуться и не

разбить весеннюю гостью – румяную куклу. Привозили косовые и детскую мебель столярной работы с вычурной росписью в три цвета (красный, зелёный и чёрный) по золотому фону и, наконец, «свистульки». Пряники, конечно, не залёживались у ребят, но куклы у девочек жили подолгу и были любимы, а «свистульки» потом слышались по всем улицам Симбирска. В моём собрании тоже были пряники. Я их хранил в коробках под стеклом. Но в голодные годы на Волге мы с детьми съели их».

С детства Дмитрий Иванович был очень любознательным, ему «о многом хотелось знать и особенно заманчиво, когда это было покрыто какой-то таинственностью и недоступностью».

«На самой тихой и самой короткой улице, б. Стрелецкой, совсем недалеко от дома, где прошли детские годы В.И. Ленина, в угловом кирпичном доме издавна существовала бакалейная лавочка, а сбоку дома крыльцо и дверь с загадочной в то время для меня надписью: «Архивная комиссия». И сколько я не присматривался к этой двери, никто туда не входил и не появлялся оттуда».

Дом, о котором вспоминает Дмитрий Иванович, располагался на пересечении улицы Стрелецкой, на месте которой возвыгнут Ленинский мемориал, с Сенной улицей – ныне улица Дмитрия Ульянова. Принадлежал он купцу Я.В. Балясову. Часть первого этажа занимала бакалейная лавочка, а в шести арендованных комнатах второго этажа с 1897 г. до октября 1918 г. располагался музей Архивной комиссии, в котором хранилось более шести тысяч музейных предметов. Музей активно посещали учащиеся мужской и женской гимназий, духовной семинарии, епархиального, духовного городских училищ, кадетского корпуса, жители города. С 1897 по 1916 гг. хранителем музея был П.А. Александров.

Именно коллекции Музея архивной комиссии послужили основой Ульяновского областного художественного музея и Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова.

Далее Архангельский пишет: «И только когда я стал учителем, я решил, узнать, что это за учреждение».

Однажды я долго стучал в дверь Архивной комиссии, пока не появился на пороге единственный работник музея и, как я потом узнал, энтузиаст краеведческого дела, собиратель и хранитель симбирской старины Александров П.А. Дальше уже для меня всё обернулось диковинной сказкой: на стене комнаты я увидел три резных доски, три карниза симбирских изб. На первой доске я увидел льва среди сказочной растительности. В начале второй доски была изображена женская фигура с рыбьим хвостом. Третья доска – с автографом мастера. На ней вместо фигуры было вырезано «ФИКузм», фамилия резчика «Фёдор Иванович Кузьмин».

Я был поражён декоративностью досок и много раз потом повторял эти мотивы в графике, впитывая, усваивая гармонию и стиль народной волжской резьбы. Но я любил и действовать. Не откладывая в долгий ящик, я отправился с альбомом по нашим пригородным сёлам. Работал в Мостовой, Каменке, Лаишевке. В 1907 г. я был в с. Отважное в Жигулях и нарисовал дом купца Певнеева, похожий на старинный

терем. Рисовал я в Муранке Симбирской губернии резные наличники. <...> В эту пору и начались мои зарисовки народного творчества».

Как-то на летней ярмарке художник заполнил целый альбом рисунками телег и дуг с резьбой. Позднее он писал об этом в статье «Телеги ульяновских мастеров»: «Районы Ульяновской области, богатые лесом, издавна славившиеся народным искусством, в частности мастерством резьбы по дереву, хранят в себе следы крестьянского искусства. До сих пор там бытуют телеги, украшенные интересной резьбой. Наряжаются, главным образом, задок телеги и «подушка» (задняя ось). Узоры делались полукруглыми стамесками 2-3 размеров. Мотивы узоров один – скобочки разной величины. Самая вязь узоров простая. Узкая кайма наивная и скромная или богатая, в несколько рядов. Непременной принадлежностью убранства телег является круг – символ солнца или полукруг – знак восходящего солнца, сделанные всё из тех же скобочек».

Убор телеги зависит от её формы. Были телеги низкие и плоские, высокие и лёгкие, но ёмкие и т.д. Особенно нарядны бывали телеги «яичников», развезжавших по деревням наших мест и менявших свои немудрые товары: иголки, нитки, напёрстки, ленты, бусы, серьги, сладкие рожки на яйца. У таких телег зад и перед, обыкновенно, украшался резьбой и забирался тонкими рейками, расположенными в виде лучей. Внутренность телеги обшивалась лубком. Вся телега окрашивалась золотистыми колерами <...> Хотелось бы, чтобы эта красивая резьба и очень простая по выполнению нашла применение при украшении оконных наличников, калиток и ворот. В каждом селе найдутся свои образцы резьбы и мастера, которые творчески переработают найденные ими образцы и тем самым не дадут заглохнуть народному искусству».

Сохранилось большое количество работ, выполненных акварелью, тушью, карандашом, фотографий образцов деревянного зодчества и деревянной резьбы и список, составленный Дмитрием Ивановичем, «Народная резьба по дереву. Места и объекты зарисовок». Безымянным творцам прекрасного посвятил художник проникновенные строки: «Мило нам дедовское искусство нашей деревни, наивное, бесхитростное своими приёмами, мудрое, чёткое и неожиданно богатое в своём узорчатом беге на широких донцах деревенских прях, на горбатых, узких, почерневших вальках, на уютных чудесных солоничках, на ступах из забытой сказки старины. Здесь всё наше, родное: дорожки из прозрачной, скромной, задумчивой северной ёлки (вальки), репешки, невиданные звёзды – цветы, словно распустившиеся на встречу солнышку (солонки), нездешние древние деревья с плодами и птицами, пышные травы (карнизы), луга зелёные с конями крутошеими, жар-птицы в садах (пряничные доски), узорочье, как узор мороза на оконницах».

Незнамый, деревенский резчик – художник был большим мастером «ковровых» узоров. Зимой под шум вьюги он застилал свои доски для набоек и пряников диковинными травами и фигурами с редким пониманием заполнения пространства, с исключительным чувством мудрого декоратора. Узор легко и непринуждённо стелется по формам предмета,

неожиданно сдерживается рамками, звёздочками, укладывается желобками, лунками и другими измышлениями. Свет дробится и тает в извилах резьбы. В этих резных сказках «чуешь» нашу серенькую природу с её скромными цветами, шёпот лесов, очарование далёкого поля и самую душу творца изделий, побеждающую тебя своим искренним и большим искусством. <...> Богата наша родина произведениями народного творчества. Наша с вами задача и обязанность, мои соотечественники, искать и зарисовывать, фотографировать, беречь художественную старину, а главное – любить нашу великую Родину».

В 1909 г. открылось Симбирское фотографическое общество, организованное группой преподавателей 1-й мужской гимназии. В §4 устава общества были изложены его задачи. Участники фотографического общества призывались «содействовать иллюстрированию и воспроизведению выдающихся архитектурных сооружений, храмов, заводов, сёл, типов населения, сцен из местной жизни и т.п., имеющих значение для истории, географии и культурно-экономического развития Родины, или для развития фотографического искусства».

Возглавил общество В.В. Берштекер. Галина Дмитриевна Невзорова – старшая дочь Архангельского, вспоминала: «Виктор Викторович Берштекер – швейцарец, а у нас в городе преподавал французский язык в гимназии, где был учителем рисования Дмитрий Иванович. К Дмитрию Ивановичу он был очень привязан, конечно, восхищался его творчеством, а ещё сумел оказать ему неоценимую услугу. Он сумел увлечь его своим увлечением – а именно фотографией. Сам Виктор Викторович был прекрасным фотографом и выучил Дмитрия Ивановича фотографии не как ремеслу, а как определённой области искусства: фотограф-художник. Кроме того, он подарил ему превосходный, по тем временам лучший, фотоаппарат. Он ставился на треножник, фотограф закрывался чёрной тканью, затем открывал объектив и при помощи «резиновой груши» производилась съёмка. Дмитрий Иванович был увлечён, трудности не смущали, не охладили рвения. А для всей сложной работы, для фотообработки построил из картона и реек прекрасную фотографическую комнату в кухне, между печкой и стеной в комнату».

Дмитрий Иванович принимал самое деятельное участие в работе общества и считал, что серьёзное изучение фотографического дела очень помогло ему в сборе краеведческого материала. Это подтверждают и многочисленные фотографии, выполненные Архангельским, начиная с 1910-х годов, и запечатлевшие многое из того, что не сохранилось до наших дней.

21 декабря 1911 г. в Петербурге в конференц-зале Императорской академии художеств открылся Всероссийский съезд художников. Д.И. Архангельский участвовал в работе съезда как делегат от 1-й Симбирской мужской гимназии, в которой преподавал рисование и черчение. Работало восемь отделов, в том числе – «Художественное воспитание в семье и школе и преподавание графических искусств». Сохранилось три тома трудов съезда с многочисленными пометками художника.

Судя по пометкам, большой интерес Дмитрия Ивановича вызвала и работа пятого отдела

– «Русская старина и её охрана», где было заслушано 25 докладчиков. Так, например, Лукомский Г.К. выступил с докладом «Былое нашей провинциальной художественной архитектуры», Билибин И.Я. представил вниманию делегатов сообщение «Русское деревянное северное зодчество», Фёдоров И.Ф. – «К вопросу о сохранении памятников народного творчества в России». Многие доклады сопровождались показом диапозитивов, была развёрнута выставка «Древнерусская икона и художественная старина». Большое внимание было уделено обсуждению «Правительственного проекта охраны старины».

Отмечалось, что «духовенство по своим правам и обязанностям поставлено в такое положение, в силу которого оно оказывает весьма ощутительное влияние на судьбу русского искусства. Оно является фактическим хранителем памятников церковной русской старины и искусства, но в программах предметов, преподаваемых в духовных учебных заведениях нет совсем истории церковного искусства и церковной археологии. И, таким образом, духовенство не подготовлено к выполнению одной из важных своих обязанностей. Археология и церковное искусство – это такие предметы, успех преподавания которых зависит в значительной мере от наглядности. Поэтому при учебных заведениях надо основать вспомогательные учреждения, которые облегчали бы преподавание. Это можно решить посредством устройства церковно-исторических древлехранилищ, помещающихся при семинариях или при других епархиальных учреждениях, в которых необходимо собрать уцелевшие памятники церковной старины, имеющие художественное значение».

И неудивительно, что Д.И. Архангельский стал одним из действительных членов-учредителей Симбирского епархиального церковно-археологического общества, председателем которого явился епископ Симбирский и Сызранский Вениамин, а его заместителем – губернатор А.С. Ключарёв.

12 февраля 1913 г. был выработан проект устава, в котором излагалась цель учреждения общества – сохранение и изучение памятников церковной старины Симбирской епархии.

Обществом был создан небольшой музей-древлехранилище, который находился в здании духовной семинарии. Общество издало три выпуска сборника «Симбирская церковная старина». Первый из них вышел в 1914 г. К сборникам Д.И. Архангельский выполнил титульный лист с изображением фрагмента здания Симбирского кафедрального Николаевского собора и автографа археолога и археографа К.И. Невоструева, профессора древних языков Симбирской духовной семинарии: «Братие и отцы! Блюдайте ради отцов ваших, вас самих и грядущих по вас родов сии памятники минувшего. Профессор Капитон Невоструев». Автор вступительной статьи отмечал: «Мотивы каждой буквы надписей взяты автором всего рисунка, Д.И. Архангельским, из двух рукописей, хранящихся в архиве Симбирского Покровского монастыря, своим содержанием представляющих акты бывшей Симбирской Соловецкой пустыни».

Дмитрий Иванович Архангельский всем

сердцем воспринял дело собирания и сохранения русской старины. Его творчество 1910-1920-х годов проникнуто стремлением запечатлеть красоту родного края.

В 1921 г. вышла из печати его первая книга по краеведению «Симбирская старина в графиках Архангельского», посвящённая архитектурным памятникам Симбирска и губернии.

«Последние годы XIX ст. сыграли большую роль в деле изучения родной старины. Ряд известных наших художников посвятили себя исследованию богатых стариной городов России, в частности городов Поволжья и Севера.»

Симбирская губерния с её «дворянскими гнёздами» давно ждёт своего исследователя. Предлагаемый альбом рисунков симбирской старины является слабой попыткой в указанном направлении.»

Желание разгадать лик «старого Симбирска», служившего в своё время оплотом от набегов кочевников и незаметно теряющего свой первоначальный вид, побудило меня десять лет тому назад приступить к зарисовыванию и фотографированию симбирской старины.»

Создававшиеся в настоящее время благоприятные условия позволяют мне выпустить в свет альбом рисунков местной старины», – писал художник в предисловии к книге.

Книга-альбом состоит из трёх разделов, посвящённых гражданской архитектуре, церковной старине и симбирским усадьбам, и включает в себя 37 литографий. К каждому рисунку автор даёт пояснение, называет имя архитектора, если оно известно, указывает, на чьи средства и чьими стараниями построено то или иное здание.

Всеволод Михайлович Зыков – художник, литератор, бывший ученик Д.И. Архангельского в Симбирской мужской гимназии, во вступительной статье к книге отмечал: «<...> В этих работах с глубокой любовью воспроизводится тайна былой красоты нашего старого зодчества. Печатаемые работы – это сегодня написанная, проникновенная летопись симбирских древностей, зарисованных в том виде, в каком эти последние доступны нам, в наши дни, когда при желании мы кое-чем из оставшихся памятников красоты ещё можем вдоволь полюбоваться. Архангельский, до которого никто из художников не воспроизводил симбирской старины и который первым обратил на неё должное внимание со стороны художественной, сделал таким образом большое, прекрасное дело служения красоте и науке. <...> Мы должны сознаться, что художественные памятники древнего симбирского зодчества с каждым днём ветшают, пропадают, разваливаются. Эти печальные факты лишней раз подчёркивают необходимость и важность работ Архангельского. Издаваемой книжкой т. Архангельский указал нам на всю неотразимую красоту, заключающуюся в старом симбирском зодчестве. Мы должны принять все меры, чтобы сохранить эти древности, зарисованные рукой художника: по крайней мере, те из них, которые ещё сохранить можно.»

В 1920-е годы Дмитрий Иванович создаёт графические серии «Захолустье», «Архитектурный Симбирск», «Век минувший» и др. Эти гравюры словно заново открывали симбирянам родной

город, обращая внимание на всё значительное и своеобразное в его архитектурном облике.

Архангельский заведует секцией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Губернском отделе народного образования. Он часто выступает в печати. Его статьи публиковались в газетах «Заря», «Экономический путь», «Пролетарский путь», в сборниках «Ульяновский общественник», «Наш город» и других изданиях.

1920-е годы по праву считаются «золотым веком» краеведения. Горячо влюблённый в свой край, Д.И. Архангельский становится активным участником краеведческого кружка, организованного в октябре 1922 г. в Симбирском книгохранилище, а через год преобразованного в Общество по изучению Симбирского края.

Заседания, на которых выступал Архангельский, проходили особенно интересно. 7 декабря 1922 г. газета «Экономический путь» писала: «Д.И. Архангельский сообщил об обследовании им литых и кованых решёток в Симбирской губернии, им же зарисованных в наиболее интересных деталях. Решётки <...> говорят о большом настоящем искусстве, к которому некогда приобщался Симбирск в своём строительстве. Чуткое внимание знатока симбирской старины Д.И. Архангельского должно быть встречено с благодарностью. Слушавшие его доклад не пройдут теперь без внимания мимо этих незначительных с виду предметов».

Краеведение 1920-х годов существенно обогатило методику школьного образования. В декабре 1927 г. в Москве проходила III Всероссийская краеведческая конференция. В своём выступлении председатель Главполитпросвета при Наркомпросе Н.К. Крупская, обращая особое внимание на разработку программ школьного обучения, опирающегося на конкретный материал, отметила: «А где же черпать этот материал, как не в краеведении? Ведь на каждом шагу ощущаешь необходимость того, чтобы всю нашу работу пропитало всестороннее знакомство с краем».

В разгар краеведческой работы в ульяновских школах Архангельский издаёт методическое пособие «Экскурсионная графика», в котором предлагает темы экскурсий по изучению родного края, сопровождая текст линогравюрами с образцами архитектуры русского классицизма, деревянной резьбы и др. На страницах газеты «Пролетарский путь» публикует заметки «К весенним школьным каникулам» и «Краеведение на уроках ИЗО».

Дмитрий Иванович вспоминал: «<...> когда я стал учителем рисования, я изучал и зарисовывал производства, какие были в городе. Кроме рисунков с инструментов и станков я записывал порядок прохождения работы. С такой подготовкой мне легко было проводить экскурсии с моими учащимися.»

В 1927 г. побывал я на ветряных, водяных и вальцовых мельницах, на маслёне, на заводах: лесопильном, кирпичном, литейном, на городской электростанции, в мастерских жестянщиков, бондарей и колесников, портных и сапожников. Видел работу кузнецов, позже довелось познакомиться вместе с учениками железнодорожной школы, с работами и оборудованием ж.д. депо.

Вся моя краеведческая работа была тесно

связана со школьной работой. Она отображена в рисунках учащихся.

Программы курсов для учителей и дошкольных работников также насыщались мною краеведческими темами.

Накопленный опыт по краеведению, изобразительному искусству и новой методике и практике преподавания изобразительного искусства я публиковал в печати Ульяновска, Москвы, Ленинграда и Самары».

Сохранились воспоминания Архангельского о том, как интересно и по-новому были изучены две темы по краеведению в III советской школе II ступени, где он преподавал ИЗО. Одна из них «Карта кустарных промыслов Симбирской губернии», другая – «Карта расселения по Симбирской губернии чуваш, мордвы и татар». Учащиеся заранее собирали сведения, затем была проведена беседа о кустарях и выставка их изделий, а также рисунков с них. Это деревянные расписные ложки, коромысла, вальки с резьбой, дуги расписные и резные, телеги с резьбой, сани, игрушки и многое другое. Рисунки включали в себя группу изделий кустарей и перечень районов, где они проживают.

Большинство рисунков, главным образом в красках, монтировались учащимися на больших листах бумаги и вывешивались по классам, а в конце года выставлялись на школьной выставке.

«По второй теме наша работа протекала в таком порядке: учащиеся собирали сведения у географа о местах расселения чуваш, мордвы и татар (район, село) и о численности их. В предварительной беседе на первом уроке все сведения зачитывали и устанавливали 3 размера «фигурок» в национальных женских костюмах (как более нарядных и декоративных) в зависимости от процента населённости каждой из указанных народностей. Определили размер карты 2х2 метра. Распределили работу следующим образом: 4 человека должны были вычерчивать карту, остальные рисовали «фигурки». На втором уроке ребята раскрашивали «фигурки», наклеивали их на карту, делали необходимые надписи. Затем карта была вывешена в малом зале школы для всеобщего обозрения. Потом эта карта, конечно, была на школьной выставке. Кстати сказать, наши выставки отличались обилием экспонатов ярких и красочных».

Газета «Пролетарский путь» в №11 за 1924 г. в заметке «По школьным выставкам», рассказывая о выставках, подводящих итоги полугодовой работы школ города, особо выделила выставку III школы, которая «поражает своей грандиозностью и широтой размаха», на которой «особенно велики достижения в области художественного творчества детей» и что «это крупное достижение художника Д.И. Архангельского».

В своих заметках Дмитрий Иванович рассказывает и о проработанной с учащимися теме «Базар»: «Прежде всего необходимо коротко рассказать о том, что представлял из себя тогда Ульяновский базар. Как в каждом губернском городе, здесь имелся старинный гостинный двор с рядами магазинов и собственно базар, расположенный на огромной «базарной» площади в конце города. Часть её называлась Сенной площадью. Здесь с незапамятных времён стоял огромный сенной лабаз, где всегда можно было

купить сено, солому, овёс, а летом и снопы зелёной травы.

Рядом с сенным лабазом в базарные дни выстраивались длинные ряды возов с дровами, привозимыми из дальних лесных районов области.

Ближе к центральной улице города (б. Дворцовая ул.) размещался собственно базар с большими городскими весами (для взвешивания возов), лавками и глиняной посудой, с древесным углём, с галантереей и рядами молочным, масляным, мучным, мясным, рыбным. Зимой и летом на базарной площади проходили ярмарки, куда свозились товары ульяновских кустарей: телеги, сани и салазки, коромысла, вальки, дуги (крашенные и резные), кадки, квашни и игрушки. Во временных палатках продавали мануфактуру и галантерею. К ярмарке приводили на продажу большое количество коней. Одновременно открывались балаганы и карусели. Начинала развиваться кооперативная торговля.

Всю эту пёструю картину базара мы и видим на детских рисунках. В работах детей, таких дотошных наблюдателей, мы видим, как ассортимент товаров того времени, так и угадываем вкусы самих авторов рисунков.

Вот на акварели девочки-горожанки на первом плане показан ларёк с вывеской «Галантерея». Под навесом развешены ленты, бусы, платочки и салфеточки.

Налево от ларька продаётся глиняная посуда, причём опять показана посуда городского типа, и покупательница, судя по костюму, тоже горожанка.

А вот ещё очень интересная деталь акварели. На втором плане в левом углу видна палатка с вывеской «Сахарин». В силу этого рисунок становится уже документом, летописью тех дней.

На рисунке другой девочки особо выразительно нарисована лавчонка, где продавалось мыло. И тем самым как бы особенно подчёркивалось отрадное явление в торговле в данное время. Не следует забывать, что мыла в ту пору не хватало.

На третьем рисунке на первом плане изображена палатка с игрушками, а у прилавка стоит покупательница с дочкой. Среди игрушек мы видим дирижабль и игрушку-трактор (новая техника). И ещё одно интересное наблюдение юного художника: на ближнем плане дед выбирает глиняную посуду и ведёт беседу с хозяйкой товара. Дед обут в «романовские» валенки (белые с красными узорами). От наблюдательного юного художника не ускользнуло ни новое, ни старое в окружающей обстановке».

В работе с детьми Дмитрий Иванович широко использовал свой краеведческий материал, свои многочисленные коллекции, передавая им свой краеведческий азарт, свою страсть краеведа.

Невозможно перечислить всё то, что входило в круг интересов художника. Во всём он видел большую и благодатную тему для искусства. Русский по происхождению, Д.И. Архангельский оказался весьма чутким исследователем национальных культур Среднего Поволжья. Народное творчество чувашей, мордвы, татар, марийцев становится для него бесценным материалом. Костюмы, утварь, украшения собирались и многократно зарисовывались.

Интерес к народному костюму проявился у Д.И. Архангельского ещё в детстве.

«Первое моё знакомство с бытом и культурой чувашей началось с раннего школьного возраста, т.е. с 90-х годов прошлого <XIX. – В.К.> столетия. Каждое лето в каникулы я ещё мальчишкой с сестрой и матерью уезжал к её брату в село Тенеево б. Самарской губернии. Это село наполовину состояло из чувашей. Их улица примыкала к тихой речке Кондурче, богатой рыбой и раками. Бывало, каждое утро, когда я шёл с мальчишками купаться на речку, я часто видел стариков в белых рубахах, удивших рыбу с лодок-долблёнок, у своих огородов.

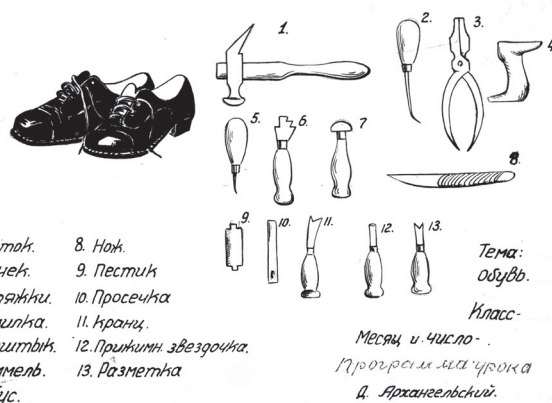
Но как сейчас помню, меня больше всего заинтересовал тогда женский национальный костюм: белые длинные рубахи, яркие вышивки на них, украшения из монет и другие части костюма. Это были мои первые и, надо сказать, яркие, навсегда запомнившиеся впечатления этнографического характера.

Позднее, уже в начале 1900-х годов, мне пришлось побывать в другом чувашском селе Тайдаковке, Симбирской губернии, вблизи Волги (пристань на Волге Новодевичья).

Более углублённое знакомство с этнографией чувашей у меня началось в 1924 г., когда я стал преподавателем рисования в Ульяновском чувпедтехникуме повышенного типа. Здесь я нашёл благоприятную обстановку: внимание руководства и преподавателей ко мне, новому сотруднику, и, главное, наличие здесь этнографического музея. <...> С первых дней работы в техникуме я стал частным посетителем этнографического музея. Его основателем, собирателем и руководителем являлся энтузиаст музейного дела Ф.Т. Тимофеев. С ним мы быстро сдружились, и он был постоянным спутником и руководителем в моей работе по ознакомлению с бытом и искусством чувашского народа. В музее я делал зарисовки чувашских узоров, костюма и резной деревянной утвари. Вскоре у меня с Ф.Т. Тимофеевым появилась мысль – издать сборник моих рисунков с соответствующим текстом с целью заинтересовать общественность ценными, интересными материалами музея».

В 1925 г. сборник вышел в свет. Он явился первым печатным изданием, посвящённым чувашской вышивке.

В коллекции, хранящейся в музее, представлены и акварели, выполненные Архангельским, и «костюмный материал»: «Народный костюм яркий, добротный, сделанный руками художников из народа может служить яркими моделями для рисования с натуры. На таких подлинниках народного творчества убеждаешься в глубине и колоритности народного бытового искусства, в умении деревенских рукодельниц блестяще разрешать цветовые соотношения и в умении использовать всевозможные материалы: различные ткани, позумент, ленточки, бусы, цветные пуговицы, кружева, бисер и т.д. Яркость старинного

1. Молоток.	8. Нож.
2. Крючек.	9. Пестик
3. Оттяжки.	10. Просечка
4. Гладишка.	11. Кранц.
5. Фарштык.	12. Прижим. звездочка.
6. Фуммель.	13. Разметка
7. Ямбус.	

Тема:
Обувь.
Класс:
Месяц и число:
Прогрессивная школа
Д. Архангельский.

костюма заставляет задуматься о том, как она могла появиться среди нашей «серенькой» природы.

С этнографическим материалом я выступал в кружке краеведения, на учительских курсах, в школьных кружках ИЗО. Словом вещи моего собрания, как я часто говорил, «должны работать». И они делали своё дело: поднимали у слушателей и зрителей интерес к народному вдохновенному искусству».

Об одном из таких выступлений на торжественном заседании Общества по изучению Симбирского края, посвящённом 275-летию Симбирска, газета «Пролетарский путь» 6 января 1924 года писала: «Вечер прошёл бледно. Исключение составлял доклад Архангельского, который показал самобытность народного творчества чувашей, мордвы и других жителей Симбирска. Им были представлены образцы народного творчества, вышивки на костюмах и полотенцах, зарисовки и т.д.».

Сохранился конспект доклада Д. Архангельского «Народное искусство Среднего Поволжья».

В 1966 г. состоялась выставка работ и коллекции Архангельского в Ленинграде в Государственном музее этнографии народов СССР. На учёном совете, состоявшемся в дни работы выставки, отмечалось, что в акварелях художника чувствуется рука опытного этнографа, тонко чувствующего национальные особенности быта и культуры разных народов.

Чёткость и точность делают их документальными источниками для этнографических исследований, для изучения народного искусства и национального орнамента.

Искусствовед Г.Н. Иванов-Орков отмечал: «Дмитрия Ивановича Архангельского можно считать одним из тех людей, чья деятельность не революционна, поступки внешне не масштабны, подвижничество не всегда заметно. Но именно благодаря им создаётся и сохраняется осязаемость, материальность и жизнеспособность культурной жизни общества».

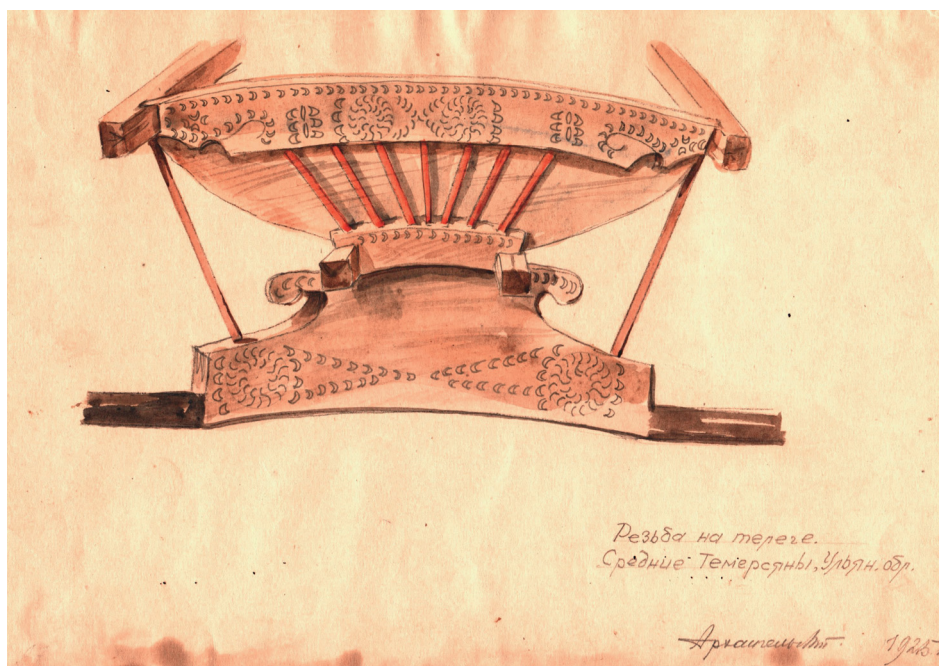
ТАЙНА БЫЛОЙ КРАСОТЫ. РИСУНКИ ДМИТРИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО

Симбирский базар. 1923

Часть резной дуги.
Ульяновск. 1927

Резьба на телегах. 1925 г. с. Средние Тимерсяны Ульяновской губернии

Ярмарка. 1920-е гг

Деревянная резьба на карнизе избы в Симбирской губернии. 1910

Чувашский женский костюм. 1928

Кокошник XVIII в.
с. Теньковка Симбирского уезда Симбирской губернии. 1921

Сара – женская поясная подвеска верхних чуваш. 1924

Панго – мордовский женский головной убор.
Вид спереди и сзади. 1920-е

**ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ И РАДОСТЬ БЫТИЯ.
КАРТИНЫ БОРИСА КЛЕВОГИНА**

Борис Клевогин. Окно в чулане. 2012, холст, масло, 70x55

Борис Клевогин. Букет. 2013, холст, масло, 80x60

Борис Клевогин. Венок. 2016, оргалит, темпера, 70x66

Борис Клевогин. Травы. 2015, холст, масло, 80x100

Борис Клевогин. Счёты. 2013, холст, масло, 60x45

Борис Клевогин. Морские раковины.
2013, холст, масло, 40x55

Борис Клевогин. Натюрморт с якорем.
1999, холст, масло, 50x70

Борис Клевогин. Северный натюрморт.
2016, оргалит, темпера, 99x79

Борис Клевогин. Букет тётке Вале.
2016, оргалит, темпера, 94x60

Борис Клевогин. Натюрморт с подковой.
2015, холст, темпера, 80x65

Борис Клевогин. Натюрморт с белой вазой.
2016, оргалит, темпера, 89x60

Борис Клевогин. Даша. 2013, оргалит, темпера, 80х95

Борис Клевогин. Еленка. 1985, холст, масло, 80х65

Борис Клевогин. Дима. 2013, оргалит, темпера, 100х80

ПОД СЕНЬЮ
ДРУЖНЫХ МУЗ

Нина НИКИФОРАКИ, член Союза журналистов России.

ЖИВОПИСНАЯ РАПСОДИЯ ХУДОЖНИКА КЛЕВОГИНА

Вместо предисловия

Про искусство заслуженного художника России Бориса Клевогина можно много рассуждать и философствовать. Такая вот сила полезного разума таится в его в общем-то очень мирных произведениях. Этот не атакующий напрямую визуальный ряд неназойливо «вытаскивает» автора из любого разнокалиберного сообщества.

Куда более динамичны и наглядны выставки персональные. И тут тоже количество работ особого значения не имеет: можно прийти в восторг от одной-двух-трех картин, а можно – и от всех одновременно. «Тихое помешательство» вам гарантировано. Уверена, Борис Васильевич добивается такого эффекта сознательно, намеренно, целенаправленно. Ведь его хорошо скрываемый за душевной сердечностью милый сарказм вдруг оказывается мощным вечным двигателем Настоящего Живого Искусства, огромного Мастерства, подлинного Творчества.

Экспозиция работ Б. Клевогина на выставке в музее А.А. Пластова

Живые вещи

Хорошим поводом вновь обратиться к творчеству Бориса Васильевича стала выставка в музее А.А. Пластова нынешним жарким летом. Проект, посвященный лауреатам Международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова, позволил представить из собрания Ульяновского художественного музея сразу десять живописных работ автора. Примечательно, что приобретены они были в разное время. Самая ранняя вещь – картина «Вечер», дата ее создания – 1982 год. В том самом году Борис Клевогин был принят в члены Союза художников СССР, ему не было и тридцати. Думается, тогда он был самым молодым официальным художником в Ульяновске.

Музейные закупки лучших произведений с выставок, вернисажей, а то и попросту из мастерских, не только материально поддерживали авторов, но и гарантировали таким работам «жизнь на века». Надо отдать должное профессиональным искусствоведам, дело свое они делали честно, бескорыстно, можно сказать, уникально.

Так в коллекции оказалось полотно «Дети», выполненное Клевогиным в 1986 году, моделями для него послужили собственные сын и дочка. «Почти Рембрантовская» плотность мазков, темный колорит и академичность построения картины-портрета – эти приемы художник в дальнейшем использовал нечасто. А вот пейзаж «На Волге» (все тот же 1986 год), напротив, станет родоначальником целого направления: небольшой причал и старенькое судно в тумане будут ассоциироваться с другими работами волжско-водно-свияжского образца будущих десятилетий.

Меня лично потряс «Натюрморт» 1990 года. Считается, что именно с этого времени Клевогин широкомасштабно приступил к новому жанру. Видимо, это один из первых шедевров. В пространстве полотна размером 90х65 см разместилась глиняная посуда: кувшин, крынка, полуразбитая миска, трудноопознаваемый предмет на фоне – может быть, даже сковорода. Предметы двигаются, хороводят, издают звуки. Кажется, что эти пляс и музыка объединяют два мира, и еще неизвестно, какой из них подлиннее и устойчивее.

В натюрмортах Клевогин будет постоянно совершенствоваться на протяжении всех последующих лет. Подсчитать количество работ невозможно, перечислить тематику – тоже. Мастер наслаждается, экспериментирует, предается фантазмагорическим ритуальным действиям, сказочно-театральным постановкам.

Заведующая Музеем А.А. Пластова Ирина Александровна Обухова так охарактеризовала нескончаемый интерес к творчеству художника: «Борис Васильевич Клевогин обладает своим неповторимым почерком. Его работы отличает особое внимание к линии, светотеневым экспериментам и объемам. Искусство Клевогина, несмотря на то что оно по своей природе настроено на созерцательность и размышление, с 90-х годов обретаясь в залах музеев и библиотек, стало символом городской интеллигенции. Однако его натюрморты с глиняными крынками, колесами от прялок, замками, ключами, тыквами, картофелем, колосьями и луговыми травами возвращают нас к земной стороне творчества художника, которое питает любовь к родному краю. Не случайно Борис Васильевич Клевогин стал лауреатом Международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова».

«Свой тайный смысл доверяют мне предметы...»

Борис Клевогин родился в Ульяновске 24 сентября 1953 года. В известном на всю Россию Пензенском художественном училище имени К.А. Савицкого он окончил живописно-педагогическое отделение. Вернулся из Пензы уже с супругой Ниной и... с небольшим опытом специалиста отдела эстетики при велозаводе. Красивое название места службы вдохновению талантливого выпускника, видимо, не способствовало. В производственные мастерские Ульяновского фонда Союза художников поступил в 1975 году по собственному желанию. Миновать оформительскую работу и сразу получить творческую свободу в те годы было невозможно.

Достижения в профессии художника зависят не только от внутренних установок, но и от внешних факторов. Ко вторым можно отнести творческую среду единомышленников и наличие собственных помещений для труда. К середине 1980-х Ульяновск преобразился во всех отношениях. В Новом городе были выстроены высотные монолитные дома с прекрасными мастерскими на верхних этажах. В них вселились выпускники столичных институтов, нынешних академий художеств. Места хватало и для своих талантов. А бурная выставочная деятельность региональных отделений Союза художников помогла молодежи широко демонстрировать свои произведения в Волгограде и Казани, Самаре и Чебоксарах, в лучших столичных выставочных залах, что придавало уверенности в своих силах, мотивировало к движению вперед.

После долгих странствий обрел свое пристанище в одной из таких высоток и Борис Клевогин. Просторная мастерская с отличным обзором городских просторов обладала главным достоинством – добрыми соседями. Дружба с семьей Горшуновых – Татьяной и Владимиром – окрепла со временем, спаялась нектаром духовного родства. Но и другие художники вносили лепту в творческий процесс: монументалист Валентин Бобыльков, прикладник-декоратор Ольга Лысенкова, портретист Ирина Соловьева. Все они к тому времени были выпускниками Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Ильи Репина. К счастью, многие задержались и осели в нашем городе.

А еще были творческие дачи Союза художников СССР и РСФСР. Туда съезжались именитые мэтры, основатели школ реалистического советского искусства, выдающиеся мастера и деятели культуры. Эти мастер-классы в неформальной атмосфере равенства и братства помогли состояться не одному поколению российских художников.

Борис Клевогин всегда поражал друзей и коллег уникальной способностью удерживать состояние творческой работоспособности, а еще бескорыстной отзывчивостью. Развешивал картины для коллективных экспозиций, принимал гостей-посетителей, помогал организовывать выставки другим. Он создал уникальную технику живописи, отточил приемы филигранной отделки деталей, усовершенствовал композицию в нескольких жанрах и при этом не впадал в ремесло, избежал однообразия. Талант, который способен развиваться и прогрессировать, – явление труднообъяснимое и трудноосуществимое.

Образцовый городской житель Борис Клевогин был еще и сельским тружеником. И простился с деревенским укладом не по своей воле. Милый сердцу домик в Крюковке вся семья вспоминает с грустью и печалью. Приобретенный в начале перестройки на средства от продажи картин галерейщику из Франции особняк (потому что стоял особняком в деревне) долгие годы подкармливал и вдохновлял художника. Там выращивались тыквы-королевы, кабачки-джентльмены, чудо-овощи и фрукты. Там была собрана коллекция нужных-ненужных вещей, которые сейчас можно видеть на картинах. Ведь ненужных предметов в жизни не бывает!

Картины остались. А дом, к сожалению, сгорел.

Оттенки тишины

Трудно поверить, но просторную мастерскую в монолитной высотке Нового города Борис Васильевич поменял на апартаменты поскромнее, но зато поближе к дому в ближнем Засвияжье. К слову сказать, так же поступили и его славные соседи.

Новая мастерская как-то сразу приобрела черты предыдущей. Картины обжили другие стены, мебель и предметы разместились по своим местам. Даже окна «оформились» так, что можно запутаться, где и когда написан тот или иной натюрморт. Где эти «Зимние сумерки», где та «Комната с дверью на балкон».

Утро художника по-прежнему начинается традиционно – с музыки. При звуках произведений любимых композиторов А. Скрябина, С. Рахманинова, А. Архангельского, И. Стравинского, П. Чайковского

– этот ряд можно продолжить – улучшается настроение, выстраивается гармония чувств и ощущений. А там – как душа запросит.

В работе у Бориса Васильевича, как правило, несколько полотен. Задуманное с вечера может уступить внезапному порыву. К «управляемому музыкой» вдохновению художник относится трепетно, бережно. Ценит движения собственной души, рожденные звуками. И тогда возникает она – магия.

Расставленные по ранжиру холсты с трепетом ждут прикосновения мастера. Художник пишет темперой. Эту технику быстрого нанесения цвета на полотно он сочинил сам и доводит до совершенства. Лаконичность сочетается с мельчайшей отделкой деталей, изысканный вкус – с чувством меры.

Несколько холстов выделяется солидным размером – 1,2x1,7 м. На одном скоро появится «Поле», другое засветится ночными огнями панорамы Засвияжья. Пейзажи художнику удавались всегда. Оттенками тишины, умиротворенностью, пространством уходящей в безграничность реальности они сообщают какой-то другой ориентир для восприятия окружающей действительности. Ты никогда не забудешь такой пейзаж, даже если не сможешь вспомнить ни одной детали.

Борис Васильевич Клевогин. Пейзаж с грачиным гнездом. 2013, холст, масло, 80x110

За двадцать лет нынешнего века творческая биография Бориса Клевогина заметно обогатилась, обросла приятными фактами, пополнилась наградами. И это неудивительно. Его работы постоянно экспонируются на самых престижных и статусных вернисажах нашей страны. Персональные выставки автора с успехом состоялись в Ульяновске и Дмитровграде, в Самаре и Цюрихе. Коллекционеры всего мира активно приобретают картины известного русского мастера. Их собирают жители Франции, Германии, Америки, Великобритании, Швейцарии, Китая, Украины. Большим успехом работы Клевогина пользуются у галерейщиков Москвы и Санкт-Петербурга.

В 2003 году Борис Васильевич награждается серебряной медалью Академии художеств России, а уже в 2006-м получает звание «Заслуженный художник Российской Федерации».

Но это еще не предел. Серебряная медаль Союза художников России появляется среди наград в

2013 году, в 2016-м – золотая медаль. Международная премия имени А.А. Пластова, имеющая особый статус для ульяновских живописцев, присуждается Борису Клевогину в 2017 году.

Что интересно, сам Борис Васильевич никогда не отважился бы перечислить вышеназванные факты. К успеху и славе он относится почти отстраненно, как к внезапно свершившемуся обыкновенному чуду. В его мире искусства и не такое может случиться.

Есть миг, счастливый и неожиданный

Художники – народ любознательный. Охотно путешествуют, знакомятся с прекрасным. Борис Васильевич – не исключение. В один из таких визитов в столицу Клевогин впервые увидел работы Дмитрия Михайловича Краснопевцева (1925–1994 гг.). И не где-нибудь, а в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке.

Один из самых замечательных представителей советского нонконформизма второй половины XX века завещал свое наследие Музею частных коллекций главной сокровищницы страны.

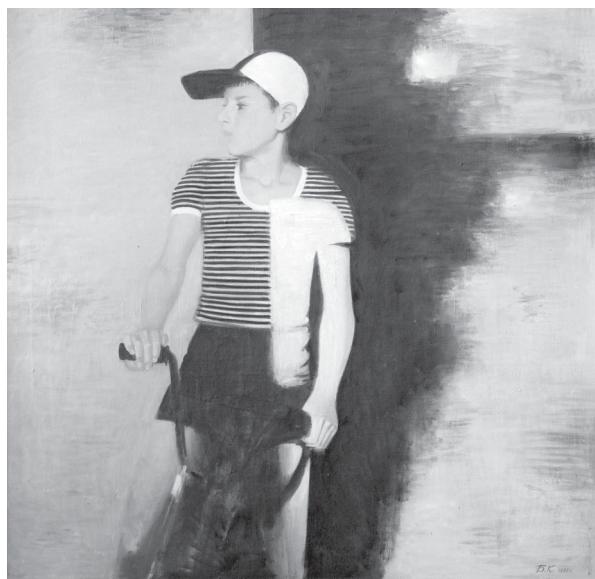
«Основной жанр Краснопевцева – близкий к сюрреализму «метафизический натюрморт» с простой, часто побитой керамикой, сухими растениями и раковинами, – говорится в «Википедии». – Эти меланхолические работы, написанные в глухих, пепельных тонах, развивают барочный мотив бренности и ирреальности мира».

Долгие годы полотна Краснопевцева почти не выставлялись, их собирали в основном коллекционеры, среди которых был известный меценат и покровитель советских художников Георгий Дионисович Костаки. Благодаря «сумасшедшему греку» имена многих мастеров «второго русского авангарда» сегодня известны во всем мире. Дмитрий Михайлович Краснопевцев, в творчестве которого Клевогин так явно распознал единомышленника, как раз из той плеяды представителей неформального искусства.

Ту ошеломляющую поездку хорошо запомнила и супруга художника. Клевогины вообще умудряются жить «камерно» и публично одновременно. Тихая, внешне сдержанная, но глубоко сосредоточенная на чем-то своем, Нина Васильевна – не только берегиня семьи, но и непревзойденная модель мастера. Ее портреты он пишет постоянно и в разных стилях: от академического, «с почти рембрантовской плотностью мазков», до авангардного – легкими, обобщающими контурами. Образ таинственной женщины просматривается в работе темперой на оргалите «Нина» (50x40 см), написанной в 2015 году. А вот большая картина «В мастерской художника» пока не закончена. Видимо, изучение характера жены и музыки продолжается.

Клевогин вообще пишет домочадцев охотно и много. Знаменитые работы «Велосипедист» (1990 г.) – портрет сына, «Лена» (1993) – портрет дочери, музейная картина «Дети» (1986) – они же. Выразительное лицо мужчины в суровых складках морщин – Василий Сергеевич Горшков, отец Нины, получается, что тестя.

Для давнего и любимого друга семьи Татьяны Горшуновой Борис Васильевич размахнулся аж на

Борис Клевогин. Велосипедист. Портрет сына. 1990, холст, масло, 100x100

триптих. Образ художницы, конечно же, намечен в центре. Боковые полотна постепенно заполнятся фантазийными сюжетами на темы ее натюрмортов и пейзажей.

Создавать портреты друг друга – давняя традиция художников и удачное вложение в историю искусства на века.

Художники – люди счастливые. Им удастся окружить нас красотой обычных предметов и явлений, соединить простую земную жизнь и мир идеальный. И к этой радости бытия мы все по-своему стремимся.

Информация к размышлению Подарок есть, но его как бы нет

Как известно, в этом году Ульяновское региональное отделение ВТОО «Союз художников России» отмечает 85-летие со дня основания в 1936 году. В Москве, в Главном выставочном зале «На Покровке» состоялся ретроспективный показ произведений наших живописцев, графиков, скульпторов, дизайнеров-прикладников. Намечены и другие яркие мероприятия в рамках этого солидного юбилея.

Но давайте совершим небольшой экскурс в прошлое и вернемся на десять лет назад. Тогда по случаю 75-летия УСХ министерство искусства и культурной политики Ульяновской области приняло ряд значимых и ценных решений. Одно из них – выдать именные сертификаты на издание альбома репродукций произведений изобразительного искусства каждому местному заслуженному художнику России. И сумма выделялась немалая – 300 тысяч рублей.

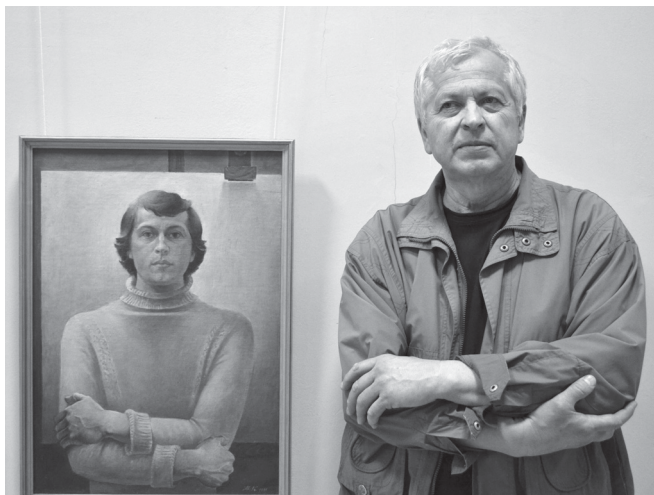
Борис Васильевич Клевогин – обладатель такого сертификата и, разумеется, претендент на авторское издание. Однако воспользоваться подарком заслуженный художник России до сих пор не смог. То ли правление УСХ не проявило настойчивости, то ли министерство культуры об обязательствах забыло.

Что касается самого художника, он готов предоставить отснятые произведения и поработать с макетом альбома репродукций.

О том, что наш земляк известен, популярен и востребован, можно судить по многочисленным публикациям в различных изданиях. Так, в солидном каталоге Международной ассамблеи художников

«Пластовская осень» 2016 года опубликовано глубокое исследование искусствоведа, заведующей Музеем изобразительного искусства XX–XXI вв Е.Н. Сергеевой под названием «Тихое искусство» Бориса Клевогина».

Но, видимо, тихо вести себя – уже неэффективно?! Значит, пришла пора пошуметь? Объединимся?

Борис Васильевич Клевогин

Наша справка

Борис КЛЕВОГИН – заслуженный художник России (2006 г.)

Родился 24 сентября 1953 года в Ульяновске.

В 1974 году окончил Пензенское художественное училище им. К.А. Савицкого (живописно-педагогическое отделение).

Живет и работает в Ульяновске с 1975 года.

В Союз художников СССР вступил в 1982 году.

Участник областных, зональных, республиканских, всесоюзных, всероссийских и международных выставок. На его счету десятки персональных вернисажей.

В 2017 году стал лауреатом Международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова.

Награжден серебряной медалью Академии художеств России (2003 г.), Дипломом Союза художников России (2011), благодарственным письмом Минис-

терства искусства и культурной политики Ульяновской области (2011), Дипломом Академии художеств России (2012), серебряной медалью Союза художников России (2013), золотой медалью Союза художников России (2016).

Работы находятся в собственности Министерства культуры РФ, в государственных музеях страны, в галереях и частных коллекциях по всему миру.

Мастерская художника

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Леонид ДРОЗДОВ, лауреат областной молодежной премии «Первая роса», автор исторических детективов «Квантун», «Закат над Квантуном», «Волчий яр» и др.

УСАДЬБА

Классическая повесть

1.

Сумерки опускались – день стремительно таял, а до отцовской усадьбы еще самое малое час езды. Как скверно выходит: хотелось засветло до Богородицкого добраться. А всё потому, что отвык Петр Павлович от весенней распутицы, забыл о тягучих бурых дорогах и трясучих ухабах. «Следовало бы раньше выехать», – с досадой подумал титулярный советник.

Получив третьего дня письмо от Тита Ивановича, Петр Вавилов, не раздумывая, собрался в дорогу. Управляющий писал о плохом самочувствии родителя и выражал крайнюю на сей счет тревогу. Кроме того, РАРА просил собраться всем вместе, а это дурной знак.

В гимназии, где Петр Павлович преподавал математику, Вавилов справил отпуск и тотчас выехал в родную губернию. Там он быстро добрался до боли знакомого уездного городка, где его и встретил отцовский кучер. Старина Козьма, вопреки обычному, всю дорогу молчал, о Павле Лаврентьевиче говорить не желал, ограничиваясь короткими фразами, которые терялись в его густой бороде: «Сами увидите, барин» да «Эх, барин!.. Не моего то ума». Унылое лицо всегда жизнерадостного кучера угнетало Петра Павловича еще больше.

Наконец, вдалеке, на высоком холме, разрывая темноту надвигающейся ночи, показалась белая колокольня сельской церкви. А под холмом чернели деревянные избы Богородицкого. От этого пасторального пейзажа, такого знакомого и родного, у титулярного советника защемило сердце. А тут еще колокол ударил, будто в честь него – совсем до мурашек проняло. Хотя, разумеется, перезвон ознаменовывал окончание всеобщей (была суббота).

Перед Богородицким свернули вправо, на тополиную аллею, которая вела напрямик в усадьбу. «Эко деревья разрослись!» – поразился Петр Павлович. Да, впрочем, что тут удивительного – не был он здесь лет пять, не менее. А вон и белый усадебный дом с колоннами и двумя флигелями. Штукатурка по углам обсыпалась, обнажая местами красную кирпичную кладку. Тит Иваныч за такое, верно, уж реприманда удостоился.

Имение отцовское располагалось в чрезвычайно живописном месте: с одной стороны к нему примыкало невеликое озерцо, своего собственного названия не имевшее. Павел Петрович с легкой грустью вспоминал, как в детстве часами сидел на его берегу, наблюдая за утками, которых нынче отчего-то не было видно. Как купались в оном вместе с Алексашкой на злобу няне Глафире Андреевне – жене управляющего, которая ныне экономка, кухарка и горничная в одном лице. Будто в другой жизни всё было. И куда всё делось, куда ушло?

«Любопытно, прибыл ли брат?..»

На том берегу озерца белеет беседка. Здесь юный Петруша любил уединяться для чтения книг. К беседке той вплотную примыкает роскошный яблоневый сад. Как же он прекрасен, когда цветет!

С другой стороны усадьбы, которая ближе к селу, сгрудились хозяйственные постройки, в авангарде которых стоял домик управляющего, выполненный в том же архитектурном стиле, что и самый барский дом. Особенно Петру Павловичу нравилась его крыша во французском стиле с люкарной. Службы также были выполнены с изяществами, что для бывавших гостей слыло дикостью и нелепостью, но Павел Лаврентьевич любил эстетическую красоту, поэтому всё у него должно было радовать глаз. Устроил из русской глубинки кусочек Франции. И знаете, губернский бомонд вскоре проникся сперва уважением, а потом и завистью к Вавилону – так понаравилось его имение.

В ту же сторону, чуть поодаль – конюшня и коровник, за которыми раскинулось бескрайнее пахотное поле до самой Ямановки – вотчины помещика Яманского – соседа Вавиловых. Петр Павлович всегда его недолюбливал и избегал. Очень уж тот фривольно себя держал, когда заезжал в гости. Много ругался и отвратительно громко смеялся. А когда садились обедать, Лука Трофимович зачастую забывал о вилке с ножом, неприлично чавкал и злоупотреблял водкой. Впрочем, что с него возьмешь – купеческий сын, возомнивший себя дворянином. Только вот не понимал он никак, что для того, чтобы стать настоящим дворянином, отнюдь не достаточно одного лишь богатства.

Сразу за барским домом начинался чудесный сосновый бор, что для губернии большая редкость и одновременно большое достояние. Петр Павлович частенько хаживал туда за грибами, будучи отроком. А его всё медведями пугали, велели одному не ходить. А он всё равно ходил, хотя и не знал еще, что никаких медведей там отродясь не бывало. С просьбой продать лес к Павлу Лаврентьевичу не единожды приезжали помещики из других уездов и даже губерний. Тот же Яманский раза три справлялся. Лесопилку-де собрался строить да кругляк по реке на юг сплавать. Сулил своему соседу долю и

крупный барыш. Вавилов на такое преступление против природы, разумеется, никогда не соглашался и определенно не согласится.

Что и говорить, прекрасная у Вавиловых усадьба!

Едва коляска с Петром Павловичем подкатила к крыльцу, из дома навстречу желанному гостю тотчас выскочил Тит Иванович. Отцовский управляющий был высоким крепким мужчиной с уверенным взглядом и повадками хозяина. Сельский народ его весьма уважал и беспрекословно слушался. Очевидно поэтому имение ежегодно приносило хороший доход.

Тит Иванович почти нисколько не изменился. Разве что в его окладистой бороде прибавилось седых волос.

Тепло обнялись, вошли в дом. А тут и Лизанька бежит. Совсем уж барышня, да всё такая же тоненькая и хрупкая, будто хрустальная! Увидала Петра Павловича, завсхлипывала, бросилась ему на шею.

– Как я рада, что ты приехал!.. – залепетала она, жвимааясь в него сильнее.

– Полноте, сестренка! – гладил ее каштановые волосы Петр Павлович. – Что зря реветь? Счастье ведь – вместе собрались! Алексашка, верно, уже здесь – вижу его фуражку на крючке!

– У папеньки он сейчас...

– Так чего же мы ждем?

Петр Павлович ласково отстранил сестру и направился во внутренние покои. Та, как и в детстве, семенила за ним следом, постукивая каблукками.

В комнате РАРА стоял полумрак – горела лишь одна керосинка. Вопреки ожиданиям, отец выглядел довольно бодро и с увлечением рассказывал о чем-то сидевшему рядом Александру. Брат и вовсе возмужал: военная форма определенно была ему к лицу.

Обнялись, поцеловались. Вавилов-отец велел Петру Павловичу взять стул и сесть рядом.

– Вот что я вам скажу, сыны мои, – так начал свою речь Павел Лаврентьевич. – Пожил я на своем веку достаточно и, вероятно, скоро отправлюсь к Тому, Кто «вдохнул в нас жизнь»...

– Полно Вам, рара! Я нахожу Вас вполне здоровым! – возразил старший сын.

– Не перечь мне, Петр, а послушай!.. – с некоторым раздражением парировал Павел Лаврентьевич. – Определенно вам скажу, что жить мне осталось недолго. Душой чую. Неладно мне последнюю неделю. Будто внутри меня всё на части разваливается. Ну да ладно. Не про это речь. Я с вами о будущем говорить хочу... Алекс, подай старику воды!

Он закашлялся, а младший сын послушно исполнил просьбу. Напившись вдоволь, Вавилов-отец продолжил:

– Был у меня о ту неделю Берг. Нотариус то бишь, Иосиф Фердинандович. Составили мы, значит, с ним духовную. Коньячку потом выпили... Он мне про своего предка, шведа, всё рассказывал, который остался в России со времен Полтавской битвы. Надоел ужасно! Да ведь не прогонишь уважаемого человека...

Петр Павлович несогласно покачал головой. Рано еще отцу в иной мир уходить, ох, рано!

– Только я вам вот что скажу: нет у меня

доверия к Бергу! – заявил вдруг Павел Лаврентьевич. – Скользок он и неискренен. Как, впрочем, и все в округе. А достойнее душеприказчика всё равно не сыщешь. Этот хотя бы нотариус!

Он снова сделал паузу, будто собираясь с мыслями.

– Так вот. Доверия у меня к Иосифу Фердинандовичу ровно столько, сколько нынче яблок в саду. Посему и решил я вам свою волю лично изъяснить. Чтобы, не приведи Господь, потом кривотолков не вышло, да чего похуже. А воля моя такова... – старик внимательно поглядел на сыновей. – Тебе, Петр, как старшему, достанется самая усадьба... Да-да! И не возражай!.. Ну и что, что ты в гимназии преподаешь?.. Имение наше куда важнее!

– Воля Ваша, отец, – послушно отозвался Петр Павлович. Бросать гимназию он не хотел, но отец был прав – усадьба важнее в сто крат. Родовое гнездо всё-таки.

– Тебе, Александр, – продолжил Павел Лаврентьевич, – завещаю десять тысяч рублей, что в Дворянском банке лежат на мое имя. Да, это меньше, чем стоит имение, но зато живые деньги.

– Благодарю Вас, батюшка, – поклонился младший сын.

– Ну и Лизаньке, сестрице вашей, оставляю я на приданое пять тысяч, – подытожил Вавилов-отец. – Думаю, в самый раз ей будет! Только прошу вас об одном: выдать ее замуж за достойного человека. И только с вашего на то благословения!

– Помилуйте, рара, да вправе ли мы с Александром решать ее судьбу?.. – осторожно возразил Петр Павлович.

– Конечно, вправе! – насупился старик. – Она же еще молода и ветрена! Семнадцать лет – возраст капризный и неразумный. Этак легко глупостей наделать! Вы же подскажите ей в нужный момент.

– Исполним, батюшка! – пообещал Александр.

– Вот собственно и всё, что касательно духовной. Теперь вы осведомлены, и это главное.

– Неужто нотариус способен обмануть?.. – усомнился младший сын.

– Не верю я нынче никому... – загадочно ответил Павел Лаврентьевич. – Давно вы в родных краях не бывали, не чувствуете того, что я чувствую. Дворянство нашей губернии, скажу я вам без преувеличения, с гнильцой стало. Модны среди нашего брата нынче либеральные идеи. Дескать, вся наша русская жизнь как тюрьма устроена. Дескать, топчется Россия на одном месте, покуда просвещенные державы вперед идут. Царя уже открыто ругают и Церковь высмеивают, представляете?..

– В столице те же мысли, – подтвердил Александр, служивший поручиком в одном из пехотных полков, расквартированных в Петербурге. – Оттуда навеяло.

Петр Павлович не стал сообщать, что и в его городе настроения в обществе схожие.

– Сами-то вы, я надеюсь, этой заразой не пропитались? Причащаться ходите?

Оба сына опустили головы. Петр Павлович последний раз был на литургии на Рождество.

– Ходим, батюшка, – ответил за обоих Александр. – Редко, но ходим.

– Никогда не теряйте веру в Бога! Иначе

пропадете... – наставлял их Павел Лаврентьевич. – Что-то устал я... Ступайте, спать буду...

Братья поклонились отцу и вышли.

2.

Весь вечер и половину ночи Петр, Александр и Елизавета провели в гостиной за оживленной беседой. Не видевшие друг друга годами, они ужасно соскучились и старались больше узнать о жизни каждого.

Петр Павлович не переставал удивляться перемене, произошедшей с Александром. Из озорного юнца, всегда взбалмошного и недисциплинированного, он превратился в сдержанного молодого человека, тактичного и уверенного в себе. Военная выправка, безусловно, пошла ему на пользу.

А вот Лизанька, к сожалению (или к счастью?), покамест не повзрослела. Да, ей уже не двенадцать, а семнадцать, но это всё та же хрупкая куколка, с тем же наивно-инфантильным отношением к миру. Повела она, как на той неделе приезжал к РАРА Яманский. Да не просто так, водки испить, а ее руки просил. Братья опешили: как-де этот старый ханжа опосел?

– Да так! – лепетала своим птичьим голоском Елизавета. – Сама слыхала – РАРА дверь в кабинет запамятовал закрыть, – а я рядом была.

– И что же батюшка? – нетерпеливо спросил Петр Павлович.

– Отказал он Луке Трофимовичу! – гордо сообщила Лиза. – Деликатно так, тактично, чтобы елико возможно не обидеть! Ну вы знаете, РАРА скандалов не любит. И слава Богу! А то я как представила себя под венцом с Яманским, чуть в обморок не упала!

– Да он отцу ровесник!.. – вспыхнул Александр. – Ишь, кобелина, удумал!

– Дааа... – задумчиво произнес Петр Павлович. – Была бы матушка жива, она б его за такие слова вмиг за порог выставила!..

Упоминание о матери заставило всех замолчать. Каждый вспомнил светлый образ той, которая дала им жизнь и которая безвременно покинула эту грешную землю, отправившись к ангелам.

Александр утер слезу, а Лиза и вовсе всплакнула.

Затем братья расспрашивали сестру, что нового в усадьбе. Тут ей тоже было что поведать.

Оказывается, батюшка еще два года тому открыл на собственные средства в Богородицком школу, помог отцу Феофану отремонтировать колокольню, прикупил лошадей для хозяйства. На лето в планах обновить фасад усадьбы – а то повсюду штукатурка осыпалась. Да егеря нанять, чтоб лес охранял – крестьяне соседних деревень повадились вырубкой Вавиловского бора заниматься.

Долго болтали о разном.

А утром узнали от Глафиры Андреевны, что батюшка их всё никак не проснется. Поднесли зеркальце ко рту – вроде жив, но в сознание не приходит. Перепугались, послали Козьму за доктором Шульцем.

Николай Карлович прибыл через час (благо за ночь дорожку подморозило). Послушал старика, веки тому пооттягивал, пощупал, помял и констатировал: «Плох, очень плох».

– Это мы, положим, и без Вас видим, – осклабился возбужденный Александр. Нет, не до конца он еще образумился. – Вы лучше скажите, доктор, чем он болен и как его лечить?

– Признаться, господа, Ваш вопрос весьма затруднителен, – проговорил Шульц, отодвигаясь от старика. – Никаких явных симптомов нет, однако ж сознание напрочь покинуло его...

– Что же нам делать, Николай Карлович?.. – испугалась Лизанька.

– Надеяться и верить в чудо, – холодно ответил эскулап. – Медицина в данном случае бессильна. Однако могу вам сказать откровенно, батюшке вашему недолго осталось...

От жестоких слов Елизавета убежала в гостиную, не в силах сдержать слезы, а Шульц поспешил откланяться и ретироваться.

– Что делать будем?.. – взволнованно спросил Александр у старшего брата, когда они остались одни. – Может, в город послать за другим доктором?..

– Пустое, – тяжело ответил Петр Павлович. – Тут и без доктора видно, что беда... Зови отца Феофана. Соборовать надо батюшку...

Богородицкий иерей прибыл к полудню. Братьев Вавиловых обнял, облобызал. Знал он их сизмальства, всегда любил.

– Что же это творится?.. – качал головой отец Феофан. – Как же это батюшка ваш так?..

Повздыхал, поохал иерей, молитвы почитал, помазал бездвижное тело Павла Лаврентьевича освященным елеем и ушел. А у самого глаза влажные...

Тит Иванович и Глафира Андреевна мечутся по дому, места себе не найдут. «Что-то с усадьбой будет?..» – подходили они с одним и тем же вопросом то к Петру Павловичу, то к Александру. Не нравилось это Вавиловым: что за имение радеют, но не за батюшкино здоровье.

День прошел, а Павлу Лаврентьевичу не лучше и не хуже. Лежит себе всё так же овощем, еле-еле дышит, а в сознание не возвращается. У постели его попеременно Петр, Александр да Елизавета дежурили, зеркальце каждые полчаса ко рту подносили.

А наутро, когда очередь Алексашки была, зеркальце потеть перестало...

– Умер, – трагически объявил младший сын и расплакался, будто гимназист.

Обнялись Вавиловы сам-трое и долго так простояли, долго слезы текли по их молодым, красивым лицам... Управляющий с женой тоже прослезился, но быстро взяли себя в руки. Стали похоронами распоряжаться: зеркала в доме простынями накрыли, у плотника Еремы заказали гроб и крест, отцу Феофану сразу сообщили, чтоб готовился отпевать. Петр Павлович отдельно попросил Тита Ивановича привезти к среде нотариуса Берга. Ну и губернскому предводителю дворянства графу П. телеграмму отбить. Noblesse oblige. Приличия ради.

3.

На третий день, в среду, отпели Павла Лаврентьевича и схоронили на сельском погосте возле его благоверной. Из соседних помещиков один лишь Яманский приехал проститься с Вавиловым-отцом. Из прочих – нотариус Берг, доктор Шульц да уездный исправник Степан Фомич. Губернский

предводитель дворянства граф П. ограничился сочувственной телеграммой, а более никто. Зато крестьян собралось у барского дома – почитай всё Богородицкое. Павла Лаврентьевича они любили.

После похорон устроили поминальный обед. Яманский в черной засаленной поддевке неохотно ковырял ложкой кутью, поглядывая из-за своих густых бровей то на братьев, то на Лизу. Его испитое, неухоженное лицо с растрепанной на две стороны бородой вызывало у Вавиловых отвращение.

– Жаль старика вашего!.. – неискренно пробасил вдруг Яманский. – Хороший человек был! С кем мне теперь водку пить? С тобой, что ли, Петр?

– Я, сударь, водки не пью, – процедил сквозь зубы Петр Павлович, покоробленный шутивно-развязным тоном помещика и особенно тыканьем.

– Уж лучше коньячку-с! – вставил нотариус Берг, кротко улыбнувшись. В отличие от Луки Трофимовича он держался скромно, лишних фраз не ронял, где нужно кивал, где требовалось, вздыхал. Его морщинистое лицо вкупе с практически лысым правильным черепом выдавали в нем ежели не старого, то стоящего на пороге старости господина. Особенностью этого человека был удивительно наивный взгляд, под которым скрывались проницательность, самоуважение и практичность одновременно.

– Надо сказать, господа, оба варианта недурны! – поддержал алкогольную тему уездный исправник, подкручивая усы. Степан Фомич хотя и состоял в чине прапорщика запаса армии, но происходил из самой обыкновенной крестьянской семьи, а потому чрезвычайно льстился своим положением и своей удавшейся карьерой. И действительно, редкий солдат мог выслужить личное дворянство.

– Господа, не забывайте, по какому поводу мы здесь собрались!.. – сделал замечание возмущенный Александр.

Гости затихли, сосредоточившись на еде. Лука Трофимович принялся беззастенчиво глядеть на Лизу, заставляя ее краснеть. Его симпатия к семнадцатилетней барышне не вызвала сомнений.

После обеда Иосиф Фердинандович объявил, что, будучи душеприказчиком покойного Павла Лаврентьевича, он имеет честь огласить духовную. Яманский, Шульц и Степан Фомич единодушно испросили разрешения Вавиловых присутствовать на сем действии, дабы иметь представление, что будет с имением. Братья с сестрой нехотя согласились.

В гостиной Иосиф Фердинандович завладел вниманием аудитории, откашлялся, вытащил из-за пазухи свернутый вчетверо лист писчей, надел на нос пенсне и принялся оглашать. Монотонные казенные фразы бодро вырывались из его уст, но почти тотчас затухали и растворялись в воздухе. Сообщив сугубо формальные биографические подробности преставившегося Павла Лаврентьевича, он перешел, наконец, к прикладной части:

– «...Завещаю усадьбу свою в селе Богородицком, N-го уезда, N-й губернии, а равно и все служебные постройки, включая флигель управляющего, вместе с земельными наделами площадью N десятин, в кои безусловно входит сосновый лес площадью N десятин, своему старшему сыну Петру Павловичу Вавилову...»

Ловя на себе пристальные взоры, титулярный советник мысленно вздохнул: был учителем математики, а придется стать помещиком. Что ж, значит, таков его крест.

А нотариус тем временем продолжил:

– «...Завещаю 10 тысяч рублей серебром, что размещены на моем счете в Дворянском банке, моему младшему сыну Александру Павловичу Вавилову...»

– Поздравляем, господи!.. – воскликнул уездный урядник.

– Погодите, Степан Фомич, это еще не всё, – осадил его Берг. – «...Завещаю 5 тысяч рублей серебром, что размещены под моим именем на том же счете в Дворянском банке моей единственной дочери Елизавете Павловне Вавиловой в качестве приданого по выходу ее замуж».

– Поздравляем! Поздравляем! – зааплодировали гости.

– Минутку внимания, господи! – снова взял слово Иосиф Фердинандович и произвел неожиданную манипуляцию: вытащил из кармана еще один листок, узкий и длинный, похожий на банковский чек.

– Что это у Вас?.. – с подозрением спросил Александр.

– Господа, – после некоторой паузы произнес нотариус, – я имею честь предъявить вам еще одну бумагу. Это долговой вексель, по которому ваш покойный родитель, Павел Лаврентьевич Вавилов, обязуется выплатить господину Яманскому Луке Трофимовичу 40 тысяч рублей серебром.

Берг продемонстрировал собравшимся документ. Все ахнули и невольно обступили нотариуса, единственно лишь Яманский остался сидеть в креслах, с довольной усмешкой наблюдая за Вавиловыми.

Петр Павлович выхватил у Иосифа Фердинандовича бумагу и принялся читать. Почерк как будто отцовский: его фирменные крючки на литерях «буки» и «зело» ни с чем не спутаешь. Вексель был составлен 17 января сего года. По нему действительно Павел Лаврентьевич Вавилов повинен был выплатить 40 тысяч рублей личному дворянину Яманскому в срок трех месяцев!

– Так ведь срок истек! – воскликнул Петр Павлович первое, что пришло ему на ум.

– Срок истек, да долг не возвращен! – ответил ему Лука Трофимович, живо поднялся и, вплотную подошедши к старшему наследнику, выхватил у того вексель и быстро спрятал за пазухой.

– Что же Вы не отдали вексель в суд? И почему он у Берга?

– Вестимо отчего: случаев подобных со мной не случалось, что делать и как быть, я не знал. Оттого и упросил господина Берга, по старой дружбе, помочь мне с сим юридическим казусом!

– Это за что же, позвольте узнать, наш покойный батюшка Вас сорока тысячами собирался облагодетельствовать?.. – язвительно осведомился Александр, встав подле брата.

– Вестимо: продулся в винт.

– А Вы, стало быть, винтите? Что-то не припомню за Вами! – наседа на него Петр Павлович.

– А Вы когда, сударь, последний раз в

Богородицком бывали? – повысил голос Яманский. – Часто ль к батюшке своему наведывались, чтобы уверенно говорить об его привычках?.. То-то же!.. А коли не верите мне, у Елизаветы спросите!

Братья поглядели на сестру. Лиза сконфузилась и, ломая руки, ответила не совсем ясно:

– Помнится, играли папенька с Лукой Трофимовичем пару раз в карты... Зимой. Под Сретение, верно. А более и не помню. Да у нас и стола-то ломберного нет... А что б куда в гости выехать – такого не бывало. РАРА не ездил никуда...

– Тогда-то ваш родитель и продулся! В этом самом доме! В библиотеке мы с ним винтили! – пыхтел Яманский, брызжа слюной.

– Да, именно в библиотеке они играли... – подтвердила Елизавета. – За чайным столиком.

– Однако каков поворот!.. – шепнул Степан Фомич стоявшим с ним Бергу и Шульцу.

– В общем, так, господа Вавиловы, – заявил Яманский, вдруг умерив пыл. – Есть у меня до вас разговор. Приватный, так сказать.

– Прошу в кабинет, – тотчас пригласил Петр Павлович и добавил, обращаясь к гостям: – Господа, благодарю вас, что приехали и почтили память Павла Лаврентьевича! Лиза проводит вас.

Врач, нотариус и уездный исправник уехали, а братья Вавиловы с Яманским уединились в отцовском кабинете, не забыв плотно затворить дверь.

– Положение ваше весьма печально, – начал помещик, заведя руки за спину и приняв важный вид. – 40 тыщ – деньги немалые. Это аккурат всё, что оставил Вам батюшка, включая самое усадьбу. Она, полагаю, 25 тыщ не стоит, но с учетом прекрасного леса 17-18 вполне. Однако я готов зачесть ее за 25.

– Как великодушно с Вашей стороны!.. – съехидничал Александр, сложив руки на груди.

– Более того, я готов предложить Вам прекрасную сделку. Ежели Вы согласитесь, то я даже оставлю Вам усадьбу.

– Вот как? – поразился Петр Павлович. – Чего же Вы хотите?

– Руки вашей сестры, – спокойно ответил Лука Трофимович, поспешно прибавив: – В этом случае я оставляю тебе, Петр, усадьбу, а тебе, Александр, 10 тыщ. Только разве что от приданого Лизы в 5 тыщ не откажусь. Согласитесь, хорошее предложение?

Братья молча переглянулись. С одной стороны, они не хотели терять отцовское имение и деньги, но с другой – не могли и подумать, чтобы выдать сестру за это чудовище.

– Ваше предложение оскорбительно, милостивый государь! – ответил ему Вавилов-старший. – Подите прочь!

– Потом жалеть будешь, Петр, – медленно произнес Яманский. – Впрочем, я дам вам подумать.

– Пустое! Наш ответ будет неизменен! – горячился учитель.

– В тебе сейчас говорит гнев, но не разум, Петр. Поэтому я дам вам время до пятницы. Обсудите мое предложение на холодную голову. Заметьте, я к вам весьма благосклонен! Это в память о вашем батюшке... Ну, счастливо оставаться!

4.

Оставшись одни, Петр и Александр долго просидели молча, прежде чем последний наконец произнес: «Что думаешь, брат?»

– А что тут думать?.. Дело ясное: Лизу за него не отдадим!

– А как же наша фамильная усадьба?..

– Черт бы с ней!.. – не сразу ответил Петр Павлович.

– И ты так легко это говоришь?.. Наши предки потом и кровью выслужили Богородицкое, выстроили этот чудесный дом в лучшем месте губернии, чтобы вот так, враз, подарить его какому-то купеческому прохиндею?.. Ты понимаешь, что ты говоришь, Петр?..

– Уж не завещанные ли 10 тысяч серебром заставляют тебя так говорить?..

– Да как ты смеешь такое произносить?? – рассердился Александр, сдвинув брови. – Не денег жалею я, но усадьбы, которая, вижу, тебя не слишком и заботит!..

– Полноте, брат!.. Уймись! Прав ты: не в деньгах спор, но в имении... Однако стоит ли оно сломанной жизни Лизы?..

Александр замолчал, закрыв лицо руками.

– Господи, да ведь должен же быть выход!.. – промычал он.

– В город надо ехать. К адвокату, – решил Петр Павлович.

В тот же вечер братья Вавиловы прибыли в губернскую судебную палату, где отыскивали самого опытного присяжного поверенного. Сей господин принял уездных дворян из Богородицкого практически тотчас, предложил чаю с пряниками и вообще был весьма любезен. Узнав детали дела, с которыми приехали Вавиловы, адвокат быстро скис и, пожевав губами, ответил однозначно:

– Скажу вам прямо, господа, смерть человека отнюдь не отменяет обязательств, принятых им по долговому векселю... А посему вам, как законным наследникам вашего отца, придется выплатить господину помещику названную сумму. Суд, безусловно, будет на его стороне... Простите, ничем помочь я вам не смогу. Мое почтение.

Настроение Вавиловых упало. Впрочем, оба они в душе понимали, что шанс отыскать юридическую лазейку, позволившую бы сберечь отцовское имущество, едва ли представится.

Тогда Петр предложил брату поехать прямо к губернскому предводителю дворянства. Идея заключалась в том, чтобы упросить графа П. убедить Яманского умерить свои требования.

Главу местных аристократов Вавиловы нашли в здании Дворянского собрания. Это был энергичный, отнюдь не старый человек с худым неподвижным лицом, темной шевелюрой, тонкими усами и загадочным выражением серых глаз. Одетый в черную визитку с иголки, в бриллиантовых запонках и с жемчужиной в галстук, он подавлял окружающих своим достатком, своим положением и своей харизмой.

Здороваясь с Вавиловыми, он надавил каждому из братьев большим пальцем на кисть. Вероятно, желал таким образом показать свою силу и свой статус.

Сверкнув перстнем со змеей, поедавшей самое себя, он предложил гостям сесть и в первую очередь выразил свои глубочайшие соболезнования по случаю кончины Павла Лаврентьевича.

Братья и граф П. расположились в полукреслах у низкого столика, на котором стояла весьма искусная фигурка совы. Вообще же кабинет губернского предводителя дворянства изобилует множеством всевозможных скульптур и безделиц.

Вавиловы подробно описали всю тяжесть положения, в которое попали, и даже огласили предложение, сделанное им Яманским. Граф П. слушал внимательно или, по крайней мере, делал вид, что внимательно слушает, потому что лицо его не дрогнуло ни одним мускулом. Единственно лишь бровь его поползла вверх, когда разговор дошел до матримониальной темы.

– ...Мы в отчаянном положении, ваше сиятельство! – так заканчивал речь Петр Павлович. – Именно поэтому мы взяли смелость просить Вас о помощи...

– Послушайте, господа, у любой монеты две стороны, – пространно заговорил главный дворянин губернии. – Вы же смотрите только на аверс, но отнюдь не желаете видеть реверс.

– Что Вы хотите этим сказать?.. – не понял Александр.

– Ровно то, что у всего происходящего в этом мире всегда есть две сущности: черное и белое, или хорошее и плохое. Взгляните хотя бы на этот древнейший символ на моем перстне. Вам, вероятно, он известен – это Уроборос. С одной стороны змея лишается собственного хвоста, но с другой – получает необходимую пищу. Это как жизнь и смерть.

– Едва ли в нашем положении возможно найти что-то хорошее... – вздохнул Петр Павлович.

– Взгляните на ситуацию по-другому: какие выгоды вы получите, если ваша сестра выйдет замуж за соседнего помещика? Давайте рассуждать вместе: сохраните усадьбу – раз, сохраните 10 тысяч рублей серебром – два, обеспечите вашей сестре безбедное будущее – три. Да, господин Яманский не самого знатного рода, – брезгливая тень пробежала по лицу графа П., – однако он достаточно богат и усердно над собой работает, чтобы стать настоящим аристократом.

– Что-то не заметно, – ехидно бросил Александр.

– Разумеется, сей процесс не быстр. Огранка грубого камня происходит не вдруг, – философски отметил его сиятельство. – И, кроме того, вам следовало бы объясниться с сестрой. Надеюсь, она поймет, что лучше для нее и для вас. Поверьте, в наше время многие барышни мечтали бы занять место подле Яманского.

– Вы правы, материальный достаток нынче в моде, – кивнул с усмешкой Петр Павлович.

– Так было всегда, – пожал плечами предводитель дворянства. – И это естественный закон жизни.

– Тем не менее мы просим Ваше сиятельство отговорить господина Яманского от идеи жениться на нашей сестре, – подытожил Вавилов-старший. – Мы готовы отдать ему все завещанные деньги – пятнадцать тысяч серебром, но не Лизу и не усадьбу!

– Более того, мы согласны на рассрочку – выплачивать долг помесечно, рублей по сто... – прибавил Александр.

– Христа ради, Ваше сиятельство, уговорите Яманского пощадить нас! – взмолился Петр Павлович. – Хотя бы отсрочкой...

Губернский предводитель дворянства поморщился.

– Этак вам, господа, и за 20 лет с Яманским не расплатиться, ежели по «катеньке», – быстро сосчитал граф П.

– А мы поболее платить будем: по двести! – заспорил старший брат. – Имение отца в порядке – даст Бог, скоро расплатимся!

Его сиятельство снова поморщился.

– Сомневаюсь, что господин Яманский на это согласится. Однако из уважению к покойному Павлу Лаврентьевичу я уважу вашу просьбу. Только, простите великодушно, за результат ручаться не возьмусь.

– Покорнейше благодарим Вас!.. – обрадовались братья.

– Да вы бы лучше вняли тому, что я вам говорил, – сказал им напоследок граф П. – Белое всегда сопровождает черное. Поговорите с сестрой. Всегда к вашим услугам, господа!

5.

– А ведь граф прав, – сказал Петр Павлович братью, когда они возвращались в Богородицкое.

Александр недоуменно обернулся и, казалось, подскочил – коляска в тот момент подпрыгнула на кочке.

– Надо с Лизанькой поговорить. Она ведь не знает даже, что Лука Трофимович удумал.

– Если не знает, то догадывается, наверное, – забыл, она сама рассказывала, как Яманский просил ее руки у рара? – резонно возразил Александр. – Отношение ее к Луке Трофимовичу мы знаем. Идти с ним под венец она очевидно не желает.

– Быть может, положение, в котором мы оказались, изменит ее мнение?.. – осторожно отпустил Вавилов-старший.

– Ну уж нет, брат! Это будет ей прямым намеком нашей воли. Я лично не желаю навязывать ей такое решение!

– Я лишь предлагаю позволить ей решить самой. Быть может, она накинется на нас с упреками, когда узнает подоплеку.

– Ах, дьявол!.. – воскликнул Александр и отвернулся.

Почти всю оставшуюся до Богородицкого дорогу ехали молча. И лишь когда подъезжали к тополиной аллее, Вавилов-младший произнес:

– Будь по-твоему: расскажем Лизе...

Разговор с Лизой получался внезапно и весьма удачно.

– Что это вы такие угрюмые? И зачем в город ездили? – спросила она, встретив их в передней.

– К присяжному поверенному ездили да к губернскому предводителю дворянства, – охотно ответил Петр Павлович.

– Закон на стороне Яманского, – добавил Александр, снимая фуражку.

– А к графу П. зачем ездили?

– За тебя просить, Лизанька... – честно выдал младший брат.

А старший пояснил:

– Яманский поставил нам ультиматум. Ежели ты выйдешь за него замуж, оставит нам усадьбу и 10 тысяч серебром.

– Что?.. Я?.. – Елизавета едва не задохнулась от услышанного. – Ах он и мерзавец!..

– Но ты не волнуйся, мы на это никогда не пойдём!.. – поспешил успокоить ее Петр Павлович. А у самого не в первый раз возникла крамольная мысль: не всё ли ей равно, за кого под венец идти? Почти все ее сверстницы так и выходят – по расчету.

Лиза упала на диван и, закрыв лицо руками, тихо всхлипывала, не в силах сдержать эмоции. Братья обняли ее и еще раз заверили, что Яманскому откажут.

– Как же папенька мог так проиграться?.. Он ведь почти никогда не играл... А тут сразу на 40 тысяч!.. – причитала Елизавета, чуть успокоившись.

– И я не могу поверить!.. – поддержал сестру Александр.

– Тут что-то не так... Лиза, вспомни точно, когда РАРА с Яманским играли? – оживился Петр Павлович.

– Под Сретение. И еще после раз. Я хорошо запомнила – папенька ко всеобщей даже не пошел.

– Пстойте, но ведь в векселе стояло «17 января»! – воскликнул Вавилов-старший. – Ты точно помнишь, что на Сретение играли?

Лиза кивнула.

– А с ними был еще кто? – с подозрением спросил Александр.

– Вдвоем играли они, в библиотеке.

– Так ведь в винт вдвоем не играют!.. – младший Вавилов вскочил с дивана и заходил по гостиной. – Винт – игра парная. Уж коли трое собираются, то играют обычно с «деревянным» или «болваном». Вдвоем теоретически тоже можно, с двумя «деревянными», но так, право, не играют!

– Да и с чего бы вдруг отец на такую сумму винтил? Не верится, что он играл на самое усадьбу! – прибавил Петр Павлович. – Однако ж почерк был как будто бы его... Я сам видел.

– Подделать почерк несложно, если образец под рукой, – загадочно произнес Александр.

– А ведь ты прав, брат!.. У Берга был пример отцовского почерка – его духовная! А Берг – близкий друг Яманского. Лука Трофимович сам о том упомянул!.. Экая картина выходит!.. Да нас надуть решили и обобрать!!!

– Ах он мерзавец!!! – вскричал Александр. – Петр, сейчас же едем в Ямановку!

– Ты что удумал?.. – испугалась Лиза. – Петр, останови его!..

Однако старший брат не собирался удерживать младшего. Злоба переполняла их обоих, жаждала объяснений.

Через полчаса Вавиловы уже были у Луки Трофимовича. Хозяина они застали за ужином. Не дожидаясь доклада лакея, они буквально ворвались в столовую.

Яманский так и застыл с рюмкой водки в руках. Красный от выпитого, в расхристанном халате и с грязной бородою, он был похож на самого настоящего бродягу, каким-то нелепым образом оказавшегося в барском доме. Усиливал сей эффект тот факт, что за столом он сидел один.

– А?.. Господа Вавиловы! Вот так сурприз!.. – Он медленно отставил рюмку, внимательно глядя то на одного незваного гостя, то на другого.

– Вы нас обманули, Яманский! – закричал Петр Павлович.

– Вы подлец, милостивый Государь! – вторил брату Александр.

– Да вы белены объелись?! – поднялся Лука Трофимович. – Вы что себе позволяете??

– Это вы, милостивый государь, позволили себе сфабриковать долговой вексель на нашего покойного отца!

– Вексель настоящий – ты сам видел почерк, Петр!.. – парировал Яманский.

– Почерк подделал Берг – у него была духовная отца! Вы подлец, милостивый государь! И Вы за это заплатите! – кидал обвинения Вавилов-старший.

А его брат заявил вдруг следующее:

– Вы ответите за Ваше преступление кровью! Я вызываю Вас на дуэль!

Петр Павлович остолбенел. Такого курбета от Александра он не ожидал. «Вот что значит военное воспитание», – с легкой завистью подумал Петр Павлович. А еще подумал о том, что сам бы он на такой смелый и благородный поступок не отважился.

Лицо помещика начало белеть, заиграло желваками.

– Ишь что удумал, сученыш!.. – процедил он сквозь зубы.

– Что, страшно стало, милостивый государь?.. – потешался над ним Александр, дьявольски улыбаясь. – Уж не знаю, как там у купцов, а в нашем дворянском сословии за оскорбления становятся к барьеру!

Яманский сдвинул брови, чтобы казаться грозным, однако его ошалевшие глаза выдавали в нем испуг и растерянность. Секунд десять он молча глядел на Вавиловых, соображая, как поступить. Понимал он, что дуэль с поручиком, скорее всего, закончится для него, купеческого сына, никогда не бравшего в руки оружия, скверно.

– Хорошо... – вымолвил наконец Яманский. – Я принимаю твой вызов, щенки!..

– В таком случае, милостивый государь, извольте выбрать секунданта – моим будет Петр!

Вавилова-старшего от этих слов словно током пронзило. Однако он нашел в себе силы утвердительно кивнуть.

– А Берг и будет, – тихо ответил Яманский, буд-то что-то прикидывая.

– Прекрасно! Петр будет ждать его завтра в Богородицком для обсуждения деталей предстоящего поединка! – решительно заявил Александр. – Смею также взять на себя хлопоты по покупке дуэльных пистолетов.

– Как угодно-с!.. – прыснул Яманский, зловеще сощурившись.

– Честь имеем! – воскликнул напоследок Александр и звонко стукнул каблуками сапог.

«Я горжусь тобой, брат!» – сказал ему Петр Павлович на крыльце.

Вавиловы вернулись в усадьбу взволнованные, но на все расспросы сестры так ничего и не рассказали.

6.

Утром следующего дня Александр собрался в город за пистолетами. Так уж случилось, что род их, насколько известно, в поединках доселе не участвовал, а посему и должного оружия в усадьбе не имелось.

Однако случилось небольшое недоразумение: отцовский кучер Козьма слег с почечуем – править коляской он не мог. Других конюхов в имении не держали, поэтому Александр, выругавшись по матери, взялся за вожжи. Петр Павлович хотел было ехать с ним, но Александр отказал.

– В любой момент Берг может приехать. Не нужно, чтоб Лиза узнала... – пояснил Вавилов-младший и был таков.

К полудню ни Александр, ни Берг не явились. Брат и сестра сели обедать вдвоем. Оба нервничали. Лиза чувствовала какую-то напряженность, исходившую от Петра, но не решалась завести разговор. Аккурат к чаю пришел Тит Иванович и снова давай спрашивать об имении. Петр Павлович заверил его, что ничего с усадьбой не случится, что бояться нечего.

– Так-то оно хорошо-с, да в народе бают, у покойного Павла Лаврентьевича долг большой остался – Богородицкое-де к Яманскому может отойти... – спросил управляющий с толикой смущения.

– Чушь всё! Сказки!.. – отмахнулся Петр Павлович, отводя взгляд.

– Народ под Яманского не пойдет... Лука Трофимович, бают, последнюю шкуру сымает с работяг... – будто не слыша, продолжал Тит Иванович.

– Много наш народ знает!.. – возмутился Петр Павлович. – Никто Богородицкое никому не отдаст!

– Рад бы слышать, ваше благородие... Только ежели всё ж иначе выйдет, народ бунт подымет. Так вот и знайте, ваше благородие! Я с Вами честь по чести...

Тит Иванович ушел, оставив после себя гнетущее чувство обреченности. К насущным трудностям добавилась еще одна – нежелание крестьян уходить под Яманского. Что, впрочем, только утверждало Вавилова-старшего в решении во что бы то ни стало сохранить имение.

«Даст Бог, Александр его убьет», – меркантильно подумал Петр Павлович.

Прибыл наконец Берг. Вавилов отвел его в кабинет, где они просидели с полчаса. Говорили нарочито тихо, чтобы не привлечь внимания Лизы. Петр Павлович даже не стал обвинять Иосифа Фердинандович в подлоге долгового векселя. Заботой о сестре он скрывал подступившее малодушие, которое неожиданно и неприятно проснулось в нем и завладело его разумом. А вдруг Берг вызовет его к барьеру? Что тогда?..

С четверть часа обсуждали детали предстоящей дуэли. Условились стреляться в 6 утра в Вавиловском сосновом бору, на Большой поляне (было там такое известное место). С десяти шагов. Берг сперва просил о двадцати, потом о пятнадцати, но Петр Павлович был непреклонен. Он почему-то вообразил себе, что чем ближе будет расстояние, тем проще будет Александру убить Луку Трофимовича. Вавилов-старший искренно полагал, что Александр выстрелит первым.

Далее между учителем математики и нотариусом снова вышел спор: сколько раз стреляться. Берг утверждал, что довольно одного, тогда как Петр Павлович настаивал на двух. «Уж с двух раз Александр не промахнется! – полагал Вавилов-старший. – Яманский должен быть убит!»

Так как у Луки Трофимовича не было ни детей, ни жены, ни родителей, Петр Павлович смел надеяться, что именно это обстоятельство станет препятствием для хода долгового векселя и позволит ему таким образом сохранить контроль над Богородицким. Берг про вексель ничего не спрашивал, так оно и понятно: документ остался у Яманского. Кто его потом найдет в случае смерти Луки Трофимовича?

Берг уехал. Опустелись сумерки, а брат всё не ехал. Странно...

– Припозднился что-то Александр... – вздыхала Лиза, подходя к Петру Павловичу.

– Может, в городе остался?.. Откуда мы знаем, какие у него дела!.. – неуверенно отвечал Вавилов-старший, а сам думал: «Утром дуэль – он должен вернуться сегодня же!»

Когда совсем стемнело, приехал уездный исправник.

– Братца Вашего, Александра, в рощице в семи верстах отсюда нашли... мертвым!.. – выпалил с порога Степан Фомич, а у самого глаза из глазниц лезут.

Лиза в слезы, а у Петра Павловича точно ком во рту застрял.

Немного успокоившись, начали исправника расспрашивать. Выяснилось следующее.

Вавилова-младшего нашли богородицкие крестьяне, когда домой с работ возвращались. Александр лежал ничком и не подавал признаков жизни. Сообщили старосте, тотчас за доктором и за станovým приставом послали. Последний известил Степана Фомича. Вавилову-младшему перерезали горло. Повсюду следы борьбы. Александра убили, вероятно, с целью ограбления: никаких ценных вещей при нем не оказалось – ни единой копейки.

– Пойдите, а где же коляска?.. – вспомнил Вавилов.

Степан Фомич про коляску ничего не знал. Стало быть, украли.

Петру Павловичу показалось это странным. Особенно внезапная болезнь кучера Козьмы. Будто заранее знал!..

– Брат Ваш нынче в покойницкой при земской больнице – езжайте забирать... – сообщил напоследок уездный исправник.

– Пойдите, Степан Фомич, а как же расследование? Ведь убийство же!..

– Становой пристав уже известил уездного следователя, не беспокойтесь... – ответил полицейский и вдруг замолчал. А потом тихо так, недобро прибавил: – Ведь рощица та к вашему имению относится...

– Что Вы хотите этим сказать?..

– А то, что преступление это, весьма вероятно, кто-то из богородицких крестьян учинил...

– Зачем же им Александра убивать?.. Сами подумайте!

– Примите мои искренние соболезнования...

Исправник уехал, а Вавилов первым делом

позвал управляющего. Тит Иванович ничего про смерть Александра не знал, а когда узнал, долго не мог поверить.

– Отчего староста нам не сообщил?.. Почему Козьма внезапно заболел?..

Но на эти вопросы у управляющего ответов не было.

Снова стали готовиться к похоронам: завешивать зеркала, заказывать гроб...

– Ах ты, Господи, Юрьев день!.. – выругался управляющий, всплеснув руками.

7.

Как это ни странно, но больше всего Петр Павлович боялся тогда, что ему придется участвовать в дуэли вместо покойного брата. Долг чести обязывал его так поступить, давлел над ним всею дворянскою силой. От одной мысли об этом у него неприятно сжималось сердце и начинали дрожать колени. Он решительно отказывался представить себя у барьера с пистолетом в руках, а если и представлял, то видел для собственной персоны исключительно трагический итог.

Поэтому, чтобы максимально обезопаситься от возможных неприятностей и недоразумений, он в тот же вечер послал Бергу записку весьма лаконичного содержания: «Александра убили. Приезжайте послезавтра на похороны».

На следующее утро к Вавиловым приехал молодой господин в форменном сюртуке и фуражке. Представился уездным судебным следователем Л. и сообщил, что ведет дело об убийстве потомственного дворянина Александра Павловича Вавилова.

Он долго и обстоятельно беседовал сперва с Петром Павловичем, затем с Лизой, потом выразил желание опросить управляющего с супругой и даже к кучеру Козьме наведалься. Всё это время он делал пометки в записной книжке, внимательно слушал и задавал уточняющие вопросы. Уездного судебного следователя особенно интересовала причина, по которой Александр отправился в город. Утром, да еще и без кучера. Вероятно, нечто чрезвычайно важное.

Вавилов-старший старался не отводить взгляд и держаться уверенно. Он утаил от следователя мотив, по которому брат поехал в город. Петр Павлович оправдывал свой поступок необходимостью неразглашения сведений о несостоявшейся дуэли, однако на самом деле он боялся Яманского. Потому что именно Лука Трофимович был как никто другой заинтересован в смерти Александра. Петр Павлович вдруг осознал, с каким опасным и беспринципным соперником свела его судьба, а потому счел за лучшее не будить лихо.

Вавилова-младшего привезли к вечеру. Восково-бледный, с отвратительным темным порезом на шее, он так мало был похож на того Александра, которого все знали. «Он так рано покинул этот мир, поплатившись за собственную отвагу. И так не вовремя!..» – подумал Петр Павлович, не менее кончины брата сожалея о сорвавшемся поединке. Что теперь будет с усадьбой?..

Похороны Александра прошли в точности, как и похороны Павла Лаврентьевича. Даже лица все те же приехали. С особенным трепетом Вавилов-старший ожидал Яманского.

Лука Трофимович явился спокойным и сдержанным. Жестко сжал Петру руку да поглядел проникновенно. Во взгляде его читалось торжество и сила, а также, как показалось Вавилону, чувство признания за умолчание о несостоявшейся дуэли. Между тем Петр Павлович ясно понимал, что за убийством брата стоит Яманский.

«И как я мог пожать этому человеку руку?..» – спрашивал Вавилова внутренний голос, всё еще исполненный чувства собственного достоинства.

Омерзительно гадко сделалось на душе учителя математики. Ему хотелось провалиться сквозь землю, хотелось вернуть всё назад и прожить эти дни заново.

После поминального обеда Лука Трофимович отвел Вавилова в сторону и как ни в чем не бывало сообщил: «Мое предложение в силе, Петр. Отдай за меня Лизу и останешься с именем и деньгами. А мне одного приданого довольно будет».

Петр Павлович не смог ему ничего ответить.

– Я после заеду. Дня через три. Тогда и спрошу в последний раз, – сказал Яманский и был таков.

В тот вечер пошел сильный дождь. Вавилов долго и пристально наблюдал за ним из библиотеки, сидя в высоком кресле с рюмкой коньяка в руках. Лиза пыталась заговорить с ним, но Петр Павлович попросил оставить его одного. Выпив половину бутылки шутовского, он здесь же уснул.

На следующий день в усадьбу снова прибыл уездный судебный следователь. Он торжествующе сообщил, что ему удалось отыскать вавиловскую коляску – нашли ее в старом сарае у крестьянина из Ямановки! Причем коляску забросали сеном для маскировки.

– Как же Вы ее нашли?.. – любопытствовал Петр Павлович, а у самого руки леденели.

– Отыскался единственный свидетель из Богородицкого, который видел, как коляска направлялась в сторону Ямановки, – пояснил судебный следователь. – Право, почти всё село опросить и проверить пришлось. Как выяснилось, не зря! Чувствовал я, что следы в Ямановку ведут!

– А где же коляска?.. – рассеянно спросил Вавилов.

– Уездный исправник обещал Вам ее самолично вернуть.

Следователь замолчал, а потом вдруг снова возьми да и спроси:

– Петр Павлович, подумайте хорошенько, нет ли у Вас еще чего мне сказать? Ведь кроме меня Вам никто не поможет...

Вавилов поглядел на него с удивлением.

– Ничего.

Вскоре действительно прибыл уездный исправник, заправляя коляской Вавиловых. Рядом бежал на привязи полицейский конь. Вернув Петру Павловичу коляску, Степан Фомич еще раз выразил свои соболезнования случившемуся несчастью и пообещал наказать виновных.

И хотя в тот вечер дождя не было, но провел его учитель математики аналогично предыдущему: в библиотечном кресле с коньяком.

Утром следующего дня он умылся ледяной водой и приказал Козьме запрягать коляску.

В уездный городок прибыли к полудню.

Судебного следователя Петр Павлович застал за чаем с сушками, извинился за беспокойство.

– А, господин Вавилов? Какими судьбами?..

– Я давеча Вам важную вещь не сказал... – решил признаться Петр Павлович. – У брата моего покойного разногласие вышло с помещиком Яманским аккурат за день до его смерти...

– Эх, сударь!.. – вздохнул следователь, с сожалением поглядев на Вавилова. – Дело Ваше в губернию передали, следователю по особо важным делам!

– Как это?..

– А очень просто! Там сочли, – чиновник указал пальцем наверх, – что убийство наследника достопочтенного помещика и потомственного дворянина Вавилова суть важнейшее дело для губернии. И нечего всяким уездным букашкам вроде меня им заниматься...

– Как странно...

– Да нет тут ничего странного, ваше благородие!.. – с досадой вздохнул следователь. – Только отыскал я ниточку, что к Яманскому ведет, так ее тотчас перехватили. Верно, хорошие связи у Луки Трофимовича в губернии. Да-с!

– А Вы, стало быть, господина Яманского подозреваете в убийстве?..

– Как же-с! – будто само собой разумеющееся воскликнул следователь. – Неужто ямановские крестьяне с ума сошли, чтоб на проезжающие экипажи нападать? Явно их кто-то надоумил. А кто, как если не самый Яманский?.. Другого они, пожалуй, и слушать не станут. Да и не первое то дело, что к Яманскому тянется...

Взволнованный и удрученный, Петр Павлович поехал в губернский город. Там он вышел у знакомого здания суда, где без труда отыскал камеру следователя по особо важным делам. Оным оказался щегольски одетый в партикулярное платье фронт лет сорока с изящно подкрученными черными усами и напомаженными волосами. Он чопорно представился и предложил присесть. Вавилов назвался и поинтересовался, как идет расследование.

– Как идет?.. Хорошо идет!.. – равнодушно отозвался фронт, подпиливая ногти. – Главный подозреваемый Иван Петров Козлов, крестьянин села Ямановка, у которого в сарае Вашу коляску нашли, взят под стражу. Поедет, по всей вероятности, скоро в Сибирь. А с ним еще двое сообщников, которых он выдал на допросе. Им также каторги не избежать – за убийство поговору.

– А как же Яманский?..

– А что Яманский? – поднял удивленные брови следователь по особо важным делам. – Он тут при чем?

– Так ведь его же крестьяне!.. Неужто они сами бы...

– И что, что его? По-вашему выходит, крестьянин без спросу барина в ретирадник не сходит? Напрасно Вы так считаете!..

– Мотив у Яманского был: они с моим покойным братом стреляться должны были следующим днем.

– В самом деле?.. Гм. Что же Вы раньше молчали?

– Я считал себя не вправе оглашать...

– Ну и ладно, – произнес вдруг следователь. – Всё равно до Яманского ни Вам, ни мне не добратся.

– Вот как?..

– Да-да. Скажу Вам откровенно, господин Вавилов, – он наклонился в сторону Петра Павловича, – мне, когда дело это передавали, немногославно намекнули, дескать, ямановского помещика трогать не смей.

– Что же это?.. Как?.. – не верил своим ушам Вавилов.

– В такое время и в таком обществе живем, ваше благородие, – любезно прошептал франт, явив печальную гримасу. – У этих джентльменов везде свои люди. Не советую Вам с ними тягаться... Право, лучше с местным дворянством дружить, по крайнем мере не ссориться.

– Так я прямиком к графу П. поеду!

Следователь грустно ухмыльнулся:

– Он у них и есть самый главный – наверхие нашей местечковой пирамиды, так сказать...

Петр Павлович не мог более слова произнести. Откланявшись, он поехал обратно в имение, осознав всю глубину бездны, в которую он падал.

8.

Дома, в усадьбе, ему предстоял тяжелейший разговор с Лизой. Он желал бы избежать его вовсе, но выхода не оставалось.

Они сели в библиотеке. Он налил себе рюмку коньяка и выпил залпом. Налил вторую и, расстегнув тугую воротничок, опустился в кресло.

– Не пил бы ты, Петруша... – ласково сказала она, сдерживая слезы. Она видела, какие изменения происходили с ее братом, и пугалась этого.

– Послушай, Лиза... Елизавета, – он нарочно назвал ее полным именем, чтобы настроиться на серьезный разговор. – Ты уже взрослая девушка и должна понимать, какие последствия повлечет то или иное действие...

Она лишь молча кивнула.

– Мы должны сохранить наше фамильное гнездо, понимаешь?.. – голос Вавилова задрожал и опустился до сухого шепота. – Мы не позволим ему хозяйничать здесь!..

Она послушно кивала, склонив голову. В глазах ее уже теснились слезы.

– Он думает уничтожить нас, но ему это не удастся!.. – Петр Павлович допил коньяк, вскочил и налил себе еще. – Лиза! Ты понимаешь меня, о прекрасная Лиза?!

Она кивнула и одновременно проронила первые слезы.

– О, как же я боялся, что ты меня не поймешь!..

– Он тронул сестру за плечо.

– Я... выйду за него... – тихо ответила она.

– О Лиза!.. – Он обнял ее. А она больше не могла сдерживаться: заревела как девчонка.

Яманский приехал на третий день, как и обещал. В кроваво-красной поддевке, с буднично испитым такого же оттенка лицом, он выглядел как никогда омерзительно. В присутствии сестры Петр

Павлович сообщил Луке Трофимовичу о своем благословении на брак. Яманский довольно хмыкнул, улыбнулся, обнажив свои гнилые, желтые зубы. Взглядом хищника, загнавшего в угол жертву, он смотрел на Лизу и, очевидно, ликовал.

– Вместе с тем я прошу Вас, Лука Трофимович, подтвердить ранее сказанное мне лично касательно будущего усадьбы! – добавил Петр Павлович особенно церемониальным тоном.

– Что?.. – опомнился Яманский, переведя взгляд на Вавилова. – Ах, это!.. Да-да, я согласен простить Вам долг покойного Павла Лаврентьевича, окромя Лизанькиного приданого!

– В таком случае попрошу Вас уничтожить долговой вексель!

– Э, нет! Только после свадьбы!

Венчали Луку Трофимович и Елизавету Павловну спустя несколько дней в Ямановской церкви. На свадьбу были приглашены соседние помещики и прочие высокопоставленные господа из губернии. Даже самый граф П. приехал. Белая и бледная Лиза кротко улыбалась, пытаясь сохранять спокойствие. Также держал себя и Петр Павлович.

Под конец гуляния, когда уже почти все гости разъехались, Лука Трофимович подошел к Вавилову.

– Я свое слово держу! – заявил Яманский своим полупьяным голосом и, вытащив из-за пазухи тот самый долговой вексель, поднес его к ближайшей свече. Пламя тотчас захватило листок, превратив его в пепел.

Фамилярно похлопав Петра Павловича по плечу, он отошел, а у Вавилова будто камень с души упал. На Лизу в тот вечер он старался не смотреть.

Через три дня в Богородицкое приехал уездный исправник Степан Фомич с двумя урядниками.

– Петр Павлович, вынужден вас арестовать, – конфузясь, заявил глава уездной полиции. – Судебный следователь по особо важным делам предъявляет Вам обвинение в подготовке убийства Вашего брата, Александра Вавилова, с целью овладения завещанными ему 10 тысячами рублями серебром!

– Как?.. Вы в своем уме?.. Я? Брата?..

Петра Павловича в тот же день увезли в тюремный замок. Спустя непродолжительное время губернский суд признал его виновным в убийстве собственного брата в качестве подговорщика и определил его на 20 лет в каторжные работы с лишением всех прав состояния. Имение Богородицкое таким образом перешло к Елизавете, а так как она была законной супругой помещика Яманского, то именно Лука Трофимович стал устанавливать там свои порядки.

А еще через неделю Елизавету нашли повешенной в Вавиловском лесу. Неподалеку от заложенной намедни лесопилки.

На сем закончилась история некогда славной семьи Вавиловых.

Продолжаем знакомить читателей «Симбирска» с дипломантами областной молодежной литературной премии «Первая роса». Артём Даллакян, несмотря на юный возраст, имеет свой поэтический голос и широкий диапазон тем. Прозаик Дарья Ефремова в своем творчестве пытается переосмыслить связь прошлого и настоящего.

Артём ДАЛЛАКЯН родился в 2001 году, студент УлГПУ. Пишет стихи с 15 лет, первые шаги в мир литературы совершил со своим учителем русского языка и литературы. Ныне состоит в литературном салоне «Симбирлит». Главными темами стихов являются размышления о роли человека, его судьбе, любви и выборе. Неравнодушен к истории России и её будущему.

ИСКУССТВО ВИДЕТЬ – ЭТО СЧАСТЬЕ

* * *

Столетних кладок выбитые зубы
Запрятаны за тряпкой новых дней.
Здесь не излечат, не заменят трубы.
Не скрепят щели, чтобы быть целей –

Закроют пластиком, не будет больше шрама.
Из храма сделают себе бордель,
А из борделя что-то вроде храма,
Где службу служит грязная модель.

Бетоном скроют дивную лепнину,
Красивой вывеской преобразят фасад,
Теперь здесь будет место магазину,
В котором потребитель будет рад.

Чем ярче цвет, тем хуже контур форм,
Тем хуже видно глазу содержание.
Плакатов крики – просто хлороформ,
А не лекарство и не пропитание.

* * *

Холодного ветра порывы
За шиворот лезут. Продрог.
Берёзки уже златогривы,
И в листьях горит костерок.

Их жар не ощупать руками,
Как перед огнём я бы смог,
Но можно увидеть глазами,
Ведь должен быть в этом свой прок?

Пусть осень не греет, как лето,
Но сердцу она хороша,
Как строчка из менюэта,
Как Дева из витража...

* * *

Когда закончится февраль,
И час весны придет неожиданно,
Ты посмотри, открылась даль:
Так чисто, чудно, первозданно,

Покой снегов, морозов, вьюг
Разбит трепещущим созданием,
И север обернётся в юг
Одним твоим простым касанием.

Всё, что молчало, – говорит,
И ищет дела беспрестанно.
Не знаю, что тебя страшит,
Какая воспалилась рана.

Но подними глаза, смотри,
Искусство видеть – это счастье,
Укрылись цветом пустыри,
И сердце утопает в страсти!

* * *

Ясным пламенем гори,
Русская весна!
Бей до крови октябри,
Будь отомщена!

Вспомни тусклых два огня
Голодавших глаз,
Вспомни смерть и лагеря,
Вспомни госзаказ.

Красной крови был закат,
А потом и ночь.
Крик, вагон, побои, мат,
Не хотеть, но мочь.

Светлой лентой горизонт
Отдаляет тень,
Открывая новый фронт
В бой за новый день!

* * *

Мне с каждым днём всё кажется яснее,
Что я застрял в картинной галерее,
Чем далее, тем хуже кисть творца,
С расчетом, видимо, на редкого глупца.

Быть может, настоящее окно
Я принял за простое полотно.
Не уцепился мой уставший взор
За небо синее, за волю, за простор.

Когда и где? Не помню до сих пор,
А было ли? Закроем этот спор.
Здесь столько лиц и столько зорких глаз,
Ухмылок разных и немых гримас.

И кажется, что жизнь кипит сейчас,
Что суета и бег спасают нас.
Потоки важных дел, трудов, забот,
Затягивают всех в водоворот.

Но вырви голову и возопи – Я есть!
Не только труд, обрывок кожи, шерсть.
Я то, что может побороть себя.
Я уроборос, древняя змея.

Всем ослеплённым не впервой смотреть
На тех, кто выбрал пламенем гореть.
Свет электрический и языки огня –
Одно и то же. Но не для меня.

Дарья ЕФРЕМОВА живет в Ульяновске, работает научным сотрудником Ленинского мемориала. Любит историю и то, как она отражается в облике нашего города. Пишет стихи и прозу. В стихах часто обращается к теме Афганской войны, поскольку несколько лет работала в комиссии по созданию памятных книг Ульяновской области, посвященных воинам-интернационалистам.

ИГРА

В районе соснового бора играть интереснее всего. Тут бои шли, немцы напирали, и наши их били. Кулаком, штыком, гранатой... Кто чем мог. И мертвых местами тут же хоронили. Так и представить недолго, что в игрушечном бою, рядом с Петькой и Стасом Беленко, вырастают плечом к плечу советские воины. И кто-то подыгрывает им, беззвучно крича уррааа!, а иные стоят в сторонке, набивая прозрачным табаком махорку, и наблюдают, как Илья с Никиткой к земле прижимаются, изображая стрельбу по противнику. Наверное, все дети играли в войну против фашистов, а до того – против немцев и австрийцев Первой мировой, а до того – против войск Наполеона. Это щемящее чувство – представить себя героем, ощущать чем-то большим, чем Ваня или Надя. Нет, ты больше не обычный ребенок – ты воин, защитник Родины.

Петька со Стасом во время игры всегда говорят, что их дед в пехоте служил, войну прошёл и награды имел. Илья про дядю-летчика рассказывал, Никитка – про бабушку, машинистку военного эшелона. А если на поляне появлялся младший – Алеша Крупин, из крайнего дома под зелёной крышей,

ему доставалась роль врага. Противником мальчик быть не хотел, но и аргумента вроде родственников – участников войны у него не было. А в поселке все знали, что был такой Федор Крупин, который на войну ушёл да и пропал без вести. И шептали по дурости, что сам он в плен сдался или перебежал. Бабка Алешина документы, как немцы пришли, все сожгла, так и пропал след, не осталось ничего.

Мальчишки принесли с собой струганные палки – воображаемые автоматы, а Стасик с Петькой по дороге набрали камней – гранат. Алёшка тоже пришёл. И снова ему быть фрицем, выходит. Он разозлился, покраснел, даже сквозь светлую челку был виден розовый лоб.

– Не буду фашистом! Не хочу! Да я, может, герой! И почище вашего. Вы только своими предками хвастаться горазды. Вот только они – не вы. Может, вы первые побежали бы. А я бы остался! И всех победил!

– Ой, победил он! – сгримасничал Никитка.

– Да сам и побежал бы, так что одни пятки и сверкали б! – подхватил Стасик Беленко.

– Не побежал бы! – горячился Алёша.

– А чего спорить? – выдал самый старший, Петька. – На той стороне оврага, в чаще, минное поле было. Старшие сказывали, что сколько ни разбирали, а все ж остались снаряды. Так вот предлагаю проверить, трус ты или нет. Пройдись по полю, коли шутишь. Тогда быть тебе вечным командиром.

Алёшка вздрогнул. Мины... Шутка ли! Идти туда, где так страшно.

– О! Боится! Сейчас к мамке побежит, – опять начал гримасничать Никитка. И закатил бледно-зеленые глаза к переносице.

– Трус! Цыпленочек! Девчонка! – дразнили Илья и Стасик. Петька молчал, только усмехался.

– Ладно! – выпалил Алёша и, чтобы не передумать, тут же развернулся и пошел в нужную сторону. – Только как вернусь, буду командиром, понятно?

– Зуб даю, – подсмотренным в кино движением цыкнул по зубу Петька. Остальные смолкли, но пошли за младшим. Посмотреть, как он преодолет поле, уж очень хотелось.

На краю оврага Алёша остановился. Замерли и остальные.

– Мы дальше не пойдем, – заявил Петька, – здесь подождём. Если ты не передумал, – с особой интонацией сказал он.

– Не передумал. – Дёрнул плечом Алёшка. – Я не трус.

И стал подниматься по краю. Сделать это было достаточно просто, природная лестница была широкая и удобная для маленьких ступней. Как будто ждала его, Алешку, с его подвигом.

Вот и поле. Алёшка медленно вздохнул, ещё раз обернулся к ребятам, кивнул им и смело шагнул вперёд. Идти было страшно. Один шаг, второй... Он до боли в глазах всматривался в траву, в надежде за-

метить опасность. Но ничего не было. И шаг следовал за шагом. Внутренняя пружина постепенно разжималась, страх отступал. Он уже почти на конце поляны. Ещё чуть-чуть. Прошёл. Он, Алёшка, прошёл! И теперь его никогда не назовут трусом! Как же здорово!

– Эгегей! Ребята! – крикнул мальчишкам весело. – Я прошёл! Справился! Поднимайтесь!

Вскоре показалась выцветшая макушка Никитки, следом Илья, а потом и Беленко.

– И правда, прошёл, – присвистнул Петька, – ну что, командир, поздравляю! Храбрец!

– Ура Алешке! – поддакнули Илья и Стасик.

– Велика храбрость! По полю пройти! – вдруг выдал Никитка. – Нет тут ничего, ты, Петька, наверное, что-то перепутал. Обычная лужайка. А то брехал – тут про минное поле, а и нет его.

– Тут оно, кому сказано! – отбрил его старший из мальчишек, – в поселке так говорят. А люди просто так болтать не станут.

– Ой, люди! На блюде... – гримасничал Никитка. – У них и домовые водятся. Слушай больше! Я сейчас сам пройду, и ничегошеньки не будет! Потому что тут нет никаких мин!

Он резко припустил с места так, что Петька не успел поймать за шиворот, хоть и пытался.

А Алёшка на другой стороне замахал руками.

– Осторожно! Не надо!

На что Никитка показал язык и пошел дальше, будто и не заметил криков ребят.

Он прошел уже две трети пути.

– Ну и? Нет тут ничего! Говорил же!

Последняя фраза потонула в грохоте и взвизывшей земле. Раздался взрыв.

Подготовила Алина Осокина

Литературная гостиная
«УлправдаТВ»
с участием
Дарьи Ефремовой.

КРАЙ МОЙ НА ВОЛГЕ

Нина ВАСИЛЬЕВА, краевед, педагог. Живет в р.п. Чердаклы.

«ВОЛГА. СИНЕЕ СИЯНЬЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ БЛАГОВА

Через снега, через дожди косые,
Воистину для нас и для него
Сияли синью Волга и Россия,
И не было дороже ничего!

Петр Мельников

Волга – это слово у каждого вызывает свои воспоминания, пробуждает в памяти картины, связанные с великой рекой, её простором и необозримой ширью, заставляет вновь и вновь обращаться к страницам, воспевающим её красоту.

Наверное, трудно найти художника, писателя, поэта, возросшего на берегах Волги или связанного с ней жизненными обстоятельствами, которые не отразили бы своих впечатлений, не сказали бы сво-

его, пусть порой и негромкого слова о реке, которая, как говорил писатель Е.Н. Чириков, «связала в один крепкий узел наше прошлое с настоящим».

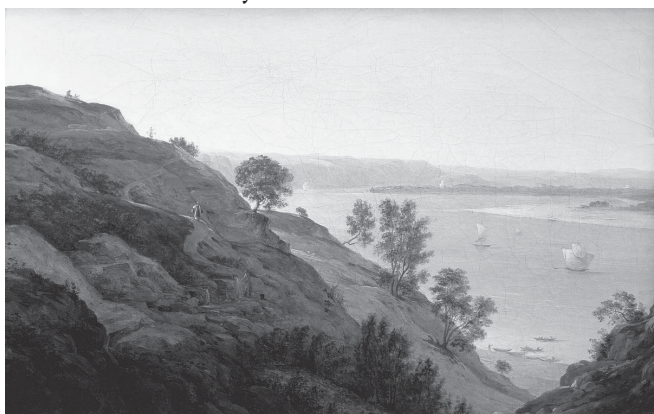
Художники братья Чернецовы, Григорий Григорьевич (1802–1865) и Никанор Григорьевич (1805–1879), совершив в 1838 году первое в России «художественное путешествие» по Волге, открыли в ней неисчерпаемый источник вдохновения и своими многочисленными пейзажами и зарисовками пока-

зали «красоту неизглаженную» Русской земли. Настоящим гимном «благодатным водам волжским» звучат заключительные строки их путевых записок: «Она есть как благотворная жила земли Русской и во всех отношениях достойна приложенного народом наименования: «Матушка-кормилица».

Перевоз через Волгу в Симбирске. Братья Чернецовы

Константин Бальмонт (1867–1942), немало путешествовав по миру, выразил своё понимание и значение Волги в жизни русского человека, заключённого «в пяти звуках этого слова»:

Волга. Братья Чернецовы

«...скажешь «Волга» – и вот уже русское сердце плывет в неоглядности. Что такое Волга, мы не знаем, – Волога ли она, то есть Влага, или Воля, или что еще. Но в пяти звуках этого слова для русского чувства столько значений, внушений, воспоминаний и надежд, что сосчитать их нельзя. Откуда бы взяла свою единственную силу наша разливная народная песня, если бы не было у нас Волги в дополнение к нашим утробным земным просторам? Откуда бы взяла свое разливное серебро наша русская речь, самый полновзвучный из языков, если бы Волга не пролилась в эту речь своим вольным многоводьем, по руслу боевых наших, вечно ищущих, вечно жаждущих столетий?».

Евгений Николаевич Чириков (1864–1932) сумел сказать своё весомое слово о Волге, связующее прошлое и настоящее великой реки России. При чтении его произведений не устаешь удивляться словесной щедрости, воспевающей Волгу, дивисься богатству созданных им образов.

Вечер на Волге. П.И. Пузыревский

«Чтобы узнать, почувствовать и полюбить великую реку – надо, если не родиться на ней, то хотя бы пожить около её берегов, – считал писатель, – подойти к ней поближе, разглядеть её прошлое и настоящее, воспринять художественно всё многообразие связанной с нею жизни. Только тогда начинаешь чувствовать и понимать мистическую тайну любви к своей отчизне, которую так ярко и красочно отражает Волга-матушка, раскинувшись большой светлой дорожкой через всю Русь...».

Большая светлая дорога Волги вошла в жизнь поэта Николая Благова с детских лет. Он вобрал неоглядную ширь степей Заволжья и бескрайний простор Волги, напился навсегда их красотой и сумел прославить свой родной край и воспеть Волгу с её «вечно живою водой»:

Я помню просторные степи без края,
Там детство мое начиналось, играя.
Встречало рассветы без дум, без печали.
Березы его, словно няньки, качали,
И Волга, с улыбкой широкой и ясной,
Подолгу баюкала в зыбке опасной. /Память/

В 1960 году в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышел сборник стихов Николая Благова «Глубинка». Зав. редакцией русской прозы и поэзии издательства «Молодая гвардия» Дмитрий Ковалев опубликовал в газете «Литература и жизнь» (25.02.1962) статью «Поэт Волги», призывая «узнать и полюбить поэзию еще не известного Николая Благова. Благовскую «Глубинку», – пишет он, – озаряет образ Волги. В стихах поэта она такая великая и новая, и главное, такая сильная, так по-хозяйски трудится для всей России. Временами она уподо-

блется живому исполину. И мы видим, как катятся с её лица светящиеся капли пота, как ей снятся портальные краны и большие белые суда. Право, завидна такая любовь к труженику, такое заразительное чувство поэзии труда, такой вкус к нему. Самому хочется вот так же трудиться не покладая рук».

Полслова сказать,
Приоткрыть свою душу
Хоть с кем-то да надо –
Один не стерплю.
Любимая, добрая Волга, послушай,
Хотя бы за то, что тебя я люблю.

Я знаю, что ты, забывая про отдых,
Выходишь навстречу напористым дням.
Устанешь –
И все же несешь пароходы,
Чтоб радости встреч убережешь пристаням.
/«Полслова сказать...»/

Каждая строка поэта объёмна, удивительно многоречива. Взять хотя бы последнюю строку. Сразу предстаёт пред глазами многоголосая пристань с ожиданием, беспокойством, радостью и волнением провожающих, отъезжающих и встречающих, «где вечно слезы встреч или разлук». Здесь, на пристани, «где арбузный бродит запах», многое увидит человек, которому интересен мир русской жизни в её будничном и праздничном обновлении.

Николай Благов весь пропитан волжским простором, его «напористым» ветром, «свежестью влаги родной реки...». Не раз ему доводилось наблюдать, как двигаются по реке бесчисленные громоздкие плоты, как бесконечные баржи «ползли», тянулись гуськом по Волге, как оглашали её просторы гудки пароходов... Поэт не устаёт славить реку-труженицу: Будешь Волгой – суда на себе понесешь! // Уставать – так уж всей глубиной...

Обращаясь к Волге, поэт уверенно заявляет: «Труд твой каждому нужен нелегкий».

В одном из ранних стихотворений Николая Благова «Заволжье» звучит ласковое признание и благодарность родной реке: «А мне-то сколько счастья приносила, // А то и уносила навсегда!» Поэт не устал ждать от родной реки «чего-то светлого» в своей судьбе.

А дальше – Волга. Синее сиянье.
Лишь подойди – начнет тебе шептать!
Мне этот шепот был как обещанье
Чего-то светлого. Не устал я ждать. /Заволжье/

В одном из ранних стихотворений «Волга», опубликованном в журнале «Литературный Ульяновск» (1950, № 4), Николай Благов, вслушиваясь в «бойкое приветствие гудков», передаёт радость встречи с родной рекой, воспетой и напитанной легендами и сказами.

Здравствуй, Волга!
И она, чтоб встретить,
Рвется из объятий берегов.
Успокоилась...
Доносит ветер
Бойкое приветствие гудков.

И такая песня воздух режет –
То гляди, что, быстры и вольны
Снова из-за острова на стрежень
Расписные выплывут челны.

В конце 40-х – начале 50-х гг. активно идёт создание ложа для Куйбышевского водохранилища: шум стройки неумолчно грохочет над родными, знакомыми с детства просторами. Николай Благов ожидает от этого мирного строительства много хорошего для сельчан. Он становится очевидцем, свидетелем обустройства людей в новых посёлках, в новых домах. Потому так оптимистично звучат его строки:

В белый цвет закуталась калина.
Погоди – пустыня зацветёт!
Слышишь грохот –
Строится плотина...
Светлый день над Волгою идет!

Волга с её «вечно живою водой», которая «никогда не бывает пустою, бесцветной», наградила поэта влюблённостью в сине-голубой цвет, который так ярко и глубоко пронизывает его творчество: «И когда тебя втянет в простор этот синий». «От безоблачной сини // глаза просинели до боли». «...И твоей синеватой водой заколдовано // Для добра материнской груди молоко!» «Встанем, братья, // Под небом крутым, бирюзовым! (Волга).

Свет и «синее сиянье» наполняют творчество Николая Благова какой-то пронзительной, очищающей душу радостью, искренним любованием родных мест. В его стихах дни наполнены синевой, создающей настроение то грусти, то радости: Откуда в утро синее, // Кусты посеребря, // Упали тонким инеем // Седины сентября. («Откуда в утро синее...»). Весь польный день // До синевинки малой // Просвечен стеклодувом-сентябрем (Клич журавлиный). Ты не успеешь в сини окон // Свой мир дорисовать, мороз. («Озноб осыпал снег с березы...»). Ни ряби, ни облачка в небе стеклянном, // Под солнцем звенит голубеющий день (Люди моей стороны). День синел, // С подоконников тек убывающая. («Никогда не забуду я...»); И этот крепкий подсиненный воздух, // Покрякивая, словно водку пьёт. (Зима).

Лед под утро синий-синий // Вяжет ноги

ся уже одна: дочери Лидия (1933 г. р.) и Валентина (1935 г.р.) были замужем и жили на Нижней Террасе (Заволжский района г. Ульяновска). Муж тётки Маруси, Василий Михайлович Федотов (1906–1939), был председателем колхоза в сёлах Чердаклинского района: Помряскино, Семёновка, Малаевка. В учхозе работал парторгом. Эту же должность исполнял на торфболоте, в Чердаклинской промартели «Красное знамя». Оттуда ушёл на финскую добровольцем и не вернулся. Сын же нашей бабушки, Николай Григорьевич Свидаерский, на финской уцелел, а в Отечественную погиб, в 1943 г.

Старый небольшой кирпичный дом т. Маруси стоял на крутом обрывистом волжском берегу. Было такое впечатление, что у Волги чуть-чуть не хватило напора, силы, чтобы увлечь с косогора её домишко. Внизу песчаный берег и удобное место для купания, где мы и проводили время.

На берегу располагался, можно сказать, богатый «дровяной склад». Жители села пользовались разливом Волги, превратившейся в море и нёсшей на своих волнах немало вырванных с корнем деревьев, разбитых плотов... Всё это вылавливалось и складывалось на берегу для просушки своеобразными домиками-колодцами. И на этих дровах, на солнышке, уютно располагалось бесчисленное количество ужей, которые служили своеобразным украшением волжских «дровяных складов». Ужей было достаточно и в воде. Плывьёшь, а навстречу тебе скользит узенькая чёрненькая змейка...

В памяти до сих пор жива бесконечная, уходящая далеко к горизонту гладь Волги, которая «завладела простором, разлилась...» и превратилась в бескрайнее море.

Как тут не вспомнить слова поэта: Мы душою срослись с берегами твоими, // Весь прогретый простор твой // Желая обнять!

Николай Благов стал свидетелем строительства Куйбышевской ГЭС. Он не раз наблюдал, как готовится дно будущего моря, какие ведутся работы по подготовке его заполнения волжской водой, как уничтожаются природные богатства волжской луговой стороны...

Поэма «Волга» была написана, когда заканчивалось «великое переселение» из зоны затопления жителей сёл и деревень, расположенных в русле будущего Куйбышевского моря.

В стихотворении «Заволжье» поэт писал:
А там, где жили ветлы-исполины,
Где лес клубил зеленую метель,
Лежит спокойный, гладкий плес равнины –
Для моря приготовлена постель.

Эта же тема продолжена и в поэме «Волга», где река «со своею дорогой прощается древней»:

Половодье последнее Волга решила
Справить так, чтобы помнили все волгари.
Со своею дорогой прощается древней,
Первый выступ плотины нащупав меж гор.
И из поймы обжитой сады и деревни
Выселяются,
Морю давая простор.

На новых местах, выделенных для заселения, в начале 50-х годов шло усиленное строительство жилья. Поэта радует новая картина знакомых сёл.

Он видит, как уходят в прошлое избы, крытые соломой, послевоенная разруха, царившая повсеместно в сельской глубинке... Ему так приятно видеть перемены «в новом волжском селе», где «домик к дому стоит». «И на плесе // работников как на покосе». Это сравнение вызывает в памяти время сенокоса, которое всегда в селе было всеобщим праздником труда, прославления силы и ловкости:

Ух, какой топорам здесь отмерен размах. // Не жалеют добра. // Тешат плотникам души.

Поэт славит «труд веселый, артельный! Не работа, а праздник...» царит на берегах любимой народом реки. Николай Благов хорошо знал, что «с Волгой вместе любая радость работа».

Читаешь поэму и думаешь, что она так и будет наполнена только радостью: радостью людей,ждавших навигации на родной реке, радостью, с которой трудится плотничья артель, прибывшая из Вологдына берега Волги: И стараются ж добрые парни – // Недаром // Пот ложбинкой от шей течет до ремня.

Неожиданно картина меняется: среди азартного артельного труда, сдобренного смехом и шуткой, появляется старушка:

Бабка села на кручку,
От солнышка щурится,
Водит взглядом
Усталым, пропавшим, пустым.
Шаль соборится к булавке,
Над шалью фуфайка сутулится,
На руках синих вен разломилась кусты.

Портрет старухи. А. Шилов

Вы только вдумайтесь в эти строки: «На руках синих вен разломилась кусты». Это не просто метафора, может, кто-то скажет, что поэт употребил даже гиперболу, преувеличил что-то, стараясь поразить эффектным словом читателя. Эти слова понятны человеку, который сам немало потрудился и немало пережил на своём веку. Посмотрите на руки этой женщины на портрете художника Шилова.

Сколько же они переделали всего за жизнь! Видели и холод, и голод, и непосильный труд...

Глядя, с каким задором трудятся молодые парни, старушка «обмолвилась, не попросила»:

– Мне на крышу

Таких вот бревешка бы два...

– Что, мамаша,

Видать, сыновья-то забыли?

– Они не забыли.

Да война...

Похоронные – вот сыновья.

Этот немногословный диалог вместил все: наступившую старость и горькое одиночество, неизбывную боль о погибших на войне сыновьях. Поэт создаёт немногословный портрет постаревшей женщины: «У нее и глаза-то совсем уж пропали. // Просто часто мигают две крупных слезы».

В этом диалоге мне дорого слово «обмолвилась». У Владимира Даля: Обмолвился, ошибся, не то сказал. В словаре С.И. Ожегова: 1. обмолвиться – то же, что оговориться. 2. сказать что-нибудь вскользь.

Но в данном случае это слово имеет, по-моему, и другое значение. Оно способствует раскрытию характера русской женщины, немало повидавшей на своём веку, главными чертами которой являются кротость, смирение, извечная стеснительность и боязнь доставить кому-то излишнее беспокойство, обременить, не дай Бог, кого-то своими заботами. Потому молодой поэт Николай Благов нашёл удивительно верные слова: «обмолвилась, не попросила».

Не может не откликнуться сердце на молчаливую просьбу одинокой женщины. Разве возможно не помочь ей? Велика отзывчивость, доброта русского сердца была в военные и послевоенные годы, живо было сострадание и сочувствие. А еще мастерство и добросовестность славились в любом деле. Работа на совесть – так когда-то оценивался труд.

На совесть поработали и молодые парни, «холостежь», как называет их автор поэмы, проявив внимание к осиротевшей матери:

Тес напильки добротный,
Настрогали рубанками –
Гладкий, как лед,
И гвоздями пришили
Без трещинки, плотно.
Крыша – лучше железной,
Сто лет проживет.

Любуясь работой, хозяйка избы хочет как-то отблагодарить ребят за усердие, отзывчивость, за помощь. Но в ответ слышит слова, согревающие её одинокую старость: «Как же будем, мамаша, // Мы брать с тебя плату, // Если ты нас сама же сынами зовешь?!»

В поэме «Волга» поэт не только пропел гимн родной реке, найдя удивительные слова, отражающие её красоту, мощь, простор, целительную силу, он склонил голову в нижайшем поклоне перед русской женщиной, вынесшей все тяготы, лишения, страдания и безутешное вдовство.

В 25 лет! в душе поэта родились строки, отразившие многовековую трагическую судьбу русской женщины!

**Не проклятье ж
Веками лежит на России:
Мать – вдова,
У невесты дорога вдовы.
На роду так написано, что ли?!
Родные,
Чьи бы ни были матери –
Матери вы!**

Поэт видел этих вдов и матерей, был свидетелем их бесконечной нужды, непосильного труда, поэтому тема войны постоянно присутствовала в его творчестве: «Под небом, забрызганным кровью пожарищ, // Стоит мое детство с тревогой в глазах».

Созданные им стихи, где солдат «спит в обнимку с войной», и у него «затвердевшие, // Как ордена, // Ноют раны», напоминают нам всем, что война не кончилась в 45-м, она продолжается, и, кажется, нет ей конца. Боль утрат переходит, перетекает из одного поколения в другое. И пока мы будем помнить о тяжёлых лишениях и страданиях нашего народа, каждой семьи, жизнь, осмысленная, благодарная за отвоёванный немислимой ценой мир, будет продолжаться.

Вдовы войны. А. Шолов

«...Солдатки, // Вдовы с памятью немислимой».

Поэма «Волга» вместила очень многое, связанное с историей XX столетия, тут воедино сплелось всё: война, послевоенные годы, строительство Куйбышевской ГЭС, переселение людей из зоны затопления... Самое главное – поэт сумел запечатлеть в слове неразрывную связь человека с родной рекой – Волгой-матушкой, Волгой-кормилицей. С какой гордостью выпевались когда-то слова песни из фильма «Волга, Волга»:

Красавица народная, –
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная, –
Широка,
Глубока,
Сильна!

Эта стихия песни захватывала всех зрителей в зале, и невольно возникало желание вместе со всеми подпевать и прославлять Волгу – один из главных символов России. И сегодня, не смотря на многие проблемы родной реки, мы не перестаём любоваться её просторами, всем гостям спешим показать удивительную панораму Волги, открываю-

шуюся с любимого места отдыха жителей Ульяновска – Венца, чтобы ещё и ещё раз испытать восторг перед этой водной гладью, прославленной легендами и сказами, стихами и песнями, прекрасными живописными полотнами...

Вспоминает Ляля Ибрагимовна Благова, жена поэта:

«Поэму «Волга» он начал писать в Мелекесе. Тогда же читал мне первые фрагменты. Потом как-то приехал в Крестовы Городищи и встретился со своей учительницей литературы Марией Николаевной. О чём они говорили, я не знаю, но после этого Благов перестал писать поэму: «Нет, не то я начал...»

Потом всё же продолжил, много раз переписывал, переделывал... Не сразу решился её напечатать, казалось, ещё не хочет расставаться с этой поэмой, отдавать её в чужие руки. Ещё не вышел из состояний творческого наслаждения, с которым писал эту вещь».

Удивительно верно передала Ляля Ибрагимовна состояние поэта, создавшегося светлое, жизнеутверждающее произведение. Каждый раз при чтении поэмы испытываешь «творческое наслаждение», переданное читателю молодым автором, и понимаешь, с какой радостью выпевалось из уст поэта каждое слово, каждая строка. Нельзя не дивиться богатырской мощи, смелости Николая Благова, раскрывающего перед читателем не только своё творческое кредо, но огромную любовь к миру, в котором он вырос и живёт, к людям труда и к Волге, на берегах которой возрос его талант. Поэт запечатлел в слове неразрывную связь человека с родной рекой – Волгой-матушкой, Волгой-кормилицей, сопутствующей человеку по жизни:

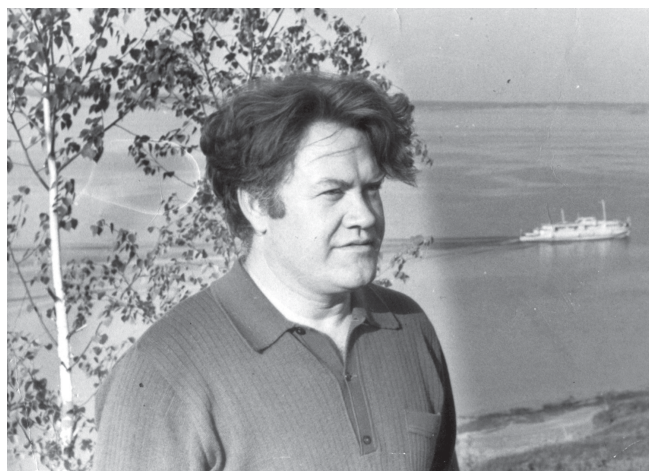
Ты приходишь к нам тучей,
Встаешь урожаем.
Первый раз нас твоей умывали водой.
И в последний омоют,
Навек провожая,
Навсегда к старикам-землякам на покой.

Более двухсот лет назад И.И. Дмитриев (1760–1837) написал такие строки о Волге:

О Волга, пышна, величава,
Прости, но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой...

Николай Благов тоже оказался поэтом, которого «бессмертная» Волга вспоила и щедро одарила неиссякаемым богатством русской речи, русского слова, которое он ценил превыше всего. Главное достоинство поэмы, по моему убеждению, заключается в торжестве и утверждении доброты, бескорыстия, радости совместного артельного труда и той радости, которая дарит и дарит нам Волга, прекрасно воспетая Николаем Благовым с её «вечно живою водой».

Поэтому так дорог лейтмотив поэмы, заключённый в строках, известных каждому, кто знаком с творчеством поэта Николая Благова: их хочется повторять, выпевать, восклищать и дарить новым поколениям читателей:

И когда тебя втянет
в простор этот синий,
И когда ты с рекою
бессмертной, родной,
Только выдохнешь – Волга!
Только скажешь – Россия!
Да умоешься вечно
живою водой.

* * *

Думаю, что для читателей будет интересно прочесть замечания и пожелания автору поэмы «Волга». **12 января 1960 г.** Дмитрий Ковалев из издательства «Молодая гвардия» сообщает Николаю Благову (машинопись):

«Дорогой Николай Николаевич!

Я только что выписался из больницы. И в первый же день работы прочел Ваше дополнение к «Глубинке». Поработали вы хорошо, на пользу пошло. Особенно кстати будет стихотворение «Ровесники» – это раздумья о судьбе своего поколения. Может, им и откроем книгу.

«Волга» тоже стала куда цельнее и глубже. Но в ней-то есть еще кое-какие огрехи. Неясно, чей, кому принадлежащий лес дают ребята бабке (почему на крышу? Уж на стропила, что ль, лучше).

Если это государственный лес – то надо было бы как-то дать понять, что они не просто взяли, да и дали не своего, а, как говорят, казенного, а добились этого – чтобы дать, помочь матери погибшего на войне воина. Да и дом-то ее новый не совсем вяжется с нею самой – вроде бы она приbedняется (так получается по тексту)».

Комментарии, надеюсь, излишни.

* * *

В 1982 г. Николай Благов написал эссе «О, Волга!», которое по каким-то причинам не было напечатано. Лишь в 1997 году оно было опубликовано с небольшим предисловием:

«Пять лет назад ушел от нас поэт Николай Благов – человек истинно российской души, мироощущения, чувства. Искренне, щедро и солнечно любил он Россию – и особенно тот ее край, где довелось ему прожить жизнь: Среднее Поволжье. А главная река России была Николаю Николаевичу и вдохновительницей, и утешительницей, и вечной радостью...

Эссе Николая Благова было написано в свое время по просьбе одной из центральных газет – но по ряду причин не публиковалось...»

С чего начать речь о великой реке, о народах, соединяемых ею, о великой силе братства?

Утренняя, шумно вздыхающая, она шумно выкачивается на песчаные отмели. Сыпанули мальки от неслышного лёта чаек. Бекас огласил своды колокольного неба. Катер повернул за косу и сразу ушёл в залив гул его мотора. Завозился грач в гнезде над поймой и таким хриплым басом всполошил окрестность, что как будто не из птицы вырвалось это, а проохал весь прокуренный туманами осокорь. Старый рыбак отозвался ему понимающим покашливанием.

По небосводу, упавшему в текучее зеркало Волги, писалась с незапамятных дней наша история. Она писалась стругами Стеньки Разина, Емельяна Пугачёва, иллюстрировалась пожарами крестьянских войн, подчёркивалась натянутой проселенной бечевой бурлаков. Волга освещивалась набатом мининского похода на чужеземцев. Она растекалась в пространственной бездне геометрией Лобачевского, обжигалась божественным глаголом загнанного в святое болдинское уединение Пушкина, её страницы огласились с самых тёмных времён до наших дней дивным голосом Шаляпина.

На Волге, в тихом Симбирске, родился Владимир Ленин, с именем которого начинается новая история России – грозная, драматическая. Тополиная тишина, затенившая дом его детства, оказалась недолговечной и обманчивой.

Ныне весьма накопленная энергия Волги питает крупные и малые, старые и новые города Поволжья. Третью часть европейской территории страны вскармливает на своих живых ветвях древо нашей Волги. Край интенсивного строительства, край работающих и сметливых людей. И не только российских, нет. На берегах Волги трудятся разноязычные народы. Выдающиеся просветители Поволжья Илья Ульянов и Иван Яковлев воспитали в своих школах первых учителей чувашского народа. А через век спокойный голос чуваша Андриана Николаева слушал с небес весь земной шар. Из лесных дебрей, из деревьев, раздетых резцом, являл миру прекрасных мордовских девушек скульптор Эрзя. Мудрое сердце Тукая будило гневным набатом татарский народ – и отозвалось ему из фашистских застенков гордое сердце Джалиля. Хоровод марийских девушек, словно освещенный свежестью лесной зари, с песнями уводил нас в давние исторические дни – и возвращает в наше время...

Отвязавшись от болотного колышка, перевалившись через родниковую воронку, бежит, начавшись на Русской земле, Волга. Она принимает благословение священных кремлёвских седин Москвы. Древние Тверь и Ярославль смотрят в её неторопливые воды – и много городов отразится в ней, пока, наслушавшись жигулёвских легенд, ласково накатится она на берег Саратова, куда с небес звездю опустился первый космический сын Земли, сын своего народа Юрий Гагарин. И, многое повидав и порадовав многих, докатится Волга, выработавшись в турбинах, до синего Каспия.

И призатихнет, приумолкнет перед Волгоградом, где, выступив из камня в вечном бдении, замерли

бессмертные солдаты. И многое вспомнит, и многому подивится даже сама река...

*И когда тебя втянет
в простор этот синий,
И когда ты с рекою
бессмертной, родной,
Только выдохнешь – Волга!
Только скажешь – Россия!
Да умоешься вечно
живую водой.*

Ульяновск, 1982
[«Околица», 1997, VI, с. 2].

Принесём же слова благодарности нашему земляку, поэту Николаю Благову, за его любовь и верность родному краю. Его Слово о Волге навсегда вошло в сокровищницу русской поэзии.

«Ни к какой реке я того не чувствую, что к Волге, когда я плыву на хребте ея и люблюсь плодоносными берегами ея, развевающимися по ней парусами, – писал Александр Иванович Тургенев брату Николаю 26 августа 1808 года, – которые летят с плодами и произведениями, коими благословил Бог низовую землю, летят насыщать голодные стороны прожорливости столиц наших, – я чувствую себя Заволжским жителем и горжусь своей отчизной; для нас Волга вечно будет: «река священнейшая в мире».

Поэт Николай Благов тоже считал себя заволжским жителем и гордился своим отчим краем, который взрастил его и напитал его творчество истинно народным, «животворящим» словом.

Вечный поклон Поэту и Вечная память...

Светлой памяти Н.Н. Благова

Дубовый крест, железная ограда,
И над землёй песчаный бугорок;
И веет с Волги свежестью прохлады;
И сон поэта вечен и глубок.

Провидцы вознесли и погубили.
Последняя мечта его была:
Ещё хоть раз вдохнуть дорожной пыли,
Пройтись лужком по улице села.

И прежде он порой уединялся,
Над вымыслом не сдерживая слёз,
Отчаянно влюблялся и стеснялся
Под окнами лепечущих берёз.

В избе с лучами первыми денницы,
Как тени поднимались к потолку,
Скрипели под ногами половицы:
Он бережно вынынчивал строку.

Через снега, через дожди косые,
Воистину для нас и для него
Сияли синью Волга и Россия,
И не было дороже ничего!

Петр Мельников

Светлана МАТЛИНА, член Союза писателей России, лауреат премии им. Н.Н. Благова, лауреат Гончаровской премии.

ПОЧТИ ГАЗЕТНЫЙ РЕПОРТАЖ

Светлой памяти педагога, директора Андреевской школы им. Н.Н. Благова, подвижника русской поэзии Анатолия Ефимова (1959–2020).

«Мы – дети победителей».
О. Портнягин

Казалось,
солнце говорит стихами –
Окрест их микрофоном разнесло!
Народный сход у школы на поляне:
Свой день рожденья празднует село.

Я тоже здесь,
на родине поэта,
У Николая Благова в гостях.
Его уж нет... Но родина воспета
В послевоенных трепетных стихах.

Да вот они –
его Иваны, Марьи!
Пришли, расселись чинно на скамьях,
Лишь не в защитных гимнастерках парни,
А в камуфляжках, и гармонь в руках.

Они все те же,
никуда не делись,
Весь добродушный трудовой народ.
И внуки выросли из общей колыбели
Пока отцы и матери седели,
Пока мели суровые метели –
Так дерево ростки свои дает.

Мы – дети победителей.
И в этом
Та гордая, особенная статья.
Глаза озарены высоким светом,
А в лицах грозовая есть печать.

Поэт Светлана Матлина, директор Андреевской школы Анатолий Ефимов и зав.библиотекой им. Н. Благова Нина Сидорова

Но есть иные между тем,
кто крови,
Всевластия и долларов хотят.
На шее кровососами сидят –
Они к стране не ведают любви!

Им так смешна
родимая корова,
Что молоком своим вскормила всех!
Державы рубится основа, как дуброва,
Что кров и жизнь дает из века в век.

Им надо,
чтобы не орлов растили –
Послушных бройлерных цыплят.
Еще есть те, кто свастики нашили,
И те, кто снова лагерей хотят.

О, если б
увидали их солдаты
Там, в сорок первом, на краю,
Их, кто страшнее супостатов
Калечат родину свою!

К ответу бы
призвали их, восставши,
Душой и ликом гневным прочернев,
Чтоб вспомнили Победы общей маршем,
Страну, как дом забытый, обогрев.

И вижу:
мертвые встают как бы живые,
Погибшие полки – за рядом ряд,
Чтоб снова от беды спасти Россию,
Собой прикрыть ее хотят.

Но, слава Богу,
час не пробил роковой...
Оставив разбираться нас с собой,
Они проходят грозно и молчат,
Чеканят шаг – за рядом ряд, за рядом ряд.

А жизни суть
в Андреевку вернется,
Ведь вся страна у нас из сел таких.
И, слава Богу, в них найдется
Полно защитников живых!

Локальные
за ними войны
И новый тяжкий подвиг боевой.
И мир вокруг опасно неспокоен –
Страна другая, строй другой...

Но тут, в Андреевке,
в ней, махонькой, сегодня
Цветет душой распахнутой народ,
На время отложив труды, заботы,
Доверчив и улыбчив небосвод!

И вот
парнишке выступать пора.
Душою праведно горя,
Он вышел – и ему все рады.
Домой вернулся лишь вчера
Из поискового отряда.

Встал в центре,
русый, сероглазый,
По виду истинный волгарь.
И пляс, и песни стихли разом,
Придвинулись и млад, и стар.

С плеча гармонь!
в больших ладонях
Межа неспешно разводил,
И, пережитым вдохновленный,
Он тихо, складно говорил.

И тотчас все
узнали песню,
Что не забылась до сих пор,
И неспроста, как мне известно,
Был автор – питерский актер.

В ней голоса
шептали и кричали
Погибших на святой войне,
И адреса, и имя называли,
Там поезд шел как в полусне

Под Питером,
но все ж под Ленинградом...
Тянулись ямы, рвы бывлых боев.
«Найди меня! Найди!»
И это правда,
Что много этих голосов.

Заныло сердце
незажившей раной:
На Ладожском – и через шестьдесят –
Мать брата младшего, призывника Ивана,
Нашла через такой отряд.

Всего одно
письмо дошло до дому,
С родней попрощался в нем солдат:
«Все небо в «Мессершмиттах», нас бомбят...»
По сохранившемуся медальону
Опознан, из небытия изъят.

Я слышу рядом
Вздых старушки древней
Во вдовьем темненьком платке:
«Легли их целые деревни,
Пропавших в Курской-то дуге...»

А парень говорил теперь,
взволнован,
Что делается ими для страны,
Про помощь одиноким вдовам
И ветеранам той войны.

И вдруг гармонь
«Рябинушку» как вдарит
В лучах задорных солнца золотых!
Иваны пели, пели Марьи,
И были души, помыслы чисты...

Как и не раз бывало,
не в кино,
Утихнут политические свары.
И непреложно лишь одно:
Рассудком мудрым, не в угаре,

Жить на земле добром,
и славить
И мир, и труд, и свет полей,
Чтоб строить будущее вправе
Всей силой юности своей.

Я ручку положу.
Так что ж!
Здесь все, чем с детских лет дышу я.
Пусть чье-то сердце тронет дрожь
По родине, что в нас бушует.

Фото из архива городской библиотеки №15 имени Н.Н. Благова.

Николай ЛАРИОНОВ-ЙЕЛМЕЛ, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Чувашской Республики.

СОСТОЯЛСЯ ФЕСТИВАЛЬ ПАМЯТИ НИКОЛАЯ БЛАГОВА

В селе Андреевка Чердаклинского района 31 июля 2021 года состоялся 15-й литературный фестиваль «Жар-слово», посвящённый памяти Николая Благова – лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Николай Николаевич хотя и родился в Ташкенте, всё детство провёл в этом селе. Здесь он окончил начальную школу, после чего продолжил учёбу в Крестово-Городищенской средней школе. Считал Андреевку своим родным селом. Его отец, Николай Григорьевич Благов, рано ушедший из жизни, был уроженцем села Андреевка.

Н. Благов – автор 18 поэтических книг. Его имя с 2006 года носит Андреевская средняя школа, на которой установлена памятная доска. В 2011 году имя поэта присвоено библиотеке №15 города Ульяновска. В областном центре на доме №5 по улице Матросова также установлена мемориальная доска. (В этом доме по-прежнему проживает вдова Н.Н. Благова Ляля Ибрагимовна, которой в минувшем июле

исполнилось 90 лет). В 2012 году была учреждена ежегодная областная поэтическая премия имени Н.Н. Благова.

Торжество началось с возложения цветов к памятной доске школьного здания. Фестиваль прошёл в культурно-патриотическом центре «Парк Победы», который облагородило территориальное общественное самоуправление «Андреевское» при поддержке Фонда президентских грантов и спонсоров. На праздник приехали члены Ульяновского регионального отделения Союза писателей России из Ульяновска и Димитровграда, лауреаты премии имени Благова, сотрудники библиотеки №15 имени Николая Благова из Ульяновска, которые читали стихи и дарили книги. Член Союза писателей России Галина Анисимова подарила местной библиотеке несколько книг Николая Благова, одна из них с автографом автора. Краевед из посёлка Мирный Нина Васильева к фестивалю издала книгу «Маленькая Андреевка – уголок великой России». Было сказано много добрых слов о Николае Благове, одном из лучших волжских поэтов, раскрывающих в своем творчестве тему родной природы, авторе стихов и поэм о Великой Отечественной войне. По парку разносились голоса школьников, читающих стихи Благова и песни бардов. В завершение фестиваля артисты района дали большой концерт.

Закончился праздник песней «Я еду в Андреевку» (слова Н. Марянина, музыка С. Лямина) в исполнении всех участников и зрителей.

Среди участников фестиваля родилась мысль: хорошо бы создать в Андреевке в ближайшее время Дом-музей Николая Благова. Пусть эта идея станет реальностью.

Участники фестиваля – писатели Н. Ларионов, А. Белова, Г. Анисимова, С. Зазимко.

Поэты М. Богдан, А. Матлина, А. Дашко, молодые участники Благовского фестиваля

Светлана НЕФЕДОВА, член Российского союза профессиональных литераторов, автор сборника стихов и песен «Цветник моей души».

Я О ВОЛГЕ СТИХИ НАПИШУ

* * *

Великая Симбирская земля –
Наследие достойной старины.
Ей сила Божьей святости дана
От трепетных просторов синевы!

Полёт шмеля, а может, тишина
Подвластны этой вечности святой
Великой Волги! Воля ей дана –
Характер у Владычицы крутой!

А в небе – дивным пухом облака,
И солнце, уплывающее в тень.
Как в пышные, желанные снега,
Укрыто небо в разогретый день!

Струится жаром полдень над травой,
Вбирая васильковый фимиам,
И сладостно звенит над головой
Смолистая капель сосновых ран.

Аксаков, Карамзин и Гончаров
Твореньями воспели край родной!
Симбирский основатель Хитрово
Построил град великий над рекой!

Воздам хвалу Всевышнему Творцу –
Я к Волге сердцем крепко приросла –
Я кланяюсь Достойному Венцу,
Где славят благовест колокола!

О Волжская родная сторона,
Тобою я люблюсь и горжусь,
Ты Божьей благодатью мне дана,
Симбирская, святая моя Русь!

* * *

Вот родничок, бегущий к Волге
Среди заросших старых дач,
Вернее, что осталось только
От дач-развалин – только плач.

Давно разрушены строенья,
Кирпич разбит, осколки рам...
Пришла весна, и настроенье
Не портит эта драма нам!

Цветёт весь берег разноцветом,
Прекрасна сада благодать
С лучами солнечного света...
Всё это стоит описать!

Жасмин несёт благоуханье –
Цветы для чая набирай!
Природа просит созерцанья –
Цветущий необъятный рай!

Всё утопает в майском цвете,
Как облако нежнейший сад!
Цветущие деревья эти
Садили много лет назад.

Нет дач, но всё цветёт поныне,
Забыли люди про сады.
И их предназначенье ныне –
Величье майской красоты!

С улыбкою к ручью спускаюсь,
Вдыхаю сладкий аромат!
Рябины, ветвями сплетаясь,
Как под венцами девы – в ряд!

Родник венчает мир прохлады,
Легка студёная вода.
И в белых лепестках услады
Земля так девственно свята!

ПЕСНЯ О ВОЛГЕ

Поспешу я к великой реке,
Трону нежность бегущей волны,
И родная гитара в руке
Отзовется печалью струны.
Я вбираю речной вольный дух
Мне простор голубой бы обнять,
Облаков проплывающих пух,
Как святая небес благодать!

Припев:

Ты волнуешь и манишь меня,
О сударыня Волга!
Без тебя я не мыслю и дня,
Мне с тобою так вольно!
Подберу золотые слова
Самой ласковой песни,
Заиграет речная волна
Мне мотивом чудесным!

Вольных чаек заветный полёт
В лёгком танце вечерней волны,
А душа-россиянка поёт
Под напевы речной синевы!
Я о Волге стихи напишу –
Откровение в вечной любви!
Я в мелодию нежность вложу,
И со мной запоют соловьи!

Припев

Припаду я к любимой реке,
 Как Владычице ей поклонюсь,
 И волны поцелуй на щеке
 Сберегу! И реке повинюсь:
 «Как я мог раньше жить без тебя,
 Материнских объятий твоих,
 Я влюблялся в другие края,
 Ты лишь в снах пребывала моих!»

Припев

* * *

Смотрю я на Волгу-сестру,
 На волн золотую игру,
 На царство речной красоты,
 Где – два великана – Мосты

Два берега за руки взяв,
 От времени будто устав,
 Разлиться реке не дают –
 Как воины в вечном строю.

Закат золотит горизонт,
 Он, как позолоченный зонт,
 Прижавшись к вечерней воде,
 Чуть-чуть облаками задет...

Прольётся небес благодать,
 И вечная звёздная рать
 На зеркале Волги-реки
 Попросится рифмой в стихи!

* * *

Ты проснись, моя Волга родная,
 Сбрось оковы с остынувших вод.
 Пусть под солнцем резвясь и играя,
 Поспешит в горизонт ледоход!

Разбуди берега свои, Фея,
 Разгуляйся шальной волной
 И, студёные мысли развеяв,
 Раздели свою радость со мной!

Не сродни ли ты Фениксу-птице,
 Прикоснись ты волной моих рук –
 Дай мне силой твоей возродиться,
 Чтоб тобой любоваться, мой друг!

Ты – таинственное притяженье,
 Как могла тебя раньше не знать?..
 Ты – Господней Любви откровенье,
 Ты – святая моя Волга-мать!

* * *

Шопеновский ноктюрн плывёт над головой,
 Всё – жёлтые, оранжевые ноты.
 Тумана острова над Волгою седой
 Качают леденеющие воды.

А сквер Карамзина под веером дождей,
 Под жёлтою короною печали
 Несбывшихся надежд, нерадостных вестей:
 Мы это лето просто потеряли...

А «Город наших встреч», он ждал своих гостей,
 Костюм он поменял на фрак отличный!
 Он – лирики знаток и творческих страстей,
 Он чувствует всё тонко, поэтично!

Мы верим – прозвучит Шопена си-минор,
 Скамейки будут солнцем отогреты,
 И Карамзинский сквер под колокольный звон
 Откроет поэтическое лето!

* * *

Закружили облака, закружили –
 Сколько вёсен, сколько зим пережили...
 И несутся снова в сень голубую,
 Я смотрю на небеса и люблюсь!

Словно белые снега в небе кружат,
 Чтобы Волге посвятить свою душу!
 И приветливо печёт зноем солнце,
 Отражается в реке, как в оконце!

Закружили облака, закружили –
 Снова с летнею порой подружились,
 Словно лебеди плывут тихой речкой,
 Чтоб стихами напоить мне сердечко!

«ВОЛГА. СИНЕЕ СИЯНЬЕ...»

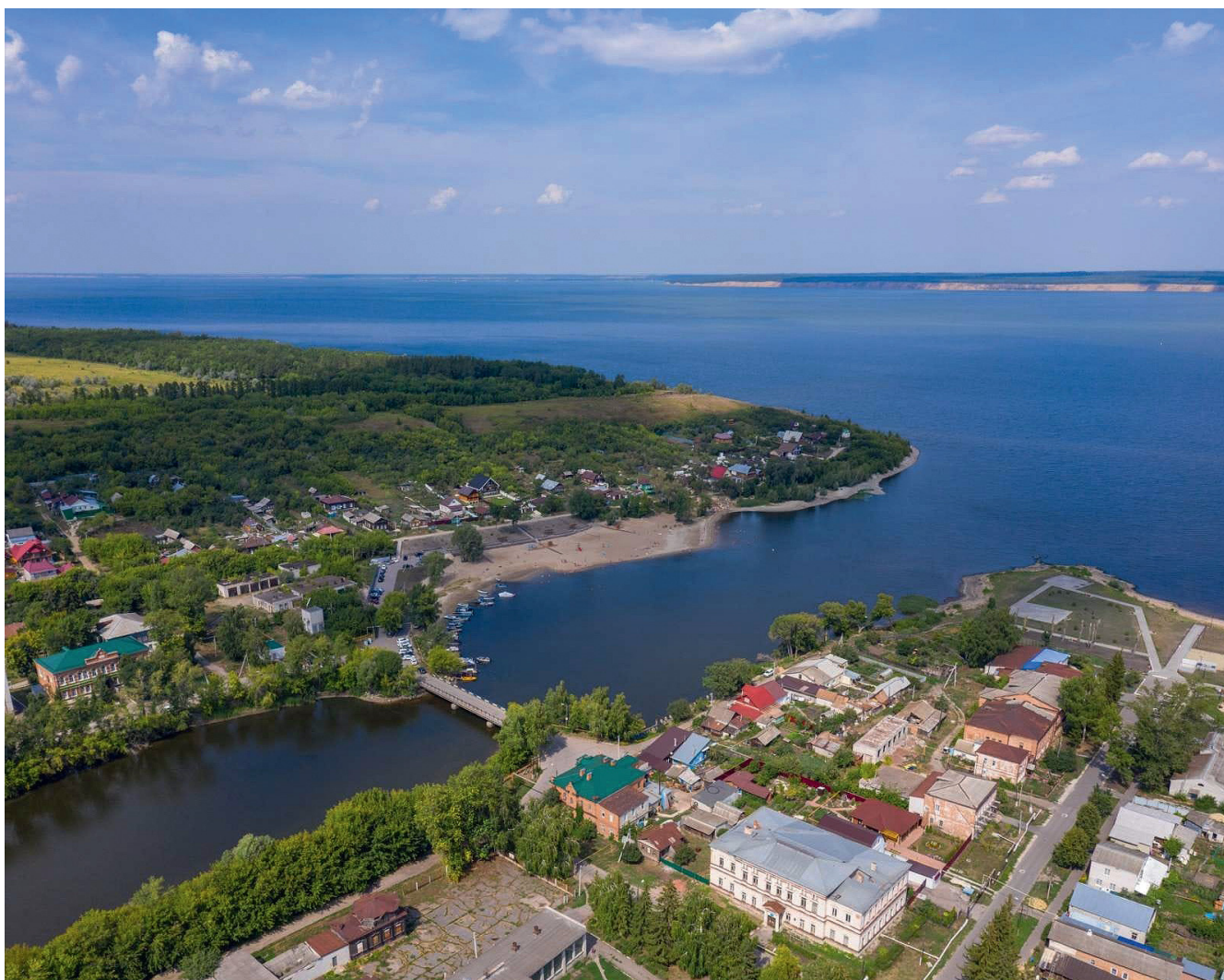

Фото Алексея Шишова

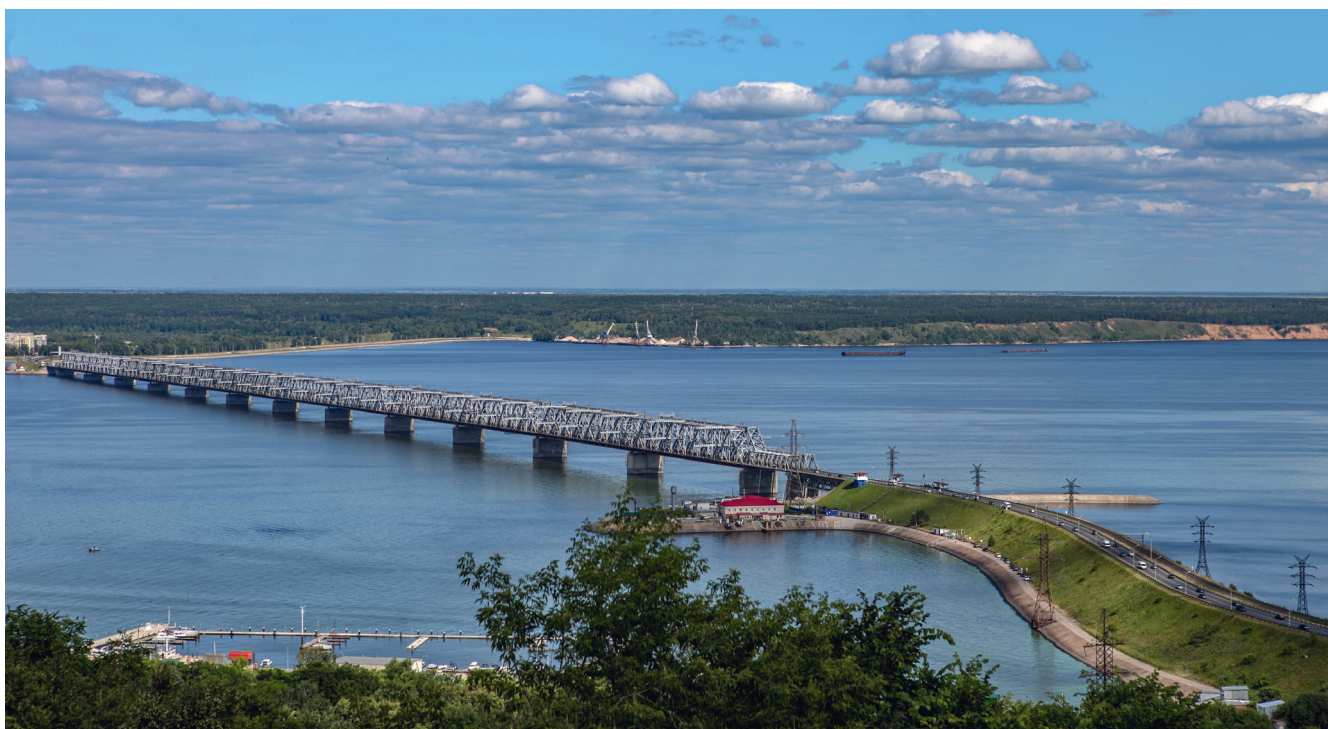

Фото Владимира Ламзина

Фото Алексея Шишова

Фото Владимира Ламзина

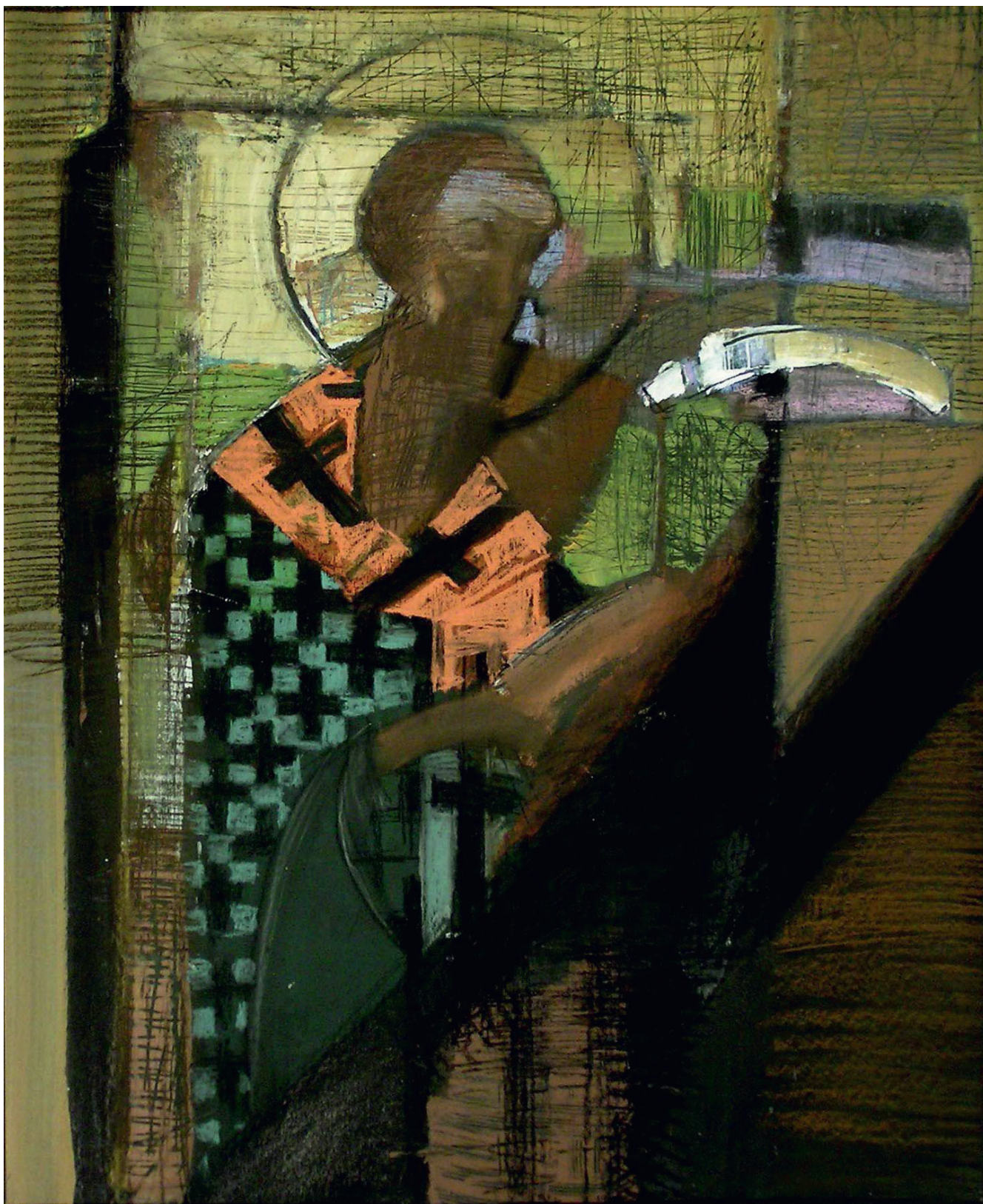

Фото Владимира Ламзина

Фото Владимира Ламзина

**МИР КАК МИФ.
КАРТИНЫ ВЛАДИМИРА ФУФАЧЁВА**

В. Фуфачев. Икона из цикла «Посещая музеи»

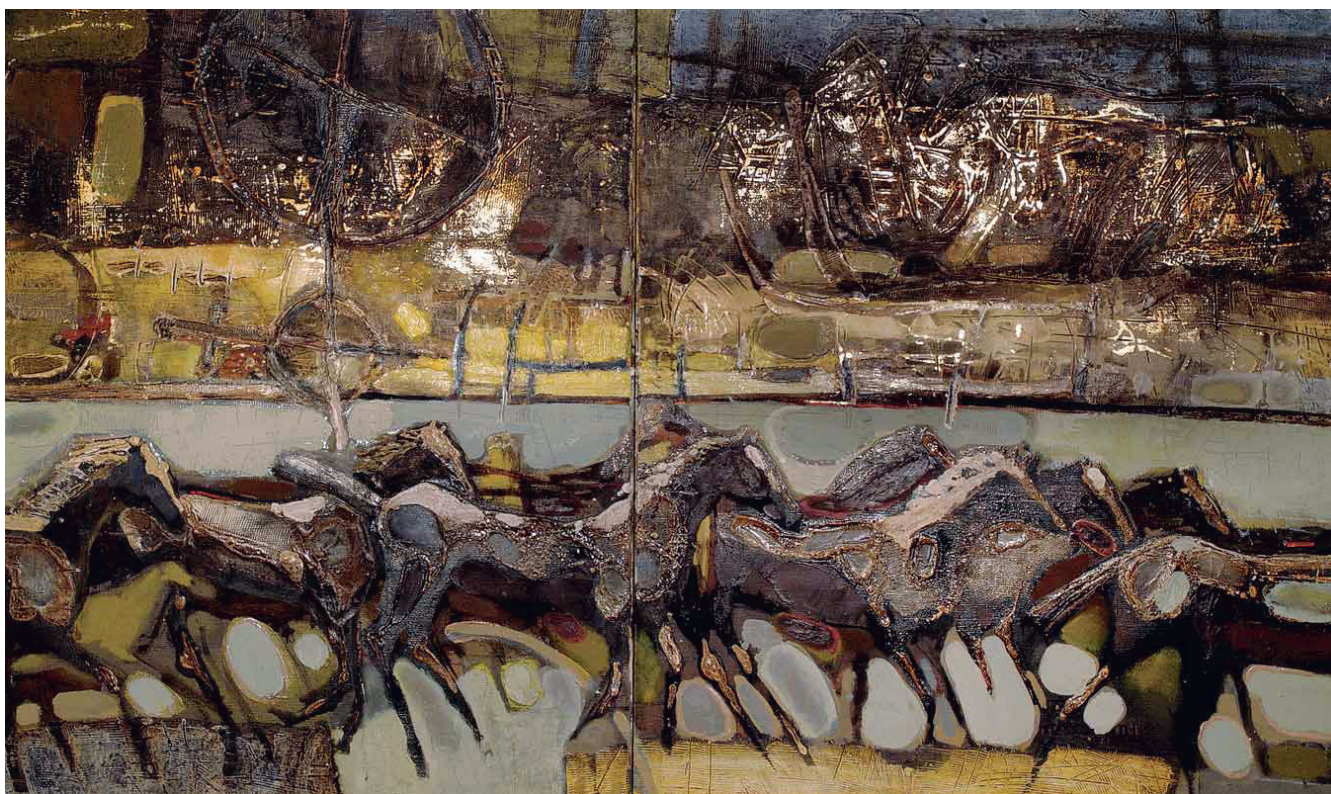
В. Фуфачев. Пророк

В. Фуфачев. Тенсей

В. Фуфачев. Небо и земля

В. Фуфачев. Белый Июс

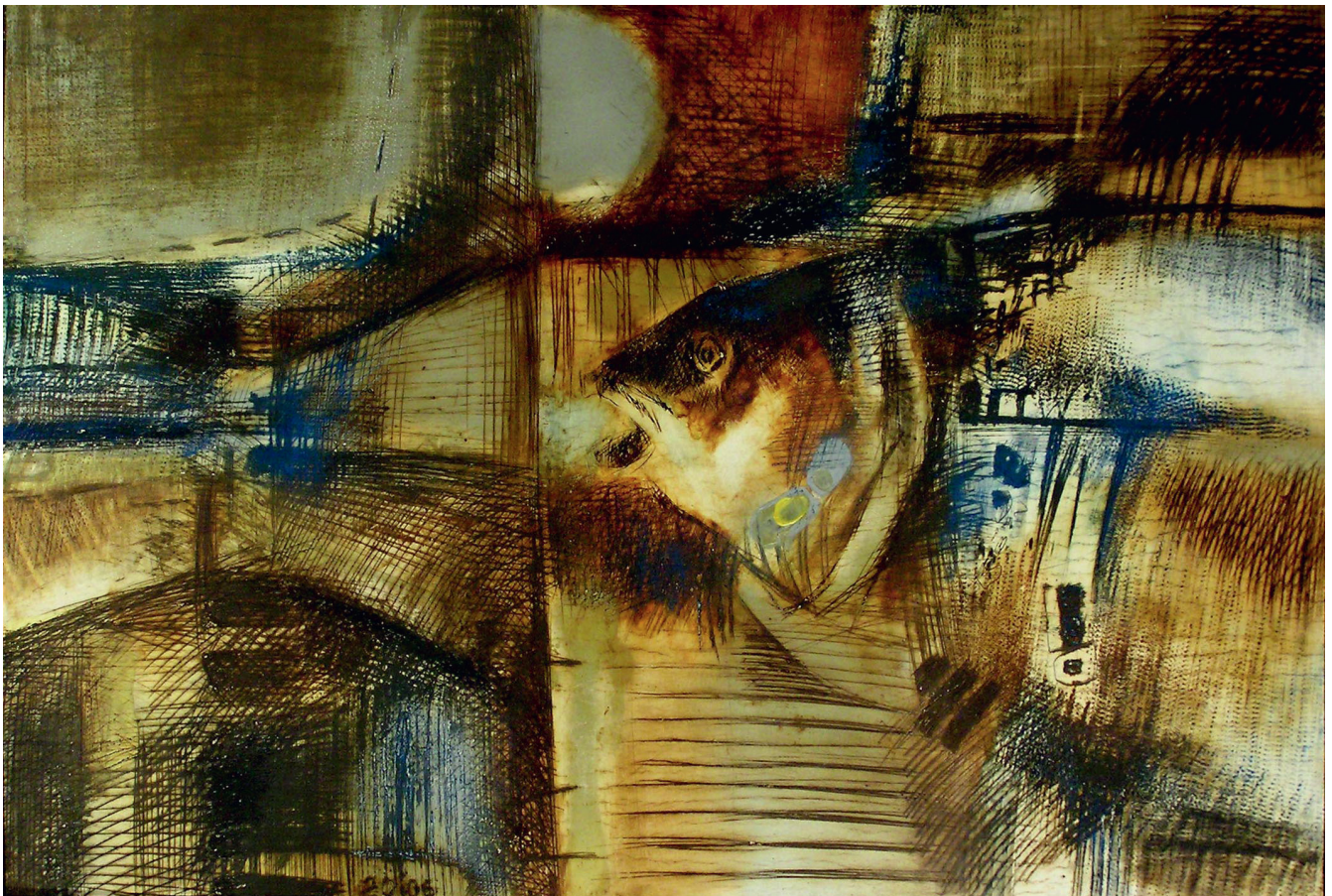
В. Фуфачев. Священный бык

В. Фуфачев. Вселенная

В. Фуфачев. Врата

В. Фуфачев. Ход Большой Рыбы

Елена КРЮКОВА, поэт, прозаик, искусствовед, член Союза писателей России, член Творческого союза художников России.

ЗНАКИ ЗЕМЛИ

...Кто видит сны и помнит имена...

Максимилиан Волошин, Corona astralis

Наше внутреннее ищет выхода вовне; так появляется на земле художник.

«По плодам их узнаете их...» – по самим произведениям, по градусу их подлинности узнается сам художник, и если внутреннему найден точный внешний эквивалент, тогда можно свободно говорить о личностной силе автора, для которого авторство – не столько самоутверждение и самовыражение, сколько попытка подсоединить себя к живой энергетике мира, к системе мировой культуры, развивающейся как некий живой мегаорганизм.

Владимир Фуфачев уже создал целую образную, знаковую, пластическую авторскую систему, по шагам, по ритмике которой можно легко опознать именно этого автора в сонме других художников. Каковы главные особенности этого стиля, этого видения, этой изобразительной философии, которую предъявляет Фуфачев?

Иероглифичность, знаковость мира бросалась в глаза и в архаически удаленных от нас временах тем, кто этот мир осваивал и познавал. Первобытный художник не стремился перенести на плоскость камня, на стену пещеры мир в подробностях, в деталях; детали были ему не нужны и не важны – он стремился ухватить мысль самую суть ощущаемого им Космоса, и эту суть изображал емко, точно и лаконично. Оттого сибирские писаницы или фрески Тассилин-Аджера вполне сопоставимы с символами-знаками всех древних письменностей, с буквицей, с иероглифом. Последний петроглиф – это первый иероглиф, и здесь стираются границы времени, создается единое информационное поле. В толще, в геологических пластах этих древневременных культурных «пород» и взял свое начало художник Фуфачев.

И дело даже не в том, что мастер родился в Восточной Сибири, там вырос, возмужал, сложился как личность, открывая для себя архаические тайны родной земли (а земля эта – граница казачьей Южной Сибири, Тувы, Хакасии); думается, художник, двигаясь в пространстве современной мировой изобразительной культуры, как нельзя более точно почувствовал – сгущение информации в изображении, тяга к знаковому лаконизму и есть тот путь к авторской символике, которая, при удачно поставленной живописной цели, концентрировала бы в земном знаке весь окоем видимой Вселенной.

Неслучайно многие работы мастера так и называются: «Вселенная», «Письмена», «Архетип», есть целая череда «Знаков» – «Знак дома», «Знаки земли», – ярко просвечивает сама идея сжать мироздание до светящейся капли, увидеть его на ладони

Владимир Фуфачёв

– так, как Моцарт видел симфонию: в качестве ладони здесь выступает холст, лист, картон.

Владимир Фуфачев начинал как график, занимался цветным офортом, уникальной графикой: акварелью, пастелью. В своих ранних графических опытах он не столько выражал мир, сколько отражал его. Но уже в ранних офортах чувствуется – для ищущей души – нехватка привычного видимого мира: автор пытается найти свои формообразования, свои пластические решения, и они уже идут вразрез с привычным для тех лет классическим реалистическим копиизмом.

Куда же двигался мастер? В первую очередь, к созданию собственного мифа.

Миф и мифология, бытие культурной мифологии в нынешней культурной атмосфере, экстраполяция мифа в будущее – вот что привлекало художника. Надо сказать, что по-новому востребованный культурной ситуацией миф – это современная реальность. Миф создается на всех культурных уровнях, по всей вертикали: на уровне китча, на уровне быта, как уровне высокой философии. Хай-тек создает свой миф о современном человеке (а может, о расчеловечивании); старая культура крепко держится за миф о своем бессмертии, понимая, что, может, дни ее сочтены; современное искусство, оккупировавшее непаханое поле перформанса, инстал-

ляции, объекта, видеоарта, заявляет: «Миф умер!» – подобно Барту, воскликнувшему: «Автор умер!» или Ницше, констатировавшему: «Бог умер!» – и на этой изрядно возделанной поколениями почве, на фоне отрицания мифа создает свой миф, основная нота которого – ирония, издевательство, вариация насмешки. Что в этом случае делать художнику, работающему по старым живописным технологиям, опирающемуся на древние находки в области символа-знака, но мыслящего уже в категориях современной философской парадигмы?

Владимир Фуфачев обращается к живописи – и здесь сама ее живая технология, вечный путь импровизационности масла и холста, путь лессировок, возможность изменить уже найденное, повернуть с дороги в неизведанные области изображения помогли и помогают мастеру находить ту объемность, космичность и знаковость, что встает вровень с изображаемой им мифологемой, с воспеваемым образом.

У мастера был период, когда он открыл для себя богатство и буйство цвета и света. Жесткие, точные, драматические офортные листы внезапно сменяются холстами, на которых – ярчайшие колористические гаммы, световые танцы. Так выражался темперамент молодости; и однажды он сменяется резко, *subito*, как из-под земли возникшей новой изобразительной системой. Творчество Фуфачева перестает быть только «посюсторонним». Это, несомненно, работа внутреннего мира, и сам этот мир, существующий внутри всякого большого художника – тоже уже своего рода миф.

Почему современная культура все чаще обращается к первобытному искусству? Архаика (кстати, так называется одно из масштабных полотен Фуфачева) притягивает не столько красотами забытого этноса, не столько легендарным антуражем, сколько возможностью ощутить цельность, синкретичность утраченной жизни, емкость и нравственную полноценность ушедшего в века миропорядка. «Звездное небо над нами, нравственный закон внутри нас» – все помнят эту классическую фразу Канта, и это то самое звездное небо, что сияло над головой архантропа, и он, сам по себе, стоящий под этим ночным многоглазым небом был уже – архетип. «Архетип» – один из ключевых холстов Владимира Фуфачева: катится колесница, и понятно, что с земли она напрямик катится в небеса, и одно ее колесо – день, другое – ночь. Жизнь и смерть, вдох и выдох, свет и тьма – этот древний дуализм явлен в фуфачевском «Архетипе», но недаром он отсвечивает скифским золотом: тона умбры, охры, земляные теплые колориты призваны подчеркнуть связь времен, намекнуть на отсветы древних огней.

Владимир Фуфачев идет гораздо дальше привязки изображения к этносу, к призракам какой-либо конкретной древней культуры. Он никогда не стилизует: он выработал свой собственный язык, и на нем разговаривает свободно, соединяя цветовыми «интонациями» времена, страны, судьбы с работой собственного духа. Мир равнозначен мифу и ему же равновелик. Герои холстов Фуфачева – люди, обращенные в знаки, и знаки, наделенные душой. Все перемешано: архетип провоцирует именно на понимание живого как вечного, а веч-

ного – как постоянно живого. Находящийся внутри вечности вполне может отрешиться от собственного «я» и отождествить себя с любым из тотемов: с Рыбой, Птицей, Конем, Луной. Маска-личина Солнца тождественна умирающему и воскресающему миру. Планета кругла, этот катящийся в бездне небес сияющий шар – тоже личина, у него есть глаза и уши, он мыслит, он проводит будущее. «Птица рода», «Три Луны», «Путники», «Ход Большой Рыбы», «Священный бык», «Исход из земли Уйгур» – это тотемные работы, а один из холстов автор так прямо и именует: «Тотем». Тотем-прародитель, тотем-царь, тотем – священный первообраз, к которому стягиваются все нити бытия. В работах «Танец», «Оглахты», «Тепсей» видна тяга к изображению не столько первобытных ритуалов и обрядов, сколько к запечатлению, к фиксации мегаобраза: танца, семьи, охоты. За десятки тысяч лет не изменилась сущность танца; не исчез сакрал семейства; не кануло в вечность драматическое, кровавое дело охоты. Поэтому эти полотна – вневременные: на них все те же мы, танцующие в веках, идущие на охоту под светом все тех же звезд.

И, значит, герой мифа – в большей степени сам автор, ибо каждый из нас носит в себе гены предков. В художнике они оживают горячее и безусловнее – для того, чтобы он их проявил, явил нам, и мы вспомнили о себе, о самом главном в себе, определили константу нашей жизни, лейтмотив нашего пребывания на земле. Земля – дом; гигантский дом несет внутри себя, в себе дом маленький, локальный, и этот дом внезапно оживает, и с воздетыми руками идет прямо на зрителя («Знак дома», «Знак земли»).

Два тотемических изображения особенно привлекают художника: это архетип Рыбы и архетип Лошади (Коня). Конь как символ-знак полета, скорости, дороги, скачки появляется и внутри многофигурных больших композиций («Свадьба», «Три Луны»), и выступает в извечном ансамбле с всадником (или несколькими всадниками), и внутри огромной массы животных устремляется в неведомую дорогу («Красный перевал»). Свободно, вольно скачущие лошади соединяют одним движением, словно порывом мощного ветра, оба холста в дипти-

В. Фуфачев. Свадьба

хах «Белый Июс» и «Ветер», звучат ритмичкой звона копыт в пастели «Дорога Чингисхана». Есть и изображения одиноких всадников; есть кони без всадников, дикие, необъезженные – это апология свободы. Есть кони – воспоминание детства (на полотне «Из детства» призрачный, прозрачный мальчик сидит на плотно, могуче, пастоно написанном коне, и темные густые сложные тона, которыми написан конь, контрастируют с почти негативной, нереальной прозрачностью ребенка – детство стало сном, превратилось в фантом, и давно истлели кости того коня, на котором маленький мальчик скакал по степи... – так интимная биографическая зарисовка превращается в печальную и торжественную песню о быстротекущем Времени).

Владение временем – вот что объединяет всю живописную, изобразительную систему Владимира Фуфачева, а тотемная символика здесь лишь подспорье для разговора о подлинно высоком. Изначальная торжественность Космоса, ощущаемая архантропом, была утрачена в потоке тысячелетий, ориентированных на торжество бытовых мелочей, и, как это часто бывает, подробности на холсте истории заслонили от взгляда Целое. Фуфачев возвращает зрителю эту потерянную синкретичность мироздания; его картины – момент полного подтверждения братства человека и природы, человека и времени, человека и Вселенной. А значит, автор создал свою философию, и прекрасно, что она запечатлевается не в сиюминутной технике инсталляции, а в плотности живописи, векторно направленной в грядущие века.

Стрела времени – вот что такое фуфачевская живопись. Этот вектор побеждает даже фуфачевскую эстетику, а она, надо сказать, у него изысканна, тщательно разработана – в ней уравновешиваются порывистая импровизационность и жесткая, четкая выверенность, цветовое богатство и единство колорита, роскошь фактуры и лаконизм линии, геометрия композиции и свобода обращения с плоскостью холста. Колорит его работ часто (и не случайно!) повторяет колориты природы: нежно-охристые и водяно-прозрачные, изумрудно-морские, серебристо-снежные и болотно-мрачные, со вспышками золотого закатного света, пылающе-красные, подобные костру в степи, и приглушенно-синие, вечерние, сумеречные тона – его кисть будто растет из вечно меняющейся и неизменной природы, не копируя, не повторяя ландшафт, а рождая его на наших глазах.

Автор находится в постоянном художественном поиске, и то, что он открывает для себя в каж-

дой новой работе, в пластике холста, развивается в пандан с мировой изобразительной культурой. Его живописный мир, с виду такой гармоничный, на самом деле построен на контрастах: горячая текущая лава взорванной изнутри формы – а рядом жестко простроенный геометрический каркас; яркие плоскости слепящего локального цвета – и сложносоставные колориты, напрямую воздействующие на спектр эмоций. Фуфачевская живопись не плоскостна, не плакатна, а объемна; следуя древнему наблюдению: «Искусство – это не точка, а объем», – мастер, komponуя и сопоставляя разнообразие цветных пятен, освещения, индивидуальных фактур, создает в работах странный и притягивающий эффект подкупольности, храмового воздуха, эффект, который можно было бы назвать «стояние под открытым небом».

Создание авторского мифа – это одно; другое дело, когда художник берется интерпретировать уже существующие мифы. Такими для мировой культуры являются христианский миф, ветхозаветные мифы, разветвленная тюркская мифология, образы буддизма и иных религий. Исследование образов христианского мифа у Фуфачева хотелось бы начать с последних по времени работ, где явлена эта тематика.

Одинок и потерян, подперев щеку рукой, сидит обнаженный Христос после бичевания, и вокруг него голые стены («В темнице»). Эта работа, как ни странно, соотносится с пермской скульптурой, с деревянными фигурами Иисуса, выточенными пермскими резчиками в XVII–XVIII веках. Буква Т (тау), в форме которой, как известно, сколачивались первые римские кресты для муки распятия, – в работе «Страдание», и в сплетении рваных красных линий можно уловить кровь, льющуюся из нанесенных Богу людьми ран, красный терновый венец, раскрытый в последнем крике рот. Скорбно и вместе с тем умиротворенно глядит на свою паству святитель Николай Мирликийский, встающий из небытия темных веков («Икона», из цикла «Посещая музеи»).

Наконец, в триптихе «Реставрация духа» холст «Икона», с золотым ликом Богоматери и маленьким солнечным личиком Младенца у Ее плеча – утверждение изначальной солнечности мира, человека, духа, божества. Черты святых лиц не прописаны; они чуть угадываются в колыхании светоносного воздуха, пронизанного мощью лучей. Здесь лученосность, светоносность сопрягаются с вполне «языческим» мотивом в работе «Золотая Баба», где

В. Фуфачев. В темнице

мужчина и женщина, нагие, стоят по обе стороны маски Солнца; Солнце, как известно, было покровителем свадеб, обрядов любви, мощи рода, и этот древнейший символ-знак жизни созвучен словам Христа: «Я – свет миру». И Фуфачеву удалось отразить, выразить в живописи этот горный свет.

К слову, изображения рыб – тоже христианская символика. Излюбленный мотив живописи и графики Фуфачева – рыбы («Рождение мира», «Тотем», «Ихтис», «Ход Большой Рыбы», «Планктон»), и этот иероглиф он выписывает всякий раз с иным настроением, иной живописной интонацией. Рыбы играющие (как те мифические рыбы, что, по верованиям индусов, пахтали игрой и весельем своей любви мировой океан), рыбы наблюдающие, рыбы царящие, рыбы навек уплывающие, рыбы, плывущие навстречу друг другу (прозрачная аллегория разлуки и встречи...) – все многообразие фуфачевских рыб подчинено единой задаче: показать счастье движения, плавания, стремления, пути.

Дорога одна у всего живого. Дорога есть жизнь. Равноценность дороги и жизни определена всеми древними религиями, мыслителями, она для человека изначальна и неоспорима. Дорога есть устремление, но дорога никогда не есть достижение. Цель – ничто, движение – все. На полотнах Фуфачева все движется, горит, играет, летит, плывет, поет; в его работах нет ничего застывшего, статичного – ни в самом их исполнении, ни в их философии. В работах цикла «Джазовая музыка» все звучит, и звук тоже есть полет, а значит, движение. Музыка мира, разлитая по пифагорейским сферам, приводит в движение и живопись; у цвета тоже есть звук, он может звучать, а звук окрашен, и его видят не только обладающие синестезией (цветным слухом). Художник движется вместе со своими работами во времени. Время движется вместе с ним.

Так замыкаются, соединяясь, обе дороги. Так просматривается перспектива пути – не видная автору, но уже видимая его современникам, уже ожидаемая теми, кто увидит эту живопись в будущем.

Стилистически, образно, философски живопись Владимира Фуфачева имеет корни, и они кроются не только в бездне архаических времен. Художник принадлежит к тому живописному пространству, где успешно работают в последние двадцать-тридцать лет признанные мировые мастера (можно назвать имена Николая Рыбакова, Алеся Фалея, Глеба Богомолова, Дмитрия Плавинского). Фуфачев не традиционалист, но, как ни странно, он находится в русле определенной живописной традиции; и меньше всего он гонится за новацией ради новации. Должно быть, главное в его творческой индивидуальности – нащупать свой путь, прислушаться к себе, наиболее полно, всеобъемлюще выявить то, что видит в сокровищах культуры и духа именно он, настроиться на свою уникальную волну. Это ему удается в полной мере.

Не раз отмечалось то, что работы Владимира Фуфачева – это мост между временами: прошедшим и настоящим. Можно предположить, что даже между прошлым и будущим: ведь сам художник отдает себе отчет в том, что он запечатлевает лишь

миг, но в нем, как «небо в чашечке цветка» (Уильям Блейк), видна вечность.

И в абстрактном диптихе «Священная гора», где изображено состояние одного и того же сакрального места в разное время суток («Вечер» и «Ночь»), мы ощущаем эту неистребимую тревогу Настоящего и эту величественную поступь Вечного: левый холст полыхает отчаянно-красным заревом, вызывая в воображении танцы огня, зовы диких костров, крики набегов, льющуюся кровь жертв, а правый, где звучит симфония черного и золотого, говорит о звездных огнях, о небесных пожарах, где пируют и веселятся боги, глядя на людей. Нефигуратив хорошо тем, что каждый может создать в воображении свой сюжет, заняться собственным мифотворчеством; художник нам в этом лишь помогает, он показывает нам путь.

Человек знает о том, что есть боги. Он знает о том, что есть Бог. Но божественно, по Фуфачеву, само бытие, и есть вселенское счастье бытия-пути, что бежит быстроногой ланью, бежит охотником и его конем, летит стрелой («Тень стрелы отца»).

Все творчество Владимира Фуфачева в совокупности оптимистично, невзирая на разлитый в иных его работах драматизм и даже трагизм. Чем достигается это впечатление света и радости?

Прежде всего тем, что в его работах, часто откровенно мистериальных, мифологичных, метафизических, звучит, через яркость и красоту колорита, через символику, ориентированную на первозданность природы, ясная нота любви и миру. Идущий всегда – носитель любви, иначе он не был бы странником, ушедшим от мирских благ и мирской славы. И в работе «Идущий» – тот же смысл: путник, с тяжелой котомой за плечами, одиноко идет по пустынной дороге, где раскаленный песок сменяется снегами и льдами. Этот странник – олицетворение движения в вечности и вечности в движении. Опять слияние – на сей раз космологичное: вечного покоя незыблемого Космоса и *perpetuum mobile* истории.

Каждое событие внутри истории – знак. Каждое событие отдельно взятой жизни – символ. Каждый вдох и выдох достоин начертания иероглифа. Где отыскать наиболее подлинное, убедительное графическое изображение любви? Каждый художник пишет свою мегакартину, свою многофигурную фреску, свою Библию. Искусство Владимира Фуфачева – знаковая страница в многомной истории современного искусства; все в целом, в совокупности всех работ, оно есть некий вселенский Знак, который еще будут рассматривать, анализировать, изучать наши потомки.

И не только. Они будут любоваться им. Они будут любить его – так, как любим и понимаем его мы. А может, не так, как мы, иначе.

Одно бесспорно: перед нами мастер, рискнувший написать портрет времени в трех его главных ипостасях. И эта троица Времени – Прошлое, Настоящее, Будущее – то таится на его полотнах, то переливается речным перламутром, то вспыхивает дерзко и ярко.

И это есть главный символ-знак Фуфачева, главный его иероглиф: ВЧЕРА есть СЕГОДНЯ, а СЕГОДНЯ есть ЗАВТРА.

ЮБИЛЕИ

Я ВАМ ЖЕЛАЮ ЧЕСТНОСТИ И ЛЮБВИ

Интервью с писателем Еленой Крюковой

– Добрый день, Елена Николаевна. Вы уже не первый раз в нашем городе...

– Я в Ульяновск приезжала к литераторам еще в советские годы. Был Александр Андриухин, он в Москву уехал потом, и покойный Андрей Пчелкин, Светлана Матлина. Мы собирались, читали стихи. Это было после Всесоюзного совещания молодых писателей, где мы принимали участие. А потом возник блок приездов, связанных с именем Гончарова.

– Что вам больше всего запомнилось в нашем городе?

– Во-первых, это чувство простора. Я сама волжанка, родилась в Самаре, живу в Нижнем Новгороде, но здесь Волга удивительно мощный вид имеет. Во-вторых, это то, что город живет интенсивной литературной жизнью. Это и Год культуры, Год литературы, I съезд именных библиотек, премии имени Гончарова и Благова, сильная писательская организация и Совет молодых литераторов, выходят альманахи, журналы. Весь набор литературных действий в наличии. Это очень отрадно.

– Как вы считаете, есть ли в русской литературе особый пласт – волжская литература?

– Конечно есть. Это тот простор, о котором мы говорили. Простор есть и в книгах Ивана Александровича Гончарова, и Максима Горького, и Скитальца, и Владимира Короленко. Один из романов Гончарова называется «Обрыв». Это более чем понятные для волжанина слова – откос, обрыв. Я надеюсь, что Волга и мне дает силы для творчества.

– Как в вашу жизнь пришел Гончаров? С чего началось знакомство с его произведениями?

– Я не буду оригинальна, если скажу, что с «Обломова». Гончаров в этом произведении, как и во всех других, вслед за Гоголем изображает архетипические лики. Это срез и социальный, и психологический, и уникальные черты героя, но которые отражают эту архетипику. Гончарова принято воспринимать как спокойного, размеренного, помещикообразного барина, немножко Обломова, хотя он был очень работоспособный, такой работник, какой многим и не снился. Да, писал он медленно, растянуто во времени, для него времени не существовало. Я поняла, что его темпоритмика была абсолютно библейской, несмотря на то, что она была очень русской. Фигура Гончарова очень долго была заслонена мощнейшими фигурами Толстого и Достоевского. Но сейчас в мире вновь заинтересовались Гончаровым, его издают, переводят, ставят по нему спектакли. Появился снежный культурный ком Гончарова, дай бог, чтобы он не растаял, а превратился глыбу мрамора, к которому можно прикоснуться каждому человеку. Вот это Гончаров.

– Вы себя кем больше считаете: Штольцем или Обломовым?

– Обломовым, наверно (*смеется*). Я все время борюсь со своей ленью. Я типичный художник, который лежит на диване и воображает: вот это моя фреска, это моя картина на мольберте, это стопа моих книг, изданных завтра и послезавтра. И при этом: не соснуть ли мне парочку часочков (*смеется*). Вот с этим я борюсь.

– Судя по стопке ваших книг, не скажешь, что вы Обломов.

– Это все из-за борьбы, все от противного (*смеется*). Я точно Обломов. С возрастом я начала его иначе воспринимать, я вижу в нем космического человека, художника духа. Работа духа может быть воплощена не только в чем-то вещественном, но и в человеческих отношениях, в мыслях к Богу, созданию вокруг себя ареала добра и тепла. Иногда можно быть творцом, созидателем, создателем и в обычной жизни. И этот урок дает нам Гончаров через Обломова.

– Елена Николаевна, теперь поговорим о музыке. Недавно увидел свет ваш новый роман «Музыка». Чаще всего мы говорим о музыке как о чем-то возвышенном и недостижимом. Но ваш роман насквозь пропитан болью. Почему вы пишете о музыке именно с этой позиции?

– Этот роман – не просто музыка, как таковая, и она звучит. По стилистике я старалась сделать так, чтобы это было слово звучащее. Герои сами производят музыку, все они музыканты. Сначала это

мини-портреты героев, потом начинают просвечивать сквозь это судьбы, потом сквозь судьбы начинает просвечивать музыка, которой эти люди занимаются. Сначала консерватория, потом приоткрыт занавес Большого театра, ибо две певицы – Злата Батрак и Ванда Гаевская – солистки. Одна зрячая, злая завистница, а вторая – Ванда – прошла Афганскую войну, была контужена и ослепла, но, обладая роскошным голосом, она на слух выучивала оперные партии и была принята в труппу Большого театра. Многие спрашивали, есть ли у Ванды прототип. Нет, это абсолютно плод моего воображения. Слепой музыкант, не видящий мира, но слышащий и воспроизводящий его – это величайший архетип, потому что все певцы, все баяны древности были слепыми. Что касается боли... Что такое есть боль, преображенная и в радость, и в силу, я знаю по себе. Музыка сама по себе настолько полна боли и скорби. Возьмите любую оперу, что там происходит: Джилду убивают, Тристан и Изольда у Вагнера умирают, Кармен Хозе закалывает. Это все равно боль и преодоление ее. Важнейшее резюме всей этой вещи – не потерять любви. Эта вещь уводит от безнадеги, от обреченности, потому что каждый человек обречен на уход из этой жизни. Все герои этого романа – это я. Очень личный роман.

– Вы учились в Московской консерватории. О каких музыкантах вы вспоминаете как о своих учителях?

– С учителями мне повезло. С удовольствием вспомню три-четыре имени. Я занималась в классе органа у великого Леонида Ройзмана, в классе фортепиано у Маргариты Федоровой, это удивительная женщина, игравшая всего фортепианного Скрябина и почти всего Бетховена. Елена Васильевна Образцова. Я ездила аккомпанировать ее ученикам к ней домой. Наши учителя всегда подталкивали нас к тому, что если ты создаешь произведение, то должен сделать это в тридцать, сорок, пятьдесят раз сильнее, чем тебе кажется. Я бы никогда не написала роман «Музыка», если бы сама не была музыкантом. А так я полностью отдаю себе отчет в том, что сделала.

– Что в вашей жизни появилось раньше: слово или музыка?

– Музыка появилась довольно поздно, когда мне было пять лет. Тетка моя из Вологды прислала мне на день рождения трофейное фортепиано. Как она его раздобыла, за какие деньги, но прислала вагоном из Вологды в Горький. И меня стали учить. Я нырнула в музыку, как дельфин, и поплыла, мне все это очень понравилось. А читать я научилась в три года по церковно-славянской Библии моей прабабушки. В четыре года я написала штук десять стихотворений бабушке в подарок, в них воспевались сад, ягоды и прочие вкусности, с которыми ребенок был знаком. После музыкальной школы, училища и консерватории я поступила в Литературный институт. Мне хотелось писать музыку словами, создавать, рождать, а не быть просто исполнителем. Я поступила на отделение поэзии, и семинар у нас вел потрясающий поэт, лирик Анатолий Владимирович Жигулин.

– В то время, когда вы учились, Литинститут гремел. Там преподавали поэты-фронтовики,

перед студентами выступали Евтушенко и другие шестидесятники. Расскажите об этом времени.

– Да, это удивительное время, когда шестидесятники были уже зрелые, маститые, и в то же время они были очень простые, дружеские. К нам приходили и читали стихи Юнна Мориц, Евгений Евтушенко, Владимир Костров, Бэлла Ахмадулина. Когда они выступали, у нас, молодых поэтов, бежал мороз по коже. Нам очень повезло. Мы смогли взять от них не только мастерство, но и любовь, и человечность.

– Когда в вашу жизнь пришло понимание, что вы не только поэт, не только музыкант, но и прозаик?

– Это произошло в 90-е, когда я вдруг поняла, что мне хочется написать большую фреску прозой. Женщину эту я увидела на уровне видения. Она была в рубище, босая. Я не видела ее, но боялась скопировать глаза и увидеть. Понятно, что это воображение, но уж очень яркая картинка была. Я поняла, что это феномен русского юродства, о котором тогда никто и слыхом и не слыхивал. Я стала пробовать писать эту вещь, в году 96-97-м я написала эскиз романа «Юродивая». Потом я вернулась к этому делу и закончила где-то к 2005 году первый вариант. В журнале «Нижний Новгород» были опубликованы фрагменты этого романа. И эти фрагменты попали Игорю Золотусскому, а он забросил их на премию

«Ясная Поляна». И я вышла в финал. Конечно же, премию мне не дали, я тогда была никому неизвестным прозаиком, хотя стихи мои печатались в «толстых» журналах.

– Расскажите о вашем супруге – художнике Владимире Фуфачеве. Как двум творческим людям живет под одной крышей?

– Шикарно живет. Я считаю, мне так повезло. Володя настолько родной, он понимает не только мои телодвижения или движения души, он понимает путь художника, его смыслы. Он старше, и в какой-то степени я считаю себя его ученицей. Я понимаю, что без него даже не было бы моих книг, потому что он говорил мне такие вещи, какие я только сейчас делаю, а он говорил их двадцать лет назад. Многие говорят, что мы скучно живем, а мы за тридцать лет ни разу не поссорились, не было повода.

– Елена Николаевна, вы довольно часто ведете семинары для молодых писателей, у вас есть проект «Мастерская Елены Крюковой». Что бы вы пожелали всем авторам?

– Пожелания простые: честности и любви. Любви к миру, к своему художеству, к людям, ко времени, в котором вы живете. И честности, абсолютной искренности во всем.

Интервью записала Алина Осокина

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ, поэт, писатель, переводчик, член Союза писателей России, лауреат премии им. св. благоверного князя Александра Невского, им. Сергея Нилуса, лауреат премии им. Сергея Михалкова – за лучшую детскую книгу.

ЗАСТУПНИЦА

Повесть

Глава первая

Четвертого мая 1946 года, в теплый день первой мирной весны, Арсений Петрович сидел в своем укрытии в приречных камышах, словно на циновке, на сухой камышовой вязанке. В этом месте лесостепная алтайская река делала очередной поворот. Берег был подмыт снизу, а верх выдавался вперед полукруглым мыском.

Арсений Петрович сидел босым. Чуть в стороне лежали голенище на голенище сапоги-кирзачи, рядом валялись легкие серые портянки и непочатый чекот¹ водки. Сегодня у дочки Олюшки день рождения. Вот ведь как. Жизнь можно отнять, а рождение – нет. Каждый год он отмечает рождение дочери – и на войне так делал, и теперь в сердце своем отмечает, прибавляет ей год. Теперь дочке было бы шесть лет.

В самом начале сентября 1942 года, когда фашисты штурмовали Сталинград, жену Арсения Петровича, работницу тракторного завода, как и многих других, должны были эвакуировать на Алтай. Завод частично уже перевезли в Барнаул, хотя окончательно он остановился, замер в середине сентября, когда бои начались уже прямо на заводской территории. Перед отправкой Аня еще успела написать письмо. «Хорошо, Арсюша, – писала она, – что отправляют на Алтай, буду работать, как-то проживём с дочкой, лишь бы ты вернулся».

Баржу, на которой людей переправляли на другой берег Волги для дальнейшей эвакуации, фашисты разбомбили, она затонула. Очевидцев было много, на берегу стояла огромная толпа беженцев, которые ожидали следующего судна. Арсений Петрович ждал письма от жены с Алтая, беспокоился, как они там

с дочкой устроились, но письма все не было. Он стал посылать запросы в Сталинград и Барнаул. И тут получил письмо от друга – Григория Кривулина, который после эвакуации Сталинградского тракторного работал в Барнауле. «Неразбериха на переправах была страшная, – писал он, – но все же мы знаем, что именно на этой барже переправляли наших работниц с детьми. Я ждал Анну с дочкой – они так и не прибыли».

К тому времени, когда Арсений Петрович получил письмо, его танковая часть в составе Украинского фронта подходила к Висле. Победа застала его на Одере. В страшных боях он остался жив, хотя трижды был ранен. Он – жив, есть, а их нет.

С фронта Арсений Петрович не поехал в Сталинград. Нет прежнего Сталинграда. Нет там семьи его. Он знал: их дом на Спартановке недалеко от балки, через нее спускался в выходной день к Волге порыбачить, или ходили они на берег всей семьей – Аня в летнем платье легко шагала впереди, а он с маленькой Олюшкой на плечах – за ней, дом остался цел, но его теперь, конечно, заняли другие люди, жилья после бомбежек, пожаров, многомесячной битвы в Сталинграде почти не осталось. Да и зачем ему дом, то ли он там жить собирается?

Арсений Петрович приехал на Алтай в октябре 1945 года. Он решил отправиться с фронта туда, где его семья должна была жить в эвакуации, в город Барнаул. Там все еще работал его друг Григорий Кривулин. До войны на Сталинградском тракторном он был начальником большого механического цеха и парторгом, Арсений в том же цехе работал мастером. Григорий много сделал для благополучной эвакуации оборудования тракторного завода и налаживания работы на Алтае. Остался он сам в Барнауле или его оставили волевым решением, Арсений не знал, а только работал Григорий Александрович теперь не на заводе, а в райкоме партии.

Барнаул, столица большого края, был меньше Сталинграда и совсем на него не похож. В центре, кроме небольшого количества современных, построенных незадолго до войны домов, сплошь шли двухэтажные каменные и деревянные купеческие дома. Обряженные по фасаду оборками резьбы, в ярких затейливых наличниках, они и сами были как купчихи, правда, несколько запущенные и отставшие от моды. В разные стороны от центра расходились улицы частного сектора, простенькие деревенские избы с сараюшками во дворе. Ветхих обшарпанных домов хватало, особенно за базаром, где находились бараки и прочие трущобы Копай-города. Но город цел, не бомбили его, не жгли, войны тут не было. Разве сравнишь с тем, что видел Арсений Петрович все годы, пока воевал?

В Барнауле он устроился было на станкостроительный завод фрезеровщиком, это то, с чего когда-то шестнадцатилетним мальчишкой начинал в Сталинграде, когда приехал туда из районного городка. Как нравилось ему тогда работать фрезой, казалось, волшебным инструментом! А теперь стоял у станка, выпускал продукцию на автомате. Сам он теперь как станок. Дни шли один за другим, блеклые, запустоленные, утомительные до головокружения. Каждый раз, выходя из заводской проходной, он медленно шел, вглядываясь в окрестности – дома,

бараки, землянки. На этих улицах жили эвакуированные в сорок втором и начале сорок третьего сталинградцы, сюда должна была приехать Аня с дочкой. Стоял и слушал собственный ответ: нет, их тут и не было. Шел дальше и снова думал: в этом доме? Или вот тут? Прошло пять месяцев, и не привык он ни к городу, ни к заводу, совсем раскис и сам презирал себя за это.

Было начало марта. Он работал в ночную смену, и когда в шесть утра пришел сменщик, Арсений Петрович, усталый, оглушенный, прикорнул прямо на полу в глухом углу цеха. Проснулся в десять часов утра, отряхнулся, огладил одежду и волосы руками и направился к проходной.

От проспекта Калинина через занесенный снегами по крыши Копай-город вышел к проспекту Ленина – чистому, современному, представительному. Ноги сами вынесли к зданию крайкома с солидным фасадом, срединную часть которого укрывал огромный портрет Сталина. Арсений Петрович уже несколько дней собирался зайти на работу к Григорию Кривулину. Он направился ко входу. На ловца и зверь бежит. В дверях столкнулся со своим другом. Постаревшее, одутловатое лицо Григория компенсировала знатная экипировка: он был в новом шерстяном пальто с цигейковым воротом, добротной меховой шапке, хороших ботинках.

– Сеня, здорово!

Григорий протянул руку, а потом обнял друга.

– Поговорить надо, Григорий Александрович.

Лицо Григория сразу стало виноватым и растерянным. Все эти месяцы он не понимал, как ему вести себя с Арсением. Хотел пригласить домой, он с семьей жил здесь неподалеку на Калининском, но каково Арсению будет смотреть на его девочку? А младшая еще и ровесница Олюшки. Разговаривать о прошлом было тяжело, а в настоящем не было у них ни общих тем, ни точек соприкосновения. У Арсения теперь ни с кем не было точек соприкосновения.

Так они стояли друг против друга. Арсений, видя, что Григорию неловко и тяжело с ним, мягко спросил:

– Куда тут, Гриша, уехать можно? Поглубже? Поглуше?

– Барнаул тоже небольшой город.

– Не могу я здесь. Хожу дом ищу, где бы Аня с Олюшкой жили. И работа не идет, и жизнь. Чепуха какая-то и бессмыслица.

– Сеня, там ведь на переправе после бомбежки такой дым стоял, такая неразбериха... Никто точно ничего не видел. Искать надо, писать, запрашивать. В этом есть смысл.

– Назапрашивался. Так не подскажешь глухого местечка?

Григорий задумался.

– Езжай в Ярунино, Тюменцевского района. Я там был однажды. Глуше некуда. А красотища!

Арсений Петрович приехал в Ярунино в десятых числах апреля. Снег на дорогах почти потаял, наст обернулся лужами и непролазной грязью, однако с боков, в балках и ложбинах еще лежали осевшие ноздреватые пласты снега. Ярунино стоит на равнине при реке Кулунде. Деревня была небольшой, делалась на несколько околотков, избы располагались

в два порядка и все были разные. Стояла пара свежих бревенчатых, несколько старых, из почерневших бревен, с пучками коричневого мха в пазах, попадались саманные и даже махонькие, сколоченные из досок домишки с одним мизерным окошечком. Видел он и несколько землянок, стоявших особняком от основных улиц.

– Это по таким морозам, как здесь! – изумлялся Арсений Петрович.

У многих изб – завалинки, огороженные нетесаными корявыми досками. Кирпичного фундамента тут и во сне не видели, это понятно, но у леса живя, хороших бревенчатых изб почти не рубили. Крыши покрыты чем Бог пошлет: у кого дранка, у кого солома, да и то слежавшаяся, почерневшая, в дырках. Правда, кое-где видна была начатая стройка или какой ремонт, белели свежие стропила, из пазов между ошкуренных бревен свисали на их влажную белизну махры мха.

Арсений Петрович остановился у пожилой женщины, сколько ей лет – кто знает, может пятьдесят, а может шестьдесят, после войны женщины с худыми морщинистыми лицами, блеклыми угасшими глазами все выглядели старухами. Именовалась она Сиклителиней, как человек, родившийся до революции, имя получила по святцам. Она сразу расположилась к Арсению, стала звать его Арсюша, звучало чуток ворчливо, но уютно. Арсений рассказал ей, откуда и почему оказался здесь, но говорил тоном сухим, безразличным даже, чтоб не начала она охать, причитать и жалеть его. Она и не охала, и не причитала. Только спросила:

– Что ж, Арсюша, к родне не поехал?

– А у меня нет никого, кроме них. Родители умерли, я у них один сынок. Жена, Аня, детдомовская была. Больше всего боялась, чтобы дочке такое же не выпало.

Усмехнулся.

– Вроде и не выпало.

– Тут ты нужен будешь. В деревне мужиков – мотыкин кот заплакал. А ты собой какой видный. Из казаков, должно быть. И ведь молодой. Серебра на свой зуб чуток перебрал, так ведь это не от возраста, а от войны да беды.

Она помолчала.

– У меня сынок еще до войны помер. Хворал, хворал и помер. А мужик без вести на фронте пропал. В погибших не числится, и живого нетути. Да ведь сердце восточку бы получило, кабы жив был, а я чувствую: земля ему теперь и дом, и жена. А я одна как перст. Ни мужа, ни детей, ни внуков. Внуков душа и тело требуют, глаза на них глядеть хотят, руки – обнимать и нянчить.

Всё это тяжелое, горестное, засердечное, Сиклителиня говорила медленным однообразным тоном. Узкие степные глаза (в ней явно чувствовалась тюркская примесь крови) и все плоское лицо ее не меняли выражения. Тут же пошла она во двор, где наглым назойливым кудахтаньем просили еды куры, возилась во дворе, а потом громыкала подойником, уговаривала корову Майку стоять спокойно, доила ее.

По наводке Сиклителини пошел Арсений к бригадиру колхоза Егору Гордеичу, фронтовику одному (вторую руку, как выяснилось, он потерял

под Курском), горячему и очень разговорчивому человеку.

– Полеживает в черноземе пухлом... – сказал бригадир, тряхнув левым пустым рукавом пиджака, – в месте своего захоронения. А сам ты где воевал, Сеня?

– Начинал в сорок первом, в 4-й танковой бригаде. Она у нас, под Сталинградом, формировалась. Танки Т-34 прямо с конвейера тракторного шли к нам. Потом в эшелоны нас – и под Москву. На Волоколамск бросили. Под деревней Горюны (не зря ее, видать, так назвали) танк загорелся, я выскочил, да осколком минометного снаряда ранило. Первое ранение – и сразу в грудь. Но обошлось. Отлежался в медсанчасти – и дальше.

Арсений Петрович удивился, что так разговаривал с человеком, которого знать не знал. В Барнауле все пять месяцев немым проходил. Почему-то хорошо, просто было разговаривать с Егором Гордеичем.

– Танкистом был – так на трактор у меня пойдемь, – решил бригадир. – ЧТЗ хороший есть, еще довоенный. На бригаде стоит. Разве чуток подладить.

– Справлюсь, – кивнул Арсений Петрович.

На том и договорились.

Арсений Петрович взялся за ЧТЗ, заказал в МТС кое-какие детали, отладил трактор, а тут и время пахоты подошло. Земля подсыхая, ровная, вся готовая лежит, будто ждет. Плуг он получил сносный. Бензин давали. Чего еще? Работал как черт, вспаханная земля поднималась вверх тонкой черной взвесью, наполняла кабину, он дышал и глотал ее, как глотал пыль военных дорог в танке, погружался в рев и гул трактора, оглушенный, забывал обо всем. Глядя на вспаханное поле, которое будто бы начинало глубоко, довольно дышать, и сам делался довольным. Подходило ему это сейчас.

Сиклителиня оказалась хозяйкой спокойной, к постояльцу непридирчивой. Только вот набожность ее сильно смущала Арсения Петровича. Так и не подумает. В разговоре Бога почти не упоминает. Икон ни в прихожей, ни в горнице нигде на виду нет, а такая богомолка оказалась. В первую ночь, как остановился он у нее на квартире, даже заробел: откуда-то доносилось неразборчивое причитанье, пенье-рыданье. Вслушался и понял: это она молитвы и псалмы поет. В другой раз ночью сильно захотел пить, вышел на кухню и увидел, как стоит она на коленях в прихожей у своей кровати и тихо, словно бессловесно, молится. Наутро спросил ее:

– Что тебе Бог, Сиклителиня? Кого вымаливаешь, за кого просишь, ведь умерли у тебя все?

– Об умерших и молюся. Обо всей земле и государстве и воинстве нашем молюся.

Чуть не засмеялся Арсений Петрович. Николай Чудотворец новый явился. Только в юбке. О всей земле молится! Но промолчал. Ему лично это не мешает. И никому не мешает. Каждый со своей бессонницей по-своему справляется.

– И о тебе, Арсюша, каждый день молюся, – сказала ему Сиклителиня, когда он уже выходил из избы. Он приостановился на пороге.

– Обо мне не надо. Уже свершилось все.

Много видел Арсений Петрович горя за годы войны, так что свое личное, как ту баржу, упокоил

на дне души, тяжелым оно было, но никому невидимым. Бывали, правда, дни, когда он не в силах был удерживать горе и не в силах держаться. Тогда Арсений Петрович старался укрыться от всех, пережить это без свидетелей.

В последнее время он крепко, хорошо держался. Работал, бегал на рыбалку, когда время выдалось, огород Сиклитинье вспахал и помог посадить картошку – восемь соток, однако, такие здесь огороды. Но иногда начиналось оно. По-фашистски внезапно. Боль души. Никакая физическая не сравнится с ней. Когда под Киевом в сорок третьем в живот ранило, военврач в медсанбате половину кишечника ему отрезал, селезенку разорванную вынул. Спирту дали, выпил и терпел. Ногу бы пилой отпиливали – тоже бы стерпел. А это – нет. Это человек не может вытерпеть.

Арсений Петрович пахал свой пятый из десяти положенных гектаров земли, когда оно поднялось. И все. Заглушил трактор, выскочил из кабины, пошел, побежал почти к реке. Уселся в камышах. День редкий для первой половины мая в этих местах, синий, солнечный. Но Арсений Петрович его веселую яркость и теплоту не воспринимал. В ушах стоял назойливый, неумолчный шум, словно звук военной хроники, гул самолетов, взрывы, всплески воды, человеческие крики, детский плач. Он ясно представлял, осязал очертания уходящего под воду судна, видел ярко-белые руки жены, высоко, неестественно высоко поднимает она и протягивает ему дочку Олюшку...

Он сердито тряхнул головой и вслух, со внутренним, сказал сам себе:

– Сегодня надо вспоминать только хорошее. Ведь было оно, хорошее.

Вдруг короткий детский смех, особенный, блаженно-колокольчиковый, какой может рождаться лишь горло маленькой девочки, донесся от берега, немного левее от его укрытия. Он повернул голову, раздвинул зеленую занавесь майского камыша и замер. Его дочка Олюшка в летнем платьишке пытается своими круглыми прочными ножками преодолеть скользкий глинистый берег и спуститься к воде!

– Блазнится, – подумал он и поспешил встать, чтобы отогнать наваждение. Закрыв глаза. Снова открыл их. Девочка теперь повернулась чуть вправо и стало видно ее личико, радостное, полное любопытства.

– Это Маня! Дочка немца Ганса Саймана, – узнал ее Арсений Петрович.

Сколько он этих гансов на фронте убил, а тут на тебе...

Ганс Сайман был из спецпереселенцев, высланных в 1941 году в эту алтайскую деревню вместе с матерью и тремя младшими сестренками. С виду он мало чем отличался от других деревенских жителей. Ганса все звали Ганя, а мать его в деревне слыла Сайманихой.

Маня спускалась, громко шлепая по глине босями ступнями. Она была похожа на рыжую проказливую обезьянку, которую нарядили в цветастое платье с оборками по низу. Переваливаясь, девочка спускалась все ниже, теперь Арсений Петрович видел ее лишь со спины. Он отвернулся. Далеко

в клубах дыма плыла баржа, и Волга всплескивала, шипела, принимая горячие осколки снарядов. Вдруг вода бухнула совсем рядом, мгновенно и тяжело. Так всплескивает она, когда в нее что-нибудь падает со всего маха. Арсений Петрович нехотя повернул голову и увидел сквозь камыш плашмя упавшую в воду, как падают дети на пол, Маню. Встать на дно ножками она даже не попыталась, да и к лучшему, вода весной под берегом была достаточно глубокой, ее бы просто перебросило на спину и потянуло ко дну. Маня барахталась, била ножками в воде, но голова, шея, плечи девочки уже погружались в глубину.

– Захлебнется ведь!

Он шагнул через камыши на край бережка и прыгнул. Ноги ступили на вязкое холодное дно, вода была где-то по пояс. Торопливо прошел шагов десять влево, потянулся руками, выхватил из воды Маню, понес на берег. Облепленное мокрым платьицем тельце не шевелилось и было безмолвно.

– Сильно нахлебалась, – подумал Арсений Петрович, – откачать бы...

Он, перевернув ее на живот, уложил на расставленные ладони. Маня шевельнулась, закашлялась, изрыгнув из себя воду, и занялась истошным криком. Вода вытекала из нее и стекала с нее струйками и струями.

– Слава Богу! Кажется, не особо нахлебалась. Рот, что ли, закрытым держала? Ну да, сам попробуй с закрытым ртом тонуть. А тогда как? – с каким-то веселым задором говорил он сам себе. – Вот ведь русалочка кулундинская!

А Маня обиженно и зло орала, бунтарски билась на руках, рискуя свалиться.

Он перевернул ее на спину.

– Не реви, Маня, я к бабуле тебя отнесу.

Маня приостановила рев. Мокрое личико было сморщено, и в этих сморщинках сияли, как утренняя роса, капли влаги – воды, смешанной со слезами. Арсений Петрович с Маней на руках ринулся через дорогу к избе Сайманихи.

Босой, в мокрых штанах, и пиджак впереди весь мокрый. Маня совсем затихла и только часто вздрагивала. Двор Сайманихи был плотно огорожен тыном. Камышовая калитка, когда подходил к ней Арсений Петрович, распахнулась. Из нее вывалилась Сайманиха, глянув на внучку в промокнутом платье с мокрыми волосами и прочно закрытыми глазами, она прокричала что-то непонятное, качнулась, ища в пустом пространстве опоры, не нашла и устояла на ногах.

– Марихен!

Арсений Петрович взглянул на Маню. Она спала.

– Это... спит она, – сказал он Сайманихе. – Надо бы в сухое переодеть.

– Я думаль... зи... бай фатер... – сокрушенно бормотала Сайманиха.

Арсений понял, что она хотела сказать. Ганя неподалеку строил себе избу, собираясь к осени отделиться от матери, и Маня одна ходила к нему на стройку. Дорога все время шла вдоль реки, чего ж не завернуть?

Сайманиха, как стреноженная, сделала к ним шаг, протянула руки. Он передал ей спящую Маню, повернулся и быстро зашагал к своему камышу,

где остались его сапоги с портянками и непочатый чекот.

– И вот кого я спас? Дочку немца! А они мою утопили, – мелькнуло в уме. Но он тут же сам себе резко возразил:

– Они-то при чем? Переселенцы... А уж девчушка...

Он вспомнил, как Маня барахталась в воде: ногами, как лопастями, лупила!

– Норовистая же девчушка!

Арсений Петрович бодро обулся, спрятал чекот во внутренний карман. Он и сам не понял, когда произошла эта перемена, но ушло оно, это сосущее, вытягивающее душу. Отступило.

– На поле идти надо. Десятку до вечера вспахать должен. Ниче, успею!

* * *

Вечером, когда Арсений Петрович вернулся с поля и скудно ужинал, в избу Сиклитиньи пожаловали гости. Это пришли Сайманы, Ганс и жена его Эля за руку с Маней. Сиклитинья, много лет никого не принимавшая, кроме ближней соседки-ровесницы своей, смешно суетилась. Отряхивала ладонью табуретку и лавку и все приговаривала:

– Садитесь, садитесь... Ганя, Эля!

Ганя, невысокого роста, худой да жилистый, будто и не отработал двенадцать часов в колхозе. Бодрый, выбритый, в свежей рубахе, тряхнул богатым чубом и прошел к сидевшему на табурете со стаканом чая Арсению Петровичу. Энергично протянул руку:

– Арсений Петрович, до тебя мы пришли. Спасибо, что спас Маньку.

Арсений нехотя встал, пожал руку Ганса и снова сел. Вот чего пришли?

– Здравствуйте, мы вас не ждали! – фыркнув, сказала Эля, словно услышала Арсения Петровича.

– На лавку садитесь, она чистая, – усаживала гостей Сиклитинья.

Ганя и Эля сели на лавку. Маня, выспавшаяся, спокойная, притулилась к коленям матери, взяла палец в рот и молча оценивала обстановку.

– Арсений Петрович, спасибо тебе за дитятко наше, – Эля говорила тем же говорком, что Сиклитинья, и это сбивало с толку, мешало думать, что Эля немка.

– Ведь я и сама бы в Кулунде утопилася.

– Ну, заладила!

Ганя насмешливо взглянул на жену

– Утопилася бы, утопилася! – упрямо повторила Эля, прижимая к себе дочку. Гладкие, рыже-каштановые волосы словно бы чуть освещали ее удлиненное лицо. Во взгляде карих глаз, больших и косивших, когда она глядела на кого-нибудь, и в походке, как она вошла, чуть подпрыгивая, было что-то радостное, наивное, хотелось сказать, жеребеночье.

Сиклитинья все шмыгала по избе, поправляя то старый вязаный кружок на полу, то горку подушек на кровати, что стояла в прихожей.

– Маняша, да чем же мне тебя угостить?

– Мы сами с гостинцем, – сказал Ганя. – Женка, достань, – приказал он жене.

Эля подняла с полу хозяйственную сумку, открыла ее и вынула алюминиевую чашку, всю в мелких проблесках, царапинках – знак того, что мыли и

сильно драили ее недавно речным песком.

– Вот. К чаю. Возьми, Сиклитинья.

Обеими руками Эля протянула чашку.

– Правда, с темной муки, ну, какая есть. От сердца тебе, Арсений Петрович.

– Кребли! – восхитилась Сиклитинья. – Да на яичке, да на масле!

Она поставила чашку с креблями на стол.

– Чай еще горячий. Попейте. У меня с солодкой.

– Мы дома справно почаевничали, – сказал Ганя, нисколько не смущаясь тому, что Арсений ничего не ответил на их гостинец, толком даже не глянул, молча допивал свой чай.

– Мы ненадолго, – торопливо сказала Эля. – Уважить пришли.

И тут вдруг Маня шагнула от лавки вперед. Она пошлепала по прямой к столу, подобралась к Арсению Петровичу, обхватила его ноги ручонками, и пыхтя, вскарабкалась на колени. Задрала голову, глянула на него, замершего от такой неожиданности.

– Къёстный, беи кьебель, – сказала она.

Арсений Петрович не столько понял, сколько догадался, что Маня угощает. Взял из чашки кренделек, попробовал и не удержался, съел весь.

– Вкусные, спасибо, – сказал, обращаясь взглядом к Эле.

– Свекровь масла топленого не пожалела, дала. Для Мани не всяк раз выпросишь, – сказала Эля, широкие прочные зубы ее блеснули улыбкой. – Спасибочки тебе, Арсений Петрович, передает маслом своим.

– Ты теперь, Петрович, Маняшин крестный, – сказал Ганя. – И не отпирайся! А кто еще? Вынул ее из воды на новую жизнь. Так мы с Элей думаем.

– Можя, она хоть крестного слушать будет, – Эля нарочито сердито посмотрел на дочку. – Ведь сколько говорила на речку не ходить!

– Дело то малое. Что дитя понимает? У нее доверие к свету белому, – вздохнула Сиклитинья. – Господь тебя, Арсюша, на берег привел. Ты теперь на особом счету у Него.

– На Доске почета вроде, – Арсений Петрович насмешливо взглянул на Сиклитинью. Одной рукой он придерживал Маню, ерзавшую у него на коленях, в другой держал стакан с чаем, почти пустой.

– Правда твоя, Сиклитинья! – сказала Эля.

И свекровь моя сказала: «Gesegnet sind die Barmherzigen, denn sie haben Barmherzigkeit».

Арсений Петрович на войне слышал немецкую речь и не однажды, потому удивился: совсем другому Эля говорила. А Эля, обращаясь к нему и Сиклитинье, перевела:

– Значица, блаженны милостивы, потому как они обязательно все Богом милованы будут.

– А ведь Маняша даже не очень нахлебалась, – сказал Арсений Петрович, отводя от себя разговор. – Как так – не знаю. Она водоплавающая у вас прямо.

Эля фыркнула и лукаво глянула на Ганю, а Ганя простодушно пояснил:

– Она у нас речная. В камышах речных зародилася.

Маняша тем временем заерзала и сползла с колен крестного.

Арсений подхватил ее.

– А на качели Маняшу покачать? – спросил, сам для себя неожиданно.

– Катячь! – подтвердила Маня.

Он устроил ее на свои ступни, как на сиденье качели, и покачал. Так качал он когда-то маленькую Олюшку. Маняша, повисла головой вниз, при этом рыжие, но не такие, с темным отливом, как у Эли, а медно-красные пряди той длины, когда их вот-вот можно будет заплетать в тоненькие тугие косички, упали ей на макушку. Она с наслаждением качалась и без усталости просила: «Катяй, катяй». Наконец, совсем расшалившись, она взмахнула ногами, словно собираясь нырнуть, и кувыркнулась с «качели» на пол. Подол широкого цветастого сарафана взлетел и накрыл ее с головою. Из кармана высыпались и раскатились по полу блестящие металлические шарики, выпал со стуком маленький магнит, – любимая игрушка Мани.

– Рассыпала Маланья горох! – хмыкнула Сиклитинья.

Маняша пыталась высвободиться. Она яростно тянула подол сарафана с головы вперед и вниз, не догадываясь, что его просто надо откинуть.

Смеялась Сиклитинья, хохотал, высвобождая дочь из темницы, Ганя, смешно, по-жеребеночьи, ржала Эля, и даже Арсений от всей души улыбался.

Глава вторая

С того дня, как взяли Саймановы Арсения Петровича в крестные к своей дочери, он примирился с тем, что у него соседи из немцев, и даже подружился с ними. Как-то вечером – дело было сразу после сенокоса – Арсений Петрович шел от реки, где окупнулся и смыл с себя рабочую пыль, мимо Ганиной стройки. Ганя, до пояса голый, но в картузе и сапогах, шкурил неподалеку от сруба бревно. Он легко подрубал и счищал кору топором, падали широкие шкурки, отлетала во все стороны шелупонь, корявые клочки сосновой коры. Арсений остановился.

– А скобеля, Ганя, у тебя нет?

– Скобеля? Нету, кум, – беспечно отозвался Ганя, не досадуя на отсутствие нужного инструмента. – Топор да пила – вот и все наши дела.

Из уважения к крестному дочка он приостановил работу.

– Ну, лопата хоть есть?

– Вона, у сруба стоит. Направил только вчера.

Арсений взял лопату, выбрал бревно из тех, что штабелем лежали около, выставил лопату на всю длину черенка и пошел скоблить. Ганя стоял, глядел. Кора отходила бойко, послушно, валилась добрыми пластами.

– Споро! – согласился Ганя и пошел шкурить топориком дальше.

Так вдвоем и шкурили, делая короткие перекуры, оба были ярые курильщики. Июньский вечер незаметно перешел в светлую, почти белую ночь, когда они остановились.

– Ну, кум, нашкурили дак нашкурили. – Ганя насыпал махорки на два одинаковых обрывка газеты, скрутил. – Будешь строиться – я тебе тоже помогу.

– Я? Строиться?

– А то кто же? Еще какой дом тебе выстроим.

Они покурили и разошлись.

Кулундинская степь сильно отличалась от сухой, голой, горячий заволжской, какую с детства знал Арсений Петрович. Эта травяная, зеленая, словно луг,

вся будто перевязана зелеными лентами сосновых лесов, пестрела колками, купами кустарников. Река Кулунда с заливными лугами и старицами придавала окрестностям особую свежесть, красоту. Первозданность этих мест поражала Арсения Петровича. Несколько дней назад, когда он шел домой с поля, его встретила молоденькая косуля, ткнулась мордой в карман пиджака, где утром лежала у него собоечка от Сиклитиньи: хлеб с двумя пластиками соли, он этот бутерброд еще до обеда съел. Арсений Петрович так и доложил косуле, мол, съел хлеб, а завтра оставит ей. Та словно поняла речь человека – на следующий день снова встретила его и получила отломленный от пайки кусок хлеба. Так и стояли рядом, питались на двоих.

Все это лето, если выпадало свободное время, Арсений Петрович наведывался в сосновые боры. Возвращаясь, заходил к Сайманам, которые уже перешли в свою, хоть и недостроенную, избу, угощал крестницу ягодами: первой пошла земляника, потом назрела костяника, полевая клубника, дикая, в дебрях прятавшаяся смородина. Несколько раз подбирал на выходе из бора живность. То наткнулся у края сосняка на выпавшего из гнезда крупного птенца-сорочонка, он летал низко над полянкой и обессилено падал, утыкаясь головой в траву. Арсений Петрович взял его для Мани. Нес всю дорогу в картузе, загнув и соединив его края. Подходя к дому Гани Саймана, он увидел возившуюся на грядках в палисаднике Элю.

– Птицу Мане принес, – громко сказал он, раскрывая картуз.

Эля разогнулась, вышла из палисадника.

– Здорово, кум!

Он распрямил картуз. Сорочонок притих, спрятал голову. Эля осторожно вынула его.

– Сороча, ты моя сороча маленькая, – бормотала она, жалостливо оттопырив губы.

– Заходи, к нам, кум, – а сама все стояла на месте, глядя на сорочонка. – Сороча, сороча... Он не кормленный долго, ослабший... То ли крыло подбито? Ничё, выходим.

Раздался топот – это бежала из глубины двора Маняша.

– Смотри, Маня, что нам крестный принес! – по-детски, ровно хвастаясь, сказала Эля. Слово «крестный» произнесла она так, будто Арсений Петрович и ее, Элин, крестный.

«Дитя! Чисто дитя!» – подумал Арсений Петрович.

Она наклонилась, показывая дочке птенца.

Маня во все глаза смотрела на сорочонка и тянула толстые маленькие ладошки.

– Дай!

– Это тебе не бакулка² какая, Маня. Это живое. Ему место надо устроить.

Маняша, бросив Элю с птенцом, перешла к крестному и протянула руки.

Это означало, что ее надо покружить. Арсений Петрович крутанул крестницу, с силой поставил ее на землю.

– Ну, вы тут устраивайтесь, – сказал он. – А мне, Маняша, идти надо.

Эля с Маней выходили молодую сороку. Долго потом прилетала она к Сайманам, усаживалась на

столб будущего забора и стрекотала, стрекотала – благодарила, как считала Маня. В другой раз подобрал на выходе из бора лисенка – подранка, уж такого красавчика рыжего, еще рыжее Мани. Жил он у Сайманов, пока не выправился, а как начал цыплят таскать, тогда уж выпроводили его в лес.

Именно птицы и животные, равнодушные, ничуть не сопереживавшие его горю, не ведавшие о нем, более всего утешали Арсения Петровича, успокаивали. Идя по степи или весеннему бору, вдоль болота ли, бывало, представлял он, как идет вместе с подростом дочкой. Показывал ей все, чему удивлялся сам: например, белым лебедям, однажды укрывшим всю поверхность Лебяжьего озера. И потом, осознавая, что Олюшки рядом нет, не терял светлого первоначального настроения, бодро шел дальше.

Огромное расстояние, которое отделяло его от Сталинграда, совершенно иное бытование здешних людей помогало. Он стал жить и дышать в лад с деревней. Люди здесь не впадали в отчаяние от нищеты и тягот жизни: надо работать, выживать ради детей, родной деревни, ради тех, кого потеряли они на войне, иначе смерть была напрасной. Тяжелые мысли отгоняли шутками да прибаутками, побасенками смешными и редко какую работу начинали без песни. Аркадий песен не пел и шуток не шутил, но как будто напивался этой удалой, дружной силой коллектива.

Совсем-то оно не оставляло его, конечно. Внезапно подступало, накатывало. Тогда он едва дюжил до конца смены, на всем газу подъезжал к избе Сиклитиньи, глушил двигатель. Достав из бардачка припасенную чекушку, зубами срывал белую металлическую крышку, выпивал, заливал огонь, заживо поджаривающий душу, жадно ожидал расслабления, отупления, нечувствия и засыпал до утра прямо в кабине трактора.

Глава третья

– Маняша прибежала, – сообщила Сиклитинья, когда Арсений Петрович вернулся из колхозной столярки. Она сидела за столом, склонив голову над листом бумаги в клеточку, рядом лежали цветные карандаши фабрики «Коминтерн», вынутые из старой довоенной коробочки. Весной, летом и осенью Сиклитинья не до художеств было, земля и хозяйство отнимали все время и силы, а зимой так и подкатывало, сильно хотелось рукотворную красоту творить.

– Покая твоей крестнице нет, все одно и то спрашивает: «Крестный пришел? Крестный лыжи сделал?» Наобещал ты дитю.

Арсений Петрович всегда невольно улыбался, если речь шла о его крестнице. Даже когда был смурным. А сегодня день ему выдался легкий. Он долго возился в столярке с деревом – сухим, звонким, запашистым, – и добрый столяр Иван Лукич подсказывал ему, как лучше изготовить полозья, как пробить отверстия для ремней. Лыжи получились что надо.

С того дня как Арсений спас крестницу, прошло полтора года. Подростая Маня имела теперь вид весьма живописный. Рыжие, как у матери, волосы были туго-натуго заплетены в две косички, лежали упругими полудугами на плечах.

Глаза поблескивали острыми светлыми осколочками. Веснушчатый нос задиристо и даже нахально задран вверх, рот по большей части открыт. Идя по улице, она с солидностью здоровалась с каждым встречным: «Доброго утра, Иван Матвеевич, как оно ваше ничего?» «Здорово были, Марфа Ивановна, нашла телка? Нет? Экий бродяга! А на заимке не искали?» Получив полный ответ о текущих событиях, важно кивала и шла дальше.

– А лыжи готовы! – сказал Арсений Сиклитинья, – в сенях оставил. Щас же и отнесу Мане.

– Радость дитю какая, – так и не подняв головы от своего листка, сказала Сиклитинья.

Она увлеченно работала карандашом. До войны Сиклитинья была большая охотница до всякого рукоделия, кружевного, вышивного, лоскутного. Старые, вылинявшие теперь вышивки еще украшали горницу. Теперь негде было достать материал, цветные нитки. В райгород, говорят, иногда рисовать да денег стоит немалых. Вот она и стала рисовать на бумаге и цветными карандашами раскрашивать. Несколько тетрадей за зиму наполнились рисунками. Кроме птиц, растений и животных зарисовывала она свои сны, коих видела по три за ночь.

– Кого это ты рисуешь, хозяйка? – задорно посмеиваясь, спросил Арсений.

– А то не видишь? Петух это.

Арсений Петрович заглянул в листок. Петух был раскрашен разными цветами, но преобладали три: зеленый, рыже-коричневый и чистый, идеальный красный. Сиклитинья наносила цвет не сплошняком, а мелкими пятнышками, почти точками. Петух от того казался пышнее, красный гребень объемнее, а перья хвоста – воздушнее. Знатный петух. Но было одно поразившее Арсения Петровича обстоятельство.

– Увлеклась ты маленько, Сиклитинья Антоновна, – сказал он как можно серьезнее и с сочувствием, – петух-то у тебя о четырех ногах. Теленок он что ли?

Сиклитинья сначала смутилась, но тут же оправилась, отложила карандаш, с надменностью взглянула на Арсения Петровича.

– Ну что ж о четырех? Захочу – так и о десяти ногах нарисую. Я своему петуху сама хозяйка.

И принялась красить дальше.

– Зарубить такого... – аппетитно причмокнул Арсений Петрович. Недосмотрел твой Господь, двуногую петушатицу создавая.

– Это я недосмотреть могу... или ты, Арсений Петрович...

– Четыре ноги! – продолжал язвить Арсений Петрович – Мане понравилось бы. Она страсть курьи ножки любит.

– А то ты не любишь.

– Я солдат и работаю. Что хочешь поем, – сказал Арсений Петрович. – Хоть кашу из топора.

– Кашу и поешь. Пшенка с тыквой вон на шестке стоит.

– Опосля, – сказал Арсений Петрович так, как выговаривала это слово Сиклитинья, с ударением на второе «о». Перенял и сам не заметил когда.

* * *

Маня страдательно сидела у печи-голландки перед открытой дверцей, в которой горел яркий языкастый огонь. Весь подбородок у нее был усеян болючими чирьями. Коричневые и янтарные корочки на подсыхавших болячках сильно зудели. Маня смотрела на огонь и громко наговаривала:

Огонь летучий,
возьми, могучий,
из Мани вынь-ка
злу хворыбыньку,
злу боляку,
боляку-бяку,
чирей сохни,
чирей сдохни...

Закончив, она повторяла заново этот наполовину запомнившийся, наполовину ей самой присочиненный заговор.

Огонь летучий,
возьми, могучий,
из Мани вынь-ка
злу хворыбыньку...

Расширенными глазами Маня смотрела на огонь, похожий на множество сгорающих пионерских галстуков. Тепло пламени, смешанное с запахом березовых дров, и ритмическое бормотание хорошо действовали на болячки. Чирьи затихли, успокоились, перестали ныть и зудеть. Маня тоже притихла, сидела в задумчивом молчании. Вдруг она вскочила, захлопнула дверцу печи и выбежала в прихожую, потому что услышала, что в избу вошел крестный. Хоть и сидела она у печки в другой комнате и не видела, кто пришел, но сразу поняла, что это он, потому что все люди входят в избу по-разному.

– Здорово, Маняша! Ну, изготовил я тебе лыжи.

Аркадий Петрович положил на пол струганные из сосны детские лыжи. Маня на радостях подпрыгнула и, как была в шерстяных носочках, всунула ступни в ремешки лыж. Пошла по полу.

– На валенки надо мерять, Маня.

– Крестный, а ты сам на лыжах? Пойдем кататься?

– А как же? Обкатаем обновку.

Маня, стуча полозьями о доски, вышагивала по тесной прихожей.

– А мать где? – спросил Арсений Петрович.

– В пригоне она. Со скотиной управляется.

Тут и вошла Эля, в распахнутой фуфайке, до машнем повязанном кончиками назад платочке и галошах на шерстяной носок. Будто услышала их.

Маня выскочила из лыж и кинулась к ней:

– Мамка, у меня лыжи! Я теперь лыжник!

– Дождалась все же!

Эля, несмотря на большой живот (она была беременна), легко наклонилась, взяла одну лыжу.

– Красота какая, кум! Передки загнуты, как у настоящих!

– Иван Лукич помог, – улыбнулся Арсений Петрович. И спросил:

– Ганя в слесарке?

– Все слесарит. Мы его и не видим. Дочке на обновку зарабатывает.

– На лыжах хочешь! – заныла Маня.

– Дак темнеет уже, Маня. Вот-вот папка придет, ужинать будем, – увещевала Эля. – И ты с нами, кум, поужинаешь.

– Мамка-а-а...

Маня поднялась на цыпочки и просительно уткнулась матери в колени.

– Наладила песню, хоть тресни, – вздохнула Эля. – Иди уж.

– Мы недолго, Эля. – сказал Арсений Петрович. – За Дуниной усадьбой пару кружков сделаем и домой.

Маняша срочно одевалась. Надела она сшитые для нее бабушкой теплые шаровары, накинула шубку коротенькую, до пупа, с лысинками и продетыми в рукава варежками, сама завязала круглую меховую шапку, влезла в валенки.

– Закроем бороденку-то, – сказала мать, повязывая ей шарф. – Чиреньшей твоих.

Они вышли со двора, надели лыжи. Арсений Петрович пропустил Маню вперед.

– Ну, езжай, лыжница.

Маня легко поскользила по дороге.

– Хорошо едешь, Маняша. Как тут и было! – похвалил ее Арсений Петрович. – Правь на Дунину усадьбу.

Дуниной усадьбой называлось место, где когда-то, до революции, находилась усадьба зажиточной крестьянки Евдокии Морошкиной, дом ее в двадцатых годах перевезли в центр деревни, в нем теперь находилось сельпо. А на усадьбе колхоз сажал капусту. В начале лета женщины-колхозницы каждый вечер ходили на поливку саженцев, хлипких сизых росточков, пололи и рыхлили землю вокруг них, выхаживали от тли, капустницы, а позднее – слизняков, губивших листья молодых вилок. Осенью давали подольше постоять кочанам, набраться сахарной хрусткости, вкуса. И только на Сергия Капустника, перед первым снегом, рубили кочаны.

Маня с Арсением Петровичем дошли до поворота и свернули на крайнюю улицу, ведущую в сторону усадьбы. Здесь началась снежная целина, лыжи уже не скользили, а то и дело проваливались, вязли. Маня молча преодолевала трудности.

– Пожалуй, и одного круга нам хватит, – сказал Арсений Петрович, когда они стали подходить к капустному полю. Оно проглядывало за небольшой лесополосой, меж голыми деревьями и кустами.

– Теперь я первым пойду. А ты, Маняша, следуй за мной, иди по лыжне.

Он обошел Маню, встал впереди и направился к лесополосе, чтобы через нее пройти к полю. Темнело, но от снега сумерки на поле были не густыми, а синевато-прозрачными. Арсений пробрался через ближний ряд берез, впереди которых вторым рядом шла густая лента кустарников. За ними свободно открывалось поле, оно лежало как на огромной невидимой ладони, и эта ладонь вроде бы чуть подрагивала, зыбилась, а ближе к середине, метрах в тридцати, виделись некие снующие фигуры, пушистые и легкие как перекати-поле.

– Крестница, стоп! – сказал Арсений тихо. – Остановись, говорю, – он повернулся к ней. – Белки тут.

– Где? – спросила Маняша. И тут же увидела, шепнула: – Вона!

Он отступил назад, встал за березой рядом с Маней.

– На ужин пришли, – тихо сказал Арсений Петрович.

Маняша стояла недвижно, рот ее наверняка был настежь открыт, хорошо, что мать обвязала его шарфом вместе с чирьями на подбородке.

Капусту убрали три недели назад, но в земле, укрытой первым снегом, остались корни, кочерыжки, капустные листья. Лакомиться пришли! Арсений Петрович с любопытством наблюдал за беляками. Двое взрослых и трое молодых зайчат держались вместе как одна семья, и только один, самый крупный и не столь приткий, обретался в стороне. Семейство, верно, уже хорошо подкрепилось. Это было видно по тому, как беззаботно они резвились: взрослые прыгали туда-сюда косыми скачками, а маленькие, привстав на задние лапы, барабанили передними, били одной о другую, отбивая погрешечную дробь. Потом один, бросив барабанить, плюхнулся в снег и покатился по полю кубарем.

– Гулянка у них, – определила Маня.

Так стояли они и любовались баловством зайцев на первом снегу. Крупный беляк-одиночка мало участвовал в заячьем веселье. Он греб в сторонке снег и тыкался в него мордой, вдруг задирает голову, напрягал уши, как два белых паруса, тревожно вслушивался, принимался к пространству.

Маня так загляделась на зайцев, что, желая для удобства опереться на ствол березы, промахнулась и плюхнулась в снег, упала на спину, улеглась, задрала ноги. Левая лыжа у нее слетела, а правая повисла в воздухе. Раздался душераздирающий писк, тонкий и жалобный, как плач младенца. То был сигнал заячьей тревоги. Семейство бросилось враспыленную: задала стрекача и рассеялась в темноте молодежь, за ними, то взлетая над полем, то припадая к нему, унеслась напуганная пара беляков-родителей. Последним тяжеловатыми скачками бежал заяц-одиночка. Через минуту поле стало пустым и тихим.

Арсений Петрович помог Маняше подняться.

– Вспугнула я их. Зараза этакая!

– Ну, вспугнула. До утра им куролесить? – утешал ее крестный. – Давай, Маня, круг пройдем – и домой. Надо тычки³ тебе изготовить. Какие лыжи без тычек? Вставай за мной. Стартуем!

Маня встала за крестным, и они пошли по снежной целине. Несколько раз она спотыкалась, наступая лыжами на капустные корешки. Мелковат снежок. Большие снега были еще впереди.

Глава четвертая

В эту зиму почувствовал Арсений, как будто совсем разорвана его связь с той, прежней жизнью. Тридцать пять лет прожил он в краю, где мягкий сырой снег лежит не больше трех месяцев, солнце топит его уже в марте, как масло на огромной сковороде, в городе асфальт за неделю высыхает, а летом делается горячим, пыльным. Звенят трамваи, сует народ, дымят заводские трубы. Неужели было это: город, семья, жизнь довоенная?

Занесенные по макушку ярунинские избы на пригорке, будто повисшие на собственных дымах, снег без конца и края – тотальная зима как непреходимая граница, отделяющая от мира, страны, к

которой замкнутая сама в себе деревня номинативно принадлежала. Но всему бывает конец. В середине апреля наступила весна – пьянящая, гомонящая, шумная от брачных птичьих пиров, от гудения ручьев, суеты, приготовлений и волнений людских перед посевной. Все как один день, стремительный, полный свежего воздуха и новой жизни.

В один из апрельских дней тронулась река.

– Река пошла! Лед тронулся!

В единой радости выдыхала деревня одни и те же слова, словно это с нее, с каждого жителя, разбивая вдребезги, сбрасывают оковы. Под вечер на мосту собрался народ со всех околотков. Но Арсений Петрович пошел к своим камышам. Стоял чуть левее своего логова, получилось прямо у того места, где почти два года назад выловил он из воды тонущую Маняшу. Отсюда, с бугорка, ему хорошо видно было стоявших на мосту сельчан, слышен громкий веселый говор, мальчишеские крики: «Вона, вона пошла! Сейчас бабахнет!» Раздавался треск, звон, потом слабое шуршание и приглушенное шипение, потом наступала мгновенная тишина, и вдруг – сухой надсадный скрип, это вплотную пригнанные льдины терлись друг о друга. Вот Арсений Петрович услышал удар, должно быть, большая льдина налетела на столб моста, он вгляделся и различил, как ледяная махина вздыбилась, верхней частью торса прицепилась к шероховатому дереву столба, но потом отпала от него и, крутанувшись, поплыла под мост. Набирая скорость, она напрыгнула на другую льдину, собираясь утопить ее, но та всем мощным хребтом ее отразила и понеслась дальше.

– Ко мне плывет, победительница, – улыбнулся про себя Арсений Петрович. – Отразила нашествие.

Побежденная льдина разломалась на несколько глыб, вода плескалась теперь между ними, омывая, приготавливая их к смерти. Другие, более удачливые, льдины благополучно проплыли под мостом и, замедляя ход, плыли к тому месту реки, где стоял на берегу Арсений Петрович.

– Ты тут, Сеня?

Арсений Петрович узнал голос, оглянулся. Увидев обрадованное лицо Гани, он и сам обрадовался.

– Здорово, Ганя. Пошла Кулунда!

– Пошла! – весело повторил Ганя.

Он встал рядом с Арсением Петровичем у подтаявшего берега, где навалими лежали осколки льда.

– У моста вон как прет, а у нас медляк.

– Ниче, скоро и у нас начнется.

Арсений Петрович вспомнил, как еще утром ледовый покров реки, отороченный узкой темной оборкой воды, безмолвно стоял на месте. Теперь весь он был растрескан, разбит на множество длинных плоских льдин. Вода взламывала лед силой течения.

– Глянь-ка, кум!

Ганя, быстрый, как тюлька, худой, ростом с подростка, в литых резиновых сапогах, вбежал в воду и показывал рукой куда-то вправо.

– Лебеда на льдине!

Арсений Петрович пригляделся. И впрямь! На большой, сияющей, как чистое оконное стекло, когда на него падает солнце, льдине плыли два черных лебеда! Стояли спокойно и плыли, как сплавщики на плоту. Ростом они были чуток меньше белых

лебедей-шипунцов, которых Арсений Петрович видел здесь прошлой весной. Черные, блестящие на изгибе, невероятно длинные, выгнутые шеи птиц венчались маленькой головкой с желтыми глазами и красным светящимся клювом. Черные треугольники лап словно пристыли к золотящемуся зеркалу льда.

– Черные лебеди в этих краях не водятся, – удивленно и даже как-то испуганно пожал плечами Ганя. – Заплутали или чё? Чудо прямо.

Он как зачарованный направился в сторону льдины.

– Спугнешь... – тихо сказал Арсений Петрович.

И тут раздался оглушительный хлопок, треск. Арсений Петрович недоуменно вздрогнул, подумал, что выстрел, но потом понял, что это выстрелил ледоход.

Один лебедь, тот, что был побольше, тревожно вскрикнул. Было видно, что он обращался к своей подруге, и когда она взлетела, вытянулся, взмахнул крыльями и полетел за ней.

Арсений Петрович смотрел на две траурные воздушно-кружевные фигуры черных лебедей и сердцем знал, что полетели они на Лебяжье озеро.

Лицо и руки его почему-то горели, а сердце сильно билось.

Ганя, плюхая сапогами, с трудом преодолевая ледяную гущу и тяжелую талую воду, вышел на берег.

– А блестят! Как антрацитовые! – сказал он. – Я, когда в шахте работал, насмотрелся этого антрацита. Черный, блестящий, ровно жиром смазанный. Самый лучший из всех углей.

Арсений Петрович наклонился, взял в руки небольшую глыбку льда и держал ее в ладонях.

– Смотри ты, – улыбнулся Ганя. – Этот лебедь кавалер какой. Сначала, значит, чтобы она полетела. Да-а-а... гагары не живут без пары. Ты бы вот подумал, Сеня.

– При чем тут гагары? Чего мне думать? – нахмурившись, сказал Арсений Петрович, втирая в руки холодный кусок льда.

– Я к тому... Наталья Крылова – хорошая женщина, ты правильно выбрал.

Не дождавшись ответа от своего кума-молчальника, Ганя продолжал:

– Дом вам построим. А что тощая Наташка, дак ниче, были бы кости, а мясо нарастет!

– Когда это ты в шахте работал? – спросил Арсений Петрович, словно и не было никакого разговора про гагар.

– В шестнадцать лет в трудармию забрали, попал на Урал, в шахту. А я тогда еще худее и меньше, чем сейчас, был, прямо мужичок с ноготок.

Ганя, страстный курильщик, полез в карман за сигаркой, по досаде на лице стало понятно, что в кармане он наткнулся на пустоту.

– Это я что, без махорки из дома вышел? Ну траф с ней, – махнул он рукой. – Год я там проработал и легкими захворал. Смертельно. Отпустили меня. Приезжаю к матери, сюда, в Ярунино, узнаю, что сестренка Лизхен только что умерла. Ну, думаю, куда ж мне тоже умирать, мать с кем останется? Два месяца лежал, чернотой откашливался, а

потом возьми и выздорови, да женись, а там и Маня народилась!

– Досталось мне, но не так, как тебе, Сеня.

– Всем нам, видать, досталось и еще осталось.

Арсений Петрович зашвырнул остатки льда в воду и задумчивой походкой пошел от берега.

– Ниче, кум, – Ганя догнал его, дотянулся до плеча, приобнял.

– Живем же. И жить будем.

Начиная с посевной и все лето Арсений Петрович жил с другими колхозниками-хлеборобами на бригаде, где устроили полевой стан и место для ночевки в длинном низком строении с маленькими окошками. Работать начинали с рассветом, заканчивали, когда темнело. Быстро умывались (воду привозили на бригаду с реки в бочках), ужинали скудно, несытно и шли на боковую. Но как ни уставали, перед сном подростки и молодые парни начинали баловство, шум и возню, боролись, скидывая друг друга с нар, с ревом, воплем, хохотом бегали по узким проходам друг за другом и никак не могли утомиться. Тогда сказочник Прохор Кузнецов начинал рассказывать сказку. Сказки любили все: и мал, и стар. Вдохновившись на сказ, Прохор потом долго не мог остановиться. Уже всех сон повалит, храп стоит, будто кто-то все трактора враз завел, а Прохор обязательно доскажет сказ до конца, уж потом моментально заснет.

В начале сентября, когда почти все зерно обмолотили, бригадир послал Арсения Петровича на ток вывозить зерно. Грузовик на то время в колхозе был один-единственный, лошади все в работе.

– Мы твой ЧТЗ зазря, что ли, обихаживаем? – сказал Егор Гордеич. – То ему деталь нову, то масло подай, то бензин. Пускай отработывает. Прицеп с небольшой тележкой, конечно, не совсем то, но уж что имеем.

Два дня развозил зерно Арсений Петрович, на третье утро приехал, заглушил двигатель, вышел из кабины. С возвышенного места, где он стоял, открывалась тревожная пасмурная даль. Трава на юру высохла, обсыпала семена, торчала пустыми коричневыми дудками и некрасивыми лохмытами. Завершился круг: посеяли зерно, убрали, обмолотили. Еще осталась на току одна из молотилок. Арсению Петровичу грустно было смотреть на допотопное, с деревянным остовом, чудище с четырех громадных колесах. Метрах в пятнадцать от нее стоял паровик, механизм поменьше молотилки, но тоже на больших колесах – до чего неуклюж, несуразен! Паровик словно замер, оцепенел. Не трясется, не дымит черным дымом, не плюется горячим паром, не оглушает дурным ревом, требуя в топку еще и еще соломы. На отдыхе дружище. От махового колеса тянется, провисает тяжелой мотней порванный приводной ремень. Арсений Петрович сел на ворох соломы. «И чего вдруг заскребло, засосало внутри? Опять помрачение. Все муть, все туман какой-то. Господи! Только одно ясно и вижу: жену-покойницу, руки протянутые ее, как просит она взять Олюшку. Пошли меня туда, где дочь моя. Чтобы взял я ее на руки. Чтобы не укоряла больше меня Анна».

Две молодые колхозницы, бездетная вдова бывшего зоотехника колхоза Николая Крылова

Наталья и семнадцатилетняя Соня Краус, лопатившие зерно, как раз вышли из зернохранилища, щурясь и прикрывая глаза руками. Соня глянула на него оторопело, со страхом даже, а глаза Натальи старались встретиться с глазами Арсения, она словно спрашивала нежно и обреченно: «Что? Опять?» А он встал и пошел мимо нее по соломе, разгоняя уток, которые, склонив до земли головы, торопливо, жадно хватили клювами разбросанное вокруг зерно. Ненажорные!

Арсений Петрович для начала направился в сельпо, но там было закрыто. Галю, продавщицу, председатель отправил на уборочные работы. Сказал: как потопаешь, так и полопаешь. Это сообщил ему дед Кучков, которого всегда можно было встретить у сельпо. Он сидел на крыльце бывшего дома зажиточной крестьянки Евдокии Морошкиной, которую знал лично. И зимой и летом дед Кучков был одет одним цветом: в вышарканной шинельке, оставшейся у него с Гражданской войны, в обветшалой сибирской папахе и пимах на высокой, подшитой войлоком, подошве.

– Небось за «левшой», Сеня? – спросил дед. Он шамкал, «с» выговаривая как «ш»: небощь, Шшеня. «Левшой» в деревне называли левую водку, ее производили в городах подпольно и в открытую продавали по магазинам. Все знали, что она паленая, но другой не было, да и эту в сельпо привозили редко.

Дед Кучков покачал головой.

– Работа денежку копит – хмель денежку топит. Только нету «левши». Пуста полка. Но к ноябрьским привезут. Галка твердо обещала.

Арсений Петрович, сжавшись, ссутулив плечи (его отчего-то знобило), ни словом не обмолвившись с Кучковым дедом, пошел от сельпо прочь. Он вспомнил, как Эля хвалилась, что поставила к празднику бражку. Дома сейчас ее нет, теперь все на уборочной, маленькую Лидоньку она оставила у Сайманихи, Ганя, само собой, в слесарке. А вот крестница, Маня, должно быть, дома.

Побежал, как по углям босиком, до Саймановых.

Он не ошибся: Маня была дома, сидела за столом на большом самодельном табурете, поджав под себя ноги. Перед ней лежала газета. Маня наслаждалась, складывая напечатанные буквы в красивые большие слова: «Верховный Совет», «Социалистическое соревнование», «Пролетарии всех стран»...

– Крестный, а я газету читаю!

– Мамка бражку ставила? – спросил Арсений Петрович тихо, хотя кроме Мани и сонно и неприветливо глядевшего на него одним глазом с печной лежанки кота, никого в избе не было.

– Ставила!

– Знаешь, где стоит?

– А то нет! Ай угостить тебя, крестный?

– Угости, – кивнул Арсений Петрович.

Маня спрыгнула с табурета и, растянувшись плашмя перед лавкой, выволокла оттуда тяжелую эмалированную кастрюлю. Арсений Петрович поднял ее, поставил на стол, сбросил крышку. Янтарного цвета брага чуть замутилась от того, что ее всколыхнули. Хорошо забродила. И пахнет как готовая! Арсений Петрович схватил кружку, стоявшую на

лавке около ведра с водой, налил браги, торопливо выпил. Налил еще половинку, выпил. Маня довольно стояла рядом. Ей нравилось, что она сама, как большая, угощает крестного.

– Хороша бражка, да мала чашка, – сказала она так, как говорили веселые гости на застолье, когда хвалили мамкину брагу.

– Ты мамке не говори. А то она нам даст бражку! – сказал Арсений Петрович, выпивая еще полкружечки.

Набрав из ведра воды, долил в бражку. Крепкая, пьяная бражка. Бухнул еще водицы. Дойдет.

– Крестный, как снег выпадет, пойдем снова на Дунину усадьбу беляков смотреть?

– А как же? И до бора дойдем. Может, лисенка твоего встретим. А теперь побегу я, Маняша. У меня трактор на току стоит.

Кто-то стукнул щеколдой в сенях, Арсений Петрович подхватил кастрюлю, воровато упрятал под лавку. Увидел на столе крышку, схватил, накрыл кастрюлю и поспешил к двери. Кого принесло?

Дверь тем временем отворилась, и на пороге появился Егор Гордеич.

«Дед Кучков доложил, куда я пошел», – равнодушно подумал Арсений Петрович.

– Как так взять и уйти, а, сучий потрох?

Гневным и даже мстительным был взгляд бригадира.

– Зерно бросить, трактор бросить. Еще и ремень порвал!

Арсений Петрович стоял у стола, глядел куда-то мимо.

– Не рвал я ремень.

– Паршивец ты, дезертир позорный!

Арсений Петрович вскинулся:

– Я дезертир?

Загорелое лицо Арсения Петровича стало кирпично-коричневым. Он двинулся вперед.

– Я воевал. Мне кишки в бою выпустили, а я все равно воевал. А вот ты, Егор Гордеич, с сорок третьего здесь окопался!

Егор Гордеич, сжав единственный кулак, пошел на Арсения Петровича.

Маня, до этой минуты с тихим любопытством наблюдавшая за ними, моментально оказалась около них. Она протиснулась меж крестным и Егором Гордеичем, встав лицом к бригадиру, и теперь ладошками отталкивала его от крестного.

– Крестный хороший! Он генералом на войне был! Он своих солдат жалел! – решительным, хоть и чуть обиженным и от того подрагивающим голосом быстро говорила она.

Маня забыла слово «комвзвода», которое знала от Арсения Петровича и потому назвала его генералом. Для нее военная субординация в том виде, в каком она пребывает в мире людей, пока не существовала. Комвзвода в ее понятии был самый героический, самый большой генерал. Егор Гордеич под сильным натиском Маняши сдал назад. В комическом изумлении глядел он на нее.

– А это еще что за фитюлька у меня во второй бригаде? Чья будешь? Фамилия?

Будто он не видел дотога ее ни разу, не знал, в чем доме находится.

– Я Маня Ганькина, – четко отвечала Маня, искренне думая, что это и есть ее фамилия. – И никака тебе не фитюлька. Я уже газеты читать умею и в школу собираюсь.

Арсений Петрович оторопело пятился в противоположном от бригадира направлении, пока не уткнулся в стол. А Маня, все сказав, подошла и встала с ним рядом, расправив плечи и выпятив грудь.

– Ты тут, Сивцев, я гляжу, ополчение формируешь, – сказал Егор Гордеич, видно было, что горячность свою он уже погасил. – Вот что, Арсений Петрович, с трактора я тебя снимаю. Перевожу на лошадей. Воду на скотные дворы возить будешь, солому зимой с поля, дрова, какие заготовили, а привезти не успели, – все твое будет. На выгон доярок будешь возить. Такие у тебя теперь наряды⁴. А ты и того не достойный.

– Лошадь? – расслабленно сказал Арсений, он почувствовал как брага ударила ему в ноги, и они онемели, ослабели. – Лошадь – она вернее всего. Не заглохнет, не заржавеет. За лошадью будущее, Гордеич, я так считаю. За лошадью, а не за стальным конем...

– Разговорилси... Принял что ли, генеральских два стакана?

«И как он определил... именно, что стакана два?» – подумал Арсений Петрович.

– Но сначала, Сеня, исправишь поломку, ремень сошьешь. Он взглянул на Маню.

– Не рвал я ремня. К чему мне это?

– Ну, заступница генералов, прощай, – сказал Егор, взглянув на Маню.

– До свиданья, Егор Гордеич, – ответила Маня, заложив руки за спину и уважительно склонив голову.

Бригадир повернулся и пошел. Дверь досадливо хлопнула и умолкла.

Арсений вышел почти следом. Мрачно и рассеянно стоял он около дома Саймановых. Поглядывал на чуть видневшуюся отсюда реку, где давно ждало его камышовое укрытие.

– Ждешь? – подумал Арсений, усмехаясь. – Иду! Маня, оставшись одна, подошла к окошку.

– Кручинистый нынче крестный.

Она вздохнула, сильно жалея его.

– Скорей бы мамка пришла.

Маня забралась на подоконник, поместилась на него вся, с ногами. Набрала побольше воздуха в легкие, затила песню.

Мальчишачка-разбедняжечка,

Он склонил свою головушку,

Он склонил свою головушку,

Ох и на правую на сторонушку.

Маня старательно выводила песню. Как учил папка Ганя, не орать, а думать песню. В окне она видела, как крестный, широко расставив руки и помахивая ими, на ходу устремился вниз, под бугор. Дальше Мане не было его видно, но она и так знала, куда ведет эта дорога. Она опять вздохнула и запела дальше.

Ох, на правую на сторонушку,

Ох, на правую да на леваю,

Ох, на грудь на мою

Да на белаю...

На груди мальчик лежал,

Тяжело вздыхал.

И в последний раз сказал: «Прощай»...

Маняша собиралась запеть следующую песню, потому что уж если начинала петь, долго не могла остановиться, но снова отрывисто хлопнула дверь в сенках. Мамка? Да нет, она не так открывает – дверь тогда тихо, мягко захлопывается. Маня спрыгнула с подоконника. В избу вошел паренек, высокий, ладный, в пиджачке, который был ему мал и узок, тесные рукава заканчивались чуть ниже локтей и дальше красивые юношеские руки гуляли себе на свободе. Так же точно и штаны чуть прикрывали икры. Обут он был в самые натуральные берестяные лапти. Это был Ваня Божко, подросток, недавно назначенный председателем колхоза Андреем Каспарычем на должность посыльного. Телефонной связи в Ярунине не было даже в конторе. Связь с районом имела только в сельском совете, находившемся в соседнем селе, которое тоже было частью колхоза «Победитель», как и Ярунино. Весь день посыльный Ваньша бегал с вестями от председателя колхоза к членам правления, от бригадира к председателю, из сельсовета в ярунинскую контору. Ваньша был длинноног, крепок телом, с красивым, возмужавшим за лето, уже совсем юношеским лицом, но слабоват мозгами. Он даже не смог учиться в школе, вновь после войны открывшейся в Ярунине. Мать его, Катерина Божко, до слез обрадовалась, что Ваньша при деле. Ивану Божко как посыльному числялись трудодни, но трудодни писали на счет Катерины, и Ваньша радовался, что он теперь матушкин помощник.

– Ваньша! – обрадовалась Маня.

– Я не к тебе, Маня.

Ваньша важничал, и притом сильно. Это раньше он играл с Маней и другими малышами, а теперь Ваньша большой, на важной работе состоит. Так и мама Катя говорит.

– Крестный твой куда подевался? Дед Кучков сказал, что он к вам саданул. Был у вас?

– Был да сплыл, – ответила Маня. – А тебе мой крестный на что?

– Да вот, – Ваньша вынул из внутреннего кармана пиджачка клочок бумажки. – тили... фона – Ваньша с трудом соединял корни нового для него длинного слова – тили-фона-г-рама!

– Покажь, – сказала Маня, уверенно протягивая руку к бумажке.

Ваньша отдал ей бумажку. Слова были написаны от руки и печатными буквами. Тренировка на трудных газетных текстах помогла Мане быстро прочесть написанное.

– Ваньша, я сама отнесу бумажку крестному. Я знаю, где он. – Она спрятала телефонограмму в кармашек сарафана, надетого на цветастую сатиновую кофту. – А ты его все одно не найдешь.

– Мне в руки надо...

– Ая в ноги что ли отдам? – засмеялась Маняша. – Ой, Ваня, я ж каральками⁵ тебя не угостила!

Она торопливо достала из шкафчика две каральки:

– На дорожку собоечка тебе, Ваньша.

Глава пятая

Когда Арсений Петрович подходил к своему укрытию, подул ветер, взметнул и потом наклонил легкие подсохшие стебли. Давно он тут не сиживал. Его камышовая циновка разлезлась, обзавелась прорехами. Он присел на нее. Глядел через просвет в камышах на потемневшую, недовольную воду реки.

– Че сердишься? Что Маню не отдал я тебе? – пьяно ерничая, спросил он. – Все тебе мало?

Он словно перестал осознавать, что это была другая река, объединил разгоряченным сознанием Волгу и Кулунду в одну общую реку и теперь дерзко продолжал выговаривать ей:

– А меня ты не хочешь взять? Не нужны тебе такие? Никому не нужны... Как там у Сиклителиньи в песне?

Он отвернулся от воды, опустил голову и тихонько запел:

Мать Божия Заступница,
Ох сошли мне грозных ангелов,
Чтоб вынули душеньку,
Ох, сквозь ребер копье...

Тяжело, слезно выпевал он эти строки, какие любила петь его хозяйка, сопровождал каждую вздохом и горькой паузой.

И так моя душенька намаялася,

Ох! И так по белу свету...

– Крестный! – услышал Арсений Петрович зычный крик Маняши.

Он замолчал, испуганно, как дитя, прикивая головой к циновке, вроде так его меньше будет видно. От земли Маняшин голос слышался как из громкоговорителя, доносился топот, шарканье и шуршанье.

– Крестный! – звала его Маня. – Сеня Петрович! Сеня!

Совсем близко зашебуршала сухая трава, раздвинулся камыш, и в укрытие ввалилась Маня, запыхавшаяся, румяная.

– Крестный! По твою душеньку я!

Арсений сердито встал.

– Неужели? Забирай ее к шутам собачьим!

Маняша вынула из кармашка телефонограмму. Ноги ее от волнения непроизвольно двигались, она перебирала ими и одновременно помахивала бумажным клочком, как плясунья платочком.

– Тебе, поди, телефонограмма. Из сельсовета принесли.

Она протянула Арсению Петровичу бумажку. Он медленно, даже будто нехотя взял её и прочел: «Нашлась твоя дочка Олюшка. Детдом. Город Алейск. Езжай. Григорий».

Он сунул бумажку в карман брюк, внезапно остро почувствовал смешанный запах пыли мазута и машинного масла и задохнулся. Держась левой рукой за грудь, засипел как астматик, закашлялся. Странный приступ тут же прошел, он вынул бумажку, снова прочел и заплакал, как он умел, не вслух, а внутри себя. Что это за издевательство? Шутка над ним, психом и выпивохой? Да кто? Разве так кто-то станет шутить! Но это не может быть и правдой. Или?..

Спрятал бумажку теперь уже во внутренний карман пиджака, вышел из камышей, пошел. Маня молча шла за ним. У избы Саймановых Арсений Петрович остановился.

– Маня! Олюшка нашлась! Звал я ее сегодня. Так звал!

– А что же ты раньше не звал ее, а, крестный?

– Звал, да докричаться не мог. До небес-то.

– Я бы докричалась, – сказала Маня. – Горло-то у меня луженое.

– Жди нас с Олюшкой. А я поехал.

* * *

Сиклителинья молотила рожь. Снопки лежали прямо на улице, около избы. Арсения Петровича изумлял этот невиданный способ молотбы. Древность деревня. Ну ладно еще цепами, это он маленьким в деревне у деда видел. Но Сиклителинья рожь охлестывала. Держала в руках сноп и хлестала им изо всех бабьих сил по маленькому деревянному скату, наклонная часть которого состояла из планок. Зерно сыпалось сквозь отверстия меж планками, вот и вся молотба. В другой раз он сразу взялся бы помочь ей. Сказать? Остановился. А вдруг это все же розыгрыш? И пошел прямо во двор. Тут же подумал: вот осел я. Если Маня знает да сельсовет знает, так и вся деревня знает. На такой роток не накнешь платок. Вернулся назад к Сиклителинье.

– Олюшка, дочка моя, вроде нашлась, – недоуменно, недоверчиво произнес. – Но, может, и вранье это.

Он вынул из кармана бумажку.

– Телефонограмма пришла.

Сиклителинья, разогнувшись, прижала к груди сноп и тоже тихо, будто боялась вспугнуть, сказала:

– Господи! Чудо-то какое!

Она счастливо обратила широкое узкоглазое лицо вверх, к небу, как, должно быть, делали ее далекие степные предки, благодаря богов за ниспосланное спасение.

– Ехать надо, Арсюша.

Сиклителинья положила сноп на молотилку, и они направились в избу.

Арсений переоделся в «выходные» брюки, а пиджак у него был единственный – «и выходной, и проходной», как он сам про него говорил. Сиклителинья, принесла из горницы синий почти новый шевитовый пиджак мужа, сказала:

– Надевай, Сеня. Впору будет.

Он надел.

– Я аккуратно. Не заносу.

Сунул во внутренний карман документы, телефонограмму.

Сиклителинья достала несколько заветных купюр, которые Арсений Петрович, как бессрочный вклад в банке, хранил у нее. Подала с улыбкой:

– Вот на какое дело пригодились.

Арсений Петрович добавил их к документам и направился к двери.

– Вернетесь сюда, Сеня?

– Вернемся. Тут у меня всё теперь и все. Родные мои. Крестница моя, – он вспомнил стычку с бригадиром и добавил: заступница генералов. Спасла она меня сегодня.

– У вас спасенье, должно, по кругу ходит, – сказала Сиклителинья.

На дороге голосовал недолго. Повезло. Остановился грузовик, везший зерно в район. В кабине места не было, там рядом с шофером, молодым

веселым пареньком, сидел уже один попутчик. Арсений Петрович устроился в углу кузова, прилег спиной на сыпучий взгорок зерна, укрытый брезентом.

Сошел в районе у МТС, где был на зимнем ремонте со своим трактором. Надо было позвонить Григорию. Там разрешат, его и начальник знает, танкистом тоже воевал, без лица, считай, остался, обгорел, но душу не повредил, что тоже с братом-фронтником случалось.

Потом же, когда ехал в поезде, вспоминал этот разговор по телефону.

– Сенька! – услышал он во весь голос кричащего Григория, как только их соединили. – Получил мое известие?

– Кто тебе сказал об Олюшке?

Григорий, видно, не расслышал его вопроса и в ликовании продолжал:

– Я в Сталинграде был, ездил по командировке. Только вернулся. Что там делается! Все движется, все куда-то едет. На грузовиках, на лошадях, на быках, на верблюдах! В аэропорту смотрю: какие-то люди в дорогах плащах и лакированных туфлях троллейбус из грязи толкают. Ну, я присоединился. Оказалось, иностранные корреспонденты!

– Кто тебе сказал об Олюшке? – снова повторил Арсений.

– На тракторном заводе в последний день встретил Нину Королеву. Она теперь в профкоме за вода работает. Помнишь ее?

– Помню. Я все помню.

– Разговор тебя, Ани, конечно, коснулся. Она говорит: совесть грызет меня, что дочка их Олюшка в детдоме. Я как услышал...

– Дальше.

– Говорит: а куда брать Олюшку? Кормить нечем. Детдом хоть как-то снабжают продуктами. Николай, муж ее, когда фашисты к заводу подходили, в сводный отряд ушел. Не вернулся. У Орловки погиб. А Нинка живет с ребятами в подвале, дом разрушен. Когда я сказал ей, что ты жив, никак не могла поверить. Говорит, сама видела тебя в заводских списках погибших. Сеня, езжай!

– Алейск. Детдом. Так?

– Так. Ты же, Сеня, станцию Алейск знаешь?

– Знаю.

– Нина детей своей сестры там нашла, забрала.

По голосу Григорий понял тайную тревогу друга: а вдруг ошибка?

– Сеня, ну ведь Нина Олюшку узнала. Езжай!

– Еду, Гриша. Я уже в районе.

Всю дорогу от МТС до станции Арсений слышал какой-то неумолчный торжественный гул дороги, полей, лежащих вокруг, неба над ними – всего ветреного пространства, и среди этого гула: Олюшка... Алейск... Олюшка-ка... Олюшка-ка.

Глава шестая

В то совсем раннее утро, когда Арсению Петровичу оставалось еще несколько часов до Алейска, и он то вспыхивал нетерпением, то гасил его недоверчивостью и все смотрел в мутное окно вагона, его дочь Оля со своей старшей подругой Соней Красковой шла на детдомовский скотный двор. Она упростила Сою взять ее с собой на дойку.

– Ладно, Сивка (Сивка – это было прозвище

Оли, произошедшее прямоком от фамилии Сивцева), возьми тебя, только раненько вставать придется.

На детдомовском подворье была своя корова, подарок самого ближнего к Алейску совхоза «Волжский пахарь». Дояркой назначили именно Сою – рослую, работающую девочку, родом она была из деревни и сразу приновилась к тугим, непослушным соскам молодой коровы. Она держала в руке подоюник, в котором бултыхалась, побумкивала, ударяясь о железные бока, солдатская фляжка, полная воды. Они шла доить Мусю. Ухаживать, кормить, приносить поило, чистить клеть – все было обязанностью старших детдомовцев, но дояркой работала только одна Соня. Оле не терпелось посмотреть, как она доит. Посмотрит и сама научится, она ведь легко всему учится, так и воспитательница их отряда Людмила Гавриловна говорит. Подворье состояло из коровника, летнего денника⁶ и свинарника. В коровнике – бывшей небольшой конюшне купца Юмакова, первоначального владельца дома и усадьбы, – в советское время был склад. Здесь жила Муся, а ещё курицы, а в деревянной к нему пристройке уже год располагался свинарник. За ними – довольно обширный выгон, окраина, зады детдомовских владений, границей которых служила чаща, спускавшаяся одной стороной в овраг. Она состояла из диких кустов барыни, лоха, акаций и шиповника.

Как только девочки пришли на подворье, Соня, скинув с двери коровника щеколду, впустила Олюшку, вошла сама и, подхватив в углу маленькую скамеечку, закрыла дверь, чтобы не выпустить куриц. Те в волнении и тревоге хлопали крыльями и вспархивали над насестом. Корова стояла за загородкой. Соня, подставив под вымя подоюник, присела на скамеечку, вынула из подоюника фляжку, обмыла корове вымя и взялась доить.

В коровнике было темно, но глаза Оли быстро привыкли к темноте, она стояла у загородки сбоку, разглядывала корову. Муся была красивого, редкого окраса: по ярко-белым бокам и спине шли небольшие рыже-коричневые пятнышки. Молодая корова начала перебирать своими стройными, с четко очерченными молодыми копытами, ногами и изящно, по-оленьи тянула к Оле морду. Соня прикрикнула:

– А ну, встань на место и не шелухайся!

Корова послушно замерла, опустив голову. Сладкий, теплый парной дух вызвал у Оли желание присесть и подставить рот под струи парного молока. Но и капли нельзя было тронуть – это молоко для всех ребят, его и так мало на такую ораву. Она внимательно смотрела, как Соня легко выжимала молоко, словно просто быстро гладила коровьи соски.

– Сивка, пойдти травы Мусе нарви, – приказала Соня. – Чего просто так стоять?

Оля пошла на выгон. Старая трава на нем была суховатая, выгоревшая, а рядом после обильных сентябрьских дождей вылезла совсем еще мелкая, но свежая, зеленая. Она спустилась к оврагу, где у кромки росло много лебеды. Тут были и островки рослой, раздобревшей к осени полыни, но Оля знала, что Мусе ее лучше не давать – молоко будет горьким. Присев на корточках, торопливо вырывала она влажную от утренней росы траву, иногда ломала

стебли и все продвигалась вдоль кромки. Оле нравились места, где росла лебеда, смутное, едва различимое, но очень родное припоминалось тогда ей: степной косогор, под ним – синяя в солнечных зайчиках река, а сама Олюшка высоко сидит на плечах у папки, впереди в летнем светлом платье бежит мать и что-то весело кричит. Вдруг среди травы узкой серой змейкой мелькнуло что-то и упало вниз. Оля опасливо распрямилась, взглянула вниз и сразу поняла, что это просто обрывок бинта, он повис поперек двух толстых стеблей, а чуть дальше к сизым метелкам какого-то растения прицепился еще один, но не обрывок, а многослойный бинт-обмоток. Это Олю не особенно удивило. Раньше, когда одно крыло занимал госпиталь, они часто с девочками находили бинты во дворе детдома. Сетчатая марля бинтов всегда была слипшейся, в бурых пятнах крови и жирных расплывчатых светло-желтых разводах. Эти были светло-серыми, в крапинках песка, дожди их выполоскали, солнышко высушило, ветер песочком припорошил. Оля торопливо дергала, тянула траву. Она вспомнила, как маленькой однажды незаметно прокралась в госпитальное крыло и ходила из палаты в палату. Подходила к кровати и, стоя на цыпочках, долго глядела на раненых. Многие из них лежали с закрытыми глазами. Один показался ей похожим на папку, так, как она представляла его, и она тронула ладошкой его за плечо, обмотанное широкой белой тканью, а остальной руки не было видно, как будто он куда-то ее спрятал. Мужчина открыл глаза, они блестели, как цветные коричневые стеклышки, лицо было красным и в капельках воды, как будто дождик накапал. Он протянул ей вторую, неспрятанную руку, но Оля заробела и не дала свою ладошку. Он улыбнулся и хрипло спросил:

– Кого, сестричка, ищешь?

– Папку.

– Папка твой, видно, здоров, а мы тут все пораненные. Война кончится – папка твой придет.

Да. Придет! Она и сама это знала. Ей было меньше четырех лет, но она запомнила, как, стоя у борта, крепко держала ее мама, прижимала к себе и звонким, веселым голосом – таким, каким обычно обещала какую-нибудь радость, подарок, – говорила: «Помни, Олюшка, папа найдет тебя. Иди, доченька!» – и протягивала ее дяде с большими руками, и потом большой, пахнущий дымом дядя усаживал ее в полукруглую, похожую на скорлупу ореха лодку, где уже были другие ребяташки, и они поплыли в ней. Олюшка успокоилась от маминых слов, поверила и запомнила их, они стали для нее той ниточкой, за которую держалась она все детдомовские годы. Только вот что-то долго папка ищет ее.

Она вздохнула. Продвигаясь вдоль оврага в поисках хороших островков травы, Оля наткнулась на низенький холмик с тоненьким крестом, сделанным из двух палочек. Какая-то маленькая могилка. Подхватив всю заготовленную лебеду, она побежала к Соне в коровник.

– Соня, Соня, там холмик с крестом!

Соня, не поворачиваясь к ней, по-взрослому степенно отвечала.

– Ну чего орешь? Это мы с Костей еще давно холмик насыпали. Мы нашли солдатскую руку и

сами похоронили.

Костя Грачев был на подворье лучший скотовод, никто не мог так хорошо, как он, прибраться у Муси, почистить клетки в свинарнике и настелить соломки пороссятам.

– Сивка, ты нарвала травы? – спросила Соня. – А то я уже подоила. Стой, Муська.

Соня осторожно вынула ведро из-под коровы. Взяла в левую руку стульчик. Лежавшую рядом фляжку сунула в большой карман передника, в котором всегда носила на дойку.

Оля протянула корове через изгородь несколько стеблей.

– Муся, я тебе травки принесла!

– Кидай ей все в кормушку. Некогда нам рассоливать... – крикнула Соня, направляясь к выходу.

Оля кинула охапку в кормушку и торопливо пошла. Она догнала Соню с ведром, приоткрыла ей дверь, не вытерпела, оглянулась на Мусю и остановилась на мгновение. Муся, чуть вытянув шею, стояла на своих высоких молодых копытцах, словно девушка на цыпочках, и печально смотрела им вслед. В окошко и в приоткрытую дверь проникли первые лучи утреннего солнца, и шея Муси поблескивала рыже-коричневым, как середка цветка, пятном. Соня тоже оглянулась.

– Ешь, Муся! Скоро Павлик тебя на выгон выпустит, попасет. А нам на построение пора. На завтрак!

Глава седьмая

Арсений Петрович все время готовил себя к тому, что может не узнать дочку. Ей было теперь почти семь лет. Дети к этому времени сильно меняются.

Маленький средневожский городок Алейск во время сталинградской обороны считался прифронтовым. Стоя на небольшой привокзальной площади, Арсений Петрович видел его практически целиком. Центральная часть с главной одной-единственной улицей располагалась сразу за мостом, туда он и направился. Он уже знал (распросил проводника в поезде, который был из местных), что детдом находился на Революционной улице. Перпендикулярным лучом она отходила от Центральной и вела к Волге. «Дом у самой набережной, видный, красного камня дом, обширный, с арочкой, – сказал проводник. – Мимо никак не пройдешь».

Мост, по которому шел Арсений Петрович, был старый, деревянный, но добротный, с двойными высокими дугами по перилам, придававшими ему стройность, старинную нарядность, торжественность. Арсений Петрович шел по правой стороне, около перил. По проезжей части, вымощенной камнями, ехала подвода, груженная мешками яблок, они выпирали из мешковины своими круглыми боками. За этой подводой тащилась еще одна, покляжа на возке была накрыта, а возница, свесив одну ногу с телеги вниз, торопил тощую лошадь, понуждая ее и на чем свет стоит ругаясь. Внизу синела, искрилась на солнце Волга. По реке в сторону моста плыло несколько барж, на ближней виден был груз: огромные глянцево-зеленые, в полоску арбузы, с другой, дальней, доносилось непрерывное тревожное блеяние овец. Путешествие по воде овцам, видно, не нравилось. У противоположного камышового берега стоял по колено в воде старик и рыбачил.

Сойдя с моста, Арсений Петрович ступил на Центральную улицу, довольно пустынную. Старуха, закутанная, несмотря на теплый день, в большой платок, в длинной, до пола, одежде куда-то тащила по земле большое корыто, наполненное обломками старых досок, бакулок, стружки. Еще пара прохожих шли по противоположной стороне улице, по проезжей части ехал военный грузовик, нагруженный матрацами, Арсений Петрович назвал их про себя старыми знакомцами: точно такие были во всех госпиталях, где он отлеживался после ранений. Он шел быстро и уверенно, словно невидимый проводник вел его. Дойдя до угла Революционной, свернул на нее. Улица все время вела вниз, сплошь состояла из двухэтажных каменных или с каменными низами домов, крепких своим основанием, но запущенных, страшных обличьем. Алейск уберется от бомб, остался цел, но, кажется, все силы отдал на оборону Сталинграда.

Вот он, этот дом!

«Дом! Дом! Дом!» – колоколом зазвенело, закружило в голове, забило в груди, загудело в ногах. Он остановился. Постоял, стараясь успокоиться. Двукрылое здание с низкой аркой, по краю которой шла обшарпанная лепнина. Из-под старой побелки во многих местах торчал оголенный красный кирпич. Арка делила первый этаж на два небольших крыла. В войну в одном из них располагался госпиталь. Раненых больше не везли, а сирот прибывало. Теперь детский дом занимал все здание.

Неужели там сейчас его Олюшка?

Он вошел в арку, слева увидел высокую деревянную лестницу, которая вела на второй этаж, в длинную деревянную галерею. Внизу за массивной деревянной дверью был вход в полуподвальный первый этаж. Впереди стояло еще одно строение, каменный одноэтажный флигель с надстроенным деревянным верхом. Низкое крыльцо, старинная дверь с железным засовом. Справа от двери виднелась вывеска. Похоже на административный корпус. Арсений Петрович направился туда, вошел в низкий темный коридор, пахнущий краской. Коридор уходил налево, и Арсений Петрович устремился по нему, уверенный, что кабинет директора будет где-то там, в глубине. На узком, совсем темном повороте вдруг уткнулся в теплое, мягкое, а по верх – пуховое.

– Ффф... ох! – услышал Арсений Петрович и отпрянул. В чуть рассеявшейся тьме он увидел женщину, вернее, дородные очертания ее, обширные плечи и грудь, укрытые, должно быть, пуховым платком.

– Ты что, милоч? Бежишь, как кутенок⁷ на косточку? – сказала женщина знакомым Арсению Петровичу с детства говорком, таким говорила его мать и все ее сестры.

– Мне к директору. Я... родственник Оли Сивцевой.

Глаза уже совсем привыкли к темноте. Теперь он видел и лицо женщины – крупное, спокойное, немолодое.

– Пошли.

Она провела его к директорскому кабинету. Здесь коридор был шире и представлял собой вестибюльчик с несколькими старыми стульями и

скамейкой, стоявшей у стены.

– Жди, милоч. Присаживайся тут в любое кресло.

Она ушла, а Аркадий Петрович остался ждать. Он так и не сел ни в одно из «любых кресел», стоял напротив кабинета, прислонясь к стене. Минут через десять к нему подошла молодая, невысокая женщина, стриженная, в очках, пиджаке и (Арсений Петрович сразу это заметил) в юбке, какие носили на фронте женщины-военврачи. Не так он представлял директора детского дома. Она поздоровалась четким, звонким голосом и назвалась:

– Евгения Ивановна Скворец. Директор детдома.

И засмеялась.

– Любовь Аристарховна, повариха, мне рассказала о вашей встрече.

Она открыла кабинет, по-хозяйски вошла первой. Арсений Петрович вошел вслед, прошел до середины кабинета, мучительно как-то остановился. Спросил:

– Что ж тишина такая кругом? Дети ведь ...

– Детей приведут к обеду.

Евгения Ивановна села за стол, указала, куда сесть Арсению Петровичу, но он словно не увидел, остался стоять.

– Сегодня почти все, кроме малышей и «ползунков» – это мы неходящих, деток-инвалидов так называем, все на сборе яблок в саду. Нам это большое подспорье на зиму. Любовь Аристарховна для компота засушит. Она потом широко сухофрукты использует. Мало что компот каждый обед, отваренные сухие яблоки на мясорубке прокручивает и к галушкам примешивает, и в кашу добавляет.

– А малышей чего ж не слышать? Тоже на яблоках?

– Малыши на своих грядках, на зеленях возятся, огород у них свой есть на пустырике.

– А Оля Сивцева?

– Оля на яблоках! В третьем отряде. Они у нас прикреплены к старшим воспитанникам. С ними опытная вожатая Надежда Редькина. Оля самостоятельная, трудолюбивая, аккуратная девочка.

Страх Арсения Петровича, что все может оказаться неправдой, что Оля Сивцева вдруг окажется однофамилицей его дочери или что вообще девочки с такой фамилией здесь никогда не было, стал отступать, сокрушаться под обаянием этих простых, но живых, конкретных слов директора. Дочь его жива, сердце ее бьется где-то здесь, в километре от него, она стоит около яблони и внимательные ее глазки высматривают самые крупные красные яблоки.

Глава восьмая

Яблоневоый сад когда-то был монастырским, потом, когда церковь перестроили в школу, стал школьным, а когда выстроили новую школу сосем в другом месте, сад стал ничьим. Долгое время никто им не занимался, деревья старели, дичали и яблоки давали мелкие. В 1942 году детдом попросил ему яблоневоый сад передать. Завхоз Валентин Иванович предложил посадить саженцы, которые он договорился получить у местного питомника. Все детдомовцы с десяти до четырнадцати лет участвовали в посадке, и теперь у каждого воспитанника была

своя яблоня, он выхаживал, растил, следил за ней; начинались работы в марте, с обрезки, и заканчивались в сентябре сбором урожая. В первые годы собирали мелочь и падалицу со старых деревьев, а теперь уже весь основной урожай дают молодые яблони. Сначала Оля была маленькой, и в сад ее не брали, а с прошлого года вожатая отвела и ей яблоньку. Это была счастливая яблонька. Раньше за ней ухаживала Таня Коваль. Рыхлила, поливала ее каждый день все лето, носила сама воду с Волги. Яблонька дала урожай, правда, небольшой, уже на второй год. А нынче это яблоня-рекордсменка. Таня Коваль теперь живет дома. Думали, что мать ее погибла при бомбежке, но оказалось, что она была тяжело контужена и ранена. Она нашла дочь и забрала домой. Таня, передавая свою яблоньку подружке, на прощанье открыла ей тайну:

– Сивка, и тебя скоро найдут, потому что эта яблонька волшебная. Я ее каждый день просила, чтобы мама меня нашла.

Оле нравилось ухаживать за своей личной яблоней. Весной она аккуратно белила ее ствол, надевала на стройную ножку праздничный белый гольфик. Второй год она ухаживала за ней. Уверенная, что яблоня понимает ее, бывало, самым тихим шепотом разговаривала с ней о том, о чем не говорила ни с кем.

– Что-то папка не едет. Не найдет меня никак, а, яблонька?

Яблонька пока что ничего не отвечала. Значит, еще не пора. Она сама знает, когда пустить в ход свое волшебство.

Сегодня после завтрака третий отряд – а это сорок детдомовцев разного возраста – отправился на сбор яблок. Яблоням теперь было уже по пять лет, и многие плодоносили.

– Ни одного яблока не оставим! Ни одного. Поняли? – кричала им вожатая Надя, вооруженная большим сетчатым сачком на длинной палке. – Все слышали? Как потопаем, так и полопаем. Наготовим яблок – будет компот, пирог с яблоками, каша с яблочным жмыхом. Ленивых ждет суровое наказание!

Оля, верно, не случайно и не только из-за фамилии получила прозвище Сивка. По природе своей с самого детства она была рабочей лошадкой, горячей, неутомимой. Вот и сегодня аккуратно и быстро снимала она большие яблоки, твердые, литые, ярко-желтые, чуть по бокам красноватые. Она складывала яблоки в завязанную узлом матерью, тары на всех не хватало. Набрав полный узел, уносила и осторожно высыпала их на брезент, расстеленный под старой яблоней. Когда ветви, которые она могла достать, опустели, Оля побежала к вожатой, которая сачком доставала и улавливала яблоки с самой верхушки. Надя подпрыгивала, тянулась то в одну, то в другую сторону, и толстая коса ее прыгала по спине как живая.

– Надежда, мне лесенку надо. Я уже все внизу обобрала.

– Молодец, Оля, – вожатая оглянулась, внимательным цепким взором нашла нужных ей ребят, Сашу Лившица и Колю Ждана.

– Эй, братушки-ребятушки! А ну, неси стремянку!

Двое мальчишек принесли к яблоне самодельную лестницу. Ее сколотил в прошлом году Костя Грачев. Она состояла из двух деревянных неотесанных осиновых жердин и поперечных жердочек-перекладин. Ребята привалили стремянку к стволу яблони, Оля живо забралась на нее. Как же хорошо вверху! Никого, и только большое синее небо. И даже шума, неумолчного бесконечного шума голосов большого отряда, как будто не слышно. Но во что же складывать яблоки?

– Жданчик, одолжи свою фуражку, – крикнула она Коле Ждану. – Я буду яблоки тебе передавать, а ты в кучу пересыпай.

Коля Ждан, тихий, апатичный мальчик, молча протянул ей фуражку. Саша Лившиц убежал, а Коля остался, стоял тихий и безучастный. Оля, одной рукой держала наготове картуз, а другой снимала яблоки, тянулась к новым, заманчивым и недостижимым. Устремившись за одним, крупным, золотым да с румянцем, она слишком откинулась назад, одна нога сорвалась с неудобной круглой перекладки, за ней и вторая повисла в воздухе, и Оля сверглась с лестницы на землю. Хорошо, что недавно прошли дожди, земля была мягкая.

– Сивка! Ушиблась?

Коля склонился, подал ей руки. Оля попробовала встать, но не смогла – боль в правой ступне не давала. Подбежала Надя.

– Жданчик, отойди! Собери лучше яблоки, – приказала она.

Коля послушно отошел, поднял свой картуз, собрал рассыпанные яблоки и потом понес их на брезент, где уже образовалась приличная яблочная горка.

– Товарищ раненый, на кого жалуемся?

Надежда спрашивала тоном спокойным, полушутливым, ему научилась она у хирургов, когда работала санитаркой в госпитале. Разгоряченное работой румяное, потное лицо ее чуть улыбалось, и только глаза смотрели настороженно.

– Правая ступня. Встать не дает, – четко доложила Оля, приученная быстро отвечать на вопросы.

– Посмотрим.

Вожатая внимательно оглядывала и пальпировала нижний отдел голени и ступню.

– Больно? А тут? А вот здесь?

Олюшка молчаливо терпела, только временами морщилась.

– Не подвывих ли?

Надежда взяла в пальцы ступню, неожиданно резко дернула.

– Нет, это не вывих.

– А что она мне ступать не дает? – с досадой спросила Олюшка.

– Ушиб сильный. Он стихнет. Отсидись в сторонке.

Надежда пошла, но приостановилась и спросила:

– Кому свою подопечную передаешь? Яблоньку?

– Соне Красковой.

Оля ответила мгновенно, будто давно решила, кому передаст волшебную яблоню. Родители у Сони погибли, но Соня в войну потерялась со старшей сестрой. И Соня ее ищет.

– А я вместо Сони буду падалицу собирать.

Соня Краскова и еще человек семь под ее началом сегодня собирали упавшие, побитые яблоки. Когда Олюшка упала, Соня подбежала к ней на минутку, но сразу вернулась к работе, у вожатой не забалуешь: премиальных в виде яблочного пирога враз лишит. Теперь Соня, стоя на лестнице, снимала оставшиеся яблоки с волшебной яблони.

Оля посидела немного и попробовала встать. И правда, ушиб утихает. Побаливает, но ничего. Она шагнула и пошла, прихрамывая.

– Так, Сивцева, не сидится тебе.

Вожатая, снимавшая с верхушки яблоко (затылком она, что ли, видит?), повернулась к ней.

– Иди к яблочной куче, отбирай в корзину самые лучшие, самые красивые яблоки. Завхоз велел. Он их сам увезет.

Оля пошла к яблочной горе, рассыпавшейся во все стороны далеко за брезентовую подстилку. Около яблук со всех сторон сидели на корточках работницы и работники от восьми до десяти лет. Олюшка присоединилась к ним. Острый глаз ее безошибочно выбирал крупные ровненькие яблоки, лишь иногда оказывалось, что яблоко с бочком, то есть побитое, с вмятиной. И она с сожалением откладывала его. Если приказали без вмятин, надо выполнять приказ точно. С места, где она устроилась, ей было видна волшебная яблонька. Соня снимала позаимствованным у вожатой сачком с самого верха последние яблоки. Оля не было грустно от того, что волшебная яблоня больше не ее. В груди поржало воробышком, подпрыгивало до самого горла что-то довольное, чирикающее, радостное.

Глава девятая

– Скажите, Евгения Ивановна, а когда точно Оля попала в детдом?

Арсений Петрович все же сел на стул, предложенный ему директором во второй раз.

Евгения Ивановна встала, прошла к длинному стеллажу, находящемуся на правой от входа стене. Там плотно стояли папки рыхлого бежевого картона, разделенные на секции («Возможно, по возрастам или по отрядам», – подумал Арсений Петрович) длинными закладками-указателями. Директор вторглась руками в одну из них, безошибочно выбрала нужную папку, на ходу открывая ее. Вернулась к столу, вынула из папки похожие на историю болезни, сброшюрованные между собой листки. Молча, внимательно просмотрела их.

– В общем-то, я и так помню. Недавно просматривала, – Евгения Ивановна сквозь очки быстро и живо взглянула на Арсения Петровича. – Но вот по документам. Девочку привезли к нам в октябре 1942 года. Со станции Фролово. Мать девочки, указано, погибла при эвакуации, отец героически погиб на фронте.

Она подняла голову.

– А вы близкий родственник? Вы похожи с Олей.

– Очень близкий. Я отец. Аркадий Петрович Сивцев. Как видите, не погиб.

– Как не погиб? – Евгения Ивановна вскочила. – Как это, я спрашиваю?

Она воздела вверх кулак и с силой ударила по столу костистым своим запястьем.

– Уж простите, – усмехнулся Арсений Петрович –

Ошибка вышла. Снаряд мимо пролетел.

Он встал и протянул директору военный билет.

– Мой документ.

– Господи! Мы же делали запрос в Сталинград.

Она снова углубилась в листки, а Арсений Петрович остался стоять перед нею.

– Оля записана под своим именем, у нее к ручке была привязана бирка, полустертая, правда, имени не было видно, но фамилию прочли без труда. Имя свое она сама назвала. И, знаете, маленькая она все время говорила, что за ней папка придет.

В открытое окно кабинета донеслось детское пение, сопровождаемое топаньем и шарканьем ног.

– Идут, – сказала Евгения Ивановна, вложила листки в папку, придавила ее ладонью, улыбнулась. – Это третий отряд. Оля Сивцева в нем. Аркадий Петрович, я понимаю, что вы испытываете, но придется чуточку подождать. Воспитательница Людмила Гавриловна приведет Олю.

– Сколько ждал, а теперь уж... – сказал Арсений Петрович. Повернулся и вышел из кабинета. Он поспешил выйти на крыльцо, хотел увидеть, как входит в арку третий отряд, но снова чуть не врезался в Любовь Аристарховну. Женщина выставила вперед руки, но и Арсений Петрович уже притормозил.

– Все ждешь? – спросила она. У директора был?

– Был.

– Ты отец Оли Сивцевой?

– Отец.

– Да... Тут и паспорта не надо. Все доказательство на ряшке. Оба цыганисты.

Голос этой женщины сильно напоминал Арсению Петровичу голос его матери, может, от этого, он не постеснялся, горестно и виновато спросил:

– Любовь Аристарховна! Как Олюшка... как вы тут жили? Голодали в войну?

– Всяко бывало. Мы старались. Мы даже в сорок третьем наших детей три раза в день кормили. Только первое тепло пойдет, всем детдомом крапиву собирали, я из крапивы дюже хорошие щи варию. Все туда намешивала, что имелось. Для сытости. Я еще так придумала: кто трудился, хорошо собирал, тому двойная порция, так ты бы видел, как они по крапиву бежали. И всякую траву, и коренья по весне ели. А летом по садам: где вишню, где сливу, где груши ухватим. Да потом старый сад нам отдали. Яблонь насажали. Рыбу ловили. Зимой как-то в сорок четвертом такая неделя выдалась: ну ничего нет. Валентин Иванович, завхоз наш, кости и лошадиные копыта где-то надыбал, дак я в печи распекала до мягкости и подавала. Опять спаслись.

Любовь Аристарховна спохватилась.

– Я уж и забыла, зачем пришла. Мне ж к Евгении Ивановне! Увидимся еще с тобой, милоч. Бог любит Троицу.

Она торопливо направилась к директорскому кабинету. А Арсений Петрович вышел на крыльцо. Третий отряд, видимо, уже прошел. Двор с редкой травкой и несколькими большими каштанами посредине был по-прежнему тих и безлюден. Но вот в левом крыле открылась входная дверь, из нее вышли двое: женщина в светлой кофточке и темной юбке и худенькая девочка лет семи, в коричневом, широковатом платье, которую она вела за руку. Они направились по утоптанной тропке, которая

однозначно вела к административному корпусу. Арсений Петрович шагнул с крыльца, пошел им навстречу. Женщина, наверное, воспитательница. А девочка...

Арсений Петрович быстро к ним приближался. Он уже видел смуглое продолговатое личико девочки, раскрытые во всю ширь глаза под детскими, приподнятыми черточками бровей, волосы заплетены в две косички, но не такие, как у Мани, торчащие медные пружинки, а пышные черные косы. Вытянулась, косы отрастила, но она это, она! Он спешно подошел к ним. Воспитательница остановилась, глянула на Арсения Петровича, поздоровалась и отпустила руку девочки.

– Олюшка... – позвал он дочь негромко. Маленькой она сильно пугалась, вздрагивала от громкого окрика, и он сейчас вспомнил это. Дочь подняла голову. Родные глаза. Жена всегда удивлялась, что у Олюшки глаза были необычного цвета: карие, но с явственным зеленовато-бутылочным оттенком. Дочка смотрела на него с затаенной радостью и любопытством. Он наклонился, поднял ее на руки, тихо на ухо пропел:

Как у нашей Оли
есть лошадка Молли...

Эту странную песенку про Молли, а почему Молли, наверное, чтобы складно было, Арсений Петрович сам выдумал и пел дочке, когда играли они в коняшку.

Оля вспомнила. Может, не слова, а напев или ритм, или голос, или саму эту игру, которую любила больше всех других. Она прижалась, уткнулась головой отцу в грудь. Притихла, угадывая родное тепло, узнавая запах отца, признавая родную кровь. Потом погладила ему шею ладошкой.

– Папка?

– Я, Олюшка. Видишь, я вернулся.

Так стоял он с дочерью на руках, рядом с безмолвной воспитательницей.

Глава десятая

В первых числах сентября Арсений Петрович с дочерью прибыли в Ярунино. Все были рады их приезду: Сиклитинья, Ганя, Эля. Но Маня! Маня была на седьмом небе. Мало что вернулся крестный, он привез девочку, почти ровесницу ей. Олюшка до того красивой ей показалась: в городском платье с рукавчиком-фонариком, носочки на ней не как у Мани – толстые, вязанные бабушкой, а тоненькие, желтые в серую полосочку, как спинка у пчелы. И голоножки! Так Маня называла босоножки, которые никогда раньше не видела. Правда, не по погоде в сентябре-то в голоножках, крестный дочку от околицы через грязь на руках до самой деревни нес. Мамка примерила ей прошлогодние Манины ботинки, Мане они малые, у нее лапа что надо: длинная, широкая, а у Олюшки ножка деликатная, узенькая, маленькая, ей ботинки в самый раз оказались.

В первый рабочий день Арсений Петрович отправился на работу в сопровождении Мани и Олюшки. Арсению Петровичу не хотелось вот так сразу на весь день дочку оставить, а крестница прибежала чуть свет – и как было не взять ее тоже.

Егор Кузьмич простил Арсения Петровича, узнав, что у него отыскалась дочка. Допустил к

трактору, тем более что чинить ЧТЗ было некому. Не было машин, на чем зерно возить, и бригадир решил Арсения Петровича с трактором приспособить. Смастерили в кузне железный кузов для прицепа. Арсений Петрович должен по-быстрому отладить ЧТЗ с прицепом и забрать кузов из кузни.

День намечался ясный, но поутру воздух был подмороженный, резкий, словно бы с мелкими острыми ледышками. Оделись потеплее. В Алейске на барахолке Арсений Петрович купил дочке пальтишко да костюмчик теплый, обуви только не нашел. Из детдомовского ничего не взял. На Мане была курточка, ловко скроенная из стеганого одеялка, теплая юбка и ботинки. Она крепко держала за руку свою новую подругу. Арсений Петрович шел чуток впереди.

На току все было по-прежнему. Утки, рассыпанное зерно, вороха соломы. Все еще стояла молотилка, связанная с паровиком священными узами, но в одном месте порванного приводного ремня. ЧТЗ Арсения Петровича – огромный, неподвижный – походил на печального заколдованного силача, который хочет, но не может двинуться с места. Дочка подошла к трактору, налегла на гусеницы и руки в стороны расставила, будто обняла их.

– Прощай, чистое пальто, здравствуй, все в мазуте! – сказал отец.

– Папка, это и есть железный пахарь Микула, твой лучший друг? – спросила она.

– Микула Селянович, если полным именем. Сказочник Прохор нам на бригаде про него рассказывал.

– И я про Микулу знаю! Я тебе расскажу, Оля, пошли со мной! – позвала Маняша.

Подошел Леня Петров, паренек, приехавший за зерном на подводе на хорошей сильной лошади Фене. Она стояла у березового колка, собирая неспешно и с достоинством поглощая горку зерна, которое нагреб для нее Леня.

– Здорово, Петрович! С находкой! – поздравил. – И ведь вся в тебя!

Леня одобрительно кивнул головой в сторону дочери Арсения Петровича.

Олюшка стояла с Маней и смотрела на уток, слушала, что та ей говорит, и растерянно, изумленно глядела, улыбалась. Арсений Петрович подумал: его дочь, верно, и не предполагала, какой огромный, интересный и свободный мир есть на свете. Маня горланила:

– Утки – они семьей держатся. Вон, видишь, серенькая? Это утка-мама, а тот, с зеленой головкой, – селезень-папа. А те, дробненькие небольшие утицы, они подросшие детки. У нас по весне гусыня, Тега, под моей кроватью на яйцах сидела, один раз меня за пятку утром ущипнула.

Маня довольно захохотала.

– Тега прямо подо мной восемь гусятков вывела!

– Ох и потешная эта Маня, – сказал Леонид.

– Маня – это моя... спасительница.

– Ничего не перепутал? Это ты ее из воды вынул или она тебя? Кыш, проклятые! – прикрикнул Леня на пару уток, подошедших прямо к его сапогам и начавших клевать налипшие на них зернышки. Он нашел в кармане камешек и швырнул в них. – Ненажорные!

– Поможешь мне, Леня? Ремень приводной буду сшивать. Поддержишь?

– А что ж не поддержать?

Из хранилища вышла Наталья Крылова. Подевчоночьи смущенно поздоровалась с Арсением Петровичем и, увидев Маню с Олюшкой, вытаращила сколь можно свои синие очи, всплеснула руками:

– А это что за девушки? К нам на работу али как?

Маня с Олюшкой, сидя на корточках, сгребали рассыпанное зерно в кучки, чтобы уткам было удобнее есть. Они встали.

– Здравствуйте! – быстрыми смешливыми шажками Наталья подошла к девочкам.

– Здорово, тетя Наташа. Коли не шутишь, – громко ответила Маняша.

Наталья и не взглянула на Маню, она умиленно глядела на Олюшку.

– Красавица какая! Как тебя зовут, донюшка?

– Сивцева Ольга Арсеньевна.

С серьезным уважительным видом Оля подала Наталье руку.

– Рада очень!

Наталья крепко пожала Олюшкину ладошку. Украдкой, посмеиваясь одними глазами, она поглядывала на Арсения Петровича, который с помощью Лени сшивал ремень.

– А я Маня Ганькина, – громко сказала Маня.

– Да тебя-то, колокольчик, я поди знаю.

– А Олюшка – моя крестная сестра, – гордо, да же хвастливо сказала она.

Эта мысль только что родилась в ее голове, и она на ходу развивала и обосновывала ее.

– А как же? Если Сений Петрович мой крестный отец, значит, его дочка мне крестная сестра!

– Жадная ты, Маня, – состроила недовольную гримасу Наталья. – К чему тебе сестра? У тебя ж есть уже одна. А у меня вот никого.

– Толку мне с нее, – сказала Маня. – Лидуся титьку только недавно сосать бросила. Дело-то малое.

Наталья рассмеялась. Казалось, смех сыпался с ее белых красивых зубов мягко и золотисто, как зерно при обмолоте. Она уселась на стожок соломы, и Маня с Олюшкой с разбегу плюхнулись к ней. Наталья обняла Олюшку обеими руками, легонько прижала к себе. Арсений Семенович глянул в их сторону внимательным взглядом и отвернулся к ремню. Мане скоро надоело сидеть, она вскочила, запрыгала на соломенном ворохе:

– А давайте в чехарду, тетка Ната! – крикнула она.

– А давайте! – озорно согласилась Наталья, приседая. – Олюшка, прыгай!

Оля прыгнула через Наталью, смеясь, присела перед ней, Маняша с криком «Ура!» перепрыгнула через обеих и вот уже опять очередь Натальи. И пошла чехарда!

Арсений Петрович, покончив с ремнем, занялся общим осмотром трактора. Леонид с Натальей погрузили мешки на телегу, и он поехал. Наталья ушла в свою «темницу», как она называла зернохранилище, девочки, наигравшись, сидели на соломе и подкреплялись, Арсений Петрович выдал им по яблоку, которые купили они с Олюшкой на одной из станций после Саратова. Маняша впервые видела

яблоко и расспрашивала свою крестную сестру:

– Они прямо на деревьях там растут? Как на березе?

– Берез там нет. На яблонях растут, – отвечала Олюшка.

– А куда березы девались?

– В яблони превратились, – сказал Арсений Петрович, подходя к ним. Прокатиться хотите? Или тут будете, пока я кузов из кузницы привезу? Девочки вскочили и опрометью понеслись к трактору. Дверь была открыта, но они стояли, ждали своего водителя. Арсений Петрович вскочил на подножку, за руки втащил на нее Олюшку, а потом Маняшу. Сел на свое место и усадил пассажиров. Олюшка сидела в середине. Она смотрела, как отец завел трактор, нажал внизу на педаль, и ЧТЗ заревел как сто медведей, двинулся медленно и бесповоротно к места.

– Поехали! – крикнула Маня.

Трактор набирал силу движения, он ревел, гудел, гремел, трясся, подпрыгивал, тархтел железными внутренностями. Шел, а потом мчался по земле, и земля дрожала под ним. Олюшка прижалась к Мане. И жутко, и весело, и холодок в сердце, какой бывает, когда слушаешь страшную сказку. Конь бежит, земля дрожит! Она восторженно и гордо смотрела на отца, он, ее папка, владеет и правит этим конем!

– Прокати нас, Петруша, на тракторе, – запела Маня, привстав и подавшись вперед.

– Высоко, как на ероплане! Правда, Оля?

Съехали с горы и направились по дороге в деревню, окутанные пылью. Въехали на Мордву – так назывался околоток, за которым находилась кузня, миновали его. Уже виден был через раскрытую настежь дверь кузницы могучий огонь горна.

– Оставайтесь в кабине. Я схожу в кузню.

Арсений Петрович открыл дверцу.

– Гордеич к нам идет, – сказала Маня.

Теперь и Арсений Петрович увидел бригадира. Тот быстро шел к ним от своего поновленного экипажа, который составлял необыкновенный возок с брезентовой крышей, в колесах были заменены ступицы. Егор Гордеич легко запрыгнул на подножку кабины трактора, заглянул в открытую дверцу.

– А ты все ополчение формируешь? – И рыжие, и черноглазые у тебя!

– Это дочка моя, Олюшка, – сказал Арсений Петрович

– А то не видно. В школу пойдешь, черноглазая? – спросил Егор Гордеевич Олюшку. – Нам грамотные дюже нужны.

– На прокатку выехали да за кузовом, – отвлекая Гордеича от смутившейся Олюшки, сказал Арсений Петрович. – Подладил машину. Ремень тоже починил, Егор Гордеич.

– Хороший кузовок Аким скузнечил, – сказал бригадир и снова обратился к Олюшке:

– Ну так пойдешь в школу? А то сразу в колхоз с Маней вступайте.

– «Вступайте, вступайте», – ворчливо сказала Маня. – Только обещаешь, Егор Гордеич. А придем, так не возьмешь, скажешь: малы ишло.

– Тебя, Маня, сразу председателем возьмем.

– Глазищи-то у дочки твоей, – обратился он к

Арсению Петровичу, – все Ярунино утонет.

Олюшка вдруг сказала:

– Я у вас врачом буду, как выучусь.

– Мне как раз к тому времени понадобится, – засмеялся Егор Гордеич. – Смотри, не обмани.

– Есть теперь для чего, Сеня, тебе наши земли пахать да корни пускать.

Он спрыгнул с подножки и направился к своей повозке. Хлестнул вожжей лошадь, и покатился возок с бригадиром дальше.

Арсений Петрович вылез из кабины.

– Сидите тут.

И пошел к Акиму в кузю.

Маня тотчас вылезла на освободившуюся подножку. Дозорно прищурившись, она следила за возком бригадира, который быстро удалялся. Наконец, определила:

– На свекольное поле поехал. Там сегодня бабы сахарную свеклу копают.

* * *

Деревня Ярунино начиная с шестидесятых годов и по восьмидесятые сильно приросла за счет большой семьи Сивцевых – Рязановых. В 1957 году Олюшка Сивцева, черноглазая, похожая фигурой и лицом на гречанок, воспетых в девятнадцатом веке поэтами, вышла замуж за молодого зоотехника из своих, ярунинских, Николая Рязанова. Николай был, напротив, незатейлив лицом, несколько медведват, как, смеясь, говорила крестная сестра Олюшки Маня Сайман, но настырен и уверен в себе, чего совсем не было в скромной, смиренной Олюшке. Маня к этому времени звалась уже Марией Ивановной Петровой, была знаменитым в районе человеком, работала звеньевой и вывела свою бригаду в передовые. Потом пошла учиться, стала главным агрономом всего колхоза, а дальше – больше: избрали ее председателем. И хорошо было от этого колхозу, потому что всю свою неумную энергию, душу, любовь и знания отдавала Мария Ивановна работе. Бог не дал ей детей, но не обделил племянниками, ей их с лихвой хватало.

Олюшка окончила Каменское фельдшерско-акушерское училище и работала в Ярунине, на деревенском медпункте. Она родила шестерых детей: четверых мальчиков и двух девочек. Первенец-мальчик был назван Арсением, а первую из девочек назвали, конечно, Анной.

1 мая 1985 года Ольга Арсеньевна сидела за столом в самой просторной комнате своего деревенского дома, именуемой залой, рядом с ней сидел

муж, Николай Михайлович, а во все стороны от них, как отводки от корня, распространялись вокруг стола дети и внуки. Стол был длинный, почти во всю залу. Не было с ними в этот день мамы Наты – она умерла в начале зимы, пережив Арсения Петровича на шесть лет.

Мама Ната – не кто иной, как Наталья Крылова. В ту же осень, как привез Арсений Петрович из детдома Олюшку, они перешли в хату, где жила Наталья со своей свекровью Лесей Андреевной Крыловой. Это уж потом Арсений Петрович с Божьей помощью да с помощью кума своего Гани построился. Ни у кого в деревне язык бы не повернулся назвать Наталью Олюшкиной мачехой, такую материнскую любовь и заботу проявляла она к ней, как, впрочем, и к мужу. Она видела в нем городского, обходительного и очень красивого мужчину.

Отпрыски Рязановых – Сивцевых собрались у родителей на майские праздники. Погода в этот май не благоволила. Ни картошку посадить, ни на поляне у Лебяжьего озера поспрадовать – тучи, ветер, да крупа с неба сеется, перемежаясь с мелкой моросью. Только и остается в доме кружком сидеть, поднимать редкие тосты, кушать любимые блюда да покрикивать на ребятишек, если уж очень расшались.

Затеялся разговор о том, какие теперь большие затейливые дома стали строить ярунинцы. Да еще обои завелась мода клеить. Как в городе. «А в сорок седьмом году в Ярунине...» – сказала Ольга Арсеньевна, и все взглянули на нее. Этими словами обычно предваряла она начало своей истории. Существовала история в разных вариантах, от сокращенного десятиминутного рассказа, до эпического повествования с отступлениями, позднейшими вставками, ответами на вопросы слушателей и вводом новых подробностей – это часа на два, а то и на весь вечер. Дети и старшие внуки не по одному разу слышали семейную повесть, но с любопытством и уважительным молчанием слушали ее снова. Кончиком яркого цветастого платка, который шел темноволосой и смуглой Ольге Арсеньевне, она вытирала свои темные с зеленоватым оттенком глаза и как будто снова видела людей и события, которым была свидетелем или слышала о них от отца, но теперь ей казалось, что все это она сама видела, переживала, потому и помнит так хорошо, особенно как привез ее сюда, в Ярунино, в 1947 году ее отец – дед и прадед всех этих собравшихся за столом людей (вечная ему память) – тракторист, а потом механик колхоза «Победитель» Арсений Петрович Сивцев.

¹ Четок – чекушка, бутылочка водки на четверть литра.

² Бакулка – небольшой деревянный брусок.

³ Тычки – самодельные лыжные палки.

⁴ Наряды – колхозные работы на каждый день.

⁵ Каралька – что-то наподобие баранки.

⁶ Денник – летние стойла рядом с пастбищем.

⁷ Кутенок – щенок.

*Марина БИРЮКОВА, Саратов. Поэт, журналист, редактор.
Лауреат литературной премии им. Валерия Прокошина.*

ГОЛУБКА

Повесть

В то апрельское утро в клетке убирался не Хозяин, а мальчик. Хозяин своих голубей любил, и они его любили – садились на его голову, на спину и шею, когда он наклонялся, нежно клевали его волосы. Как ни тесно, как ни маятно было птицам в этой клетке на балконе, как ни мучила их сетка-рабица, отгородившая небо, как ни томила непонятность, как ни хотелось лететь, лететь, лететь, – то, что Хозяин по-прежнему с ними, утешало. Так больной ребенок утешается тем, что мама рядом.

Мальчик любил их меньше, убираться в клетке ему было неприятно, утешить уставших от неволи голубей он не мог – они металась и стонали от тоски. А ей, нашей голубке, было, наверное, хуже, чем другим, потому что она была молода – в молодости трудно, невозможно выдерживать неволю.

Мальчик собрал на совок сухой сор и поленился

нести его на кухню, в мусорное ведро. Он отодвинул дверку-задвижку и выкинул сор наружу, хотя и знал, что соседка снизу опять будет кричать про свою аллергию на пух.

И тут у мальчика в кармане заиграл телефон, и мальчик отвлекся, а голубка увидела небо без сетки-рабицы. Через миг она сидела уже в этом прямоугольнике, а потом упала в свободный воздух и развернула крылья.

Выше, выше, выше – мимо серых блоков стены, окон и балконов, мимо стоящих на балконах людей. Мимо белых телетарелок и антенн. Упругий воздух под крыльями, подъем с каждым движением – то, что не отдашь и за самую жизнь. Крыша, блестящая светлым металлом, – внизу, облака и небосвод – над головой: меж птицей и небом, меж голубкой и далью-далью-далью – нет больше никаких преград.

Если бы у голубки был разум, она задавала бы себе вопросы: а почему я лечу именно туда, а откуда я знаю, куда лететь, а что, если лететь надо в другую сторону – и в итоге впрямь улетела бы совсем не туда или вообще никуда бы не улетела. Что и происходит со многими людьми!.. Разум – великий дар, но и великое испытание: уверовав в собственный разум, человек отказывается слышать то, что живет и действует глубже разума и потому жестоко заблуждается. Птицам же это не грозит: наша голубка не задавала себе вопросов, она просто летела.

Сюда, в город, ее привезли в закрытой картонной коробке с дырочками для дыхания. Неразумной своей памятью она помнила ту ночь, когда рука Хозяина сняла ее, беспомощную (дневные птицы ночью беспомощны), с насеста голубятни и опустила в отчаянную толкотню коробки. Она перепугалась, как и все, и ей было плохо в тряской дороге, но спасало доверие к Хозяину – несмотря ни на что. Когда Хозяин открыл наконец коробку, она с удивлением увидела бетонную стенку, стекло и сетку-рабицу.

Теперь голубка летела – не то чтобы не помня о Хозяине, скорее, надеясь вопреки всякой логике (откуда у голубя логика?) встретить его там, дома – в селе, которое люди когда-то называли Чернояром.

Там тишина. Там голубятня, в которой она выбиралась из яйца, удивляясь тому, что воркование матери так изменилось – а оно просто не было уже приглушено скорлупой. Там круглый солнечный луч, входящий в полумрак голубятни через леток, там похрустывание и хлопанье крыльев, бормотание, воркование, трубная песнь, птенячий писк, палящий пух.

Там – то, что она увидела, когда высунулась впервые в леток голубятни, – самое, самое прекрасное, что только может быть на свете.

Город остался позади. Встречный ветер затруднял полет, но не был, на ее счастье, слишком сильным. Солнце то скрывалось за облаками, то вновь заливало мир своим горячим светом. Внизу зеленели озимые поля, темнели островки соснового леса, тянулась трасса. Голубка летела, не помня о еде, хотя была голодна: от тоски и маеты с утра ни разу не клюнула. Могла ли она сомневаться, что там, дома, еды будет вдоволь, как было всегда?

Да, дом был далеко. Это голубка поняла сразу. Но даже если бы он был дальше в сто раз, это ни на секунду ее не смутило бы.

* * *

Просыпаясь, Иван первым делом запрещал себе думать. Что думать – ничего хорошего ведь не выдумаешь уже всё равно.

Он лежал на прелом матрасе в страшно запущенном сельском доме, среди хаоса старых и грязных вещей, у окна, невымытого уже лет десять, под серым гамаком паутины, свисающим с потолка.

Ему ничего не хотелось – даже выпить. Прошли те времена, когда выпить хотелось. Теперь Иван пил без желания. Потому что если не пить, то слишком уж становится страшно.

Торопиться Ивану было некуда: смена его на Ибрагимовых кошарах кончилась, и не было известно, понадобится ли он Ибрагиму когда-нибудь еще. Деньги за охрану овечьих кошар Иван вчера

получил, и «Фронтовой» там, в Семеновке, купил сразу три бутылки, и две банки кильки, и батон, и чай, и конфеты, и курить себе взял, само собой.

Но тут Иван почувствовал, что подняться и выйти наружу все-таки придется. Свалил табуретку, остановился, отупело посмотрел на консервную банку, полную окурков, снял с гвоздя вонючую телогрейку – и повесил ее назад, потому что другая телогрейка была на нем, он просто о ней забыл. А эта, висевшая на гвозде, была еще батина и хранила древние пятна колхозного мазута.

Наконец, Иван вышел в сырой и холодный воздух апрельского утра. Над покосившимся забором чернела голубятня соседа Женьки Крестовского, который долго обитал тут, в Чернояре, со своими голубями и семейством: пытался фермерствовать, разводил патриотизм, даже интервью давал каким-то корреспондентам. Но жене его Ирке, хоть и местная она тоже, черноярская, надоело каждое утро возить детей в школу за тринадцать километров, в райцентр, да еще и по такой дороге. И она в конце концов заставила мужа продать скот и землю Ибрагиму. И теперь они живут в городе, и Женька работает там водилой на городском автобусе.

Иван скользнул по забору и голубятне привычным взглядом... И увидел голубку.

Белая, нежная, она сидела на крыше голубятни, и ветер ерошил ее перышки. И бесконечно странно было видеть ее здесь, на жутком фоне умирающего села – с мертвым бурьяном, черными проемами пустых окон, горами хлама, развалинами саманных сараев.

Голубка смертельно устала и замерзла. Она достигла голубятни почти уже в темноте и не могла сориентироваться, почему и просидела ночь на крыше. Она потратила столько энергии, а когда рассвело, поняла, что еды нет. И Хозяина нет. И своих не слышно. Голубка начала понимать, что все они остались там, в городе, и что здесь она теперь – одна.

А Ивану голубка напомнила детство. Сначала чуть-чуть напомнила, и он сразу хотел это себе запретить, но потом – будто поскользнулся на чем-то и полетел в чистые, цельные глубины загрязненной и пораненной памяти...

Это было обычное деревенское детство – с батей-механизатором, с психованной мамкой, с двумя младшими сестрами, с двойками и вызовами родителей в школу, с домашними разборками после этого; с волокнистым белым туманцем над водой рассветного озера, с первым вздрогом поплавка, остановкой сердца и уходом поплавка под воду.

...С вечерними кострами из сосновых шишек на озерном берегу, с яблоками в чужих садах, с батыным комбайном, запахом горячего зерна, ночевками в скирдах свежей соломы.

...С шумной и дружной расчисткой льда на озере, с самодельными клюшками и коньками, которые нужно было еще уметь привязать веревками к валенкам...

...И с мечтой о собственных голубях. «Когда двойки свои исправишь», – супил брови батя. Ванька в двенадцать лет управлялся и с комбайном, и с трактором не хуже отца, но вот двойки исправлять не умел.

Зато Толян, старший брат Женьки, самый-самый

друг, охотно позволял Ваньке возиться с его голубями – когда возился с ними сам.

Зачем же всё это было, если теперь его, Ивана, жизнь стала вот такой?

Нет, не зря он запрещает себе думать. Вот, начало думаться, попробуй теперь останови.

Иван вернулся в свою берлогу... и увидел ее будто впервые. Ему стало тошно, и страшно, и стыдно – что было бы, если бы это увидели батя или мамка?..

На желто-бурой клеенке лежал батон, купленный Иваном в Семеновке. Отломив кусок, Иван вернулся во двор, влез по гнилой лестнице на просевшую крышу своего сарая – ходить по ней было, конечно, нельзя – и раскрошил хлеб. Голубка тут же сорвалась с голубятни вниз. Иван смотрел, как она глотает куски батона, и вспоминал, как они с Толяном кормили голубей.

– Почему мы такими стали, птица, а? Жри, жри. Тебе-то откуда знать?

* * *

Утолив голод, голубка нырнула, наконец, в лоток пустой голубятни. Доски ее расселись, солнце проходило насквозь, белая птица оказывалась то в ярком, синевато дымящемся свете, то в сумраке. Слой окаменевшего помета, полуистлевшие перья, знакомый насест. И никого. Голубка стала звать своих – хотя и понимала уже, что не дозвется. Понимала и звала, звала и понимала. Потому что слез у голубей нет, и плакать они не умеют.

Солнце, поднявшееся уже высоко, вызвало-таки нашу голубку наружу. Она поднялась и сделала круг над умирающим Черноярмом, над заброшенными полями, над косогором, по которому вразброс росли дубы, над маленьким черным озером в камыше, над бором, над кладбищем и развалинами церкви. Потом села на покосившийся столб. Посмотрела вниз: там, упершись в столб рукой, стоял парень в желтой куртке с напряженным большим лицом, и внимательно на нее смотрел.

Голубка уже догадывалась, что с этим местом, с людьми, которые жили здесь раньше, произошло что-то страшное. Но что? И вернется ли сюда Хозяин? Знакомые, памятные стены старинного храма привлекли внимание голубки, и она через пролом влетела внутрь.

* * *

А парень оставил столб и пошел к крыльцу, на котором сидел Иван.

– Дядь Вань, привет.

– Привет, Димка.

– Слушай... Ты уж извини.

– Пожрать?

– Ага. Хлеба хоть кусман.

– Пошли в дом. Выпить хочешь?

Иван вскрыл банку с килькой, разломал батон на несколько кусков. Ему хотелось горячего чая, но для этого нужно было разводить огонь в кострище у крыльца, да еще и за водой идти на озеро. Иван налил «Фронтовой» – себе и Димке. Димка мигом проглотил водку и налег на кильку с батоном. А Ивану на сей раз что-то не пилося.

Вот, подумал он, прилетела птица и сделала с душой что-то такое, от чего водка не поможет,

только хуже станет.

– Какого я голубя сейчас видел, дядь Вань, – вздохнул Димка, утолив первый голод, – белого.

– Женькин, должно быть, – Иван пододвинул Димке раскрытую пачку «Примы», – улетел как-нибудь у него и вернулся сюда, к нам.

– А у деда, дядь Вань, картина такая прям на стенке висит – из журнала, что ли, какого вырезал – где стол у него, ну, где он книжки всякие читает – небо такое синее и голубь белый. Красиво так.

– А чего ж тебе с дедом-то не жилось?

– Чего не жилось... – Димка затаился и закашлялся. – Дурак был, вот и не жилось. Городок маленький, скучно. Зато в большом городе весело потом было, блин.

– Ты говорил, девчонка там у тебя была хорошая.

– Была.

– Что ты теперь дальше-то делать будешь?

– Не знаю, дядь Вань. Они меня где хочешь найдут. Я очень много денег им должен.

Димка сглотнул комок. Губы в трещинах, щеки впали, под глазами круги, грязный, как шенок из канавы. А голубь... или это голубка? – чистая. На Катьку похожа.

– Я, дядь Вань, к деду поехал бы...

– А примет тебя дед?

– Я прощения попрошу. Дед один, старый, больной, я буду ухаживать. Я бы добрался – ребята-дальнотойщики, они всегда поймут, подвезут без денег, довели же они меня до поворота на этот ваш Чернояр. Только вот...

* * *

На худых ногах Анны хлябали галоши. Платок налезал на глаза, палка то упиралась в суглинок, то тонула в мертвой прошлогодней траве, то новую зеленую травку видела Анна возле своей бывалой коричневой палки.

Еще позапрошлой весной вот здесь, возле калитки, лежащей теперь в бурьяне, стояла Марья Фоминична – бывшая учительница Черноярской начальной школы:

– Анна Васильевна, ты куда это, опять в церковь? Праздник, что ли, сегодня какой?

– Благовещение.

Хоронить Марию Фоминичну съехались ученики, да начальство из района помогло – а кто похоронит ее, Анну? Деньги-то похоронные есть, отложены, а вот кто хоронить будет – с мамкой рядом, с мужем-покойником да с сыночком бедным Колей?.. Иван Тихонов? Родня все же... Так ведь он, Господи прости, каждый день пьяный. Увезут еще в город, в морг этот, не приведи Господи, а там закопают как собаку.

Анна ошибалась – Благовещение было накануне. У нее не было церковного календаря, она сама вела календарь в тетрадке, вот и сбилась на день. В настоящей церкви, где красивая служба, Анна Васильевна была только два раза в жизни – когда ездила в город. Чернояр в ту пору был большим живым селом, частью колхоза имени Ленина. А верующие собирались у тети Таси Кузиной, и она, Анна, тоже ходила туда, слушала, как тетя Тася, да еще баба Соня из Семеновки читают Псалтирь и Часослов. Однажды к тете Тасе приезжал настоящий поп

– потихоньку от начальства, конечно, – и служил прямо у нее в избе обедню, и все причащались, и Анна тоже. Хорошее было время – и Коленька еще не болеет даже, и муж живой. А работала она тогда как раз на телятнике.

* * *

У Димки пересохло горло, он говорил с трудом – но в то же время не мог не говорить:

– Понимаешь, дядь Вань, они знают, откуда я приехал, знают, что у меня дед там живет. Адреса не знают, конечно, и как зовут деда, я им тоже вроде не говорил, но фамилия-то одна, а город маленький, а им, если кто нужен, – они найдут...

Димка потянулся за черной от грязи чашкой, в которую Иван плеснул ему еще водки, но тут же понял – не надо сейчас, хуже еще станет.

– Я боюсь, они деда уже там вычислили и спрашивали, где я. Ты не знаешь, как эти ребята спрашивать умеют. Я не знаю, живой там дед вообще или нет. И еще...

– Чего еще, Дим?

– Они знают, что с меня не возьмешь теперь ничего. Они могут одно из двух: или отрабатывать меня заставить этот долг, или с деда эти деньги стребовать. Дом, например, заставить его продать. Ты знаешь, у меня ни сотового, ничего, я им все отдал, что у меня было – двадцатая часть долга получилась. Я не могу сейчас деду позвонить, узнать, что там с ним. Да если бы и мог... Дядь Вань, я боюсь такое узнать. Вот узнаю, а как жить дальше буду?

– Эх, Диман, Диман! Уж какой я никакой есть, а вот чего ни разу в жизни не делал – в карты на деньги не играл.

– А я вот играл, доигрался, что теперь.

С этим загнанным пацаном Иван чувствовал себя не так, как без него. Говоря с Димкой, он как бы приподнимался над своим собственным состоянием, становился старшим, умным и даже в чем-то положительным. Что-то оживало у него внутри. Может быть, непрожитое отцовство Ивана отзывалось на Димкино сиротство.

– А голубь красивый. У деда картина висит такая. Вот мне бы вот сейчас к деду...

* * *

Анне было бы куда удобнее войти в церковь сбоку, через пролом стены, но она боялась сделать грех. И потому, обогнув разрушенное строение, дошла до камней разломанной паперти и с трудом, скользя по камням палкой, взобралась к дверному проему. Пол в церкви был усыпан битым кирпичом и черной трухой зерна – при колхозе здесь был зерносклад, Анна сама девчонкой гребла в нем зерно – вместе с матерью и другими черноярскими бабами. Картины на стенах тогда еще не облезли: вон там было нарисовано Благовещение, а вон там Покров. Сейчас, конечно, не разберешь уже ничего – кусочки остались.

Анна прошла по своей расчищенной дорожке в серединку, туда, где должен был стоять аналой с иконой праздника. Достала из кармана кофты очки и тетрадку. Оправила платок, потуже затянула его концы. Глубоко вздохнула и начал громко читать. Молитв в тетрадке было три: «Отче наш», «Богородице

Дево» и «Пресвятая Троице». Анна каждый раз повторяла свое чтение трижды.

Солнце широким лучом пересекало пространство храма от стены до стены. В проломе, метрах в десяти над землей, росла береза, уже большая и зеленевшая. Прочитав молитвы последний раз, Анна отошла от своего намоленного места и села на табуретку, которую тоже сама сюда принесла. И вдруг увидела там, высоко, в луче...

– Дух Святой, – сказала Анна и встала.

* * *

– Жень, она в санэпиднадзор заявку написала. Вот мне это надо, скажи?

– Ир, да ей делать нечего. Аллергия у нее на пух. Я ее спрашиваю: ну где у вас в квартире пух? Как он к вам попадает?.. Он даже мимо вашего окна и то не летит!.. Скандальная она баба, вот и все.

– Жень, аллергия, она может быть и на расстоянии. И мне скандалы с соседями ну вот ни чуточки не нужны. Штрафы тем более. Ты обещался в добрые руки их отдать.

– Я ищу, кому отдать, мало нас стало, любителей, и потом, я ж тебе объяснял: их надо минимум два года выдерживать, чтоб назад туда, в Чернояр, не улетели.

– Жень, ты больной на голову...

«...как все голубятники», – мысленно закончил Евгений за жену, потому что слышал это тысячу раз.

На самом деле он чувствовал свою вину и перед женой, и перед соседкой. Но сейчас ему надо было доехать до Чернояра – спасти свою кроткую любимицу, свою белую царевну. Если только она долетела...

– Жень, я вот просто возьму и выпущу их сейчас, и лови, как знаешь...

Удар двери и щелчок замка. Оборванная на полуслове, Ирина почувствовала обиду. Сначала маленькую. Потом эта обида стала расти, разрастаться и залила жаром все ее существо. Обида требовала разрядки.

А Евгений уже разворачивал свою «девятку» во дворе. Конечно, он не выпится, ему придется рулить «газелью» и отвечать за жизни пассажиров после бессонной ночи и долгой дороги. Зато голубка не полетит с голодухи в Семеновку или в Советское, не будет питаться там на помойках. От помойной кормежки она быстро погибнет – не сизарка же!

...Вот остальных бы еще Данька, балбес, не выпустил. Да нет, не выпустит – задвижка эта проволокой замотана теперь.

* * *

...Нет, Анна вполне допускала, что это просто голубь. Но думать, что это Святой Дух, было гораздо лучше. Сладко и радостно было думать, что там, наверху, парит и трепещет тот самый Святой Дух. Давненько уж не чувствовала старая Анна в сердце своем такой радости.

И тут она услышала хруст битого кирпича. К ней шел совсем молодой парнишка, почти мальчик – светловолосый, в длинной черной одежде: точь-в-точь такую Анна видела на старом попе, приезжавшем к тете Тасе Кузиной.

– Здравствуйте, бабушка. Как вас зовут?

Анна поклонилась ему в пояс. Она сама от себя не ожидала такого. И от спины своей такого не ждала, и от поясницы – что выпрямится всё легко, без боли и треска.

– Раба Божия Анна!

– А я отец Антоний.

«Отец Антоша» – так потихоньку называли его девушки из епархиальной канцелярии. Ему сравнялось двадцать три, его жена была беременна и нервозна, их отправили в Семеновку и отдали им под церковь помещение бывшего сельмага. Общину верующих в Семеновке составляли четыре человека, два из них инвалиды. Денег не было совсем – ни рубля. Поселили молодого батюшку с непраздной матушкой в сельской двухэтажке эпохи слияния города с деревней, на верхнем этаже, с удобствами во дворе и с обильно протекающей крышей.

Накануне хиротонии Антону звонил его отец, давно оставивший семью, живший в Чите. Удивленный выбором сына, так и не понявший его за четыре семинарских года, он спросил: «Не пожалеешь?». Антон ответил честно: не знаю.

– ...А где же вы продукты берете, бабушка Анна?

– Автолавку на дороге караулю – три раза в неделю ходит из Семеновки на Дружбу. Хлеб у них беру, ну, они уж меня знают – вермишельки мне прихватят, пшена, масла растительного. Чего я попрошу, подвезут, да и продадут со скидочкой, я ж ветеран труда.

– А пенсию как же вы получаете?

– И пенсию получать с ними езжу – в кабинете места нет, они в будку свою меня поднимут, я уж там устраиваюсь на ящичке каком-нибудь и еду. Таня там и Витя, хорошие они. А назад-то уж я пешком потихоньку. Шесть километров. Спешить некуда, а уж за день-то дойду. А когда и подвезет кто.

– А зимой?..

– Ну, когда сильный мороз, метель, тогда уж я дома сижу, пережидая.

О возрождении разрушенной Благовещенской церкви в обезлюдевшем Чернояре отец Антоний не мог и мечтать, однако же вот – добрался до нее, и такую хорошую бабушку встретил. И белый голубок под круглым куполом, под сохранившейся десницей Вседержителя в выцветшем голубовато-сером рукаве – показался батюшке счастливым предвестием.

Молод он был еще унывать.

А голубка уже покинула стены церкви и, взмыв повыше, принялась делать то, что делают только голуби – не зря же именно их издревле держат при себе люди, а не дроздов и не галок. Голубка играла в воздухе: падала камушком, крутилась бочкой, висела на мелко трепещущих крыльях, спускалась по хрустальной лесенке, и солнце проходило ее насквозь, а небо ошеломляло синевой. Играющего голубя заметил Ибрагим: он ехал верхом от Семеновки мимо Чернояра к дальним кошарам. И ордынское лицо его вдруг дрогнуло, ожило, засветилось первобытной и детской улыбкой.

* * *

Отец Антоний протянул Димке свой телефон и предложил позвонить деду. Димка отшатнулся и хотел сказать, что не помнит наизусть номера. Но тут же понял, что эта ложь не спасет, что от отказа вина

станет еще мучительнее. Сигнал прошел не сразу, время страшно замедлилось, и Димка успел спросить у самого себя, тяжелее ли эта минута той, в которую он осознал свой проигрыш.

Долгий гудок – абонент в сети! Еще один гудок – очень, очень долгий. Щелчок, шорох.

– А-лë!

– Деда!..

Сидевший напротив Димки Иван резко привстал – с папиросой в руке: он взял ее по привычке, да вовремя сообразил, что при священнике курить нехорошо.

– Деда, это я, Митька твой... куда пропал, куда я не пропал, проблемы тут были... Деда, с тобой все в порядке? Ничего такого плохого с тобой не было? Чë-чë?.. В больнице лежал?.. С чем? С давлением? Ну-у, дед, это не страшно, это...

Димка заверил деда, что скоро приедет, и уже вернул было телефон, но тут его осенило:

– Ты... это... Отец, ой, вы, то есть... Можно я еще один звонок сделаю? Короткий, секунду прям?..

Отец Антоний быстро кивнул. Димка набрал другой номер, тоже памятный наизусть:

– Серый, привет, это Диман, можешь говорить? Рядом с тобой есть сейчас кто-нибудь? Нет? Где я, потом скажу, где я. Ты мне скажи, ты про Лысого знаешь что-нибудь, про людей его? Чë?.. Закрыли?! Лысого закрыли? И Тюху с братаном?.. И Вовика?.. Точняк? Чë? Самого таскали?.. Чë?.. Шкворень в бегах?.. Ну, это ладно... А не выпустят их? Чë?.. Нет? Всерьез за них взялись?..

Тут даже Иван радостно засмеялся. А Димка, отдав телефон отцу Антонию, воздел руки к потолку и хотел издать торжествующий вопль, но голос у него сел, и он сам сел на табурет и закрыл лицо руками. Анна вдруг протянула руку и погладила мальчишку по голове. Он оторвал лицо от ладоней и ошеломленно на нее посмотрел.

А Иван вспомнил, как его последний раз погладила по голове мамка – за месяц до своей смерти, а ему-то уж тридцать пять было тогда, и она всё на него ругалась, ругалась, а тут взяла и погладила.

* * *

Голубку Евгений увидел сразу – она сидела на крыше голубятни, розовая уже от заката.

– Дурочка моя. Думаешь, я тебя не понимаю? Еще как понимаю, но ты же здесь не выживешь.

Голубка склонила головку. Она не хотела обратно в клетку. Тем более что с едой теперь все было в порядке: некрасивый человек под вечер опять крошил ей хлеба. И потом, кто знает – получилось же у нее вырваться на волю, получится, может быть, и у остальных, и они тоже прилетят.

Евгению нужно было, чтобы наступила ночь и чтобы голубка ушла в голубятню. До темноты было еще далеко. К Ивану идти не хотелось – он наверняка пьяный, да и одичал совсем – и гулять по родному Чернояру тоже. И уж меньше всего почему-то хотелось отпирать собственный пустой дом – с голыми окнами, с белыми квадратами на месте снятых со стен фотографий.

– Вот что – на кладбище надо съездить, пока светло.

Кладбище было самым обитаемым и самым

ухоженным местом в Чернояре – своих покойников уроженцы села все же не забывали. Евгений постоял понемножку у могил отца, деда с бабушкой, прабабушки, дяди с женой и Марьи Фоминичны.

Марья Фоминична учила их с Ирой в начальной школе. Начиная с четвертого класса, черныярских школьников возили на автобусе в Семеновку. Но так было не всегда. Анатолий, старший Женин брат, тот успел еще восьмилетку здесь окончить. Марья Фоминична оказалась последней из черныярских учителей. Наивная, одинокая, притом добрейшая женщина, она очень любила детей; часто приглашала их к себе домой, поила чаем с яблочным вареньем, ставила пластинки с военными песнями, показывала фотографии. Вон он, домик Марьи Фоминичны – без окон и дверей, белеет остатками мела и почти уже лежит на земле вместе с забором.

Он, Евгений, тоже был наивным, наверное, когда давал своему фермерскому хозяйству имя «Возрождение». Сначала, правда, по-другому хотел называть – «Белая птица».

Вернувшись к своему дому, Евгений увидел на соседском крыльце странную компанию. А через пятнадцать минут уже вез отца Антония домой, в Семеновку, рассказывая, что вершиной его фермерских мечтаний было возрождение Благовещенской церкви:

– Покрашу, думал, белая-белая будет стоять. Она же и была белая, облезла просто. Вы знаете, что ей больше двухсот лет?

По дороге они обогнали Ибрагима, который возвращался со своих дальних кошар в Семеновку. Но вот с ним общаться Евгению не хотелось совсем. Нет, не потому, что Ибрагим плохой! Ибрагим как Ибрагим. И не по его вине связано было с ним у Евгения чувство вины в предательстве.

* * *

Будь голубка похитрее, она догадалась бы не ночевать в голубятне. Но когда повторилось бывшее, когда рука Хозяина взяла ее, сонную, с насеста – она смирилась и утешилась той любовью, в которой оказалась, хоть и лишала ее свободы эта любовь.

Она смирилась до конца, оказавшись в знакомой уже картонной коробке – так больной ребенок смиряется с тем, что его кладут в бокс или закатывают в гипс, и утешает себя тем, что его любят.

Евгений нарочно ждал до предрассветного часа – чтобы как можно меньше времени провела в коробке его белая царевна, его нежная беглянка. Потом ему удалось еще немного подремать в машине. А теперь нужно было спешить в город, чтобы успеть к началу второй смены в автопарке. Но Евгений, колебавшись, пошел-таки к дому Ивана.

Иван с Димкой отметили, конечно, Димкино освобождение от долга. Теперь они дрыхли без задних ног – вповалку на гнилом Ивановом матрасе. Дышать было трудно от перегара и прочих неприятных запахов.

Евгений рывком поднял тщедушного Димку, выволок его на воздух, сильно потрянул и сунул головой в ведро с озерной водой. Димка булькнул, дернулся и забормотал:

– Поедем, ага, постой, я бабушке спасибо даже не сказал, она мне вчера денег дала на

дорогу из похоронных, блин, где они у меня, ага, вот, в джинсах...

– Сказал ты бабушке спасибо. Грузись, поехали. Вывезу тебя на трассу, посажу в грузовик какой-нибудь.

Оставлять Димку с Иваном и деньгами Анны Васильевны было нельзя: дед не скоро дождался бы любимого внука.

Димка на заднем сидении бормотал, быстро погружаясь в сон:

– ...А поп этот мне говорит: Дмитрий, ты смотри, чтоб не закрутило тебя опять по дороге. А я ему говорю – не-е, отец, мне Бог голубя белого пошлет, если закрутит меня...

Димка заглох – заснул. Евгений проверил, надежно ли устроена коробка с голубкой, и уже сел в машину, но тут на крыльцо выполз страшно отекий, синий до черноты Иван... и ахнул на весь Чернояр:

– Ёлы-палы! Женька! Глянь!..

В рассветном небе, на черной от старости голубятне сидело тринадцать белоснежных красавцев и еще три черно-белых ленточных. Оскорбленная Ирина размотала проволоку и исполнила свою угрозу.

В тишине Евгений достал из багажника коробку и открыл ее.

Голубка взмахивала крыльями, поднимаясь по незримым ступеням – туда, домой, к своим. Небо становилось розовым, в Семеновке кричали петухи.

* * *

Отец Антона – то есть отца Антония – неожиданно прилетел из Читы и поверг их с Наташей в шок, подарив им машину. Теперь отец Антоний приезжал из Семеновки в Чернояр каждое воскресенье, ранним утром – забирал Анну Васильевну, вез ее на службу, после службы привозил домой. Иван тоже как-то раз ездил с ними, но в церкви провел не больше десяти минут.

Деньги на самый необходимый ремонт в бывшем сельмаге отец Антоний выпросил у Ибрагима. С утварью и фанерным иконостасом помог многомудрый отец Сергей, настоятель Ильинского храма в Советском, в райцентре. Приход новой Покровской церкви в Семеновке вырос до двенадцати-пятнадцати человек.

Как-то уже по осени к Анне подошла там, в церкви, семеновская почтальонша Галя:

– Бабушка, вы ведь в Чернояре живете? Есть у вас там такой Тихонов? Вот, передайте ему письмо – сколько уж времени у меня лежит. В Чернояр-то у нас почта не ходит.

Письмо было от Димки. Иван усмехнулся, увидев обратный адрес – ИТК-14 и штамп «Проверено цензурой».

Как и следовало ожидать, Димка до деда не добрался. Заболтавшись с бывалым водилой, заехал не в родной городок, а в соседний. Там ему ненадолго повстречался тот самый Шкворень, который был в бегах. Шкворень сказал, что посадка Лысого ни о чем не говорит, что Димкин долг в силе. И предложил сделать кое-что вместе. Когда Димка согласился, на забор сел голубь, но не чисто-белый, а с серыми пятнышками. Он, Димка, дурак был, что

ждал только белого, это всё потому, что он очень много о себе думал... Теперь он здесь, на пятом этаже, срок небольшой, могло быть хуже – менты их со Шкворнем повязали вовремя. Он переписывается с дедом, дед обещал приехать на свиданку, но не смог, опять слег в больницу с давлением. Отцу Антону Димка передавал привет и просьбу помолиться – о том, главное, чтоб дед дожил до его, Димкиного освобождения.

Непонятно, причем тут какой-то голубь на заборе, подумал Иван, и вздохнул: из-за этих птиц у него ныла совесть.

* * *

...И вот почему она ныла. Евгений договорился с Ибрагимом о поставке птичьего комбикорма для своих голубей и дал Ивану денег – с тем, чтобы он, Иван, ежедневно голубей кормил. Для этого Евгений приезжал в Чернояр еще раз – вместе с женой Ириной: она решила оказать супругу эту поддержку в знак окончательного примирения. Пока мужики договаривались, Ира ушла от машины к завалившемуся домику напротив церкви – к своей начальной школе. И долго смотрела – то в ее пустые окна, то на полевую дорогу, по которой их, черноярских детей, возили потом в Семеновку. Вспоминала, как заводной и неунывающий Женька Крестовский, всеобщий любимец и непревзойденный голубятник, стал каждый раз садиться в этом автобусе рядом с нею – и никого больше на это место не пускал.

...Как искал он для нее синие подснежники в талом лесу, как бросал ей в окно яблоки, как учил ее ездить на лошади...

И как стояли они вдвоем у него на верхотуре, и в четыре ладошки держали голубя, и одновременно раскрывали ладошки, и голубь уходил в небеса.

Улыбаясь, Ирина спрашивала себя: хотела бы она черноярского детства для Даньки и Ксюши?

И вздыхала: нет, конечно! Оно не подготовило бы их к нынешней жизни.

...Так вот, голубиных денег у Ивана теперь оставалось – на две бутылки «Фронтвой». Кончался и комбикорм, из которого он варил себе кашу на костре возле дома. Бутылку подсолнечного масла и немножко сахара ему дала Анна Васильевна. Голуби же в поисках пропитания рыскали по всей округе, по семеновским и прочим помойкам, и все меньше их почему-то становилось, красивых Женькиных голубей.

* * *

Иван переваливал через границу, которая отделяет пьяницу от алкоголика. В минуты просветления он задавал себе вопрос, что будет с ним дальше – и сразу отвечал: «Ничего не будет – вот так и будет, пока я сам буду».

Когда солнце садилось, дубы на косогоре горели бронзой и чернели тенями. Одичавшие яблони черноярских садов роняли в сухую траву последние кислые яблочки. Кусты паслена стояли, усыпанные чернильными ягодами. Жадно объедая пасленовые кусты, Иван снова вспоминал детство, но уже очень слабо.

У него, однако, было целых три недели трезвости – после того, как Евгений доверил ему белую

стаю. Он даже немножко прибрался тогда в доме. И Анна Васильевна, решив, что ее двоюродный племянник взялся, наконец, за ум, показала ему, где лежат у нее похоронные деньги.

– Схоронишь, Ваня? Некого больше просить-то.

– Не волнуйся.

– Батюшку Антона пригласи, чтоб отпел.

– Само собой. Как положено.

– Что останется – отдай ему на церковь.

– Хорошо.

– А тебе самому – на вот.

Вот с этой-то теткой денежки да с подвернувшейся okazji в Семеновку и начался у Ивана спуск под горку...

Анна жалела теперь, конечно, что доверилась племяннику. Она переговорила с отцом Антонием, и он пообещал не только отпеть ее, но и все хлопоты взять на себя:

– Только вы торопиться от нас не будете, хорошо?

Нет, Анна не спешила. Она была уверена, что проживет еще лет эдак несколько. «Чего теперь не жить, – думала она, – когда меня сам батюшка на своей машине в церковь возит, как королеву какую».

Но свои похоронные она решила все же отдать отцу Антонию. Подальше от Ваньки...

«Вот на Покров заедет он за мной, я ему их и отдам».

Однако за три дня до праздника Анна Васильевна слегла. Мучительно болело сердце, страшно кружилась голова, а в ушах то и дело раздавался голос матери: «Анютка!.. Анютка, ты где?..». Анна давно знала, что прислушиваться к этому голосу нельзя: слишком много другого можно услышать, и самое страшное тоже – предсмертный плач сына Коленки.

Телефона, чтоб вызвать скорую из Советского, не имелось. Анна решила лежать и дожидаться батюшки: может быть, он отвезет ее в больницу. Во рту все время сохло, вода в кружке кончилась, подняться не было сил. Они с матерью отгребали деревянными лопатами горячее зерно от стены колхозного зерносклада, и картина на стене открывалась их глазам, и мать говорила, что вот это – Архангел Гавриил, он прилетел к Марии Богородице, чтобы Ее поздравить, с чем – ой, не помню, с чем, только вот это и есть Благовещение. А Покров – это когда Богородица расстилает по небу белый платок, а за чем Она это делает – тоже забыла я, вон, у Таси Кузиной спроси.

* * *

Иван пришел к Анне, чтобы узнать, когда заедет за нею поп. Ему, Ивану, тоже нужно было в Семеновку, но не за молитвой, а за «Фронтвой»: «Скажу, что в церковь хочу. Минут пять там побуду и смоюсь. Шесть километров-то мне не пройти уже...»

Чтобы узнать, живой человек или мертвый, нужно поднести к его рту зеркальце. Зеркальца в доме Анны не было. Было тяжелое овальное зеркало – на стене, на двух гвоздях и цепочке. Иван снял его и понес к кровати. Не донес, удивился своей глупости, положил на стол.

Хоронить? Он обещал ее похоронить, да.

Похоронные деньги в комоде. Вот они – резиночкой пережаныты... А сколько у нее здесь?..

Шум машины, веселый стук в дверь:

– Бабушка Аннушка!..

– Померла Аннушка, – отозвался Иван. Похоронные лежали уже в кармане его штанов.

– Что?.. Господи!.. Да как же она...

Отец Антоний страшно побледнел и с минутой стоял в оцепенении; потом резко вздохнул, перекрестился и прочитал какую-то молитву. Иван с деньгами сместился к двери. И дело: поп принял к кому-то звонить, о чем-то договариваться, в общем, он явно собирался хоронить свою любимую бабушку сам, без Ивана.

Вот пусть и хоронит. Что у них, у попов, денег нет, что ли? Такая богатая организация.

Иван на всякий случай тоже перекрестился, вышел из дома Анны и пошел, было, к себе, но вдруг почувствовал, что идти не может.

На черной от старости голубятне, где проводили они с Толяном, Женькиным братом, лучшие часы своего детства, сидела голубка. Одна – все ее сородичи уже погибли. Та самая голубка, хотя и сильно изменившаяся.

Иван провел рукой по карману штанов, по пачке похоронных денег. Опять посмотрел на голубку. И опять провел. И вдруг произнес:

– Ты прости меня, птица белая.

Ничего не произошло: его «прости» уперлось в глухую, страшную стену.

Деньги. Да, их надо отдать... А жрать что? Комбикорм, и тот кончается. Причем тут водка, я про жрать говорю.

– Дядя Ваня! – отец Антоний спешил к нему, хрустя осенней травой. – Ты погоди, не уходи, ты будь с ней. Нельзя же покойницу одну оставлять. Мне через полчаса всеобщую службу, а после всеобщей я подъеду уже с людьми. Похороним как-то – не знаю только, на какие деньги...

– Она мне про похоронные какие-то говорила – произнес Иван, со стороны слыша фальшь своего голоса. Зачем произнес?..

– И мне говорила, но где они у нее?.. Ладно, приедем, посмотрим, может, найдем.

– Она же тетка мне. Я могилу выкопать помогу. Так, бесплатно. Только чтоб не я один копал, одному я не осилю.

– Хорошо, спасибо тебе.

Иван оглянулся – голубка так и сидела на черной доске в лучах заката, на осеннем ветру.

– Отдай деньги попу, Иван.

Кто это говорит? Батя это говорит, колхозный механизатор.

– Да отдам, отдам. Чуток только себе оставлю, уж извини, иначе с голоду тут подохну.

– Нельзя, Иван. Это не твои деньги. Отдай их ему целиком и попроси, чтоб он купил тебе еды.

– А водки он мне купит?..

– Сынок, почему ты таким стал?

– Батя, ты меня не кори. Вспомни, как ты сам умер. Ты в новогоднюю ночь на улице упал и замерз.

– Это потому, что ты меня искать не пошел.

– Да я такой же был, как ты!.. Только я в тепле свалился, а тебя на мороз из дома понесло.

– А что ж ты меня попрекаешь, если ты сам такой же был?

– А ты что меня попрекаешь?

– Сын, со мною такое случалось три-четыре раза в год на самые большие праздники. А все остальное время я работал от зари до зари.

– Ты работал, потому что был колхоз. А мне что досталось – один развал. Женька вон как хотел тут, на земле работать – не получилось ничего.

– Ага. У Ибрагима только всё получается почему-то. Отдай деньги, сынок, в нашем роду никто никогда чужого не брал.

Иван покрутил и потряс головой, чтобы отогнать этот странный сон наяву – и как раз дошел до дома Анны. И, глянув вдоль бывшей улицы, заметил коричневую машину отца Антония. Она стояла возле развалин церкви, напротив бывшей школы.

Бежать Ивану было трудно, и он, задохнувшись, остановился – как раз на том месте, где нашли в далеком январе его отца. Несчастный батя упал и прополз по снегу еще несколько метров – в направлении церкви. Зерно из нее тогда уже вывезли, колхоз начал разваливаться, а несколько бывших колхозниц стали ходить в церковь с Тасей Кузиной – читать молитвы. Батя как-то раз увидел там этих баб и со смехом рассказывал о них Ивану.

* * *

Отец Антоний стоял там, где обычно стояла Анна и где должен стоять аналой с иконой праздника. Он обернулся, услышав тяжелое дыхание дяди Вани.

– Отец, вот они, деньги-то ее похоронные. Ты извини, я так прям растерялся, что забыл про них, а она еще когда мне их отдала.

Удивленный отец Антоний взял пачку сотенных и пятисотенных бумажек, еще раз попросил Ивана не оставлять покойницу и уехал служить всеобщую в Семеновке.

Иван с минуту стоял посреди разоренного храма, потом опустился на колени, неправильно – слева направо – перекрестился и повторил:

– Ты прости меня, птица белая! Ты всех нас прости.

И зажмурился. Ему хотелось заплакать или завывать, или заорать с безумной болью, с тоской, ему хотелось проснуться от этой жизни, как от страшного сна.

И, вопреки всему, у него возникло вдруг чувство, что проснуться – можно.

Иван открыл глаза. Прямо перед ним на куске битого кирпича сидела усталая голубка.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Людмила СВИРСКАЯ родилась в Алматы (Казахстан), после окончания школы переехала в Барнаул (Алтайский край, Россия), где окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета.

С 1999 живёт в Праге (Чехия). Автор 7 стихотворных сборников. Публикации в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «День поэзии», «Литературная газета», «Алтай», «Берега», «Волга XXI век», «Европейская словесность», «Чайка», «Золотое руно» и т.д. Член Союза Российских писателей. Стихи переводились на украинский, чешский, сербский, английский, испанский и каталонский языки.

Финалист и призёр литературных конкурсов: «Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Фонарь», «Русский Гофман». Победитель поэтического конкурса «Пушкин в Британии», 2018.

МОЕЙ ВЕСНЫ ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОСТИ»

КОШАЧЬЕ

Провалилась рука в глубину
Упоительной шерсти кошачьей.
Это значит, что я отдохну
И во сне потихоньку поплачу –
О надеждах вчерашнего дня,
Ночью словно бы стертых с экрана,
И о счастье, в котором сыграла

В паре с тем, кто не любит меня.
Заглянувшая через и за,
Осознавшая важность момента,
Мурка рядом. Прикрыла глаза
И строчит пулеметною лентой.
Я-то что? Бесприютна, слаба.
А она – укротившая громы,
Создавая иллюзию дома,
На коленях лежит. Как судьба.

* * *

Когда я за автобусом – вдгонку,
 Вздыхаю, на подножке застревая,
 Стихи ко мне стучатся потихоньку
 И злятся: почему не открываю?
 Когда я объясняю, что «несчастье»
 Мы пишем слитно, а «не то» – раздельно,
 Стихи ко мне настойчиво стучатся,
 Не разделяя моего безделья.
 Когда, в муке по локоть, я подробно
 Склоняюсь над кастрюлей с кислым тестом,
 Стихи ломают двери. Лезут в окна.
 И вот я их впускаю. Наконец-то.

ВОСПОМИНАНИЕ

В «Столичном» гастрономе молоко
 Бывало по субботам после часа.
 Туда тащиться было далеко,
 Но весело: дорогой выпить квасу,
 Мороженое съесть, сыграть в слова,
 Фильмец вчерашний обсудить подробно...
 И теплая осенняя листва
 Сама стелилась под ноги удобно.

Глаза закрою – вспомню тот восторг,
 Которого мне больше не дожидаться,
 И комнату с окошком на восток,
 И юность в девяностых – без гражданства...
 Безудержней был дождь, теплее – снег.
 Быстрее – время по дороге к дому...
 Мой символ детства – плотный серый чек,
 Отбитый в кассе гастронома.

* * *

Я давно по этим улицам хожу
 И на башни остроносые гляжу.
 Жду, что будет мне спокойно и тепло:
 Ведь меня сюда за счастьем занесло.
 Тень моя по старым улицам спешит:
 Одинаковость мощенки не страшит...
 Вдруг под нею или, может быть, в нее
 Все же счастье замуровано мое.

НОСТАЛЬГИЯ

... Алело зарево клубники,
 Манили яблочные дали...
 Покой мой охраняли книги
 И струны старого рояля.
 Была там счастлива когда-то,
 Но убегала «за туманом»:
 Увидеть все, что с детства свято:
 Клин, Мойку, Ясную Поляну.

Теперь живу в той части света,
 Где чудеса давно привычны...
 Я обожаю город этот
 Под старым небом черепичным!
 Цветы, сады, фонтаны, лавки,
 Как в вальсе, голову мне кружат...
 Веду своих туристов к Кафке
 (Который мне сто лет не нужен)...

Что за словечко – ностальгия!
 Годится лишь для мелодрамы!
 Здесь просто все дома – другие:
 Другие буквы, люди, храмы...
 Чем выше храм, тем к Богу ближе
 Душа – царевна-несмеяна:

Умру – да так и не увижу
 Клин, Мойку, Ясную Поляну...

* * *

Крадут весну – в чью пользу? – у меня.
 Недосчиталась ночи... ночи... дня,
 Трех лепестков черешни у крыльца,
 Трех запятых – с начала и с конца.

Какой-то мне неведомый злодей
 Культ осени пророчит без затей,
 Крадет весну – по стеблю, по листу,
 Ничем не заполняя пустоту.

Осталось у меня весны – на дне.
 Я удержалась на последнем дне:
 Красть нечего уже. И лишь в горсти -
 Моей весны последнее «прости».

* * *

С весной оставшись vis-a-vis
 На миг, я у нее в фаворе.
 Мой вечный статус – «без любви»,
 Как статус Чехии – «без моря».

Есть реки, горы и леса,
 Есть вдохновенье, дружба, вера...
 Душа взмывает в небеса,
 Как занавес – перед премьерой.

Мой вечный статус... Кто виной,
 Что так случилось в одночасье,
 Что мне теперь искать одной
 Заросшую тропинку счастья?

Весна уйдет. Останови
 Ее хоть на день, если можно...
 Не умирают без любви,
 Как и без моря, впрочем, тоже.

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

КОНФЕРЕНЦИЯ КРЕАТИВНЫХ ГОРОДОВ ЮНЕСКО

В июле Ульяновск принял онлайн-участие в интернет-конференции креативных городов ЮНЕСКО, которая в этом году посвящена роли культуры и творчества в восстановлении городов, пострадавших от пандемии. Сегодня креативная сеть ЮНЕСКО объединяет 246 городов более чем из 80 стран. Напомним: Ульяновск получил статус литературного города ЮНЕСКО в 2015 году. В ходе встречи креативные города поделились лучшими практиками в сфере восстановления культуры, технологиями развития креативной экономики и городского туризма в условиях ковид-кризиса.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

Сергей Гогин

КНИЖНАЯ ЯРМАРКА В НАНКИНЕ

Ульяновский поэт, переводчик и журналист Сергей Гогин принял виртуальное участие в знаменитой книжной ярмарке в Нанкине – городе литературы ЮНЕСКО в Китае. Специально для ярмарки поэты и писатели разных стран мира записали для мероприятия видео с чтениями стихотворений известных китайских авторов.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАМВАЙ

В июне по Ульяновску в шестой раз проехал ночной литературный трамвай, тур организован дирекцией программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и ночной мэрией. Это очередное событие, предполагающее вхождение литературы в городское пространство. В этом году ульяновцы знакомятся с текстами известных авторов из 12 литературных городов ЮНЕСКО (Манчестер, Одесса, Гранада, Нанкин, Вонджу, Айова, Милан, Данидин, Норидж, Кухмо, Ульяновск, Утрехт). Часть текстов можно было услышать в трамвае, знакомство с остальными произведениями ждет город в августе в ходе литературного троллейбуса в Заволжье. Тексты на русский язык перевел ульяновский поэт Сергей Гогин. В ходе акции литературного трамвая фрагменты произведений прочитали специальные гости тура: Юрий Вольфович – художник-каллиграф; Евгений Бодунов – начальник отдела правовой и кадровой работы администрации Железнодорожного района города Ульяновска, поэт, член Союза профессиональных литераторов; Александр

Лебедев – режиссер, актер Ульяновского драматического театра им. И.А. Гончарова; Александра Дыдычкина – актриса Ульяновского молодежного театра; Валерия Волкова – ведущая Радио «2x2». Участниками литературного трамвая также стали ульяновские поэты и прозаики – лауреаты конкурса «Первая роса».

Подробности и фото:
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

КОНКУРС «СО-ТВОРЧЕСТВО»

Фонд «Со-единение» объявил старт III литературного конкурса «Со-творчество» на лучшие стихотворение, рассказ или эссе, написанные слепоглыми людьми. А также на лучшее произведение о слепоглых или слепоглухоте. В 2021 году генеральным партнёром «Со-творчества» стала компания Canon Russia.

Подробности:

<https://so-edinenie.org/o-fonde/novosti/4111>

ПРИЕМ ЗАЯВОК НА ФОРУМ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИПКИ»

В октябре в Подмоскowie пройдет 21-й Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья – легендарные «Липки», на который съедутся 150 авторов. Фонд СЭИП, организующий форум, объявил конкурсный набор кандидатов. Ульяновские авторы также могут подать заявки.

Авторы смогут принять участие в мастер-классах с редакторами толстых литературных журналов: «Новый мир», «Дружба народов», «Ино-

странная литература», «Знамя», «Вопросы литературы», «Звезда», «Современная драматургия», «Юность» и др. По итогам форума преподаватели определяют, кому назначить стипендию. Также тексты могут быть отобраны для публикации в литературных журналах. Предоставляются проживание и питание.

Срок подачи заявки – 15 августа.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativity.ru>

КНИГИ НА ЛЕТО

Представляем новую летнюю рубрику – «Книга на лето», гости которой будут рассказывать о своих любимых книгах для летнего чтения.

Читайте на нашем сайте:

<http://ulyanovskcreativity.ru>

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В ГРАНАДЕ

Напоминаем: Гранада – город литературы ЮНЕСКО – принимает заявки в писательскую резиденцию, в конкурсе могут участвовать и ульяновские авторы. Двум выбранным авторам Гранада предоставит месячное проживание с полным пансионом (ноябрь – декабрь 2021), покроет дорожные расходы. У авторов будет возможность не только написать текст, связанный с Гранадой, но и поучаствовать в литературной жизни города, наладить контакты с местными писателями. Заявки принимаются до 1 сентября.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativity.ru>

ПРЕМИЯ «ЛИТБЛОГ»

Премия «Литблог» открывает новый сезон уже в четвертый раз. Награда присуждается в рамках национальной литературной премии «Большая книга». Цель «Литблога» – поощрить обсуждение словесности в Сети

и назвать автора лучшего текста о современной российской литературе. В 2019 году лауреатом премии стала критик журнала «Прочтение» Мария Лебедева, а в 2020 году жюри наградило автора Telegram-канала «Книги жарь» Сергея Лебеденко. Прием заявок – до 31 октября.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativity.ru>

ПОДПИШИСЬ НА ЛИТЕРАТУРНУЮ РАССЫЛКУ УЛЬЯНОВСКА

- > ЛИТАФИША ГОРОДА
- > НОВОСТИ О МЕСТНЫХ АВТОРАХ
- > ИНФОРМАЦИЯ О РЕЗИДЕНЦИЯХ, СТИПЕНДИЯХ, ПРЕМИЯХ
- > НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИИ И МИРА

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др.

Для подписки отправьте ваш e-mail на

infopoint.ulsacityofliterature@gmail.com

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

АВГУСТ 2021

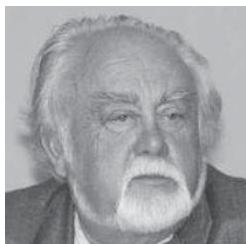

1 августа – 220 лет назад родился литературный критик, переводчик, мемуарист **Ксенофонт Алексеевич Полевой** (1.08.1801, г. Иркутск – 21.04.1867, с. Тюхменево, ныне Вяземского р-на Смоленской обл.). В 1801–1811 гг. жил попеременно в Иркутске, Симбирске, Курске, с 1820-го – в Москве. Сотрудничал с журналом «Московский телеграф». Общался с А.С. Пушкиным и А.С. Грибоедовым. Автор многих литературоведческих статей, переводов. Автор книг «М.В. Ломоносов» (1836), «Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого» (1860).

2 августа – 95 лет со дня рождения литературоведа **Надежды Феоктистовны Дробленковой** (2.08.1926, г. Ульяновск – 21.05.2006, г. С.-Петербург). Окончила Ленинградский университет (1950). Работала учителем в Ульяновске. В 1956–1993 гг. – старший научный сотрудник отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Переводчик, автор и соавтор книг: «Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность» (1960), «Пустозерский сборник» (1975) и др.

4 августа – 80 лет исполняется библиографу, литературоведу **Людмиле Семёновне Гейро** (р. 4.08.1941, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Кандидат филологических наук, защитила диссертацию по теме «Творческая история романа И.А. Гончарова «Обрыв»» (1980). Не раз была участницей Гончаровских литературных праздников в Ульяновске, выступала на гончаровских конференциях. Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова в номинации «Наследие И.А. Гончарова: исследования и просветительство» (2017).

10 августа – 80 лет назад родился украинский поэт **Роман Марьянович Лубкивский** (10.08.1941, с. Островец Тернопольской обл. Украинской ССР – 23.10.2015, г. Львов, Украина). Член Союза писателей Украины (1976). Окончил Львовский университет (1963).

В 1975 году приезжал в Ульяновск в составе делегации писателей из города-побратима Львова.

Автор поэтических сборников: «Удивлённые олени» (1965), «Громовое дерево» (1967), «Рамена» (1969), «Звездочёт» (1977), «Майолика» (1985), «Взгляд вечности» (1990) и др.

11 августа – 75-летний юбилей отмечает ногайская поэтесса, прозаик **Бийке Исхаковна Кулунчакова** (р. 11.08.1946, с. Терекли-Мектеб, ныне Ногайского р-на Республики Дагестан). Член Союза писателей СССР (1979). С 20 по 26 апреля 1987 года

участвовала в Днях дагестанской литературы и искусства в Ульяновске. Автор книг стихов и прозы: «В одной семье» (1974), «Казбек» (1975), «Степной жаворонок» (1981), «Старшая» (1983), «Поговорим на равных» (1987), «Моё богатство» (1995) и др. Народный писатель Дагестана (1994).

11 августа – 70 лет исполняется поэту, теплоэнергетику **Вадиму Анатольевичу Гужеву** (р. 11.08.1951, п.г.т. Мстёра Вязниковского р-на Владимирской обл.). Окончил Ульяновский политехнический институт (1984). Работал начальником котельного цеха Ульяновской ТЭЦ-3 (1988–2016). Автор поэтических сборников: «Мелькают дни» (2005), «Тепло всех нас» (2009), «Всё не просто этим летом» (2011), «Осень листопадная» (2014). Почётный энергетик России (2000). Почётный работник топливно-энергетического комплекса РФ (2014).

11 августа – 65-летие отмечает писатель, журналист **Андрей Петрович Бинев** (р. 11.08.1956, г. Москва). Окончил Московский пединститут (1979). Работал в газетах «Аргументы и факты», «Общая газета», в телепрограмме «Вести» на ГТРК (1997–2001). В ноябре 1998-го приезжал в Ульяновск для съёмок документального фильма о голодовке учителей «Доживём до понедельника?». Автор книг прозы: «Рыба для президента» (2008), «Вирус подлости» (2010), «Похищение Европы» (2011), «Эстетика убийства» (2018) и др.

12 августа – 195 лет назад родился чиновник, мемуарист **Фёдор Адольфович Оом** (12.08.1826, г. С.-Петербург – 5.07.1898, там же). Учился в Императорском университете (1846–1850). Общался с баснописцем И.А. Крыловым, который был его крёстным отцом.

Наставник цесаревича Николая Александровича, сына императора Александра II (1843–1865); в 1863 году в его свите путешествовал по Волге на пароходе «Турист», 12-15 июля посетил Симбирск. Автор книги «Воспоминания Фёдора Адольфовича Оома. 1826–1865» (1896).

12 августа – 65 лет исполняется поэтессе, прозаику **Елене Николаевне Крюковой** (р. 12.08.1956, г. Куйбышев, ныне Самара). Окончила Литературный институт имени А.М. Горького (1989). Член Союза писателей России (1991). Автор сборников стихов: «Колокол» (1986), «Купол» (1990), «Сотворение мира» (1997), «Зимний собор» (2010), «Зеркало» (2016), «Вера» (2019) и др. Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова (2015), Межрегиональной поэтической премии им. Н.Н. Благова (2021). Живёт в Нижнем Новгороде.

13 августа – 55-летний юбилей отмечает поэтесса **Раиса Иршатовна Кашкирова** (р. 13.08.1966, г. Мелекесс, ныне Димитровград Ульяновской обл.). Окончила Казанский химико-технологический институт (1989). С 1997 года работает в Димитровграде. Специалист по аюрведической медицине. Автор поэтических сборников: «Я любовью исцелю» (2000), «Белый ангел» (2001), «Души моей распахнуты врата...» (2007). Член Союза писателей России (2009). В 2018–2021 гг. руководила Димитровградской писательской организацией «Слово».

17 августа – 130 лет со дня рождения поэта, прозаика, журналиста **Александра Николаевича Поморского**, настоящая фамилия – Линовский (17.08.1891, Новгородская губ. – ? .07.1977, г. Москва). Жил в Тамбове, Хабаровске, Чите, Сухуме, Тифлисе. В 1927–

1928 гг. работал в Ульяновске редактором газеты «Пролетарский путь». Автор сборников стихов и прозы: «Цветы восстания» (1917), «Революция на ладони» (1924), «Стихи и поэмы» (1938), «Огонь по врагу!» (1943), «Рождение песни» (1952), «Приказ сердца» (1973) и др.

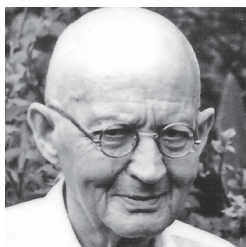
18 августа – 80 лет исполняется историку, краеведу **Константину Ивановичу Новенькову** (р. 18.08.1941, с. Чертановка Кузоватовского р-на, ныне Ульяновской обл.). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1969). Работал учителем в средней школе №60 Ульяновска.

Автор краеведческих изданий: «Карамзины» (2015), «Помесья «дикого поля» (2015), «Карамзины на земле Симбирской» (2016), «Симбирск и симбиряне. Нижегородский след в истории Симбирского дворянства» (2018) и др. Отличник просвещения РФ. Живёт в Ульяновске.

19 августа – 75-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик **Валентина Николаевна Игнатьева**, псевдоним – Тарават (р. 19.08.1946, с. Малый Убей Дрожжановского р-на ТАССР). Пишет на чувашском и русском языках. Автор книг для детей и взрослых: «Чёрное ухо» (1994), «На чаше весов» (2002), «Эхо» (2005), «Мелодия» (2009), «Распахнутое сердце» (2014), «Отзвук» (2016) и др. Член Союза писателей России (1995). Заслуженный работник культуры РФ (1996). Почётный гражданин Ульяновской обл. (2007). Живёт в с. Большое Нагаткино.

Окончил Симбирскую духовную семинарию. Работал старшим преподавателем УлГПИ имени И.Н. Ульянова. Написал музыку песен «Ульяновская-студенческая» и «Ульяновск – мой город родной». Автор книги «Силуэты прошлого: мои воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске» (2020).

20 августа – 135 лет назад родился историк, краевед, мемуарист **Алексей Васильевич Ястребов** (20.08.1886, с. Новый Буян, ныне Красноярского р-на Самарской обл. – 11.06.1969, г. Ульяновск). Вскоре после рождения переехал с семьёй в Симбирск.

Окончил Симбирскую духовную семинарию. Работал старшим преподавателем УлГПИ имени И.Н. Ульянова. Написал музыку песен «Ульяновская-студенческая» и «Ульяновск – мой город родной». Автор книги «Силуэты прошлого: мои воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске» (2020).

21 августа – 55 лет со дня рождения поэтессы **Елены Николаевны Маркеловой**, псевдоним – Лерак (р. 21.08.1966, г. Ульяновск). Стихи пишет с детства. В юношеские годы публиковалась в газете «Ульяновская правда», писала тексты для рок-группы Ульяновского

моторного завода. С 2012 года живёт в Подмоскowie, работает бухгалтером. Публиковалась в «Литературной газете», в сборниках «Русский смех», «Смешно подумать». Автор сборников стихов: «Я вновь себе придумываю жизнь» (2016), «Бабы сильные не плачут...» (2018).

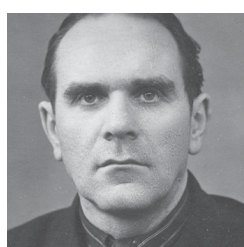

22 августа – 165 лет назад родился революционер, литератор, мемуарист **Николай Сергеевич Тютчев** (22.08.1856, г. Москва – 31.01.1924, г. Ленинград). Дворянский племянник поэта Ф.И. Тютчева. В 1874 году жил у родственников в Симбирске, где за оскорбление арестантского караула был приговорён к 75 рублям штрафа. В 1878-м выслан в Восточную Сибирь. Автор сочинений: «Из жизни Н.Г. Чернышевского в Сибири» (1914), «Судьба Ивана Окладского» (1918), «Памяти отошедших» (1924), «В ссылке и другие воспоминания» (1925) и др.

22 августа – 100 лет со дня рождения поэта **Сергея Сергеевича Орлова** (22.08.1921, с. Мегра Белозерского у. Череповецкой губ. – 7.10.1977, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1947). С 1970 года – секретарь Союза писателей РСФСР. Дружил

с поэтом М.Д. Львовым, приезжал вместе с ним в Ульяновск на одно из писательских совещаний. Автор поэтических сборников: «Фронт» (1942), «Третья скорость» (1946), «Радуга в степи» (1952), «Память сердца» (1960), «Дни» (1966), «Мой лейтенант» (1972), «Белое озеро» (1975) и др.

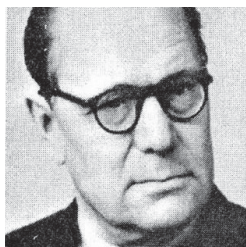
22 августа – 105 лет назад родился литературовед, журналист, литературный критик **Лев Адольфович Финк**, псевдоним – Леонид Широков (22.08.1916, г. Киев – 29.11.1998, г. Самара). Окончил Куйбышевский педагогический институт (1936). Преподавал в г. Мелекесе (ныне Димитровград Ульяновской обл.) и Куйбышеве (ныне Самара). Член Союза писателей СССР. Автор книг: «Драматургия Леонида Леонова» (1962), «Острее видеть добро и зло» (1967), «Константин Симонов: творческий путь» (1979), «Живая память» (1985) и др.

Окончил Куйбышевский педагогический институт (1936). Преподавал в г. Мелекесе (ныне Димитровград Ульяновской обл.) и Куйбышеве (ныне Самара). Член Союза писателей СССР. Автор книг: «Драматургия Леонида Леонова» (1962), «Острее видеть добро и зло» (1967), «Константин Симонов: творческий путь» (1979), «Живая память» (1985) и др.

24 августа – 65-летний юбилей отмечает филолог, литературовед **Любовь Александровна Сапченко** (р. 24.08.1956, г. Ульяновск). Дочь поэта А.С. Бунина. Окончила УлГПИ им. И.Н. Ульянова. Доктор филологических наук. Научный сотрудник Центра по изучению наследия Н.М. Карамзина. Автор монографии «Творческое наследие Н.М. Карамзина: проблемы преемственности» (2003), многих научных статей. Награждена медалью Н.М. Карамзина (2015). Обладатель Гран-при, лауреат премии «Шапка Мономаха» (2016). Живёт в Ульяновске.

Окончила УлГПИ им. И.Н. Ульянова. Доктор филологических наук. Научный сотрудник Центра по изучению наследия Н.М. Карамзина. Автор монографии «Творческое наследие Н.М. Карамзина: проблемы преемственности» (2003), многих научных статей. Награждена медалью Н.М. Карамзина (2015). Обладатель Гран-при, лауреат премии «Шапка Мономаха» (2016). Живёт в Ульяновске.

25 августа – 115 лет со дня рождения мордовского поэта, прозаика **Андрея Дмитриевича Куторкина**, псевдоним – Ёндол (25.08.1906, д. Студенец Алатырского у. Симбирской губ., ныне в составе с. Напольное Порецкого р-на Чувашии – 12.05.1991, г. Саранск). В

1924–1927 гг. учился в Ульяновской губернской партийной школе. Член Союза писателей СССР (1934). Автор романов: «Чёрный столб» (1934), «Ламзурь» (1941), «Яблоня у большака» (1958), трилогии «Бурливая Сура» (1969, 1979, 1987) и др. Народный писатель Мордовии (1984).

26 августа – 45 лет исполняется краеведу, прозаику **Сергею Николаевичу Серягину** (р. 26.08.1976, г. Ульяновск). Заочно окончил юридический факультет УлГУ (2006). Работает в учреждении «Дорремстрой». Исследовал связи с Симбирской губернией

Н.В. Гоголя, А.В. Суворова, А.С. Грина, А.Ф. Кони и др. Член Союза краеведов Ульяновской области (2016). Автор книги прозы «Рассказы для друзей» (2018), краеведческих изданий «Жизнь и деятельность Д.А. Валуева» (2018), «Чествования памяти Н.В. Гоголя в Симбирске-Ульяновске» (2021).

29 августа – 75-летний юбилей отмечает прозаик, сценарист **Владислав Янович Вишневский** (р. 29.08.1946, г. Бийск Алтайского края). Работал в клубах и домах культуры на Дальнем Востоке, водителем грузовика на БАМе. В марте 2013 года побывал в

Ульяновске, представил свою книгу «Национальное достояние» и снятый по ней телефильм. Автор книг прозы: «Кирза и лира» (2008), «Честь Афродиты» (2014), «Аллегро» (2016), «Вдохновение» (2016), «Камчатская рапсодия» (2016), «Терпень-трава» (2016), «Трали-вали» (2017) и др.

31 августа – 120 лет назад родился историк античности **Александр Васильевич Мишулин** (31.08.1901, г. Мелекес, ныне Димитровград Ульяновской обл. – 19.09.1948, г. Москва). Родной дядя актёра Спартака Мишулина. Окончил Мелекесскую гимназию (1919), МГУ (1923), с 1934 года – профессор МГУ. Автор трудов: «Спартакосское восстание» (1936), «Римская литература» (1939), «Античная история Греции и Рима» (1944), «Спартак: научно-популярный очерк» (1947) и др. Редактор школьного учебника «История древнего мира» (1949).

31 августа – 110 лет со дня рождения писателя, журналиста **Александра Ивановича Панфёрова** (31.08.1911, р.п. Павловка, ныне Ульяновской обл. – 14.12.1985, г. Москва). Брат писателя Ф.И. Панфёрова. Член Союза журналистов СССР. После войны жил в Москве. Написал книгу «Мой старший брат» (1975). Автор пьесы «Эхо над Шихан-горой», повестей «Первый председатель», «Плен», «Мы подружались в Судетах», «Когда мы были пионерами», «Недалеко от Праги», «Наследники», «Не смолкнет слава», «Павловская быль».

185 лет назад родился писатель, драматург **Ростислав Дмитриевич Ступишин** (1836, Спасский у. Казанской губ. – ?01.1885, г. Москва). Сын симбирского дворянина (род Ступишиных был внесён в VI часть родословной книги Симбирской губ.). Окончил курс 1-й Казанской гимназии (1853). Автор драматических сочинений: «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (1870), «Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова» (1870). В Киеве была издана сказка для детей (подражание П.П. Ершову) «Конёк-Горбунок» (1880).

135 лет со дня рождения мемуаристки **Пелагеи Андреевны Скобелевой-Неверовой** (1886, с. Мусорка, ныне Ставропольского р-на Самарской обл. – 1971, г. Москва). Жена писателя А.С. Неверова. Работала учительницей в школе с. Андреевка, ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. С 1922 года жила с мужем в Москве. Написала о нём мемуары «Мои воспоминания. 1909–1923», которые были опубликованы под названием «Штрихи былого» в книге «Александр Неверов: из архива писателя. Воспоминания» (Куйбышев, 1972).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ АВГУСТА

Роман ЛУБКОВСКИЙ (1941–2015)

ГОРЕЧЬ

Забелела зима, забелела...
Рада ей от души детвора.
Подоспела, как раз подоспела
Рождества золотая пора.

Дух морозный, настойчивый, острый,
Золотистый и солнечный дух!
На полу, в живописности пёстрой,
Сноп пшеничного жита – дидух.

Пахнет пылью, как прелые стрехи,
Где снежница в янтарном седле...
Мама прятала в жите орехи,
Словно звёзды в космической мгле.

Я – хоть малый, но опытный практик –
Погружался в снопа полусвет...
Из соломенных тёплых галактик
Плыл поток серебристых планет.

Строил я из орехов созвездья,
Как кору, обдираю с них фольгу,
И не слышал раскатов возмездья,
И не видел саней на снегу.

За украденный ворох пшеницы
Увозили отца в никуда...
И разгневанный голос возницы
Домогался: откуда, когда?

Папа поздно вернулся до дому,
Очень долго отряхивал снег.
Лёг. Заплакал. Уткнулся в солому –
У снопа он отмаливал грех.

Вновь оделся. На дедову лавку
Осторожно меня перенёс
И, собрав всю солому в охапку,
Словно скверну на ферму понёс.

А тропинку, что ночью белела,
Яркий месяц огнём золотит...
Правда-кривда во мне заболела.
Понимаю я всё. А болит.

*Перевёл с украинского
Николай Марянин*

Бийке КУЛУНЧАКОВА (р. 1946)

РОССИЯ – СУДЬБА МОЯ

(отрывок из поэмы)

Россия! Стань Отчизной, наконец,
Родной, как мать, и мудрой, как отец,
Стань нашей путеводною звездой
И домом нашим отчим, и судьбой.

Ты нашим старикам верни долги,
Ведь им немного жить уже осталось.
И путнику в дороге помоги
Преодолеть смертельную усталость.

И вразуми ты нашу молодёжь,
Что потеряла все ориентиры.
Грядущую победой обнадёжь
И стань её единственным кумиром.

Россия! Разорви порочный круг,
В который ты случайно угодила...
От зависти все недруги умрут,
Когда к тебе вернуться мощь и сила.

Один Всевышний лишь тебе судья,
А не чужие чопорные страны.
Когда народ един, он – как семья,
Что все преодолет ураганы.

Друг друга изводить и обвинять,
Наверное, давно уж нам не стоит.
Россия, ты – единственная мать
Для подлеца былого и героя.

А критиканам я скажу в лицо,
Что над историей державы вьются:
Не отвечают дети за отцов
И со своей судьбою разберутся.

И каждый пусть несёт свой крест сполна,
И выводов не делает поспешно.
Россия! Ты у нас – всего одна,
Земля отцов, очаг наш и надежда!

*Перевела с ногайского
Марина Ахмедова-Колюбакина*

Вадим ГУЖЕВ (р. 1951)

* * *

Солнце светит горячо.
Птицы в поднебесье.
Ангел сел мне на плечо,
чтоб парить нам вместе...

Значит, сбудется полёт
в мартовском просторе.
Стебелёк цветка пробьёт
снег на косогоре.

Распушатся под теплом
ветки краснотала.
Станут лужи за двором
пахнуть небом алым.

Сядем где-то в вышине
рядом с облаками.
Будем петь там о весне
и болтать ногами.

Оживёт за речкой лес.
Просветлеют души.
Принесём домой с небес
по ларцу веснушек!..

ЭТО ЛЕТО КОНЧАЕТСЯ...

Жмётся к окнам озябшая липа.
По утрам вдоль деревни туман.
Это лето кончается, либо
август солнышко спрятал в карман.

Небеса взяты в плен облаками.
Пахнут горькой полынью ветра.
И бегут, и бегут дни за днями,
как ручьи дождевые с бугра.

Не избыть грусть ни песней, ни словом...
Лишь недолго порадовал нас
ароматом былым – Спас Медовый,
вкусом прошлого – Яблочный Спас...

Но в Успенье прольётся покоем
тихий свет с благодатных Высот,
и в лукошке тепло золотое
Спас Ореховый в дар поднесёт!..

Елена КРЮКОВА (р. 1956)

* * *

Тьма стиснута белёною палатой.
На тумбочках печенья тихо спят.
Больные спят, размётаны, распяты.
Бессонные – в тугую тьму глядят.

Скажи мне, кто больной, а кто здоровый?..
Нас замесили. Тесто подойдёт
Как раз к утру. Вначале было Слово.
В конце... – ...уже никто не разберёт...

Им – хлеб и воду! Папиросы пламя!
Им – номер на отгибе простыни...
И так об кружку застучат зубами,
Что спутаю – где мы, а где они...

И я пойму – из кружки той глотая –
Что нет границы, что «они» и «мы» –
Одна любовь, едина плоть святая –
Средь саванной, январской яркой тьмы.

LASCIATE MI MORIRE

Дайте мне умереть вместе с веком:
Тем в подвале убитым Царём;
Рыжим фрицем; обугленным ээком;
Пьющим ром в анфиладах хором
Старым деспотом – в оспинах рожа;
Храмом, взорванным лютой зимой...
...Как с Тобою похожи мы, Боже,
Мой бессмертный, отчаянный мой,
Мой ободранный, голый, без кожи,
На снегу Бесноватый Немой.

* * *

Ты мне распни свои врата.
Спать уложи на мрамор плёвый.
Вокзал!.. я нынче Калита,
И гикну приговор суровый.

Я всем скитальцам повелю
Здесь жить.
Разбросить самобранки.
А нет – тебя дотла спалю,
До дна святой вагонной пьянки.

Пауса КАШКИРОВА (р. 1966)

ПРИКОСНУСЬ К ДУШЕ

Я звёздной пылью прикоснусь к душе
измученного путника в пустыне,
и в сладостно-желанном мираже
он прочитает моё сумеет имя...

А в нём сокрыта тысяча имён
таинственно-прекрасных женщин мира –
я муза, я фантазия, я сон,
я странница, я страждущая лира...

Прозрачной влагой жажду утолю
и, зной смягчив прохладным дуновеньем,
ослаблю горькой участи петлю
нечаянной надеждой на спасенье.

Средь обнажённой ярости небес
нежнейшим светом заструюсь оттуда,
где дух великий истинно воскрес,
и опьяню внезапной верой в чудо.

Избавив от страданий, напою
желанием и вешнею истомой,
наполню пульс звучанием «люблю»
и воспарю душою невесомой.

Мелодией в безмолвии прольюсь,
в звенящей тишине я стану словом
и на устах молитвой обернусь,
но трепетной мольбой растаю снова...

Я звёздной пылью прикоснусь к душе
измученного путника в пустыне,
и в сладостно-желанном мираже
он прочитает моё сумеет имя...

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

Напои меня соком, берёза, –
белый ангел в весеннем лесу!
Я к тебе принесу свои слёзы
и молитву свою принесу.

Перед Богом взмолюсь о прощеньи,
как никто до меня не просил.
 Попрошу для души очищенья,
а для тела – здоровья и сил.

Да ещё – чтобы рядом сияли,
как всегда, дорогие глаза...
Исцеляя чужие печали,
каplet белой берёзы слеза...

Александр ПОМОРСКИЙ (1891–1977)

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Улицы тревожно молчаливы,
Улицы угрюмы и немы...
Лишь огней зовущих переливы
Задрожали в безднах полутьмы.
Крепко заперты железные ворота,
Блещет звёзд далёких бледный путь,
А в дворцах ползёт и никнет что-то,
Словно там живёт ночная жуть..
Может быть, к немому изголовью
Смерть с улыбкой тихо подойдёт.
Тротуары обагрятся кровью
Для услады белых и господ...
Может быть, уставшему народу
Предрекут кровавую судьбу
И вчера рождённую свободу
Приведут к позорному столбу...
Город мёртв. Молчанье гробовое.
Страшен блеск мерцающих домов.
Грустно мне, и нет в душе покоя –
Давит сердце сумрачный покров.

РАБОЧИЙ ДВОРЕЦ

На тёмных могилах из щебня былого,
Из смеха и слёз изнурённых сердец
Мы, гордые, строим, мы, юные, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.
Нас бодрость волнует, крепки наши руки,
Мы знаем, как строить, хоть ночь и темна.
И камень за камнем, и камень за камнем
Встаёт за стеною стена.
Над нами нахмурилось грозное небо.
Усталый, упал не один наш боец.
Мы, гордые, строим, мы, юные, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.
Он встанет в туманах ночей молчаливых,
Рассеет, как солнце, миражи судьбы,
В железных отрядах придём мы, придём мы,
Без слёз, без цепей – не рабы!

Не бойся, товарищ, ни битв, ни тиранов,
И кто бы ты ни был, за нами иди!
И если ты веришь в высокое солнце,
То камень в основу клади.
На тёмных могилах из праха былого,
Из крови и слёз изнурённых сердец
Мы, гордые, строим, мы, юные, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.

Валентина ТАРАВАТ (р. 1946)

ПЕСНЯ О СИМБИРСКЕ

Занялась над Симбирском заря,
Этот город люблю я не зря:
Волги светлый простор,
Яблонь вешних узор
Покорили навеки мой взор.

Вдаль гляжу с восхищеньем с Венца,
Светлым помыслам нету конца!
Теплоходы плывут,
Нас с тобою зовут,
Окрыляя надеждой сердца.

Есть на Волге ещё города,
Но я здесь умножаю года.
Благодарна судьбе
И, Симбирск мой, тебе,
Что сияет надежды звезда.

Принимай эту песню мою,
Я тебе своё сердце дарю.
Так горжусь я тобой,
Расцветай, город мой.
И о большем судьбу не молю...

* * *

Лето за собой закрыло двери.
Что ж, пора мне ощутить покой.
Почему-то в счастье больше верю
Осенью, чем буйною весной.

Осенью раздолье тихим думам,
Чтоб душою каждый просветлел.
Посчитаю, подытожу сумму
Всех моих свершённых добрых дел...

* * *

А причин для боли столько!
Но обидней всё же ложь.
Скажут мне: «Ну спрячь иголки!»
Я ж колюча, словно ёж.

Знаю, зря подмять стремятся
Жизнь мою обман и зло.
Пусть они меня боятся –
Мне с надеждой повезло.

Елена ЛЕРАК (р. 1966)

ОБО МНЕ

А я не знаю много умных слов...
 Порою строю из себя пиита.
 Люблю читать романы про любовь
 (Но не смотрю «Дом-2» и «Кармелиту».)
 Я не мечтаю знаменитой стать.
 Не понимаю модного Коэлю.
 Зато умею просто помолчать.
 Зато варю я кофе, словно зелье.
 От Моцарта в экстаз я не вхожу.
 И менюэтам с негой не внимаю.
 Зато в тяжёлый час не ухожу.
 Зато умею слушать, понимая.
 Ленива. Не гламурная совсем.
 Но я могу смеяться, если больно...
 Бессмертных не создам, увы, поэм.
 Но – Женщина. И этого довольно.

СИЛА ЧУВСТВ

Огромных слёз от мира не скрывая,
 Хрипя от горя, выбившись из сил,
 Кричал: «Вернись!» вслед лебединой стае
 В одну из птиц влюблённый крокодил.
 Мечта в прозрачном небе растворилась,
 А он рыдал потерянно в кустах,
 Осознавая плеч своих бескрылость
 И бесполезность сильного хвоста.
 Но вдруг воспрял, надеждой окрылённый:
 «Быть иль не быть?» – терзал его вопрос.
 Да, телом он, конечно, приземлённый,
 Но пылким сердцем до неба дорос!
 Не примет, нет, покорно и смиренно,
 Что грязный Нил и есть его предел.
 Кровь альбатроса в крокодильих венах!

...И он взлетел. Вы верите? Взлетел!

Сергей ОРЛОВ (1921–1977)

* * *

А мы такую книгу прочитали...
 Не нам о недочитанных жалеть.
 В огне багровом потонули дали
 И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
 Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
 Пусть нам теперь завидуют поэты:
 Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
 Пойдёт в века, переживёт века
 Информбюро скупое сообщенье
 О путь-дороге нашего полка.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
 И в пригородных поездах
 Они опять вовсю поются,
 Как мы их пели на фронтах.

Есть на верёвочке гитара.
 Своя компания вокруг.
 И нет на свете песни старой,
 И времени сомкнулся круг.

Поют её, как мы певали,
 Вдруг повзрослевшие юнцы.
 Поют опять не трали-вали,
 А то, что деды и отцы,

Когда им было лет по двадцать,
 Когда, казалось, тишь и гладь,
 А завтра надо призываться,
 А послезавтра – умирать.

Летит вагон заре вдогонку,
 Ах, как натянута струна!
 И мы стоим, грустя, в сторонке,
 И родина на всех одна.

Ростислав СТУПИШИН (1836–1885)

МАРФА-ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

(отрывок из драмы)

Что слышу я, соотчичи мои!
 Идти хотите вы в московский стан
 И с унижением молить у князя
 Себе пощады? Мыслите ли вы,
 Что ожидает вместе с этим вас?
 Свободу воли, мысли, чувства! Всё!
 Чем дорожит так каждый человек,
 Хотите добровольно променять
 На плаху, топоры и тяжки цепи,
 Чем так позорное богато рабство!..
 Вы трусы! Недостойны вы названья
 Потомков тех, при имени которых
 Великий Цареград дрожал. Не уж ли
 В вас не осталось даже капли славы
 Воинственных доспехов и побед...
 Да, наконец, где чувство чести в вас,
 Когда не можете вы поддержать
 Того великого названья,
 Которое купили наши деды
 Своею кровью?.. вспомните вы это!
 Нет, я не верю вам! Не трусы вы!
 Вы городу и с ним Святой Софии
 Изменой не дерзнёте отплатить... Смотрите!
 Пред вами женщина стоит и мать,
 Которая вчера лишилась сына,
 Сложившего главу свою на плахе,
 Но знайте, что она сейчас готова
 Пожертвовать ещё другим, но лишь
 Спасти б величье Новгорода.
 Новгороджане! Слышите вы это?
 Вот обнажённый меч в руке моей,
 С которым смело я пойду на крепость,
 И грудью защищу Святую Софию
 От поругания врагов...

ПРОЗА

ЮБИЛЯРОВ АВГУСТА

Ксенофонт ПОЛЕВОЙ (1801–1867)

СТИХОТВОРЕНИЯ Н. ЯЗЫКОВА *(отрывок из статьи 1833 г.)*

Если мы зададим себе вопрос, какое чувство преимущественно выражают «Стихотворения» г-на Языкова, то будем приведены в большое затруднение. Если спросим себя также, какие идеи господствуют в звучных стихах г-на Языкова, ответ будет не менее затруднителен. Но всё ещё скорее можно отыскать индивидуальность у сего поэта (ибо она должна быть более или менее у всякого пишущего), нежели открыть какие-нибудь идеи во шестнадцати напечатанных его стихотворениях. Господствующее чувство у него – какая-то живость, разгульность; но воображение его не поражается глубоко ничем и довольствуется впечатлениями лёгонькими, поверхностными. При этом стих г-на Языкова закалён громом и огнём русского языка. Немногие из стихотворцев русских умели так счастливо пользоваться богатством выражений и неожиданностью оборотов нашего могучего языка! Заметим, что это достоинство важно в стихотворце, а не в поэте...

Теснясь в душу поэта, все впечатления становятся ясны и разительны, ибо поэт, так сказать, сосредоточивает в один фокус разбегающиеся лучи и передаёт их в сем новом, преображённом виде толпе, жадной и готовой принимать всё, чего не может она создать собственными силами. Но этого-то свойства нет в г-не Языкове. Все впечатления скользят по душе его. У него нет той индивидуальности, которая пламенеет ярким огнём и отражается миллионами радужных переливов в стихотворениях Державина, всегда сильных, разительных и остающихся в душе; у него нет глубины впечатлений Пушкина, передаваемых в образах ясных и светлых, но степенных какую-то поэтической грустью; нет весёлости, нет самозабвения Батюшкова, прославляющего вино и забавы не потому, что они туманят голову, но потому, что он узнал непрочность и неверность всего подлунного, узнал как поэт и доказывает нам это каждым своим стихотворением; у него нет и стремления в лучший мир, столь пленительного в грустных и весёлых вдохновениях Жуковского. Одним словом, у г-на Языкова нет впечатлений, которые показали бы нам его душу, нет индивидуальности поэтической. Он говорит, как толпа современной молодежи, только сопровождает слова свои звуками гармонической лиры.

Искать ли у него идей и вдохновений народных, русских или современных, всемирных? Труд будет напрасен. Г-н Языков не подражает никому: в этом должно отдать ему справедливость; но зато он глядит и на все предметы равнодушно. Никакое событие, никакое явление, никакое чудо природы не поражает его. Он холоден ко всему, кроме немногих, можно сказать, домашних своих отношений. Глав-

ный предмет песнопений его – студенческая жизнь в Дерпте. Она заставила его написать довольно посланий к товарищам, к друзьям, довольно описаний празднеств и подвигов студенческих. Любовь – чувство непонятное для г-на Языкова. Он прославляет розовые ланиты, пурпурные уста, утечи любви; но любовь истинная, любовь Мицкевичей, Петрарк, Шиллеров неизвестна ему.

Ещё важный отдел занимает у г-на Языкова воспоминание о знакомстве с Пушкиным. Когда-то случилось дерптскому поэту съездить в Тригорское и погостить там у Пушкина. Сколько вдохновения доставили ему проведённые там часы! Старая няня, завтраки, пунш нового изобретения, шаткие столики и бревенчатые мостики, словом, все достопамятности Тригорского воспеты г-ном Языковым в нескольких стихотворениях. Кажется, это самое живое впечатление жизни его, перед которым уничтожается даже дерптская жизнь, хотя о ней писал он гораздо больше.

Что ещё найдём мы у г-на Языкова? Несколько альбомных стихотворений, очень милых; несколько поэтических воспоминаний о старой Руси; несколько посланий, задумчивых, прелестных. Нам кажется даже, что г-н Языков не рождён быть поэтом веселия, хотя особенно ему жертвовал он на алтаре муз. Мнение сие не покажется странным, если сообразим, что лучшие стихотворения его, как то: «Ливония», «Пловец», «Воспоминание об А.А. Воейковой» и некоторые элегии – принадлежат не к тем, в которых поэт старался выразить буйство разгула и которые часто приторны и несносны. Даруй бог, чтобы лета охладили прививные восторги поэта и обратили его на истинный путь дарования – на неподдельность мыслей и чувств...

Мы высоко уважаем дарование г-на Языкова и отдаём справедливость всем светлым сторонам его поэзии, может быть, более, нежели самые ревностные его хвалители. Но это самое уважение заставило нас сказать откровенно всё, что думаем мы о стихотворениях его, изданных ныне в книге. Поясним самый род поэзии, которым исключительно занимается он, указав на особенные свойства лирической поэзии и представив требования искусства, мы искали в его стихотворениях красот, замечая в то же время и недостатки. Что нашли мы? Односторонность и какую-то холодность чувства; мало индивидуальности поэтической, но зато самобытность или, лучше сказать, незаимственность картин; мы не нашли в нём никаких глубоких, многообъемлющих идей, но заметили язык и выражение истинно поэтические. Достоинства г-на Языкова можно выразить тремя словами: он поэт выражения. Не у многих есть и это.

Надежда ДРОБЛЕНКОВА (1926–2006)

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ *(отрывок из перевода сочинения 1611 г.)*

Православным христианам матери городов Российского царства, преименитого Великого государства – всяких чинов людям, которые ещё душ своих от Бога не отвратили, и от православной веры не отступили, и в вере заблуждениям не следуют, а держатся благочестия, и врагам своим не предались, и в богоотступную их веру не совратились, но готовы за православную свою веру стоять до крови.

Бога ради, государи, моля Всемилостивого Бога и Пречистую его Матерь, заступницу нашу и молебницу, помощницу всему роду нашему христианскому, и великих чудотворцев, кои у нас, в Троице, прославлены, и всех святых, порадейте о себе! Вооружимся на общих супостатов наших и врагов и стоим вместе крепко за православную веру, за святые Божии церкви, за свои души и за своё отечество, за достояние, что нам Господь дал, и изберём славную смерть! И если выпадет нам эта участь, то лучше по смерти обрести Царство Небесное и вечное, чем здесь – бесчестное, позорное и горькое житьё под властью врагов своих.

Станем подражать и подивимся тому великому нашему граду Смоленску, его обороне от Запада, как в нём наша же братия, православные христиане, в осаде сидят и великие всякие страдания и притеснения терпят, но стоят крепко за православную веру, и за святые Божии церкви, за свои души, и за всех за нас, а общему нашему супостату и врагу, королю, не покорятся и не сдадутся. Сами знаете, с какого времени сидят и всяческие великие притеснения терпят, но никакой малостью не поступятся и ни на какие их дьявольские соблазны и обещания не польстятся, на те, что обещает им сам наш супостат. И все стоят единодушно, непреклонно и неизменно умом и душою против их соблазнительных ложных обещаний. А душ своих в грехе не потопят и навеки загубить не хотят, но готовы лучше умереть со славой, нежели жить в бесчестии и горе.

А какое мужество показали и какую славу и похвалу снискали во всём нашем Российском государстве! Да и не только во всей нашей преславной земле, но и в иных землях, в Литовской, и Польской,

и во многих других; чают, что и до Рима или и ещё далее снискали ту же славу и похвалу, что и у нас. Да и самого того короля, лютого врага, супостата нашего, поразили и его пособников (таких же безбожников, как и он, которые с ними там, под градом, стоят и город тот, как злые волки, похитить хотят, и которые у нас здесь, в великом нашем граде, живут, и на сердцах наших стоят, и, как лютые львы, всегда поглотить нас хотят), а Создателя нашего прославили. А ещё устрашили и в самое их злокозненное и злобствующее сердце их уязвили тем, что многих доброхотов их, а наших врагов, перерубили, и перегубили, и позорной смерти многих предали, да и ныне с Божьей помощью всегда их, врагов, губят и сильно их рубят. Чаем, что и малые дети, узнав, подивятся этой их, горожан, храбрости, мужеству, великодушию и непреклонности духа.

Если же Бог будет до конца их так укреплять, как ныне, и выдержат они эту суровую осаду и великое мученическое страдание за православную веру, за святые Божии церкви, за себя и за всех нас и устоят, то этой своей стойкостью всё царство наше сохранят от того лютого нашего супостата до той поры, что одному Господу известна, пока он неизречёнными своими судьбами невидимо великую свою милость подаст всему нашему Великому государству и избавит нас всех от таких непереносимых бед, изымет нас из-под власти врагов наших, как агнцев из уст волчьих. Тогда кто сможет описать эту их доблесть и мужество?! Тогда можно будет и прямо сказать, что не только в своей единственной земле, но и по многим иным странам: до Царьграда, и до Рима, и до Иерусалима, к самому востоку и западу, к северу и югу разнеслась эта слава: «В таком-то царстве и сам тот город спасся, и других спас, а супостата и врага-короля попрали и прогнали и всё своё Великое государство удержали». Если бы таких несокрушимых городов, поборников веры, в Российском государстве хотя бы и немного было, не то чтобы все, никогда бы тем нашим врагам и злым волкам наша земля не была бы доступна, а проще сказать, – не было бы им и повадно...

Людмила ГЕЙРО (р. 1941)

ПИСЬМА К С.А. НИКИТЕНКО *(отрывок из статьи)*

В эпистолярном наследии Гончарова особое место занимают письма к С.А. Никитенко. Из них опубликовано менее трети, причём значительная часть в выдержках или с купюрами. Между тем эта переписка помогает составить более полное представление о личности писателя, его литературных симпатиях и антипатиях, творческих планах, неосуществлённых замыслах, о его быте, привычках, взглядах на протяжении двадцати пяти лет (1860–1885).

Всё это время постоянным корреспондентом,

верным другом и конфидентом писателя была Софья Александровна Никитенко (1840–1901), дочь известного петербургского профессора и цензора Александра Васильевича Никитенко, долгие годы связанного с Гончаровым служебными и дружескими отношениями.

Для данной публикации из 38 отобрано 8 писем 1868–1869 гг., которые позволяют восстановить неизвестную страницу биографии Гончарова и наиболее ярко раскрывают его отношение к С.А. Ни-

китенко. Эти письма воссоздают также атмосферу колоссального творческого напряжения, которое испытывал автор «Обрыва» летом 1868 – зимой 1869 г., когда при крайне неблагоприятных личных обстоятельствах завершал и печатал свой последний роман.

Начало дружеским отношениям Гончарова и Софьи Никитенко было положено ещё в 1860 г., когда она вместе с сестрой Екатериной переписывала черновые листы второй части будущего «Обрыва», которые автор вновь испещрял многочисленными поправками и уточнениями.

Исключительно серьёзно относившаяся к жизни, обладавшая высокоразвитым чувством долга, доходившим до аскетизма, двадцатилетняя девушка увидела в Гончарове легко ранимого, одинокого человека, глубоко преданного литературному делу, но страдающего от уязвлённого авторского самолюбия, и, по-видимому, полюбила его. Не отвечая взаимностью на чувство Софьи Александровны, Гончаров тем не менее был очень привязан к ней и неоднократно признавался ей в своей «оригинальной» любви: «...я никогда не был влюблён в Вас и теперь никогда, конечно, не буду, а наслаждаюсь Вами по-своему, как в своём роде *chef-d'oeuvre* доброты, ума и женского сердца. Всё это я вижу, знаю и люблю, и это тем более не имеет цены, что меня не подкупает к Вам лукавое влечение как к женщине, которое всегда более или менее ослепляет, следовательно, преувеличивает и лжёт» (13 (25) июля 1869). В другом письме, от 25 июля (6 августа), он вновь пишет: «...я, конечно, давно влюбился бы в Ваши серые умные глаза, благородные черты etc, но влюбиться в Вас можно только гармонически, т. е. вме-

сте и полюбить. А я угораздился избегнуть *первого* и перешёл прямо ко *второму*, а это второе не требует тех (весьма, впрочем, естественных и даже необходимых и неизбежных) сближений, каких потребовало бы одно первое – или первое и второе вместе. Дайте же руку и позвольте поцеловать её [дружески] любовно, но не влюблённо».

Испытывая к Софье Александровне искреннюю, как признавался он в том же письме, «дружбу-любовь без влюбленности», Гончаров постоянно ощущал свою ответственность за её судьбу, чувствовал себя перед нею в неоплатном долгу. Отсюда в его письмах завуалированные, а иногда и открытые призывы позаботиться об устройстве личной жизни, большей частью тщательно вымаранные впоследствии самой Никитенко. Наиболее откровенный из них прозвучал в письме от 29 мая (10 июня) 1868 г.: «...я всё не покидаю мысли и надежды, что Вы должны выйти замуж за достойного Вас человека, хотя это нелегко найти такого, но бог не без милости».

Отказавшись от надежд на личное счастье, Софья Александровна осталась верна дружеским отношениям и проявляла исключительную выдержку, трогательную верность и преданность, оказывая Гончарову постоянную поддержку в творческих трудах, облегчая в меру своих сил его нравственные страдания... Искренняя привязанность Гончарова к Софье Александровне не вызывает сомнений. Он заботится о её здоровье, пытается облегчить её материальные затруднения, даёт ей житейские советы. В этих письмах обнаруживаются мягкая и добрая его душа, стремление к человеческому теплу, желание быть кому-то полезным и близким.

Андрей БИНЕВ (р. 1956)

ЭСТЕТИКА УБИЙСТВА (отрывок из книги)

Слепица, Слепица! Да я зрячая побольше некоторых! Вот дед мой... так тот слепцом был от рождения... а как зыркнет своими глазищами, прямо как сквозь молоко, душа в пятки выпадает! Чего, говорил старый, в красное вырядилась, дура?! А откуда ему видно, что, скажем, в красное, а не в чёрное или в голубое, допустим?! Леший его знает! Я, бывало, ещё совсем махонькой в его молочные глаза загляну, а он хват меня за косу и в пол, в пол пригибает... Нечего, говорит, в душу-то заглядывать...

Родителей своих я и не знала вовсе. Померли они от чего-то, когда я ещё сама себя не помнила. А от чего, кто ж его знает! Может, от голода... а может, ещё от чего-то. От хвори какой или даже убили их... Без них росла... с дедом только. А он не говорил о том ни разу. По загровку крепенько ударит рукой своей сухонькой и всё тут. Другой раз сама не спросишь! ...И ещё два брата у меня было. Так они совсем маленькими, в тот же год, что и родители, померли. Вот я и думаю, что одна хворь всех вместе и скрутила... Это я от соседей слыхала. Только это...

У меня глаза портиться стали уже к двадцати

годкам... слезились, краснели, как ветренное солнышко к вечеру, а потом и вовсе потухли. Слёз пролила! Уйму! А к тридцати что-то там в моих глазках-то сверкнуло, даже ослепило будто, и я уж что-то опять видеть начала. Неясно... будто тени набегают. Нет, ежели близко подойду, в упор прямо, так могу и разглядеть чего-то, даже цвет увидеть какой-никакой, а так только тени одни... тени да тени.

Однако я всё равно душой вижу... как дед мой! Ему девяносто девять годков было, когда он помер. Пришел поп, отец Агафон, а дед рукой на него машет, с подушки поднимается и шамкает беззубым ртом: «Иди с миром, батюшка, я тебе все грехи отпускаю... прощаю...»

«Как же ты мне отпускаешь, грешная твоя душа, когда это я тебя напутствовать пришёл перед дальней дорогой! Причастие-то прими на дорожку!» – отвечивал поп, а сам краснеет от злости-то.

«Моя дорожка короткая, – шамкает дед, – тебе вон ещё идти и идти, а мне, святой отец, только раз выдохнуть...»

И выдохнул. А перед тем, за день до смерти,

меня за нос ухватил пальцами своими, узловатыми, что твоя верёвка, и трясёт голову-то! Шепчет старый: «Не гляди в оба! Не дано тебе! У тебя только один глаз и есть... за носом он за твоим за длинным, у нутрях он у тебя. У всего запах свой имеется, Симка! У каждого человека, у каждой животинки, у цвета... У души! У всего! Не только у шей-то! Ты нюхай, нюхай! Плохое плохо пахнет, хорошее – хорошо! Вот какой твой глаз, девка!»

А я уж и не девкой тогда была! Потому что за Пашку Коробкова замуж выскочила. Деду тогда ещё и восьмидесяти-то не было.

А он Пашку за человека-то не держал. Ни словечка ему за всю жизнь! Ни здрасти тебе, ни тебе до свиданья! А меня всё так девкой и звал, при нём-то, при живом ещё муже... Пашка злился! Говорит, я твоего деда по слепой голове-то туркну чем-нибудь тяжёлым, и будет тады опарышей кормить... их, мол, учить будет, анчутка старый! Да не пережил он деда-то! Занемог... Животом полгода промаялся, исхудал весь... А на пупе вот такая опуклость выросла, что твои два кулака, а может даже как горшок, в каком кашу варят! А уж он как мучился! Криком кричал! В последние-то дни даже есть уж не мог! Всё наружу, с кровушкой!

Дед к нему сам прихромал... а Пашка на кровати лежит бледный весь, худой. Дед по голове его погладил, понюхал свою руку и усмехается во весь свой беззубый рот: «Иди, ледащий, откуда пришёл! Иди себе...» Вот только это за весь век и сказал ему!

Помер Пашка в тот же день, а дед и говорит мне: «Я ж тебя девкой-то звал, думаешь, зря! Так ты до сей поры девка и есть, а не баба ты никакая! Какой он тебе муж! Не человек он вовсе даже, а так... недоразумение одно. Его не бог прибрал, а нечистая сила...»

Дурная хворь была у моего Пашки, вот чего! Давно ещё... только хворь та в нём пока что тихо жила, да вот разбушевалась, проклятая... А дед-то её когда ещё учуял! Твой, говорит, Пашка не жилец! А эта хворь, она, мол, прилипчивая! Гляди и сама захвораешь! Пей отвары, дура! Соборуйся, постись, душу-то облегчи!

Я всё делала, как он говорил, дед мой. И соборовалась, и постилась, и траву разную пила, и маслом мазалась, льняным, тёплым...

Но замуж-то никто меня более не брал! Девкой ты, говорил дед, до самой своей смертушки так и останешься! Когда он помирал, я и сама-то уж старой была! Какой уж там замуж! Смех один!

Фёдор ООМ (1826–1898)

ВОСПОМИНАНИЯ *(отрывок из книги)*

Наконец в 1861 году было совершено то знаменательное путешествие по России, в котором Цесаревич в продолжении четырёх с половиной месяцев подробно ознакомился с значительной частью обширного государства, проплыв от Петербурга до Астрахани и от Царицына и до Крыма и проехав от Бердянска через южные колонии до Екатеринослава и через Харьков, Курск, Орёл и Тулу до Москвы...

Были в женском монастыре в Кирилове, и в Белозёрском мужском. Первый произвёл на меня тяжёлое впечатление грубостью монахинь, похожих более на переодетых мужчин. О втором рассказывали, будто богатая некогда библиотека лучшие свои сокровища сбыла тайно и будто большая часть этих драгоценных книг перешла в собственность покойного М.П. Погодина. Не мне, конечно, судить о том, в какой мере толки эти основательны.

По Шексне мы плыли на парходике братьев Милютиных, тогда ещё мало известных. Благодаря старшему из братьев Череповец с тех пор не узнаваем.

Во время пребывания в Костроме А.П. Боголюбов и я, гуляя по городу, зашли в ограду сгоревшего Богоявленского монастыря, в котором уцелели только стены некоторых церквей и зданий. Тут встретил нас сторож, предложивший нам войти в кладовую, в которой было сложено всё, что успели спасти от огня. Войдя в небольшое сырое помещение, мы увидели множество утвари, образов, паникадил, лампад, облачений, покровов (между прочим, великолепный алого бархата Салтыковский

покров, на котором были нашиты чеканные вызолоченные бляхи с разными изображениями), наконец, старинные замки от ворот и дверей и даже маленькие чугунные орудия, стоявшие некогда на стенах монастыря. В тот же день за завтраком А.П. Боголюбов рассказал об этом Цесаревичу и прибавил: «Вот это всё могло бы служить началом Русского музея, о котором Ваше Высочество помышляете. Вы сделаете доброе дело, если спасёте всё это от порчи и грабежа».

Я тотчас же вмешался в разговор. «Нет, – сказал я, – ты забываешь, что тут множество предметов, жертвованных царями и великими князьями, а также боярами и другими лицами. Если Его Высочество коснётся этого, то не будет ничего спасено, и всякий признает себя вправе брать оттуда, что удастся получить. Это святыня, и мне кажется, что Его Высочество спас бы её, если б поручил местному владыке приказать составить подробную опись всем предметам и перенести в свой дом. Как знать, может быть, воскреснет Богоявленский монастырь, и тогда всё будет вновь употреблено в нём же». Предложение это было поддержано гр. Строгановым и К.П. Победоносцевым, и Цесаревич согласился с этим мнением...

В Костроме Цесаревич лично принимал просьбы народа, стоявшего перед губернаторским домом. Я, в свою очередь, брал эти просьбы и разные мелкие приношения из рук Его Высочества и клал их на подносы. Помнится, что поднесены были старушкою на тарелке бумага, при ней просфора

и какая-то из бумаги же сделанная коробка, вроде ковчега. Всё это было принесено в мою комнату, где я тотчас же занялся разборкою бумаг и составлением списка просьб. Во время этого занятия замечаю какой-то странный шелест, как будто жуки или другие насекомые ползают по бумаге. Смотрю, бумажный ковчег, стоявший возле просфоры на тарелке, покачивается. Заметив в коробке этой небольшое отверстие, я взглянул внутрь её и вижу – о ужас! – множество тараканов ползают по дну и стенкам ковчега. Тут стало ясно, что старушка поднесла просфору как доказательство, что она утром помолилась за Цесаревича, а тараканов в коробке – как выражение пожелания ему счастья. По просьбе, приложенной к упомянутым предметам, удалось отыскать старушку, и оказалось, что толкование наше было верно.

В Саратове Цесаревич поместился со своею свитою в доме князя В.Л. Щербатова, в то время ещё губернского предводителя. С утра уже, как и в других городах, масса народу стояла перед домом

в ожидании выхода Его Высочества. Решено было идти пешком на выставку местных произведений. Наследник вошёл в толпу и подвигался медленно, окружённый свитою. Подходит крестьянка с ребёнком на руках и просит Цесаревича благословить младенца. Его Высочество снял кепи и исполнил желание матери. Вслед затем стали подходить и другие, так что пришлось остановиться, и пока Цесаревич благословлял детей, народ, сняв шапки, стоял как вкопанный. Вдруг из толпы выступает старик, лет 80 или более, и обращается к Его Высочеству со следующей речью: «Батюшка, ненаглядный ты наш, всю жизнь свою молил Господа, да сподобит Он меня хоть раз взглянуть на кого-нибудь из царской семьи. И вот исполнилась молитва моя: вижу тебя, царского первенца, благословляющего младенцев. Жить мне недолго, дай же мне благословить тебя на будущее царство».

Цесаревич вновь снял кепи и благоговейно преклонил голову, которую старик осенил широким знаменем креста и вслед затем упал ему в ноги.

Алексей ЯСТРЕБОВ (1886–1969)

СИЛУЭТЫ ПРОШЛОГО *(отрывок из воспоминаний)*

Симбирск, лишённый крупной промышленности, почти не имел пролетариата и не был ареной крупных революционных боёв в то время. Однако и здесь революция 1905 года не прошла совсем незаметно. Здесь были схватки учащейся молодёжи с черносотенцами, избивавшими тех, кто носил светлые пуговицы: тогда учащиеся средних и высших учебных заведений обязательно носили форму (мужчины) со светлыми пуговицами. Бывали в те годы и демонстрации. Я отлично помню демонстрацию весной 1906 года, после разгона первой Государственной думы. Демонстрантов тогда зверски избивали нагайками казаки и даже пускали в ход сабли. Тогда были раненые, а может быть, и убитые, но сейчас я этого не помню. Ареной столкновения преимущественно была Дворцовая (ныне К. Маркса) улица. Во всяком случае, осенью 1905 года настроение у молодёжи было боевое. На некоторое (непродолжительное) время занятия в учебных заведениях Симбирска были прекращены.

Были волнения и в Симбирской семинарии. Среди семинаристов было немало революционно настроенных учащихся, но мне лично с ними близко сталкиваться не приходилось. Однако я знаю, что несколько человек было уволено из семинарии за политическую неблагонадёжность в те годы. Запомнился мне и такой факт. В одно время со мной учился семинарист Адамов. Жизнь обернулась к нему суровой мачехой, и семейные обстоятельства заставили его против воли пойти в священники: иначе ему не на что было существовать. Однако духовный сан его сильно удручал. После революции 1917 года он снял с себя сан, стал работать в Симбирском уездном исполкоме советов депутатов. Мне сообщили, что он вступил в партию большевиков. Я считаю это вполне вероятным, однако выяснить это

мне не удалось: Адамов вскоре умер.

Среди семинаристов немало было людей, которые интересовались светской литературой, музыкой, театром. Во время бенефисных спектаклей семинаристы всегда были самыми активными участниками чествований бенефициантов, хотя от начальства они иногда получали нагоняй. Один семинарист (Сергиевский) во время бенефиса Кремнева даже был приглашён на праздничный ужин. В семинарии всегда был хороший мужской хор. Иногда семинаристы устраивали концерты совместно с епархиальным женским училищем, и тогда получался чудесный смешанный хор, исполнявший не только духовные, но и светские произведения. Хором руководил преподаватель пения в духовной семинарии, регент архиерейского хора Сергей Петрович Ягодинский. Он старался привить семинаристам вкус к музыке и на уроках даже знакомил их с гармонией и основами контрапункта. С.П. Ягодинский учился у композитора Балакирева в музыкальных классах придворной певческой капеллы, где тогда преподавал также и Римский-Корсаков. Иногда Ягодинский с группой семинаристов, любителей музыки, в числе которых был и я, ходил на оперные спектакли, предварительно рассказав нам содержание оперы, особенно её музыки, он знакомил нас также и с ариями, хорами и ансамблями, встречавшимися в опере.

Не в меньшей степени был любителем театра и музыки инспектор Симбирской духовной семинарии Алексей Иванович Соловьёв, который перед первой мировой войной перешёл на работу в Министерство народного просвещения и был инспектором народных училищ в Симбирском уезде. А.И. Соловьёв иной раз устраивал музыкальные вечера в своей квартире и приглашал к себе

семинаристов – певцов и музыкантов, в том числе и меня. Я помню, как-то раз в зале его квартиры была даже спевка семинарского хора, в которой я участвовал в качестве аккомпаниатора. Исполнялись тогда украинская песня «Закувала та сива зозуля», «Прощание охотника» Мендельсона-Бартольди и др., а также ансамбли: трио А.С. Даргомыжского «Ночевала тучка золотая», «На севере диком» и др.

А.И. Соловьёв был также большим любителем математики и всегда помогал семинаристам по

этому предмету, который в семинарии стоял на втором плане. Он отличался общительным, приветливым характером и совсем не походил на педагога-чиновника, которые иногда встречались в те годы. У меня сохранились о нём самые лучшие воспоминания. Впоследствии, уже будучи учителем мужской гимназии, я несколько раз встречался с А.И. Соловьёвым в Симбирске, и наши беседы и встречи всегда были содержательными и интересными...

Лев ФИНК (1916-1998)

И ОДНА – МОЯ – СУДЬБА (отрывок из воспоминаний)

А затем наступил момент, когда всё стало безразлично, когда захотелось только одного – пусть скорее придёт конец. Какой угодно! Я потребовал бумагу и написал, что действительно был участником контрреволюционной организации куйбышевских литераторов. Я писал какую-то чушь, признавался в антисоветских настроениях, в ненависти к Сталину.

Следователь требовал от меня фактов, но фантазия моя ничего не могла подсказать. Шли месяцы, а в моём деле так ничего похожего на факты и не появлялось. Когда, видимо, по этой причине, в санкции на передачу дела в трибунал было отказано, начались долгие месяцы ожидания. Меня увезли в ульяновскую тюрьму и там в августе 1940 года объявили, наконец, решение Особого совещания – восемь лет лагерей за участие в правотроцкистском блоке. Завершилась трагикомедия следствия. За два года никто со мной даже не говорил на эту тему. И всё-таки меня осудили по совершенно выдуманному, фальшивому обвинению. Сколько я потом ни писал, сколько ни доказывал, что правотроцкистский блок – фантастика, не имеющая никакой опоры в следственном деле, всё это было совершенно бесполезно. Только после смерти Сталина облыжные решения Особого совещания отпали сразу. А тогда в Ульяновске я подумал, что моё осуждение – следствие моего собственного упрямства.

До того как меня перевели из внутренней тюрьмы, в моей жизни произошло очень важное событие – беседа с начальником областного управления госбезопасности (фамилию его плохо помню – кажется, Нетипанов). Он спросил меня в лоб, признаю ли я себя виновным. И я так же прямолинейно ответил:

– Конечно, нет.

Он покачал головой:

– Как же относиться к вашим показаниям?

Я сказал даже с оттенком дерзости:

– Вы это великолепно знаете.

Начальник посмотрел на меня несколько удивлённо, задумался и вдруг улыбнулся:

– Представьте себе – пройдёт какое-то время, вы снова станете свободным человеком. И что же вы будете рассказывать о своей жизни в тюрьме?

Я понял, какова цена моего ответа, но хитрить не стал:

– Правду, одну правду.

Потом уже я узнал, что мой отец пробился к первому секретарю Куйбышевского обкома КПСС и тот обещал ему справиться о моей судьбе. Видимо, поэтому Нетипанов и решил проверить меру моей социальной опасности. Кто знает, прояви я хотя бы лицемерное послушание, моя дорога могла оказаться другой. Тогда, в начале сорокового года, многих освобождали. Но непокорство и прямоту надо было покарать. И вот меня отправили в лагерь. Снова стольпинский вагон, и первая остановка в горьковской пересыльной тюрьме.

Очень немного запомнилось мне из событий этапной жизни. Ещё меньше было в этот период чего-то значительного, общеинтересного. Ограничусь поэтому только отдельными штрихами.

В горьковскую пересыльную тюрьму наша пятёрка попала в августе 1940 года. Так мы впервые оказались все вместе: профессор Иосиф Маркович Машбиц-Веров, руководитель Куйбышевской писательской организации Влас Захарович Иванов-Паймен, прозаики из Ульяновска Арсений Иванович Рутько и Лев Николаевич Правдин, наконец, московский аспирант Леон Финк. Мы считались одноподельцами, хотя на самом деле в прошлом наши судьбы были достаточно отдалены друг от друга. Я вообще чувствовал себя странно, по сути, товарищи по несчастью были совсем чужими для меня людьми. Правда, Иосиф Маркович, как наставник моих студенческих лет, вызывал естественное уважение.

И.М. Машбиц-Веров появился в Самаре накануне Первого съезда писателей, выполняя поручение Оргкомитета. Выступал с докладами о задачах будущих Союзов, ознакомился с книгами самарских литераторов и завершил своё знакомство тем, что остался работать в педагогическом институте... Появление Машбиц-Верова для нас, студентов, было подарком судьбы. Он рассказывал о том, что сам пережил как активный участник литературного процесса. Рассказывал страстно, доказательно, увлечённо. При этом мастерски читал стихи – особенно Маяковского, Блока, Пастернака, Гумилёва. И не только читал. Он обладал редким талантом аналитика. Расщепить поэму или стихотворение на атомы-образы и одновременно раскрыть секреты их сцепления, дать возможность почувствовать их гармоническую целостность – особое искусство. Машбиц-Веров им владел в совершенстве.

Любовь САПЧЕНКО (р. 1956)

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ (отрывок из статьи)

Примерно с середины XIX столетия становится традицией празднование памятных дат в истории страны. В 60-е годы такими датами стали 100-летие со дня смерти Ломоносова и 100-летие со дня рождения Карамзина.

Печать того времени не только помещала подобающие материалы, но и пыталась осмыслить историко-культурное и нравственно-философское значение формирующегося явления. «Не Ломоносовым, не Карамзиным нужны наши юбилейные празднества: забывчивость потомства не умалила бы ни их величия, ни их славы; эти торжественные воспоминания необходимы нам, их потомкам, выносящим из обращения к прошедшему и спасительные уроки для настоящего, и новые, свежие силы для плодотворной деятельности...»

Это было развитие мыслей, высказанных самим Карамзиным в предисловии к «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего». 100-летний юбилей Н.М. Карамзина стал поводом для осмысления его значения в прошлом и настоящем. Этому способствовал ряд изданий, предшествовавших юбилею и приуроченных к нему... В новом свете предстали личность и деятельность писателя и историка. Становилось очевидным, что значение Карамзина отнюдь не ограничено рамками его эпохи.

* * *

В «Вестнике Европы», посвящённом юбилею писателя, постоянно подчеркивается мысль о современности Карамзина. Участникам торжественного собрания недостаточно было увидеть картину его прошедшей деятельности. Литераторы и учёные считали своим долгом указать на того Карамзина, «который не переставал жить и действует по настоящее время среди нас и в нас самих. Современное состояние нашей литературы и нашей исторической науки продолжает развитие, которому дал новое и сильное движение Карамзин. Мы не можем в эту минуту более почтить его память, как признав торжественно свои настоящие успехи первыми плодами недалёкой от нас деятельности Карамзина, и в

этом смысле мы говорим, что деятельность его не прекратилась до сих пор, что Карамзин ещё живёт в нашей среде. Всякий современный труд и в науке, и в литературе сделается возможным теперь потому, что сто лет назад родился Карамзин, с тем, чтобы много потрудиться за нас и для нас в начале нынешнего века».

В день столетней годовщины рождения Карамзина 1 декабря 1866 года состоялось торжественное собрание Императорской Академии наук. К началу заседания обширная зала Академии уже едва вмещала в себе многочисленных посетителей, среди которых находились «многие государственные сановники, духовные особы, учёные, литераторы, художники и проч.». «...Недостало стульев, и многие поместились за колоннами, в амбразурах окон и проч.». Присутствовали сын историографа Владимир Николаевич Карамзин, дочери: княгиня Екатерина Николаевна Мещерская с семейством, Елизавета Николаевна Карамзина и вдова старшего сына Андрея Николаевича Аврора Карловна Карамзина. «Санкт-Петербургские ведомости» отмечают, что всех присутствовавших было свыше полутора тысяч и что собрание отличалось многочисленностью дам. Память Карамзина почтили также великие князья и другие высокопоставленные особы.

Открывая собрание кратким заявлением о значении этого дня, президент Академии граф Ф.П. Литке сообщил, что в память заслуг, оказанных Карамзиным отечественной науке и литературе, «Государь Император всемилостивейше соизволил пожаловать сына его, члена санкт-петербургской судебной палаты, действительного статского советника В.Н. Карамзина в кавалеры ордена св. Станислава I степени; кроме того, той же награды удостоен академик М.П. Погодин; академику П.М. Строеву, составителю указателя к «Истории государства Российского», высочайше пожалована прибавка в 1000 руб. к получаемой им пенсии». Затем непременно секретарь академик К.С. Веселовский представил изданные к этому дню письма Карамзина к И.И. Дмитриеву, переданные в распоряжение Академии М.А. Дмитриевым, немного не дожившим до карамзинского юбилея, но успевшим издать также записки И.И. Дмитриева и отправить экземпляр этой книги П.А. Вяземскому для принесения её, от имени издателя, в дар Академии ко дню юбилея...

Андрей КУТОРКИН (1906–1991)

ВАЛДАЕВЫ (отрывок из романа)

Перед рассветом воцаряется такая крошечная тьма, что, кажется, во веки вечные больше не будет света. Наступает столь тревожно жуткая и чуткая до звука тишина, что каждый шорох слышится гораздо громче.

В такое время и проснулся дед Варлаам Валдаев.

Спал старик на толстом слое ржи, разбросанной на печке для просушки. Встал он, почесался, покряхтел и, аккуратно подвернув конец одной штанины, стал надевать валенки. Приставшие к ним зёрна ржи затараторили по чистым половицам частым градом.

Осторожно слезая с печи, по приступочкам, дед

Варлаам старался не шуметь. Из деревянного ведра, висевшего над кисло пахнувшей лоханью, зачерпнул ковшом и плеснул в ладонь водицы, окропил волосатое лицо, утёрся длинным полотенцем и, перекрестившись на образа, пробормотал:

– Оймеца и сына и светама духа, стала быть. Амень.

Согнулся над шестком, нашёл в загнётке под золой тлеющий уголёк, вздул огонь на лучину, засветил висевший на стене фонарь и вышел с ним во двор.

В конюшне перебирали ногами отдохнувшие за ночь четыре лошади, в хлеву отдувались пять дойных коров, тёлка, в овчарне лениво жевали сено семнадцать овец, а в свинюшнике пощёлкивали желядьями пятнадцать свиней и подсвинков, не считая поросят. Племенной боров, сыто похрюкивая, лежал на спине, и ноги его торчали, напоминая капустные кочерыжки на грядке, что выходят из-под снега весной.

Кивая корявым указательным пальцем, дед Варлаам пересчитал кур и петухов на насесте под крышей. Все пятьдесят восемь голов оказались на месте.

Потом, грохнув дверью, вернулся в избу, снял со стены пастуший кнут, истово хлопнул им о ровный и чистый, как воск, пол. И все, кто мог держать ложку, повскакали с постелей.

Тридцать восемь душ в семье, но в избе ни шума, ни суетни. Как пчёлы в улье знают свою матку, так и в доме Валдаевых почитают старого Варлаама. Кроме его слова, законов не ведают. Но втайне мечтают о разделе все пятеро его сыновей. Они сами давно деды: внуков нет только у младшего – Романа.

Едят в семье в три очереди. Сначала садятся за стол одни мужики, потом бабы, в последнюю

очередь – малыши.

После завтрака дед Варлаам задаёт работу взрослым и подросткам на целый день.

– Тебе, Тимофей, на мельницу – рожь смолоть, она высохла. Кондрату с Гурей – на кузню. Прокофию с Фадеем ехать по дрова. Роману всю волну разделать на шерсточесалке. Бабы, да и девки тоже, поплетутся в поле убирать поспевший лён...

Гурьян, внук Варлаама Валдаева, слыл в селе Алово силачом и вожаком парней. Почтенные аловские жители постоянно жаловались его отцу, кузнецу Кондрату: – то ночью колья в огороде повыдергал, то телегу под гору укатил.

В тот самый день, когда исполнилось ему двадцать три года, вечером, когда ещё не появилась луна, он со своей оравой обошёл Старое и Новое село и перетрепал за бороду многих уважаемых и рачительных мужиков.

Постучится какой-нибудь охальник в окно:

– Наум Устиныч!

– Ась?

– Тебе письмо!

Выглянет хозяин, а его за бороду – цап!

Все знали – Гурьян чудит, но помалкивали, друг дружке не жалобились. Какой от жалобы толк? Тебя же и просмеют!

Но по садам и огородам Гурьяновы озорники не лазали. И других отваживали.

Перед ярмаркой у Туриных в Низовке кто-то оборвал все решета спелых подсолнухов. Аксинья Турина, девушка на выданье, жалостливо покачала головой, глядя на будыля. На земле, еще влажной от росы, остались следы озорников. Но чьи? Что-то сверкнуло на солнышке, будто битая стекляшка, нагнулась – а это серебряное колечко. Значит, девка лазала. Но кто?..

Сергей СЕРЯГИН (р. 1976)

БУМАЖНАЯ ЖИЗНЬ (отрывок из рассказа)

Пётр не любил дожди: элегантный костюм намокает, а дорогие туфли пачкаются, да и что в этих дождях вообще может быть хорошего? В этот же раз разразился не просто дождь – тропический ливень! Считая всё на своём пути, потоки грязной воды спешили с гор влиться в море, да так, что, казалось, струям здесь тесно. Горизонт освещался сполохами молний с оглушительным треском, и в этих сполохах не было просвета, небо было затянуто, и затянуто надолго. Вызывать такси в этих условиях явно было бесполезно – ни за какие деньги шофёр не захочет топить машину, а автомобили, припаркованные на улице, уже погрузились в воду выше радиатора. «Ах, как же некстати он разошёлся, – подумал Пётр, разглядывая тяжёлые капли, падающие с карниза, – до кафе не добежать».

Он обернулся осмотреть своё вынужденное укрытие. Старая книжная лавка, что-то среднее между букинистом и сборищем макулатуры; если ветхие страницы не представляли антикварной ценности, то представляли собой груды хлама, грустно освещённые жёлтым светом запылённой

лампочки где-то под потолком. Пётр отвернулся к окну, но сгущающаяся тьма превращала оконное стекло в зеркало. Он увидел своё порядком намоченное отражение, бумажную свалку вокруг, огромный кассовый аппарат на прилавке где-то в глубине помещения... Так, а это что?

Он обернулся – слева от входа возвышалось нечто вроде круглого столика на высокой каменной ножке, и на столике возвышался целый город! Двухэтажные дома под острой крышей, с резными балконами и цветами на окнах, приземистые лавки с весёлыми вывесками – вот сапожная мастерская, а вот хлебобулочная. Замка с высокими стенами и острыми зубцами, оскаленными стражей с аркебузами, не было, зато была ратуша с часами на высокой башне. Внезапно в помещении стало светлее, незримый хозяин щёлкнул тумблером, и город озарился изнутри – тёплый свет полился из окон. Пётр на несколько секунд замер от удивления, но потом рациональный склад характера взял своё, и он критически усмехнулся – хотя бы даже очень плотная, но бумага! Весь город, дома, улицы были

сделаны из обыкновеннейшей бумаги. Цветы в окнах были искусной аппликацией, часы на башне – и вовсе нарисованы краской, а вся подсветка – составленные в нужных местах лампы. Обычная, от карманных фонариков, гирлянда по сути, только замаскированная.

– Жаль, конечно, но в городе этом жить невозможно, – тихо произнёс Пётр.

– Отчего же? – раздался голос откуда-то снизу, и из-за стола вышел хозяин помещения. В сумраке скупого освещения он был похож на гнома – небольшого роста, сгорбившись, он будто раскланивался перед гостем, спадавшие до плеч волосы не закрывали теменной лысины, а скрюченный нос едва не доставал гладко выбритого подбородка. Впрочем, светлые глаза смотрели прямо, не заискивая, а рот кривила хитрая усмешка.

– Ну как же, – спокойно ответил Пётр, вздрогнувший было от неожиданности возникновения собеседника, и кивнул на розетку в руке хозяина – провод от включённого в розетку штепселя терялся где-то на дальней окраине города, незаметно за

всеми постройками. Хозяин согласно кивнул:

– Ну да, мастерство рук и совсем немного техники. Но известно ли Вам о волшебстве фантазии? Стоит поверить в это всё, и Вы окажетесь там, на этих тихих улочках, где уж, конечно, нет никакого дождя. Знаете, много-много лет назад эту конструкцию принёс старый капитан в длинном прорезиненном плаще, убрал кадку с фикусом, поставил свою конструкцию, включил в ней свет и исчез. Нет, не вышел очень тихо, а именно исчез, будто растворился. Даже не взяв денег!

Пётр согласно покивал головой, подобные разговоры его не радовали – ну нет в мире никакого волшебства. Фокусники есть, мошенники, шулера, но никаких волшебников, вообще ничего, что нельзя было бы объяснить рационально. Но под дождь торопиться тоже не хотелось, поэтому он лишь спросил вежливо:

– Я посмотрю ещё немного. Вы ещё не закрываетесь?

– Нет, – улыбнулся хозяин и кивнул на залитое струями окно, – мне, как и Вам, спешить некуда...

Владислав ВИШНЕВСКИЙ (р. 1946)

ЧЕСТЬ АФРОДИТЫ (отрывок из повести)

Оказывается, самое поганое в работе сыщика – это ждать. А я и не знал. Особенно ночью. Ужасно спать тянет. Глаза, кажется, открыты, смотрят, а мозг спит, тело тоже. Один только какой-то дежурный постовой в голове не спит, борется со сном. Но если честно, я не сыскарь. Не мент. Не оперативный работник органов МВД. Да если откровенно, я их терпеть не могу. Кроме дяди Гриши, конечно. Он мне почти как отец, хоть и мент, бывший теперь уже, на пенсии. Нелюбовь к ментам ещё с гражданки укрепились. Перед армией. Мы тогда из школьных дверей, как собачата из будки, стали выползать, жизнь осваивать, пространство изучать... Кафешки разные, диско-бары, тары-бары... Вот менты нас и «окучивали», когда догнать могли. Догоняли редко, но метко. Дубинками ошивали запросто. Им можно, оказывается, в воспитательных целях. Воспитали они, ага! Скорее наоборот. Но...

Служба в погранцах, короткая, правда, отчего-то подожгла азарт защиты чести человека вообще и достоинства в частности. Я понял, человек – это звучит гордо, и нечего ему на четвереньках ползать. Дембельнувшись, я, конечно, работу не нашёл... Вернее, она была, но... или на побегушках, или требовались молодые, энергичные, как я, но с непременным опытом работы, со своей клиентской базой и высшим образованием. У меня такого ничего не было. Я ж прямо из армии. Значит, прямая дорога в МВД или учеником машиниста метрополитена. Иди, советовала мама, человеком станешь, и деньги какие-никакие. Насчёт первого я не уверен, а вот второе – про деньги – тут я согласен. В метрополитене неплохо платят, но... Такой шум! Темнота! Вечная дырка под землёй, сквозняки, ночные кошмары про людей на рельсах, снующих крыс-мутантов,

диггеров, крокодилов...

Нет. Меня другая сторона жизни занимала. Я это в армии осознал, когда за «молодого» солдата – за узбека заступился. Автоматически, конечно, заступился, так получилось, но в обиду не дал. Да и не виноват он был, этот Рахимов. Откуда у него деньги? Он и в армию-то только попал потому, что родственники не откупились. В родном военкомате ему так прямо и сказали: или «калым», чурка, гони, или армия тебе, дураку, светит. Он армию и выбрал. А там тоже, извините, «старики». Принялись на парне ездить: то, чурка, достань, это, урюк, принеси. Хорошо, я заступился. Правда, мне тоже досталось, но я за себя постоял, и за него тоже, автоматически. Так что... Отстали. Тогда и появилось, а может и родилось во мне чувство всечеловеческой справедливости, мировой, в том числе. С тем я и на гражданку дембельнулся.

«Та-ак, окна в комнате объекта всё ещё горят, не спит, значит, клиент. И ладно. В доме чёрного хода нет, все окна квартиры выходят во двор, этаж четвёртый, балкон закрыт, окна пластиковые тоже закрыты». В бинокль я всё это сто раз рассмотрел, убедился, ничего не видно, окна в комнате шторами занавешены. У меня всё профессионально, всё под контролем. Хорошо бы ещё дистанционное подслушивающее устройство прикупить, самое то бы сейчас, но в следующий раз точно куплю и другое кое-что. Список у меня большой. Пополняется. От приборов ночного видения до нарезного оружия. Хотя бы ПМ. Лучше без номера и с глушителем. «Чистый». Но не китайский, только «наш». Надёжно. Потому что без осечек. Сейчас я «вооружён» минимально, но капитально: цифровым фотоаппаратом, правда, японским, «Никон» называется,

отечественным морским биноклем, что, понятное дело, абсолютно надёжно, и газовым баллончиком, тоже не нашим, «маде ин чайна» называется. Баллончик скорее против собак. Никогда не знаешь, чем закончится, например, на нужной территории встреча с собаками. Такие есть страшные породы, ужас, хуже челов...

«Стоп! Свет в зале погас... Только в одном окне... Та-ак... Интересно. Что бы это значило? Он один там... должен быть... вроде. О! Снова включил! Сигнализирует кому-то, что ли... Нет, наверное. Кому тут? Уже давно бы спать пора. Со светом спит, что

ли, боится? Пусть так, его дело. Всё спокойно, вокруг всё спокойно... Мне можно расслабиться, можно».

Я расслабился. Осторожно огляделся. Вокруг меня двор жилых многоэтажек. Маленький. Заставлен практически иномарками. Собачников, прогуливающихся уже нет. Третий час ночи. Спать хочется, просто кошмар! Рот зевотой раздирает. Полумрак. Большинство жителей уже точно спать легли. Свет повывключали. Интересно, чем они сейчас в койках занимаются?! Не моё дело, понятно чем. Не все как я. Я на службе. Я на работе.

Александр МИШУЛИН (1901–1948)

СПАРТАК (отрывок из очерка)

Выступление Спартака в 74 году было для Рима полной неожиданностью. Рим в это время находился в крайне затруднительном положении: на востоке и на западе сгущались тучи, которые всё более и более угрожали благополучию Римской республики. На западе, на Пиренейском полуострове, бушевало народное восстание всех обитавших там племён, которые давно ждали повода, чтобы подняться против римского владычества и освободиться от ига римских откупщиков, ростовщиков и чиновников. Возглавлявшееся Серторием, бывшим сторонником демократической партии Мария, народное восстание продолжалось уже более пяти лет. Посланный против Сертория с большой и хорошо вооружённой армией Гней Помпей не мог справиться с испанскими племенами, объединившимися вокруг Сертория в борьбе против римлян. Ни в 76, ни в 75 гг. ещё не замечалось перелома на этом фронте в пользу римлян. Восстание в Испании крайне беспокоило Рим.

Народная масса различных порабощённых Римом племён бушевала и в Малой Азии. Используя затруднительное положение Римской республики в связи с войной против Митридата, малоазийские племена решают свергнуть римское владычество. В результате возникло широкое движение, в котором участвовали и рабы. Для ведения военных операций против Митридата Риму пришлось послать обоих консулов – Луция Лукулла и Марка Аврелия Котта.

Митридат послал двух офицеров – Луция Фанния и Луция Магия – к Серторию. Через этих посланцев было достигнуто соглашение, в которое были втянуты также и оперировавшие в Средиземном море пираты. Правда, против пиратов был послан Марк Антоний, но последний потерпел неудачу и был разбит у острова Крита. Пиратство продолжало развиваться. Наконец, как только началось восстание Спартака, Митридату стало известно об отделении от Рима многих племён, с которыми, особенно с галлами, он хотел заключить союз против римлян.

Так угрожающе для Рима складывались события и на востоке. Занятые борьбой на внешних фронтах, римские рабовладельцы несколько ослабили бдительность внутри страны. Вот почему выступление Спартака застало Рим врасплох.

Школа Лентула Батиата в Капуе была широко известна в Римской республике. Она являлась поставщицей гладиаторов для зрелищ в различные центры государства. И в первую очередь эта школа должна была поставлять хорошо обученных гладиаторов в Рим как для государственных цирков, так и для отдельных предстателей римской знати. В школе Батиата сосредоточивались большие партии рабов: здесь были и фракийцы, и самниты, или гурийцы, и кельты. Все они проходили соответствующую подготовку, чтобы быть готовыми в любой момент к отправке в Рим.

Большое скопление рабов-гладиаторов у Батиата заставляло последнего принимать самые строгие меры для предупреждения восстания. Помимо того что все рабы находились под строгим надзором, а некоторые из них были закованы в кандалы, каждый шаг рабов был регламентирован, и жили они в условиях тюремного режима. Тяжёлая, беспросветная жизнь и перспектива смерти на арене на потеху римской публике заставляли гладиаторов более других рабов стремиться к освобождению от неволи.

Большую роль в качестве непосредственной причины восстания гладиаторов, а вслед за ними и других рабов, сыграли последствия голода. Может быть, именно в связи с голодом зародилась идея заговора у Спартака, который лишь выжидал момента, удобного для выступления.

Война с Серторием и Митридатом, господство пиратов на море подрывали снабжение Рима. О том, что голод продолжался вплоть до 73 года, свидетельствует закон консулов, по которому увеличивалась хлебная подать, Сицилия превращалась в «житницу» Италии, а внутри Италии в связи с недостатком хлеба прибегали к реквизициям. Крестьяне разорялись, пополняя собой ряды люмпен-пролетариата. Вызванное голодом общее снижение жизненного уровня, конечно, с особенной силой отзывалось на разоряемых крестьянах и рабах.

Это усиливало рост недовольства среди них и создавало благоприятную обстановку для выступления. Всё это, очевидно, учёл Спартак, давно ожидавший подходящего момента для восстания. Организовав гладиаторов, он приступил к действиям...

Александр ПАНФЁРОВ (1911–1985)

МОЙ СТАРШИЙ БРАТ (отрывок из книги)

Миновала зима. Родился у Панфёровых сын. Нарекли первенца Алексеем. С рождением ребёнка появились у молодых родителей и радости. Вот мальчонка победно произнёс первое слово: «Мама!» И как-то само собой получилось, что стали Иван Иванович и Дарья Ивановна с той поры называть друг друга не иначе как «отец» и «мать».

Не успели оглянуться – и вот уже Алёшка не твёрдо шагнул.

– Смотри-ка, мать, – торжествующе заулыбался отец. – Лёшка зашагал!

– Он-то зашагал, – тихо отозвалась мать, – да я опять тяжела стала.

– Это хорошо! – засмеялся отец, обнимая жену. – Как сын, так и землицы из общества поболее дадут. Сын – душа, а девушку да жениха корми. Сынов, сынов мне давай!

Мечта о доме не только не покидала – занозой засела в сердце матери.

– Ваня, когда в эту самую Баку-то поедем?

– Летом. Туда можно только пароходом добраться, по Волге, потом по морю... Подкопим деньжат и поедем.

Но и летом не собрались Панфёровы в Баку, не сумели набрать на дорогу денег, а 20 сентября 1896 года родился у них второй сын – Фёдор. Ничего не оставалось, как отложить поездку на следующее лето. И опять ломал голову, до боли сжимал кулаки отец: где взять денег на дорогу?

– Мать, – сказал он однажды, – а если у тёщи попросить, вдруг даст?

– С тобой она уважительная, – отозвалась мать.

– Умеешь ты с ней ладить. Сходи, поклонись.

Трудно было отцу согнуть голову, но иного выхода не было. Пошёл к тёще. Возвратился весёлый.

– Во! – Он показал жене деньги. – И Федярку оставляет. «Куда, говорит, вы его потащите, такое

малое дитя?» Как ты, мать, смотришь на это?

От радости, что отец принёс денег, у матери кулачком загорелись щёки. Теперь-то уж они смогут поехать в Баку! А вот насчёт Федярки... Только на другой день решилась:

– Оставим. И Алёшку оставим...

И вот наконец настал долгожданный день: ранним утром, с мешками за спиной, Панфёровы покинули родное село.

Придя в Вольск, с большим трудом сели на пароход, плывший до Астрахани, там пересели на морскую шхуну и через три дня оказались в Баку.

Тоскливо стало на душе у матери, когда они попали в город, где, казалось, каждый камешек был пропитан мазутом. Не сразу отец нашёл работу и жильё. Тут было полно таких, как он... И всё же устроился на строительство нефтяных вышек.

– Теперь только давай, – похвалился отец, придя вечером с работы. – За мной не всякий угонится, подмять себя не дам...

– Ты, Ваня, не дюже рвись вперёд, – робко посоветовала жена. – Присматривайся, где полегче.

Отец покосился:

– Ещё ты меня начнёшь учить... Сам знаю, не лыком шит...

Однако же отец, по натуре человек добрый, физически сильный, работал на совесть, а хозяева промысла, преследуя свою выгоду, платили таким, как он, сущие гроши.

Немного удавалось отложить родителям, хотя они во всём и урезывали себя. Томительно тянулись дни в чужом городе, среди чужих людей, и по весне мать так сильно затосковала, что даже есть не могла.

– Не могу больше, Ваня, к ребятам хочу.

– А дом?

– Как-нибудь потом...

Пелагея СКОБЕЛЕВА-НЕВЕРОВА (1886–1971)

ШТРИХИ БЫЛОГО (отрывок из воспоминаний)

Нелегко копать в памяти прошлого. Это значит бередить незажившую рану. Ещё боюсь я, что могут обвинить меня в пристрастности, сентиментальности. Ведь я близкий ему человек – жена. И всё же прошлое не даёт покоя, само просится на бумагу.

Познакомилась я с Александром Сергеевичем в 1909 году, когда служила учительницей церковно-приходской школы в деревне Андреевке Ставропольского уезда Самарской губернии. Александр Сергеевич учительствовал в «школе грамоты» деревни Камышовки, в двенадцати верстах. Деревни были маленькие, глухие. По зимам избёнки заваливало снегом наравне с крышами. Скука – смертная. Единственным развлечением считалось пойти

в соседнее село или деревню к товарищам-учителям. Накануне праздников я обычно уходила к своей подруге в деревню Дурасовку, оставаясь там на ночлег.

Однажды весной, в субботу, подруга сообщила мне, что среди недели приходили к ней трое учителей и один из них писатель – Скобелев-Неверов. Сказала ещё, что они уговорились с ним завтра встретиться в калмаюрской церкви у обедни. Потом пойдут к священнику.

Калмаюр – чувашское село между Андреевкой и Камышовкой, где была церковь. Священник там – чувашин, скромный и смиренный человек, каким я его помню. Матушка пекла очень вкусные

пирог, и учителя из окрестных деревень иногда после обедни заходили в дом священника попить чаю с пирогами.

На этот раз вместе с подругой пошла в Калмаюр и я. Та обещала познакомить меня с учителем-писателем.

В церковь мы заявили ко времени. Вскоре мимо нас прошёл на клирос и он. Помню хорошо – на нём была чёрная пара. Тужурка нараспашку, видна красная рубашка с белым горошком. Лицо простое, грубоватое, волосы длинные, пышные.

После обедни, как и предполагалось, пили чай у священника, потом гуляли за селом. Подруга была из увлекающихся, новый знакомый, как видно, тоже. По дороге они весело болтали – чувствовалось, что им приятна эта встреча. Я же была очень застенчива, особенно с теми, кого видела в первый раз, и, идя чуть поодаль, рвала цветы. Александр Сергеевич мне не понравился...

Всё же и я приобщилась к разговору. Помнится, он временами приобретал деловой характер. Говорилось об устройстве учительской кассы взаимопомощи. Александр Сергеевич предлагал установить сумму отчислений – столько-то копеек в месяц с каждого члена кассы, а кассиром рекомендовал выбрать товарища своего Ф.Е. Комарова (П. Ярового), человека трезвого и честного. Жил тогда Комаров недалеко от нас – в Озёрках.

Соблазнял нас учитель-писатель и летней поездкой в Крым. Он уверял, что денег понадобится мало – только на дорогу и скромное питание. «Будем, – говорил он, – ходить везде пешком, а ночлежничать по пословице: «Летом каждый кустик

ночевать пустит». Глаза Александра Сергеевича при этом горели верой, что побывать в заветном Крыму очень просто, лишь бы все согласились.

Мы, конечно, были согласны участвовать в обоих задуманных предприятиях, но я сомневалась: сбудется ли всё это, как ему хотелось. Так и вышло. Касса, не помню почему, погибла в самом зачатии, на юг тоже не поехали – не хватило денег.

Увидеться с Александром Сергеевичем той весной мне больше не пришлось: школьные занятия закончились, и мы все разъехались кто куда. Но летом я была назначена на учительские курсы в Самару. Здесь мы встретились с ним как старые знакомые. Подруга из Дурасовки на курсы не попала, зато нашлись другие подружки, и Александр Сергеевич оказался в нашей компании.

На курсах учителя давали пробные уроки. Давал урок и Александр Сергеевич, не помню, по какому предмету, помню только, что духовное начальство курсов высказалось в его адрес резко осудительно. Он ходил мрачный, съёжившийся. Многие коллеги заступались за него, считая, что нападки несправедливы. Начальство же возражало, особенно учительницам, вполне серьёзно полагая, что их заступничество вызвано «греховными помыслами», равнодушием к пышной шевелюре учителя Скобелева.

Кончились курсы, и я уехала на родину – в село Мурсорка. Здесь вскорости получилось от Александра Сергеевича письмо с его фотографической карточкой. На обороте – надпись латинскими буквами: «На память хорошей, скромной девушке, которую полюбил»...

СЕНТЯБРЬ 2021

2 сентября – 85 лет со дня рождения краеведа, прозаика **Александра Николаевича Панфёрова** (2.09.1936, с. Плетьма Павловского р-на, ныне Ульяновской обл. – 16.12.2019, р.п. Павловка). Двоюродный племянник писателя Ф.И. Панфёрова. С 1969 года

жил в Павловке, преподавал в Павловском филиале Новоспасского СПТУ (1977–1997). Автор рассказов и очерков: «Большая родня», «Судьбы людские», «Гамююниха», «Старший брат», «Домик в деревне», «Беглецы», «Бог не выдаст, свинья не съест», «Роковой выстрел» и др.

2 сентября – 50-летний юбилей отмечает прозаик, поэтесса, сценарист **Марина Львовна Степанова** (р. 2.09.1971, г. Ефремов Тульской обл.). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (1994). В 1997–2014 гг. шеф-редактор журнала XXL. Автор

романов: «Хирург» (2005), «Женщины Лазаря» (2011), «Безбожный переулочек» (2014) и др. В 2015 и 2019 гг. провела встречи в Ульяновске во Дворце книги в рамках проекта «Академия литературы» и XIX Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Живёт в Москве.

3 сентября – 45 лет исполняется литературоведу **Дмитрию Николаевичу Жаткину** (р. 3.09.1976, с. Нижняя Елюзань Пензенской обл.). Член Союза писателей России (2004). Был в Ульяновске 18 июня 2017 года; принял участие в Большом литературном

собрании «Слово о Гончарове», рассказал об опыте работы пензенской писательской организации. Автор книг: «А.А. Дельвиг: мир творчества» (2001), «От Пушкина до наших дней» (2002), «Поэзия А.А. Дельвига и историко-литературные традиции» (2005), «Словарь языка А.А. Дельвига» (2009) и др.

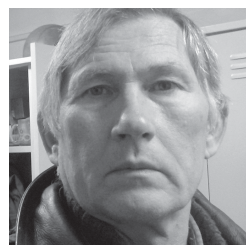
4 сентября – 60-летний юбилей отмечает поэт, прозаик, автор-исполнитель **Андрей Николаевич Бузуев** (р. 4.09.1961, г. Ульяновск). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1984). С 2005 года живёт и работает в Москве; арт-директор АО «Корпорация

Оборонсофт». Создал циклы стихов-песен «Цейтнот», «Байкер-блюзы»; спектакли «Робин. Песня о Звере», «Сказ про то, как Чёрт Ивана уму-разуму учил». Автор детских сказок: «Лёвкино чудо, или Как Лёвка друга искал» (2015), «Лёвка и самолёт» (2016), «Берег и море» (2016).

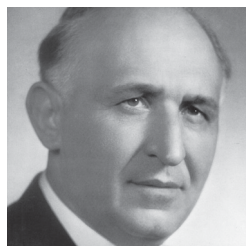
5 сентября – 90 лет назад родился писатель и переводчик **Пётр Ильич Ишутов** (5.09.1931, с. Вырыстайкино, ныне Сенгилеевского р-на Ульяновской обл. – 9.01.2011, г. Ульяновск). Окончил Ульяновское военное училище связи (1955). Автор изданных в

Ульяновске книг прозы: «Соседушка» (2005), «Юля» (2007), «Тюбай» (2007), «Волна» (2009), соавтор поэтического сборника «Парус мой» (2010). Перевёл с чувашского языка сборник пьес А.С. Чебанова, книгу сонетов А.Ф. Юмана. Член Союза писателей России (2009).

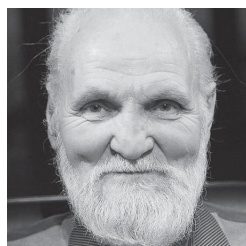
5 сентября – 70-летний юбилей отмечает поэт **Виктор Леонидович Малахов** (р. 5.09.1951, г. Челябинск). Окончил Челябинский политехнический институт (1973). С 1978 года живёт в Ульяновске. Член Союза писателей России (2006). Автор книг:

«Друже мой» (1994), «Чаша осени» (1999), «Мерцание тайны» (2001), «Нужные слова» (2002), «Зримая музыка» (2003), «След бабочки» (2007), «Второй взгляд» (2008), «Зелёный луч» (2016), «Лёгкий корабль» (2017). Лауреат областной поэтической премии им. Н.Н. Благова (2016).

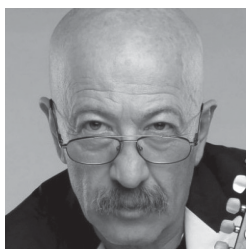
7 сентября – 110 лет назад родился государственный деятель, публицист **Тодор Живков** (7.09.1911, с. Правец Софийского округа, Болгария – 5.08.1998, г. София). Был первым секретарём ЦК БКП, председателем Совета Министров Народной Республики

Болгарии. В 1971–1989 гг. – председатель Госсовета НРБ. Посетил Ульяновск 3-4 июня 1977 года с государственным визитом. Автор книг: «Молодёжь – это наше будущее» (1972), «Перестройка – дело партии, дело народа» (1988), «Против лжи» (1993), «Воспоминания» (2006) и др.

7 сентября – 80 лет исполняется прозаику **Владимиру Николаевичу Крупину** (р. 7.09.1941, пос. Кильмезь Кировской обл.). Член Союза писателей СССР (1975). Автор книг: «Зёрна» (1974), «Живая вода» (1982), «Дорога домой» (1985), «Будем как дети» (1990),

«Прощай, Россия, встретимся в раю» (1995), «Дымка» (2007), «Босиком по небу» (2010), «Время горящей спички» (2013) и др. Не раз приезжал в Ульяновск, принимал участие в Гончаровских праздниках.

13 сентября – 70-летний юбилей отмечает певец, поэт, композитор **Александр Яковлевич Розенбаум** (р. 13.09.1951, г. Ленинград). Народный артист России (2001). Автор поэтических сборников: «Затяжной прыжок» (1990), «Белая птица удачи» (1996), «Бульте-рьер» (2000), «Синяя птица мечты» (2004), «Летать – так летать!» (2009), «Дорога длиною в жизнь» (2011) и др. Не раз приезжал на гастроли в Ульяновск: 6 февраля 2013 г. выступал во Дворце культуры «Губернаторский», 21 апреля 2017-го и 14 апреля 2019-го – в Ленинском мемориале.

14 сентября – 130 лет со дня рождения прозаика, поэтессы **Александры Петровны Анисимовой** (14.09.1891, с. Русская Бездна Спасского у. Казанской губ., ныне с. Антоновка Спасского р-на РТ – 6.06.1969, г. Пенза). Окончила Мариинскую женскую гимназию в Симбирске (1910). Жила в сёлах Новая Ерыкла, Зеленец, Загоскино, Промзино Симбирской губ. Автор книг: «Песни про войну» (1943), «Песни и сказки» (1947), «В полевом просторе» (1951), «Фрося» (1954), «Народное красное слово» (1959), «Птица Радость» (1961) и др.

14 сентября – 85-летие отмечает поэт **Александр Семёнович Кушнер** (р. 14.09.1936, г. Ленинград). Член Союза писателей СССР (1965). Во время войны жил в г. Сызрани; был проездом на станциях Инза, Барыш, Базарный Сызган и Кузоватово Ульяновской области. Автор сборников стихов: «Первое впечатление» (1962), «Прямая речь» (1975), «Дневные сны» (1986), «Флейтист» (1990), «На сумрачной звезде» (1994), «Холодный май» (2005), «Времена не выбирают» (2007), «Мелом и углём» (2010), «Земное притяжение» (2015) и др. Живёт в Санкт-Петербурге.

14 сентября – 60 лет со дня рождения поэта **Александра Анатольевича Шестопалова** (14.09.1961, г. Ульяновск – 2.08.1990, там же). Окончил Ульяновский автомеханический техникум, служил в армии, работал на УАПК. Участник семинара молодых литераторов Поволжья в Саратове. В издательстве «Молодая гвардия» в сборнике трёх авторов под одной обложкой вышла его книга стихов «Половицы» (1989). С предисловием поэта В.Л. Малахова издана посмертная книга стихотворений и поэм «Любви нечаянной мгновенья» (2008).

16 сентября – 70-летний юбилей отмечает прозаик **Николай Иванович Дорошенко** (р. 16.09.1951, с. Сухиновка Курской обл.). Член Союза писателей России (1985). С 2000 года – главный редактор газеты «Российский писатель». Секретарь правления Союза писателей России. Автор книг прозы: «Тысячу километров до Москвы» (1984), «Видения о Липенском луге» (1988), «Запретный художник» (2006), «Ушедшие» (2012), «Дерево возле дома» (2014) и др. Не раз приезжал в Ульяновск, принимал участие в Гончаровских праздниках.

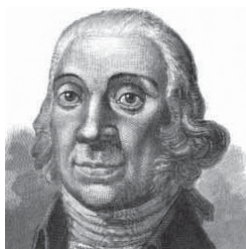
18 сентября – 215 лет назад родился поэт, переводчик **Дмитрий Юрьевич Струйский**, псевдоним – Трилунный (18.09.1806, с. Рузаевка Пензенской губ., ныне город в Мордовии – 3.01.1856, г. Париж). Владел имением в с. Хохловка Симбирской губ. (позже Майнского р-на Ульяновской обл., ныне не существует). Автор поэмы «Аннибал на развалинах Карфагена» (1827), сборника «Стихотворения Трилунного» (1830), повестей «Худо быть близоруким» (1831), «Атаман Косолап» (1840) и др. Скончался в доме умалишённых в Париже.

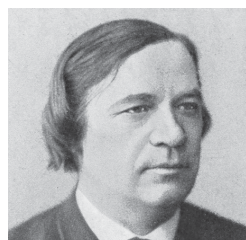
19 сентября – 90 лет со дня рождения прозаика **Станислава Тимофеевича Романовского** (19.09.1931, г. Елабуга Татарской АССР – 3.05.1996, г. Москва). В 1957–1964 гг. был главным редактором газеты «Ульяновский комсомолец». С 1964 года работал в журнале «Сельская молодёжь». Член Союза писателей СССР (1972). Автор книг прозы: «Ломтик солнца» (1963), «Медведь и бабочка» (1975), «Охотничий рог» (1979), «Башня над Камой» (1982), «Круг жизни» (1983), «Алёшкино лукошко» (1984), «Сон лисы» (1986), «Родина» (1990) и др.

21 сентября – 35-летний юбилей отмечает поэт, прозаик **Данила Сергеевич Ноздряков** (р. 21.09.1986, г. Ульяновск). Окончил УлГУ (2008), преподавал философию и историю. Работает журналистом. Автор сборников рассказов «Олень двугорбый» (2016), «Люди с пониженным социальным отвержением» (2019). Победитель Международного литературного конкурса «Верлибр» (2018); дипломант XVII Международного литературного Волошинского фестиваля за рукопись книги «Поволжская детская республика» (2019).

22 сентября – 280 лет назад родился учёный, естествоиспытатель, географ **Пётр Симон Паллас** (22.09.1741, г. Берлин, Германия – 8.09.1811, там же). Член Петербургской Академии наук (1767). В сентябре 1768 года прибыл в Симбирскую провинцию Казанской губ.; зиму провёл в Симбирске. Опубликовал труды: «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (1788), «Описание растений Российского государства, с их изображениями» (1786), «Словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» (1791) и др.

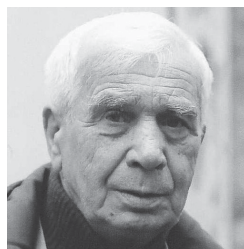
22 сентября – 190 лет со дня рождения прозаика, актёра, мемуариста **Ивана Фёдоровича Горбунова** (22.09.1831, с. Вантеево Московской губ., ныне г. Ивантеевка Московской обл. – 5.01.1896, г. С.-Петербург). Друг драматурга А.Н. Островского, с которым 27-29 мая 1865 года посетил Симбирск; осмотрел местные достопримечательности – Венец, памятник Карамзину, дом Языкова. Автор книг прозы: «Сцены из народного быта» (1861), «Самодур» (1868), «На реке» (1874), «Складчина» (1874), «Затмение солнца» (1879), «Сцены и рассказы» (1880) и др.

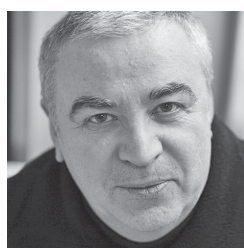
23 сентября – 85-летний юбилей отмечает писатель, драматург **Эдвард Станиславович Радзинский** (р. 23.09.1936, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1963). Автор книг: «Властители дум» (1993), «Сталин» (1997), «Кровь и призраки русской смуты» (1999), «Распутин. Жизнь и смерть» (2000), «Князь. Записки стукача» (2013), «Бабе царство. Русский парадокс» (2019) и др. Провёл 18 марта 2018 года в Ульяновске авторский вечер «Чтобы предвидеть будущее, придётся понять прошлое. XX век. Итоги. НЕКТО 1917».

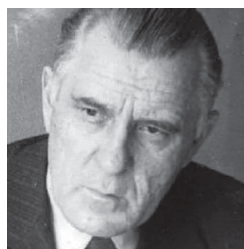
23 сентября – 80 лет исполняется писательнице **Лидолии Константиновне Никитиной** (р. 23.09.1941, г. Ташкент Узбекской ССР). Член Союза писателей СССР (1982). С 1985-го живёт в Ульяновске. Вела занятия студии «Лидолия» при библиотеке №8. Автор книг: «Осенняя элегия» (1980), «Время женщины» (1986), «Под защитой белых хризантем» (1999), «Цветы начала листопада» (2014), «Сто фрагментов любви» (2017) и «Разрешите подарить цветы» (2020). Награждена Почётным знаком «За веру и добродетель» (2011). Ветеран творческой профессии Ульяновской области (2014).

23 сентября – 75-летний юбилей отмечает прозаик, эссеист, литературовед **Эдуард Константинович Анашкин** (р. 23.09.1946, р.п. Хилок Читинской обл.). Окончил историко-филологический факультет УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1976). Член Союза писателей России (1998). Автор книг прозы: «Вовкин поцелуй» (1997), «Злая мачеха-судьба» (2006), «Ангел с огненным мечом» (2009), «Попавшие в переплёт» (2010), «В созвездии Пегаса» (2011), «На литературных перекрёстках» (2015) и др. Живёт в с. Майское Пестравского р-на Самарской обл.

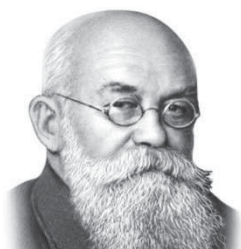

24 сентября – 75 лет исполняется прозаику, драматургу, сценаристу **Анатолию Васильевичу Королёву** (р. 24.09.1946, г. Свердловск, ныне Екатеринбург). Член Союза писателей СССР (1991). Автор книг прозы: «Страж западни» (1984), «Ожог линзы» (1988), «Охота на ясновидца» (1998), «Быть Босхом» (2004), «Гений Места» (2011), «Дом близнецов» (2016) и др. Провёл 9 сентября 2015 года во Дворце книги в Ульяновске публичную лекцию «Голова Гоголя» в рамках литературного фестиваля «Слово. Том первый». Живёт в Москве.

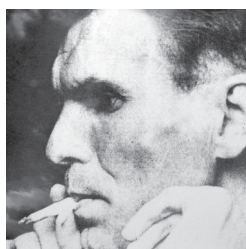

25 сентября – 100 лет назад родился поэт, педагог, мемуарист **Сергей Александрович Осипов** (25.09.1921, с. Гладчиха, ныне Тереньгульского р-на Ульяновской обл. – 16.06.1996, г. Сенгилей). Окончил УлГПИ (1952). Работал завучем Сенгилеевского педучилища. В 1962–1996 гг. руководил литературным объединением «Истоки». Автор поэтических сборников «Всё это ты, моя Россия», «Память сердца», «Знаки беды», «Свет высокой звезды», книги воспоминаний «Меня поэтом сделала война» (2015). Почётный гражданин Сенгилея (1994).

27 сентября – 135 лет со дня рождения чувашско-го поэта, прозаика **Сергея Семёновича Сорокина**, псевдоним – Таваньялсем (27.09.1886, с. Старое Дуваново, ныне Дрожжановского р-на РТ – 4.04.1956, там же). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1905). Работал учителем в школах Симбирского и Буинского у. Симбирской губ. (1905–1914). В 1906–1907 гг. опубликовал в газете «Хыпар» памфлет «Пейте водку!» (1906), статью «Наш язык» (1906), стихотворения «Песня соловья», «Грядущее», «Что делать?», «В деревне» и др.

29 сентября – 155 лет назад родился украинский историк, литературовед, писатель **Михаил Сергеевич Грушевский** (29.09.1866, г. Холм Люблинской губ., ныне г. Хелм, Польша – 25.11.1934, г. Кисловодск, ныне Ставропольского края). Окончил Киевский университет (1890). В 1914–1915 гг. находился в ссылке в Симбирске. С 1930 года работал в Москве. Автор трудов: «Очерк истории Киевской земли» (1891), «История Украины – Руси» (1898–1936), «Очерк истории украинского народа» (1904), «На пороге новой Украины» (1918) и др.

29 сентября – 85 лет со дня рождения поэта **Геннадия Павловича Кошкина** (29.09.1936, пос. Победитель Чердаклинского р-на, ныне Ульяновской обл. – 12.02.1994, г. Димитровград; похоронен в с. Старое Ерёмкино Чердаклинского р-на). С 12 лет был

прикован к инвалидной коляске. Был членом литературного объединения «Колос». Скончался в доме престарелых в Димитровграде. В 2017 году в Ульяновске издан его поэтический сборник «Нельзя не верить в просинь небосвода...» (составитель – Н.И. Васильева, вступление С.И. Матлиной).

30 сентября – 160 лет со дня рождения прозаика **Сергея Николаевича Миловского**, псевдоним – С. Елеонский (30.09.1861, с. Вороновка, ныне Базарносызганского р-на Ульяновской обл. – 24.08.1911, г. Сарапул Вятской губ., ныне Удмуртии). Был смотрителем

Сарапульского духовного училища (1895–1911). При содействии А.М. Горького издал в Петербурге книгу «Рассказы» в 2 томах (1904, 1911). Среди современников получил прозвище «прикамский Чехов». Книга рассказов «Машенька. Священье» издана посмертно (1914).

30 сентября – 35-летний юбилей отмечает поэт и прозаик **Игорь Владимирович Улитин** (р. 30.09.1986, пос. Чёрный Ключ, ныне Базарносызганского р-на Ульяновской обл.). Окончил УлГПУ имени И.Н. Ульянова (2008). Работал в газетах «Жизнь», «Комсомольская правда».

Публиковался в журнале «Братишка», альманахе «СимбирЛит». Работает журналистом в ИД «Ульяновская правда». Автор сборника стихотворений «НЕДОвольный» (2013), повести «Чёрные дни» (2016). Лауреат молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (2014).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ СЕНТЯБРЯ

Марина СТЕПНОВА (р. 1971)

ЭПИЛЛИЙ

Вбивая торжественный
гексаметрический ритм
В булыжник и солнце размазав
по впадинам лезвий,
Текут... Это жадными,
грязными порами Рим
Вбирает своих легионов живое железо.
Не каждую эру
почтил триумфатора ввоз,
Но каждому смертному,
как императору, снится,
Что давит дымящийся
и золотистый навоз
Сияющий обод
его золотой колесницы.
Беременных крики.
И давка за место с утра.
И черни раз в жизни
позволены смелые шутки.

В столице Вселенной свобода.
И мир. И жара.
И раб на кресте умирает
четвёртые сутки.
А раб за спиной у героя твердит:
«Оглянись!»
И вспомни, что ты – человек.
И что богом ты не был». Но слепнут плебеи.
И птицы срываются вниз
С прославленных портиков –
в городом ставшее небо.
И вновь: «Оглянись!»
Не сдержать золотого венца.
И губы толпы
от животного страха застыли,
Что нет у империи слуха.
И нету лица.
А только литой
и увенчанный лавром затылок.

Андрей БУЗУЕВ (р. 1961)

АВГУСТ

Время за полночь. Пусто на улицах.
Ореол фонарей серебрист.
Лето. Август. Но – чудится, чудится,
как летит опадающий лист.

Всё снегами укроет далёкими,
но пока только лето и даль,
да в душе моей листьями лёгкими
опадает на сердце печаль...

* * *

Янтарная осенняя хандра.
Так мало было солнца в это лето!
К огню не налеталась мошкара,
и песни птиц не до конца допеты.

А в облаках – дыхание зимы,
её очей сиянье ледяное.
И по привычке удивимся мы:
«Ну вот, опять! Зачем ты так со мною?»

А небо усмехнётся и взмахнёт
снежинок белоснежными кудрями:
«Какой смешной, однако, вы народ!
А с кем же мне ещё? Конечно, с вами!»

Мы спрячемся по барам и домам,
по клеткам из бетона и чермета.
И будем ждать, когда пройдёт зима.
И будем верить, что наступит лето.

ДНИ МОИ

Дни мои, дни, как снежинки, кружатся,
тайной слезой на ресницах дрожат,
вспыхнут, погаснут и наземь ложатся,
и ни один не удержит мой взгляд.

– Не торопись, – я шепчу себе часто, –
сердце и так прошлой болью полно.
Счастье моё – может, чьё-то несчастье,
вот в чём вопрос, а не в том, где оно...

Тают снежинки, в дыханье стора,
и на ладони, лишь руку подставь,
тени их лёгкие я собираю
призрачной вязью на белых листьях...

Пётр ИШУТОВ (1931–2011)

СЛОВО О РОДИНЕ

Когда статейки умные читаю,
Я задаюсь вопросом каждый раз:
Зачем писать: «Есть родина большая
И малая у каждого из нас?»

Но я, наверное, отнюдь не «каждый»
И возразить тем авторам рискну –
Поскольку я родился лишь однажды,
И Родину имею лишь одну.

И я её, как умники иные,
На малую-большую не делю.
Как отделию её я от России?
И как границы ей определю?

Россия. Русь. Отечество родное.
Но в мыслях как тебя ни назову,
Считаю Родиной своё село я,
Где сам родился, вырос и живу.

Мне дороги российские просторы,
Но душу греют много горячей
Под Сенгилеем меловые горы,
В родном селе – без имени ручей.

НАЧИНАЮЩЕМУ

Мы рвёмся в классики? Хорошая идея!
Но прежде чем её осуществить,
Давай себя осмелимся спросить:
А что мы всё же за душой имеем?

Пускай мы ямб не путаем с хореем,
Но нам едва ль признание получить,
Когда мы в строки стройные вложить
Отточенные мысли не умеем.

Хотя каноны кратки и ясны:
В стихах (пусть даже в полстранички)
Помимо рифмы, ритма, новизны
Две вещи непременно быть должны –
Душа и к ней – эффект сгоревшей спички,
Зажжённой с той, обратной стороны

Виктор МАЛАХОВ (р. 1951)

НИКОГДА И ВСЕГДА

Бывало в жизни всякое. Ну, да:
Случались в ней и беды, и напасти.
И ты уже решил, что никогда
Тебе не встретить истинное счастье.

Да, так тебе казалось. Но года
Твою неспешно душу умудрили.
И понял ты, что счастлив был всегда!
Что бы о том вокруг ни говорили.

ТАК БУДЕТ

Вот говорят, что стало модно
Любить, дружить, писать стихи,
Кормить убогих и голодных
И чохом не делить народы
На лучших, средних и плохих.

Я ждал такие перемены,
Их приближал по мере сил!
Мои слова имели цену,
Поскольку ночью я и денно
Оттачивал их и гранил.

Нескромно, скажете? – Конечно!
Молва на этот счёт права.
Ведь вовсе не во тьме кромешной,
А на земле святой и грешной
Мне эти встретились слова!

Хоть и скромны мои усилья,
Но и от них был некий прок!
Хочу, чтоб в моде были крылья!
Хочу, чтоб люди воскресили
Любви и дружбы чистый слог!

Я знаю: так оно и будет!
Я эту пестую мечту.
От шелухи и сора буден
Встряхнитесь, дорогие люди!
Явите миру красоту!

Александр РОЗЕНБАУМ (р. 1951)

ВОЗРАСТ

Молодой рекой без усталы пльвы
И не бойся, простудившись, заболеть.
Возраст – это понимание любви
Как единственного чуда на земле.

Я живу, судьбу свою кляня,
Не желая для себя судьбы иной.
Возраст – это размышления о днях,
Проведённых за родительской спиной.

На столе моём разнуданный портвейн
Превратился в респектабельный кагор.
Возраст – это радость за друзей,
Не сумевших превратиться во врагов.

Верно ли сумели мы прочесть
Десять фраз, оставленных Христом?
Возраст – это стоимость свечей,
Превышающая стоимость тортов.

Кто ты есть? Чего в себе достиг?
Чей ты друг и кто твои друзья?
Возраст – это приближение мечты
В окончании земного бытия.

Смерть, конечно, человечество страшит,
Но какие там у нас с тобой года!
Возраст – это состояние души,
Конфликтующее с телом... иногда.

* * *

Господи, когда всё это было?
За руку меня водила мама,
У ставка жерёбая кобыла
Целовалась в камышах с туманом,
Взрагивала чуть, пряла ушами,
Пробуя ноздрями тёплый воздух,
Отгоняла ржаньем попрошаек
Воробьёв, слетавшихся к навозу,
Глазом мокрым на гусей косила,
Что траву щипали возле вишен,
А луна куском большого сыра
По соломенным катилась крышам.
Городского мальчика любила
Девочка, красивая, как ветер.
Господи, когда всё это было,
На какой тогда я жил планете?

Александр КУШНЕР (р. 1936)

ГРАФИН

Вода в графине – чудо из чудес,
Прозрачный шар, задержанный в паденье!
Откуда он? Как очутился здесь,
На столике, в огромном учрежденье?
Какие предрассветные сады
Забыли мы и помним до сих пор мы?
И счастлив я способностью воды
Покорно повторять чужие формы.
А сам графин пльвёт из пустоты,
Как призрак льдин, растаявших однажды,
Как воплощенье горестной мечты
Несчастных тех, что умерли от жажды.
Что делать мне?
Отпить один глоток,
Подняв стакан? И чувствовать при этом,
Как подступает к сердцу холодок
Невыносимой жалости к предметам?
Когда сотрудница заговорит со мной,
Вздохну, но это не её заслуга.
Разделены невидимой стеной,
Вода и воздух смотрят друг на друга...

КОМНАТА

К двери припаду одним плечом,
В комнату войду, гремя ключом.
Я и через сотни тысяч лет
В темноте найду рукою свет.
Комната.
Скрипящая доска.
Четырёхугольная тоска.
Круг моих скитаний в полумгле.
Огненное солнце на столе.
Раз в году бросаюсь на вокзал,
Я из тех, кто редко уезжал.
Как уеду я? Куда уйду?
Отпуска бывают раз в году.
Десять метров мирного житья,
Дел моих, любви моей, тревог, –
Форма городского бытия,
Вставшая дорогам поперёк.

Александр ШЕСТОПАЛОВ (1961–1990)

* * *

Мы по золотому полю пльвы
Пыльным стрежнем овсяной реки.
Пригибаясь в придорожной пыли,
Чахли голубые васильки.

Пахло сырмятиной, соломой,
Что хрустела сухо подо мной,
Старый конь, одним чутьём ведомый,
Тряс своей гривастой головой.

Возбуждённый спеющим раздольем,
Втягивал пахучий ветерок,
И шагал, тянул душистым полем
Лёгонький, хромающий возок.

Предо мною – дремлющий возница,
Надо мною – васильковый цвет,
И повсюду поле колосится,
Солнечный разбрызгивая свет.

* * *

Луны прослеживая путь,
Рожь потонула в лунном свете.
Тепло и тихо на планете.
Уйду, уйду куда-нибудь.
В лощине дымной постою.
Поёт ручей, в траве сверкая...
И я певец родного края,
Но как же грубо я пою!
Забуду всё, что можно ждать,
И недописанного ворох.
Какая ночь! Светла в озёрах
Воды искрящаяся гладь.
Плывёт село. И тишина...
Пройду, как вор, закрытый тьмою,
Где в небе каждого окна
Вселенной таинство земное.
И вдруг смертельно захочу
В любовь чужую взором вжиться,
Всмотреться в любящие лица,
Подобно лунному лучу.
И мне покажется, что я
Сама любовь, судьба, отравя;
Что я на всё имею право,
И ты, Вселенная, моя!

Дмитрий СТРУЙСКИЙ (1806–1856)

СЛЁЗЫ

Слепец! Ужасна ночь твоя.
Твой мир так тесен и печален!
Вспоминанье, как змея,
Гнездится средь живых развалин;
Оно о солнце говорит,
Но страшной тьмы не озарит!
Судьба исполнена угрозы,
Ты всё утратил, что любил,
Весь мир прекрасный схоронил...
Тебе одни остались слёзы!
Молись, чтоб враг твой не унёс
И даже сих последних слёз!
Храни их в сердце, как святыню:
Без них – чудовищ адский строй
Придёт беседовать с тобой
И населит твою пустыню!

1830

САМОУБИЙЦА

Он смертью смерть предупредил,
Земля добычу приютила,
Но не в семье родных могил
Его чернеется могила.
Я видел бледный труп в углу,
Оцепенела длань с кинжалом,
И кровь багровым покрывалом
Запечатлелась на полу.
Самоубийцы лик кровавый,
Как божий гнев, был страшен мне, –
Так воин, сдавшийся без славы,
Презрен в родимой стороне.
Не отпевали труп опальный,
Но робко в полночь унесли,
И с укоризной крест печальный
Стоит над пасынком земли.

1837

Сергей ОСИПОВ (1921–1996)

* * *

Здесь счёт ведёт счастливым дням кукушка,
Здесь соловьи в черёмухах светлы.
Здесь, как царевна, добрая лягушка
На листьях лилий дремлет у ветлы.

Здесь над озёрным колдовским бездоньем
Склонились ивы над живой водой.
Здесь ландышей раскрытые ладони
Зовут к себе предлетнею порой.

Здесь я всему хозяин и владыка,
Здесь всё моё, как сердце, как душа.
Россия, ты воистину велика
И в мире несказанно хороша.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

* * *

Бездушные страшнее воровства.
Бездушные без лучшей половины.
И тот, кто отвернулся от родства,
Не может быть достойным гражданином.

* * *

Жить без милых и без близких,
Добрых, ласковых людей
Человеку так же жутко,
Как в лесу среди зверей.

* * *

Любовь у нас заложена в крови,
Но не ко всем приходит неизбежно.
И тот, кто в жизни не познал любви,
Не ведает, что есть на свете нежность.

* * *

Не кичись наградами, стихами.
Самомнение очень всем вредит.
Жизнь стирает в памяти с годами
Даже тех, кто был в ней знаменит.

* * *

Всё сделать не сумел,
Не завершил сполна.
Себя я не жалел,
Вычерпывал до дна.

Кто мой оценит труд –
Бессонных плод ночей,
Мой в три шага уют
На кухоньке моей?

Геннадий КОШКИН (1936–1994)

ТРАКТОРИСТ

Утром рано зорька золотая
Улыбнётся мне, как старый друг.
Ширь степная, дымкой повитая,
И простор, простор, простор вокруг.

Что поёт стальное сердце друга?
Что, мол, будни будут горячи...
И летят, летят, летят за плугом
К свежей пашне чёрные грачи.

Мне подносит ветер хмель пьянящий,
Хмель земли, оттаявшей, родной.
Солнце, как товарищ настоящий,
Шлёт мне первый луч свой золотой.

1964

НА ЛУГУ

Гривую зелёною берёз
Лето сжало ночи до предела.
На лугах весёлый сенокос
Косарям и песен дал, и дела.

Здесь на зорьке слышен звон косы,
Бодрый смех и песня удалая.
В ряд ложатся капельки росы,
Разноцветной радугой сверкая.

1964

ОСЕНЬ

Деревья ветры раскачали,
Влекут листву в простор полей,
И непочатый край печали
В тревожном крике журавлей.
Свою любовь к России милой
Они несут на юг, на юг,
К истокам голубого Нила,
Туда, где нет свистящих выюг.
Грустит осенняя дорога,
Без волн пшеницы средь полей.
Из дома выйдешь – у порога
Листва берёз и тополей.
А утром рано лист капустный
Стоит в звенящем серебре:
То капли журавлиной грусти,
Просыпанные на заре.

1965

Игорь УЛИТИН (р. 1986)

ДОРОГА ЖИЗНИ

На дороге жизни – десять полустанков,
Бабушки, студенты, Толя-контролёр.
За окном – платформы неподбитых танков.
На соседнем кресле – пьяница и вор.

На дороге жизни – провода, осины,
Глупые собаки, мёртвые коты.
Станция Налейка ближе к половине.
Раз она Налейка, наливай и ты.

На дороге жизни – рюкзаки, баулы,
Рэп из телефонов, смех и мат шпаны.
И в этом дорожном, рельсовом разгуле
Лейтенанту Мише просто снятся сны.

* * *

Мы узнаем друг друга по сабельным шрамам,
По обрывкам тельняшек, что в тело вросли.
По могилам врагов, по разрушенным храмам,
По следам от тачанок в горячей пыли.

Мы узнаем друг друга по хмурому взгляду,
По обветренным векам, иссохшим губам.
По входным на груди, что несём как награду.
По лицу, что подставлено было ветрам.

Мы узнаем друг друга по тихому слову,
По тому, что сейчас говорить нам грешно.
Только в мыслях своих возвращаемся снова
К этим дням, когда вёл нас в атаку Махно.

ПОСМОТРИ

Посмотри, посмотри – там пылает наш город.
Посмотри, посмотри – его стёрли с земли.
Под кирпичною крошкой, стар или молод, –
Все могилу единую дружно нашли.

Посмотри, посмотри – в эти чистые лица,
Где ума пыль не падала с первого дня.
Они верили в сказки, враньё, небылицы.
И как злого героя убили меня.

Посмотри, посмотри – не идёт ли подмога
От всех тех, кто средь пьяни нас братьями звал.
Да вот только тех слов говорить могут много.
Только мало здесь тех, кто не струсил и встал.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ СЕНТЯБРЯ

Дмитрий ЖАТКИН (р. 1976)

ПОЭЗИЯ А.А. ДЕЛЬВИГА (отрывок из монографии)

«Русская песня» Дельвига «Соловей мой, соловей...» (1825) стала заметным явлением салонной культуры XIX века благодаря музыке А.А. Алябьева, сконцентрировавшего действие вокруг образа лирического героя, раскрывавшего темы одиночества, гонимости судьбой, тоски и разлуки. Дельвиговская песня, уходящая своими истоками в народное творчество, в чём можно убедиться, обратившись к фольклорным публикациям М.Д. Чулкова, Д.Н. Кашина и др., вместе с тем отличается стилистической выдержанностью, включает в себя всё разнообразие настроений, всю палитру переживаний, своеобразную и яркую образность. Дельвиг не перенимает буквально поэтическую систему фольклорного произведения, а лишь концентрирует внимание на многовековом художественном опыте народа, который, пройдя через его авторское мировосприятие, вновь возвращается к людям, но в существенно изменённом виде.

Средствами народно-поэтического творчества характеризуются в «русских песнях» Дельвига традиционные образы «доброго молодца», «красной девицы», «матушки», «пташки», «реченьки» и др. Внешний облик даже основных лирических героев («доброго молодца», «красной девицы») почти никогда не обрисовывается поэтом детально, поскольку главным для него всё же остаётся негласное противопоставление народной жизни с её характерным для русских постоянством в любви и простодушием, глубокой нравственностью, пустоте и ничтожному блеску светской мира. Лирические герои часто оказываются у Дельвига вне действия, «упоминания о некоторых трудовых процессах носят случайный характер», однако «русская песня» уже не терпит популярных прежде благодушных «пасторальных картинок весёлого труда пастухов и пастушек» (Я.И. Гудошников).

Ориентация поэта на созданную в крестьянской среде народную лирическую песню приводит не только к использованию лексем «молодец», «девица», но и к упоминанию в контексте песенной ситуации характерных особенностей родной природы, однако важные детали быта крестьянского

сословия, яркие черты окружающей действительности представлены в дельвиговских текстах крайне скудно: «на постелю жёсткую» («Ах ты, ночь ли...»), «на тесовую кровать», «выду во широкие поля» («Скучно, девушки, весною жить одной...»), «лес дремучий» («Пела, пела пташечка...»). Для Дельвига особенно значима эмоциональность народной лирики, причём поэт передавал чувства не только от первого лица (что характерно для фольклора), но и в объективированной форме, от третьего лица, посредством образа лирического героя. В «русских песнях» Дельвига, в противоположность его же романсам, «голос автора не заметен», что в целом отличало их от произведений предшественников, в частности А.Ф. Мерзлякова, в песнях которого (даже в тех случаях, когда речь идёт о судьбе крестьянской девушки) «всегда слышен автор» (Т.М. Акимова) и показано авторское чувство одиночества. Учёт в произведениях Дельвига средств народно-поэтической стилистики соответствовал общим тенденциям развития русского романтизма.

В «русских песнях» Дельвига нашла художественное воплощение не только народно-песенная традиция с её характерными приёмами построения образов, лирической идеализацией, яркостью и выразительностью языка, но и традиция литературная, связанная прежде всего с именем А.С. Пушкина и характеризующаяся стремлением к образной конкретности, употреблением лексем в точном значении, без дополнительных ассоциаций. Интересно отметить, что, в отличие от Дельвига, Пушкин, осуществляя творческое преломление народной поэзии, исходит не из литературной традиции, подлежавшей обязательному учёту, а непосредственно из содержания фольклорных текстов. В то время как Дельвиг, подобно другим современникам, вдохновлялся грустным настроением протяжных народных песен и игнорировал наполненные весёлым задором песни плясовые и хороводные. Пушкин часто выступал с совершенно иных позиций: его «больше всего привлекали оптимизм и жизнерадостность, присущие народной поэзии» (И.Н. Розанов).

Владимир КРУПИН (р. 1941)

ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ

«Память смертную, слёзы и умиление» просим мы в ежедневной вечерней молитве. «Господи, даждь ми слезы, и память смертную, и умиление». Прошу долгие годы и чувствую, что память смерт-

ную и немножко слёз («капли слёз часть некую») я вымолил, а умиление, надеюсь, ещё впереди.

Память смертная во мне постоянна. Всегда прошу у Господа «безболезненную и непостыдную кон-

чину и доброго ответа на Страшном судищи».

Да, пишу сейчас на заграничном ноутбуке и вижу, что он умирать не собирается: не хочет ничего писать о смерти. И слово «даждь» пишет как «дождь». И всё красным подчеркивает, не нравится ему писать о кончине. Интересно, кто кого переживёт?

Хорошо это или плохо – постоянно помнить о своей смерти?

Думаю, что очень хорошо. Именно о своей кончине, а не о глобальной. «Неужели мне одр сей гроб будет (опять ноутбук сунется, подчеркивает «одр сей гроб будет», ничего потерпит) или ещё окаянную мою душу просветиши днем. Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит». И крещу постель как будущий гроб, в котором лежу, и себя в нём вижу. Так же все равно будет.

Ещё всегда повторяю, кроме молитвы о добром ответе на Страшном суде, слова из Благодарственной молитвы по Причащении: «...и даруй ми чистою совестью, даже до последнего моего издыхания, достойно причащаться святынь Твоих, во оставление грехов и в жизнь вечную».

И это «до последнего издыхания» помогает бороться со страхом смерти, который, конечно, есть. Есть. Как бы я ни храбрился и ни повторял усвоенное от святых отцов поверье: чем человек сильнее верит в Бога, тем скорее он хочет соединиться с Ним. Святой апостол Павел стремился уйти ко Христу, и, верим, мог уйти. Но просили апостола его ученики побыть с ними, и он остался ещё на пятнадцать лет. Апостольского владения сроками своей жизни я не заслужил, но хотя бы не сопротивляюсь приближению кончины и не вижу пользы в её отодвигании.

Вот всё хуже слышу, вот всё хуже вижу. Глохну и слепну. Походка становится старческой, подшаркивающей. Радости в этом никакой, но и особых страданий нет, это же нормально – угасание сил организма. Конечно, можно начать ползать по врачам, а зачем? Все равно же не вылечат. Да и всегда в утешение скажут: «Что ж вы хотите, годы берут своё». Конечно, не своё они берут, а моё. Но врач этой фразой оправдывает своё бессилие перед неизбежным финалом.

Все равно лечат. Но как в эти годы – вылечат одно, заболевает другое. Лекарствами посадят печень, большая печень ослабит кровь, слабая кровь не питает мозг, мозг одрябнет, будет хуже соображать и далее по тексту. И так уже начинаю всё забывать. Как шутил один знакомый старик: «Где завтракал, помню, а куда на обед идти, забыл». Ослабевание памяти – это возрастное, это опять же нормально. И неизбежно. И сопротивляться бесполезно. Да и, в конце концов, надо же от чего-то умирать.

Что я ещё могу увидеть и слышать в этом мире? И навидался, и наслушался. Вот опять назревает недовольство, вот опять разгорается, никогда не утихающая война богатства и бедности. И опять жертвы. Но что в этом нового? Ведь всё такое уже было. И в мировой истории, и в российской. И не раз и не два. Жить, чтобы смотреть на сражение жадности и

зависти? Нет-нет, только для родных и живу. Жену жалко. Как она без меня? У Шекспира: «Я умер бы, одна печаль: тебя оставить в этом мире жаль». Куда денешься, мужчины быстрее отбывают свои сроки.

Люди наивны – хотят иметь жизнь полную спокойствия, достатка и наслаждений и думают, что это возможно. Но так ни у кого не получалось, и у них не получится. Ну богат ты, и что? И стал жадным и подозрительным. Завёл хоромы, и что? Картины, мебель, барахло, роскошь, обжираловка... это предел мечтаний? Мало? Ну давай, химичь дальше, крутись с ценными бумагами, с процентами. Получай и награду: одиночество, страх, бессонницу, дорогих врачей, которые тебе не дадут умереть, пока у тебя есть деньги. Закончились? До свидания, до будущих встреч.

А есть исключения? Да, и много тех, которые вкладывают накопленное в добрые дела. Тут уж не спрашиваешь, «откуда дровишки», может и наворованные, пусть так, но всё-таки успел вложить капитал в спасение души.

Да, но я отвлекся. Что каждому до всех, если любой умирает в одиночку и в одиночку предстаёт пред Всевышним на проверку? Вот и прошу, читая по Молитвослову: «Господи Иисусе Христе, напиши мя, раба Твоего, в книзе животней, и даруй ми конец благий». Это моё главное прошение – попасть в Книгу жизни и благополучно уйти с земли. Да ещё – очень важное – упокоиться на родине.

Разве важно, от чего человек умер, чем болел, если он уже все равно умер? Важно, как умер. То есть причастился ли, а перед этим исповедовался ли. Отношение к смерти показывает сущность всего человека. У Лермонтова рыцарь (написано от первого лица) гениально ставит Смерть в свои сиратницы. Рыцарь скачет: «Конь мой бежит, и никто им не правит. (Как же конём не править? Но дальше понятно, что это за конь): Быстрое время – мой конь неизменный... Смерть, как приеду, подержит мне стремя, слезу и сдёрну с лица я забрало». То есть вызов принят. И рыцарь знает, кто победит.

К случаю вспомнились стихи из XIX века: «Всем «вечну память» пропоют, но многих ли потом вспомнят?» И тут же народное о «вечном покое»: «Будет вечный покой, когда «Со святыми упокой»». То есть после отпевания. Т а м же ни зимы, ни лета, не холодно и не жарко. Прохлада, как на берегу реки, когда тихо, когда течение влечёт вместе с собою отраженные в воде облака.

Такие дела.

И скажем вслед за святителем Филаретом, что «не напрасно, не случайно» нам жизнь дана, её время дано на труды, благодарящие Бога за неё. Труды эти Господь оплачивает, и эта плата помогает «купить» жизнь вечную. А посему краткий вывод из рассуждений: чем чаще думаешь о смерти, тем дольше живёшь. Более того, мысли о конечности земной жизни очищают её от грехов. А безгрешному чего не жить. С нами Заступнице усердная рода христианского, Невеста Невестная, Благая Вратнице, двери райские верным отверзающая.

Александра АНИСИМОВА (1891–1969)

ДВЕ СЕСТРЫ *(отрывок из сказки)*

За горами, за долами, за синими морями жил-был могучий старик Светозар. И было у Светозара две дочери, красотой равные, а обликом разные. Старшая дочь весёлая, на речах приветливая, белая, румяная, очи голубые, косы золотые. Как она появится, так словно рассветает. За то и имя ей дали – Светлана. А младшая дочь лицом тёмная, косы у неё черным-черны, а глаза и того чернее. И характером она тихая да молчаливая, всегда задумчивая. За то и имя ей было – Смугляна.

Светозар дочерей любил равно, а обращался с ними по-разному – старшую Светлану берёт да баловал, от себя ни на шаг не отпускал, а младшую Смуглянину ни в чём не стеснял – где хочешь, там и ходи, что хочешь, то и делай.

Однажды задумал Светозар дочерей порадовать, подарил он Светлане ленту алую и светлое зеркальце, а Смугляне нитку старинных алмазных бус – самому-то от бабушек-прабабушек досталась. Светлана подарку обрадовалась, перевязала алой лентой свои косы золотые и стала в зеркальце глядеться.

А Смугляна поклонилась отцу и тихо сказала:

– Благодарю, батюшка, за подарки.

Глядит на неё Светозар и не поймёт – рада она подарку или не рада. И спрашивает он её:

– По душе ли тебе, дочка, подарок мой?

Смугляна отвечает:

– По душе, батюшка.

Светозар спрашивает:

– Может быть, тебе ещё что подарить? Проси, чего хочешь, я всё для тебя сделаю.

Смугляна отвечает:

– Нет, батюшка, ничего больше не надо. Только позволь за ворота выйти, по лесам, по лугам погулять.

Светозар подумал и согласился.

– Ну что же, – говорит, – поди, дочка, погуляй. Я тебе не запрещаю.

Надела Смугляна на шею светлые бусы и отправилась погулять. Ходит красавица по лесам, по лугам, по долинам широким, по оврагам глубоким. А кругом стало темным-темно, на лугах трава стоит не шелохнётся, в лесу листики не дрожат, не шумят. Только раздаётся в тишине песня соловьиная. И всё Смугляне любо, и всё ей мило.

Шла она тёмным лесом, нечаянно задела за веточку, думала, шаль каймой зацепилась, а нет – зацепилось ожерелье, оборвалась ниточка, и рассыпались светлые бусы по сырой земле, по густой траве. А Смугляна того не заметила, и уж только когда домой пришла, хватилась – нет бус...

Ну, нет и нет. Потеряла.

Увидела старшая сестра Светлана, что младшая сестра что-то припечалилась, и стала её спрашивать:

– Ты что, сестрица, такая невесёлая?

Вздохнула Смугляна и говорит:

– Я, сестрица, бусы потеряла. Не столь дороги бусы, сколь дорого – батюшкин подарок. Как я ему теперь скажу?

Погоревали сёстры, подумали – как быть? Светлана посоветовала:

– погоди, сестрица, отцу сказывать. А пройди по тем местам: может быть, найдёшь бусы.

Сказано – сделано. Пошла красавица Смугляна по тому пути, каким шла. Прошла лугами, прошла долинами – нет бус. Пришла в тёмный лес, и тут нет. Идёт она дальше, глядит понизу – бусы ищет. А с того места, где она за ветку задела, отошёл какой-то молодец и встал невдалеке за дерево. Смугляна этого и не заметила. Идёт она мимо, а молодец её красотой любит, а сам думает: «Чего эта красавица ищет? Уж не те ли бусы, которые я тут подобрал? Сейчас ей бусы отдать или погодить? Лучше погожу, сначала узнаю, где живёт и кто она такая»...

Николай ДОРОШЕНКО (р. 1951)

ПРОХОЖИЙ *(отрывок из повести)*

Как течёт река – все видели; как течёт время – все знают; но только из нашей деревни можно наблюдать, как течёт жизнь. А течёт она по трассе, которая с недавних пор пролегла тяжко гудящей струною в трёх километрах от нас, за серебряной равниной Ходяковского болота.

Подобные трассы есть всюду. Но любое движение лишь тогда по-настоящему обнаруживает себя, когда, наблюдая его настырность, сами мы вынуждены остаться навсегда неподвижными.

Как трудно, как же трудно стерпеть свой покой, если рядом всё куда-то спешит да спешит! Хоть плачь, хоть кричи, хоть гляди тихо, а всё равно оно летит, плывёт, свистит, гудит, ревет, вое,

скрежещет, грохочет; кажется, уже один только ты не знаешь, что вокруг тебя происходит; и, кажется, даже ветер дует уже не потому, что такая ему погода, а потому, что есть у него собственная тайная причина устремляться над всею бескрайней землёю, поднимать пыль, наклонять стволы деревьев, шатать макушки трав. Озираешься по сторонам, думаешь: «Боже мой! Ради чего не стало на всей земле покоя?!» Но даже сам себе становишься необъяснимым. Самого себя начинаешь воспринимать как ночную звезду, пристально глядящую сразу во все стороны, но ни к чему во всех сторонах не причастную.

Хотя, конечно, жили-были мы именно такими,

какими нам выпало жить да быть. По утрам мы просыпались и, как всякие иные люди, озирались на часы, чтобы зацепиться в нескончаемом потоке времени за собственную минуту, затем с охотой или без охоты прогоняли остатки сна колючей бадейной водой, плотно завтракали, шли работать, а после работы спешили домой, чтобы передохнуть. И незаметно въедалось в наши души подозрение. Например, вроде бы мы всего лишь фильм смотрели по телевизору, обыкновенный фильм, но нет, подозрительными своими глазами мы замечали вдруг, что и на телеэкране всё уже давно имеет посторонний для нас смысл; вот, мол, глядите, никто в этом фильме не поднимается в пять часов утра, чтобы управиться со скотиной, топить печь, никто не выходит на огород, чтоб выскубать руками из грядок сурепь да осоку, никто не выходит в поле, чтобы гнуться там весь день под тяжким пламенем зноя, никто – глядите! – не боится надеть на себя дорогое платье, потому что негде им это своё платье испачкать!

– Ты добавила половы в мешанину для кабана? – окликал хозяйку Иван Макаров из заботы своей дальним голосом, как из погреба, когда та в вечерние часы останавливалась возле включённого телевизора, чтобы понять уже раз и навсегда: отчего выскобленная, в десяти шампунях вымытая женщина плачет и не хочет жить с приличным человеком, пьющим вино маленькими глоточками, не снимающим с себя весь день галстук, а главное – кто ж их кормит и поит, если они или в ресторане сидят, или в машине едут, или в ванной моются, или просто

спрятались в тенёчке да и говорят, говорят про свою любовь?

– Татьяна наша уехала, дак хоть жизнь узнает, – ответила однажды Ивану Макарову его супруга и выключила телевизор, чтоб Иван тоже не отвлекался на постороннее, успел до сна наносить воды из колодца и отбить поострее себе косу, а ей тяпку. Ответила и пошла доставать с чердака полу.

А из-за болота гудела дорога, гудела не переставая весь вечер, всю ночь – даже когда Иван Макаров с женой смыкали глаза и, потеряв память, засыпали, дорога сама для себя продолжала гудеть. И наступил однажды тот час, когда выглянули мы в окна, вышли во дворы, вышли на огороды, на поля и луга и – ни с ближнего, ни с дальнего расстояния не узнали своей деревни: от неё осталось не больше двадцати дворов.

Оказалось, что постороннее для всех нас движение жизни всё-таки хлестануло и по нашей деревне – так речные струи смывают с гладкого песчаного дна реки ненужный им бугорок. И начали по два раза в год сворачивать к нам с трассы автобусы, сноровисто огибали они болото, с разгону въезжали в деревню, из автобусов выпрыгивали толпы незнакомого народа, называемого шефами. Иногда мелькали среди шефов местные уроженцы. Например, Татьяна Макарова приезжала под именем шефа четыре раза, не меньше. Ну, она уж и детей своих привозила заодно. С поля возвращалась, недоумевала:

– Как можно всё лето на свекле этой гнуться?

Станислав РОМАНОВСКИЙ (1931–1996)

СЕМЕЙНЫЙ ЭКИПАЖ (отрывок из повести)

Голос орла-могильника походил на лай собаки: «Тьяф! Тьяф!»

Сам он из-за старости был не тёмным, а серым, как золой осыпанным, и круглая «шапочка» на темени смотрелась серебряной. Но глаза его по-прежнему наливались янтарным светом, когда орёл с немыслимой высоты видел сулика, что таился в ковылях, или выводок утят на степном озере, чьи берега были белы от соли.

Он жил на свете много-много лет и помнил степь нераспаханной, когда по ней – по брюхо в шёлковых травах! – паслись атласно-карие литые лошади, а в их фиолетовых глазах играла воля-волюшка.

Он ещё застал то время, когда в округе свистели стрелы, оперённые лебязьими перьями.

Тогда много воинов с червонными щитами осталось лежать в степи. Их подобрали товарищи и похоронили на кургане... Кроме одного, забытого в полыни. Он лежал лицом вниз в шлеме, в кольчуге, в кожаных рукавицах с металлическими нарукавниками, и орёл с орлицей прыгали по нему, пытаясь расклевать стальную оболочку: «Тьяф! Тьяф!»

Всё-таки витязь встал, прихрамывая побрёл к реке, отмахиваясь от птиц, захмелевших от красной

крови его, что родничками просачивалась сквозь ячеи кольчуги. Он припал к воде, напился досыта, крикнул и не услышал своего голоса:

– Люди-ии!..

Девушка – откуда она взялась? – в одну руку дала ему пастушеский батог, другую положила себе на спину и повела воина в селение своих отцов. А птицы покружились над живыми и улетели с обиженным: «Тьяф! Тьяф!»

Плосколицы бабы-берегини, вырезанные из белого камня, смотрели на живых задумчивыми очами. Время и ветры отшлифовали их щёки и животы до смуглого телесного блеска, и девушка, сгибаясь под тяжестью спутника, говорила им нечто благоговейное, ибо это были могилы её предков, и просила у них помощи:

– Дайте мне силы до дому его довести.

По пути витязь то и дело дотрагивался до кожного кисета на поясе: тут ли он?

– Табак? – спросила девушка.

Раненый ответил по слогам:

– Зёр-ныш-ко!

Позднее орёл увидел витязя без кольчуги и шлема. В чистой рубахе с закатанными рукавами,

с открытой ветру головой, он шёл за плугом, впряжённым в литую карюю лошадь, и пел. А вслед за ним тянулась чёрная, жирная, всвал полоса земли. Вдоль неё бежали дети, мал мала меньше, и шла женщина.

Как ты переменялась, степь!

Куда-то делись табуны тёмно-карих лошадей. Да и были ли они?.. Потеснились к обочинам дорог струистые ковыли, полынь и многоглазый воитель-татарник в жёстких малиновых башлыках... Вместо них по всей степи встали хлеба, да так плотно, колос к колосу, что не всякая птица-перепел выберется из них на белый свет: запутается в стеблях. И летит старый орёл до добычи, зерном вскормленной, росой вспоенной: «Тьяф! Тьяф!»

Сладка добыча, да с годами стала горчить. У старого орла умерла орлица, и вторую семью он не завёл: поздно. Своё просторное гнездо из сучьев

он уступил молодой орлиной чете, а сам ночует без гнезда на той же лиственнице, поскольку других больших деревьев в степи нет. Старый орёл постоянно болеет. Ест он мало, а воды пьёт много. Сегодня он полетел было на реку утолить жажду, но до реки не дотянул. Он увидел под собой такыр – глинистую землю, от жары растресканную на плитки с загнутыми краями, словно на плитки или на блюда. В них с утра собралась роса. Орёл опустился перед площадкой и принялся пить, закатывая глаза от старости.

Он не увидел и не услышал, как спереди к нему подошёл Нурлан – мальчик лет шести – и стал смотреть, как старая птица пьёт росу из глиняной площадки. Когда орёл близко увидел человека, он несколько сконфузился и ворохнул крыльями, чтобы улететь, но не улетел, потому что человек был без оружия и к тому же не выше его ростом...

Данила НОЗДРЯКОВ (р. 1986)

ЗНАЙ, СВЕРЧОК! (отрывок из рассказа)

Ну, это мы знаем. Нас таким не удивить. Это мы ещё в школе проходили на уроке литературы. Мы, можно сказать, люди учёные. Так вот.

Нынешние дети наверняка не знают этого. Они же ничего не знают и не учат. Они про призвание варягов делают феноменальные открытия лет в двадцать только, когда им какой-нибудь блогер расскажет.

А мы – люди взрослые, мы знаем.

И про то, как цирюльник Иван Яковлевич поутру нашёл нос в свежем хлебе, испечённом его супругою Прасковьей Осиповной. И про то, что узнал в найденном носе нос коллежского асессора Ковалёва, майора, стало быть, по военной иерархии. И как пошёл к Исаакиевскому собору и выбросил нос в речку, тоже знаем. Да и про то, как поутру того же дня пришёл в себя после сна коллежский асессор Ковалёв и хотел выдавить прыщ на носу, но не нашёл ни прыща, ни носа. Известная история.

И в дальнейшем был терабайт этих историй о частях тела, ушедших жить своей жизнью. У режиссёра Чеважевского сбежал половой орган мужской, у драматурга Шварца – тень от человека, у философа Делёза – тела были совсем без органов, у писателя Ларина разбирали людей на части. И ничего.

Нас таким не удивить.

Но, с другой стороны, стань вы сбегавшей частью тела, захотели бы возвращаться на место? Думаю, воспротивились тому, что за вас решают, какое там есть топологическое или космологическое место, к которому вам необходимо принадлежать. Кто это постановил, кто вздумал указывать на эту принадлежность?

Выплываете вы из Невы – для простоты обращения заменим местоимение «вы» на «Нос», хотя и это немного пахнет тоталитаризмом, если,

конечно, это не нарушает ничьего достоинства, когда речь идёт о таком органе, как нос, но заранее приношу извинения, если кого-то зашеймил – выплывает Нос из Невы и, отсмаркивая противную воду и остатки хлеба, перекачивается до берега.

Хотя лучше пусть Носа достанет из воды будочник. Понажимает на него, чтобы вода вышла, и потащит к себе в будку, чтобы от насморка скоропостижно не скончался.

Сидят они в будке, значит. Будочник разливает по стаканам водку. Жена его яичницу жарит, а Нос исподтишка наблюдает (чем? чем?) за её пухлыми локтями, как Обломов из не написанного ещё в это время романа «Обломов» за локтями Агафьи Матвеевны Пшеницыной наблюдал.

– Ну, давай, для сугреву!

Будочник Мымрецов влил в себя стакан. У Носа никак не получалось, в связи с отсутствием рта. Всё вдыхал в себя этиловые пары, но количество спиртного не убавлялось.

– Экая вы барышня кисейная! С непривычки нашего напитка не разумеете.

Нос не хотел оплошать перед новым знакомым и со всего маху втянул в себя жидкость из стакана. И сил своих не рассчитал. Или, наоборот, перерассчитал.

– Ну, шельма, и сразу выхлестался! Рай, вас таким манерам в ваших благородных патиссонах обучали? Ну, будя, спать идите, коль так, вашескобродие!

Нос уткнулся в соломенный тюк и тотчас от всех пережитых с ним событий уснул.

– И зачем ты этого охламона притащил? – завела шарманку будочница Авдотья.

– Ишь ты, сиверка, развылась! Неужто не понятно, что человек он благородный. И за

заступничество, авось, наградит меня. Завтра его снесу к графу Н., пушай распознает единоутробного брата в ём.

– Тоже мне человек! Срамота какая-то, а человека не видать.

Но наутро будочнику не удалось снести Носа к графу Н., под коим подразумевался, может быть, граф Нулин даже, тогдашний начальник МБОУ

Ы «Управление Департамента Управления Внутренних Дел Министерства Внутренних Дел По Санкт-Петербургской Губернии И Городу Санкт-Петербургу, Северной Пальмире И Петра Творенью». Нос – в пространственном отношении штука маленькая и случайно вывалилась во время прохождения сна за пределы будки будочника...

Пётр Симон ПАЛЛАС (1741–1811)

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ *(отрывок из сочинения)*

В Симбирск приехали мы уже 22 сентября, потому что по такой худой дороге ехать ночью было невозможно, да и днём едва могли продолжать путь на удвоенных подводках. Страна при реке Суре, близ которой находятся ещё в некоем пространстве мошанские деревни и текущие в оную малые речки, угориста и лесом изобильна...

Лес на холмах смешан с соснами; но в долинах и на ровных местах растёт то чистый дубняк, то смешанный лиственный лес, в котором очень много липовых и кленовых деревьев. Липовый лес особливую приносит пользу здешним пчельным ульям; да и вообще липовое дерево в российском сельском домостроительстве почитается за преполозное, потому что оно годно ко всему. Из него делают всякую посуду и другие нужные вещи, с него же дерут лыки или мочала, из коих вяжут верёвки и ткнут рогожи. Сверх того в тех местах, в коих держат много овец, вяжут из липовых ветвей веники и сушат, коими в зимнее время кормят ягнят...

Между горными увалами везде текут речки, при которых построены деревни и кои отчасти прямо, а отчасти соединясь с другими, впадают в Суру. После Юлка следует сперва речка Ирелейка, вскоре потом Сирклей, далее малые речки Катмис, Чеварлейка, Садовка, Озёрка, Инза, большая речка Папуза, напоследок малые речки Бела-Речка, Имбеловка, Чилим, Туварма, Барыш и Майна. Речка Барыш принимает в себя много малых речек и ручьёв и впадает в Суру. Там начинается холмистая страна, по Волге простирающаяся и редким березником оброслая...

Не доезжая вёрст пять до Симбирска находится проведённая от Суры до Волги при великом царе Алексее Михайловиче линия, которая здесь состоит из превысокого вала и глубокого рва, и гораздо знатнее, нежели проведённая от Суры в западную сторону. Сия линия ещё и ныне в хорошем состоянии, хотя все по ней построенные крепкие места: Юшанск, Тагай, Карсун, Урень, Погорельный, Аргаши и Сурск почти совсем лишились деревянных своих

крепостей и сделались открытыми местечками.

Как только прибыли мы в Симбирск ввечеру 22 сентября, восстала ужасная буря с северо-западной стороны и продолжалась до 24 числа. Потом были хорошие дни, в которые мог я осмотреть страну около города. Гора, на которой стоит город, и простирающиеся от оной вверх по Волге увалы препятствуют ей соединиться с текущею к северу Свиягою; обе реки здесь столь близко сошлись, что между ними находится только город, несмотря на то что Свияга отсюда продолжает своё течение ещё около ста вёрст до своего устья в Волгу.

На западной стороне к Свияге Симбирская гора нарочито уменьшается к высокой степи, а волжская сторона у ней подмыта и крута так, как и прочие увалы, составляющие правый высокий берег сей великой реки. Где на горе ни копают, находят везде известковую опоку. В некоторых местах у города открыты для употребления известковые ломки, содержащие в себе хорошую белую или желтоватую рыхлую известку, в которой попадаются совершенно жёсткие, но разломанные и цвета своего лишившиеся черепа морских животных.

Далее вверх по Волге некоторые увалы состоят из одного же мергеля и известкового камня. Под мергелем в горе, на которой построен Симбирск, показывается серая смешанная глина, местами кремнистая, тоже имеющая вид квасцовой земли и наполненная рассеянными окаменелостями. Нижний берег Волги также состоит из глины, однако с некоторою отменю. От верхнего конца города, даже за опустелым, в десяти верстах от одного находящимся при реке Соловецким монастырём, показывается в нижней части берега обыкновенно чёрная, липкая, очень кремнистая глина, наполненная не только превратившимися в колчедан теребратаулами и нередко покрытыми синеватым лаком аммонитами величиною в полтора фута, но и содержащая в себе множество колчедана отчасти в полосах, отчасти же в подобных виноградным кистях...

Иван ГОРБУНОВ (1831–1896)

ВОСПОМИНАНИЯ *(отрывок из очерка)*

В сороковых и пятидесятых годах текущего столетия сборным пунктом приезжавших в Москву провинциальных актёров была так называвшаяся Белая зала в гостинице купца Барсова на площади Большого театра. Собирались в ней актёры обыкновенно в течение Великого поста, получали здесь ангажементы и расходились до следующего поста по всему лицу Российского государства. Редкий актёр того времени, вступая на сцену, не переступал порога Белой залы.

На последних днях первой недели Великого поста входит в залу солидный, высокий мужчина лет шестидесяти в чёрном, наглухо застёгнутом сюртуке. Это «благородный отец» из Ярославля.

Половой Гаврила, страстный любитель театра и преданнейший слуга всех актёров, с особенною радостью встречает приезжего гостя.

– Давно изволили пожаловать в нашу столицу?

– Вчера, братец, утром. Был у Иверской. А сегодня к своему угоднику и покровителю зашёл. Обласкал, заплакал.

– Кто же это, Тимофей Николаевич?

– Михаил Семёнович... Кто же ещё.

– Ах, а я и недомакнул... По зиме как-то уху у нас кушали, с каким-то профессором. Чудесный старик... добрый, обходительный... Я, говорит, сам крепостной был, понимаю ваше положение...

– Дай мне, по обыкновению, графинчик доброго русского, белого, простого, очищенного вина да пирог в гривенник.

– Слушаю-с.

Вот вошли ещё два артиста – один в клетчатом коротеньком пиджаке, в красном галстуке; другой – в полуфраке, с гладкими светлыми пуговицами, с тщательно завитыми волосами. Первый – комик из Тулы, второй – первый любовник из Курска. Комик начал с водки, любовник сел на коньяк.

На третьей неделе Белая зала была уже полна приезжими провинциальными сценическими деятелями. Съехались и антрепренёры: Борис Климыч из Орла, Смальков из Нижнего, Васька Смирнов из Ярославля, Григорьев из Тамбова, Херувимов из Екатеринбурга, Червончик из Тулы, директор

симбирского театра – барин, проживший солидное состояние на любви к театру, Зверев из Севастополя и многие другие. Съехались они в Москву обновлять свои труппы, заказывать костюмы, парики и т. п. Знаменитые того времени актёры все налицо: Милославский из Казани, Рыбаков из Харькова, Челикин из Тамбова, Медынцев из Вологды, Яковлев из Ростова-на-Дону, Кирилл Ермаков и другие. Юркие комики перебегают от стола к столу, любовники ведут беседу о московских портных, благородные отцы по своему солидному положению в репертуаре состоят при трагиках.

Вот один комик, сидевший за отдельным столом с директором симбирского театра, вдруг просяял – это он получил ангажемент, или на театральном жаргоне «кончил». (Получить ангажемент – значит «кончить». Я кончил в Казань, я кончил в Рыбинск и т. п.).

– В Симбирск? – спрашивает его один из товарищей.

– В Симбирск.

– Город хороший. Я там два сезона играл.

– Главное – дворянский, – поддакивает комик. – Настродался уж я в Ярославле-то у Васьки Смирнова. Ты знаешь, он меня, с моим-то ростом, заставил раз Ляпунова играть.

– Что же, играл?

– Нет, жандармский полковник заступился. «Я, говорит, не позволю тебе безобразничать». А Юстиниана в «Велизарии» играл и вместо сандалий резиновые галоши надевал. То есть такой срам был – смерть! А ты посмотри, что это за антрепренёр – барин, в Шевалдышевой гостинице остановился.

– А сколько?

– Семьдесят пять, два полубенефиса, парики его, две пары лаковых сапог, шляпа...

– Чего ж тебе ещё!

– Ах, как я доволен! Гаврила, давай рябиновки. Губернатор, говорят, отличный человек; губернаторша почти и из театра не выходит; откупщик тоже барин, на благородных спектаклях Фамусова играет, за бенефис двадцать пять даёт... То есть как я доволен!..

Эдвард РАДЗИНСКИЙ (р. 1936)

ПРОГУЛКИ С ПАЛАЧОМ *(отрывок из книги)*

Последний русский царь был мистиком. Рождённый по церковному календарю в день Иова Многострадального, он был уверен в своём трагическом предназначении.

И, конечно, он не мог не заинтересоваться тем мистическим рассказом, о котором тогда, в дни столетия Революции, много говорили и спорили в Париже. Речь идёт о пугающем пророчестве,

сделанном за два десятка лет до Революции другим мистиком, неким Казотом.

Казот был масоном и сочинителем. Мистические взгляды придавали его изящным творениям несколько тяжеловесный характер пророчеств.

Но однажды случилось невероятное. В тот вечер в салоне маркиза де Водрейля собрался один из тех очаровательных кружков, которые исчезнут вместе

с Галантным веком: несколько умных и весьма вольно мыслящих аристократов, несколько очень красивых и пугающе умных дам (в век господства философов красивым женщинам приходилось быть ещё и умными, коли они хотели быть модными). Приглашён был и Казот – философ, литератор и блестящий рассказчик. Но утончённой беседы не получилось – Казот весь вечер пребывал в тоскливом молчании, причём долгое время угрюмо отказывался объяснить своё непонятное поведение.

Однако настойчивые дамы победили. И он рассказал, как внезапно перед ним предстало некое видение – тюрьма, позорная телега, потом эшафот со странным сооружением... Он описал его. Впоследствии оказалось: он описал гильотину... за двадцать лет до её изобретения!

Но не диковинное сооружение напугало Казота. Он увидел нечто более страшное – очередь людей, поднимающихся на эшафот к гильотине, длиннейшую очередь, в ней были все самые блестящие фамилии Франции. И что самое ужасное – в ней были все присутствовавшие в тот вечер. И первым стоял он сам – Казот! Сверкал падающий топор гильотины, но очередь не уменьшалась, ибо всё время к эшафоту подъезжала позорная телега и оттуда высаживались очередные жертвы...

После такого рассказа, естественно, воцарилось тягостное молчание. И тогда одна из дам попыталась пошутить:

– В вашем рассказе меня более всего пугает не эшафот, но позорная телега, любезнейший Казот. Оставьте мне, по крайней мере, право подъехать к вашему загадочному сооружению в собственном экипаже.

– Нет, – вдруг сказал Казот каким-то странным, чужим голосом. – Право ехать на казнь в экипаже получит только король. А мы с вами отправимся туда в позорной телеге.

Поразительно: пророчество Казота приводит в своей книге внук того, кто был в то время хозяином этой самой позорной телеги. Когда 26 сентября 1792 года Казота повезли на гильотину, этот человек был рядом с ним, и у него было время поговорить с Казотом о его пророчестве. И внук услышал от него рассказ о господине Казоте и его последних минутах: как спокойно, но «без наглой самоуверенности» взшёл он на эшафот... Что ж, двадцать лет назад Казот всё это уже пережил – так что он приготовился! И хозяин телеги оценил это по достоинству, как знаток смерти.

Это был он – Месье де Пари, палач города Парижа Шарль Анри Сансон.

Ради него я и приехал в Париж в те зимние дни 1996 года. Я приехал на свидание с ним, следуя умерительной привычке литераторов, – решил подышать, так сказать, «теми же воздушными» и насладиться лицезрением мест, где жил мой герой. И всё представлял себе, как ровно сто лет назад на обратном пути из Версаля царская семья проехала по Парижу – по древнему кварталу Марэ с его старинными сонными отелями, где в Тампле в дни Революции томилась несчастная королевская семья. Затем на площади Республики их коляска сделала круг...

От площади Республики и идёт та самая улица Шато д'О. Александра Фёдоровна была нервной женщиной, и она наверняка вздрогнула, когда проезжала мимо этой улицы! Ибо здесь, в глубине сада, возделанного его женой, стоял дом моего героя.

Лидолия НИКИТИНА (р. 1941)

ПРОЩАНИЕ С ДЕРЕВОМ *(миниатюра)*

Громадное сильное Дерево выкорчевал бульдозер, расчищая дорогу для новостройки. Крона, упав на груды мусора, съежилась от испепеляющих лучей солнца, а в трагических изломах корней угадывался жест нищего, выпрашивающего подаяние у равнодушных прохожих.

К вечеру неподалеку от умирающего Дерева затормозил пропылённый «газик», из кабины которого выпрыгнул молодой усталый человек. Приблизившись к Дереву, он негромко заговорил:

– Теперь я понимаю, почему ты мне все эти дни снишься... Позвало проститься, как и положено друзьям, чьи жизни прошли на глазах друг у друга. Напомнив о себе, ты воскресило в памяти всё, что казалось из неё напрочь вычеркнутым. Я даже вспомнил наше с тобой первое знакомство.

...Мне тогда было чуть больше года. Я учился ходить. Отбежав от мамы на несколько крошечных шажков, спешил обхватить твой ещё тоненький ствол, боясь упасть, ища поддержки. И всегда

её у тебя находил. А ещё, помнишь, как меня, провинившегося, родители заперли одного в квартире, я влез на подоконник, распахнул форточку, плакал и умолял маму меня простить, а ты, стараясь утешить, бросило мне в руки несколько нарядных листьев. Я принялся их разглядывать. Слезы высохли на моих щеках ещё и потому, что ты принялось рассказывать свою сказку:

– Твои первые шаги, малыш, были по земле, мои – по воздуху. В один из осенних дней я – семечко – оторвалось от ветки и полетело... С тех пор, засыпая перед зимними холодами, каждый раз перестаю ощущать мощь своих ветвей и опять парю над землёй...

Мужчина, спотыкаясь об обломки старых домов, цепляясь ногами за ржавую проволоку арматуры, будто лунатик, ходил вокруг поверженного Дерева, вспоминая всё новые и новые эпизоды из своей мальчишеской жизни:

– Отчего именно детство так ярко помнится

каждому? Отчего в нём невероятно легко дышится, смеётся, плачется? Уж не для того ли, чтобы без страха хотелось и могло жить дальше?

– Возможно, друг, – неожиданно откликнулось Дерево. – Только в детстве земля кажется такой мягкой, доброй, тёплой! Помню, когда я было ещё саженцем, меня поили из шланга. Я капризничало, выталкивало воду из лунки, она лилась тонкими ручейками, собиралась в лужицы.

– О, как я любил по ним бегать босиком! Что-то воинственное крича, прыгаешь в мутной воде, она разбрызгивается в разные стороны, прохожие визжат, бранятся, а тебе – весело!

– Потом... Потом корни мои с каждым годом уходили всё глубже в землю, ветви тянулись ввысь, их листва становилась всё гуще, а ствол – надёжнее.

– Мне не терпелось расти быстрее тебя! Я рано начал мечтать о путешествиях, мне хотелось пожить в разных городах. Скажи, а тебе не скучно стоять на одном месте?

– Ты считаешь, что я прожило неинтересную жизнь? Ошибаешься! Если бы это было так, разве ж смогло бы я стать свидетелем стольких событий?! Ты думаешь, что ветры проносятся мимо меня? Нет, это я, распластав свою крону, лечу с тучами наперегонки из одного конца неба в другой его конец! Тебе кажется, что люди проходят мимо? Нет, это я то и дело останавливаю их, расспрашиваю о жите-бытье. А пернатые первыми возвращаются в свои гнёзда, потому что я прежде других ощущаю в

своих жилах весну и даю обновление ветвям! Признаюсь ещё и в том, что очень люблю птиц. Они всегда меня радуют, а ты частенько огорчал... Особенно в тот год, когда впервые влюбился. Устроил в развилках ветвей шалаш и часами просиживал в нём, о чём-то мечтая. А твой перочинный нож тем временем вырезал на коре профиль курносой девушки и её имя. Все эти годы твои искусства я берегло... Взгляни вот сюда – видишь?

– Господи! Неужели ты помнишь девчонку-сорванца Марину? Её профиль, инициалы, врезанные в сердце? Как давно была эта детская любовь, которую во всей полноте я ощущал, лишь оторвавшись от земли! Как по сумасшедшему был счастлив! До чего волнующи и непохожи один на другой были те дни, не то, что нынешние...

– Но в последние годы ты почти перестал меня проводывать...

– Женился, переехал в один город, потом в другой. Сейчас живу неподалёку. Но знай, ни разу я не проехал мимо тебя, моё Дерево, хотя и больно душе глядеть на вырубленный отцовский сад, затоптанные прохожими мамины клумбы, снесённый дедушкин дом...

Прежде чем коснуться ствола Дерева прощальным жестом, мужчина вынул из кармана пиджака старенький перочинный нож и срезал черенок. А чуть позже длинный печальный сигнал потонул в грохоте новостройки, прежде чем «газик» скрылся за облаком густой оранжевой пыли.

Эдуард АНАШКИН (р. 1946)

СОДЕРЖАТЬ СЕБЯ

В ПРАВСТВЕННОЙ ЧИСТОТЕ И ПРАВДЕ *(отрывок из очерка о В.Г. Распутине)*

Однажды зимним вечером мы с Валентином Григорьевичем, взяв по пластиковой бутылке, пошли к святому источнику за водой. Дело было в Переделкино.

Шли, разговаривали, прошли дачу Бориса Пастернака, и я задал Распутину вопрос:

– Валентин Григорьевич, в вашем рассказе «Уроки французского» есть фраза, которую я запомнил наизусть: «Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом».

– Эдуард, это же зависть. Она всегда была и есть. Хотелось бы, чтобы этого не было. Но это невозможно. Вроде росли, учились в одной школе, а потом кто-то выбивается вперёд. И со мной такое было, тем более что в школе я ничем не отличался от других. А потом что-то получаться стало...

Прошли ещё немного. Слышно было, как проносились электрички и поезда.

– А почему ты мне задал такой вопрос?

– спросил Валентин Григорьевич.

Я что-то замаялся.

– Рассказывай честно... Что-то глохнет? Наболело?..

– Сирого да бедного обидеть проще простого, Валентин Григорьевич. Имей лишь маленькую власть да большую деньгу. И ни на копейку – совести.

Какой-то прохвост взял и передал уже опубликованный мой рассказ «Фашист» в еженедельнике «Литературная Россия» в журнал «Сенатор» Совета Федерации, якобы на конкурс. А я не знал о существовании такого журнала, ни сном ни духом о конкурсе. Скорее, это всё было ради галочки чиновнику, даже от культуры! Очень важно показать горячий интерес масс к его задумке (ныне это называется проектом). Рассказ не только напечатался – компетентное жюри признало лучшим. И наверняка кто-то из экспертов-формалистов подумал: «Как хорошо, что отмечаем писателя из российской глубинки».

И вот уж на всю Вселенную (на сайте в

интернете) громко-громко объявлено о лауреатах конкурса. В их числе и писатель Анашкин. Дома переполох: кто штанишки подыскивает, кто – рубашку, всё-таки в Москву поедет, в Совет Федерации пригласят.

Затем начались телефонные звонки от редактора журнала Фреда Александровича Искандерова. Сначала поздравления, затем последовали вопросы, на которые я должен ответить. Всё подготовил.

Но проходит немного времени – и прибегает внучек Архип.

– Дедуля, на сайте все победители есть, а твоей фотографии нет, убрали.

У меня компьютера никогда не было и нет. В сотовом телефоне знаю только три кнопки, которые необходимы. Пишу от руки. Пошли к внуку, он включил компьютер – и правда, моя фотография с надписью испарилась. В чём дело? Звоню редактору журнала.

Оказывается, премию мне присудили неправильно. Кто-то из бдительных и ретивых организаторов (не исключено, тот же, кто передал рассказ в журнал!) доложил, что произведение было уже опубликовано. А это нарушает условия конкурса.

Тогда я задал редактору один-единственный

вопрос: «Как рассказ попал на конкурс?»

«В редакции он не зарегистрирован, пришёл не почтой, лежал в редакционной папке», – Фред Александрович начал повышать голос, обвинять меня.

Не попросившись, положил трубку на рычаг и больше звонить не стал. Обиделся, сел за стол и написал в Совет Федерации самому председателю.

Звонки прекратились. Больше о конкурсе от редактора журнала сообщений не получал.

Однако, Валентин Григорьевич, я работаю у нас в местной котельной кочегаром. Думаю, и там, на небесах, буду около котла греть воду. Вот и подготовлю дровишек побольше да пожарче. Подброшу, не пожалею.

Распутин рассмеялся до слёз. Таким я его ещё не видел.

– Эдуард, конечно, обидно, что так получилось. Это сделал кто-то из пишущих коллег. Забудь это. Прости их, грешных. А дровишки ещё здесь тебе, на земле, пригодятся. Главное что в нашем деле? Работать – писать. А читатель разберётся, что к чему. Ты делаешь доброе дело – молодых ставишь на крыло, а опытным что-то подсказываешь.

Так я и делаю до сих пор.

Анатолий КОРОЛЁВ (р. 1946)

СТРАЖ ЗАПАДНИ (отрывок из повести)

Белый конь первым услышал летящий аэроплан и дрогнул чутким ухом: сначала далеко-далеко, почти на самом краю чистого неба, в той стороне, где жарко клубилось полуденное солнце, донёсся тревожный шорох, словно кто-то крался по небесным былинкам, затем слабый звук усилился, набряк металлическим рокотом: «тр-ррр-р...» Звук набегал, как тень от облачка. Молоденький всадник завертел головой, пытаясь отыскать в пустом небе ту опасную точку, откуда сыпался на землю невидимый град, и ничего не замечал. На небосводе лежали редкие ленивые облака, в ясной вышине лоскутком трепыхал колоколец – полевой жаворонок... Аэроплан вынырнул со стороны солнца, сверкнул крыльями с парой белогвардейских колец. Саш Соловей хотел было пришпорить коня, доскакать в один дух до дубовой рощицы впереди – посреди степи он был весь на виду, но вражеский самолёт шёл курсом много правее. «Но-о», – спокойно тронул Сашка поводьями, и жеребец-трёхлеток Караул послушно пошёл лёгкой рысью, только опасливо прядая ушами от нависшего барабанного треска.

Его беспокойство передалось пугливой птице. К седлу всадника была приторочена переносная походная клетка из ивовых прутьев с почтовым голубем. От рокота мотора турман беспокойно заворочался на исцарапанной жёрдочке, попытался расправить в тесноте сложенные крылья. И все трое – белый конь, красный конник и боязливая птица – слились комком в одном тревожном предчувствии.

Поразить цель на бреющем полёте из автоматического пистолета «парабеллум», даже если расстрелять весь восьмизарядный магазин, было почти безнадежно, тем более попасть в одинокого седока посреди летней степи. Но красноармеец-пилот понял это по гимнастёрке без погон и голове без форменной фуражки, – красноармеец продолжал свой путь с такой вызывающей дерзостью, даже не пришпорив коня, чтобы добраться вскачь хотя бы вон до той спасительной рощицы, что поручик Винтер, не выдержав, круто заложил вираж влево и развернул свой биплан к цели.

«Ньюпор-IV» оглушительно стрельнул двигателем и сделал резкий рывок в сторону всадника на белом коне.

– Пшёл! – крикнул Сашка, давая шенкеля и припадая к шее коня.

С напуганным «фррр» из-под копыт порскнул выводок куропаток. Сдувая на край небосклона замолкшего жаворонка, биплан стремительно шёл на снижение к скачущей мишени.

500 метров...

400...

300...

Выбросив из-за стеклянного козырька тяжёлый пистолет девятого калибра, пилот первой авиароты при ставке ВСЮР (Вооруженные силы Юга России) Виктор Винтер стал наугад палить вниз, стараясь не столько попасть в цель, сколько не врезаться в страшно близкую землю, которая всплывала к

колёсам шасси волнами ковыля. Один выстрел. Второй. Третий. Четвёртый. Белыми клочками разлетелась в траве перепелиная стайка. Выстрелы ударили по земле звонкими градинами.

Солнечное небо полыхнуло ледяной смертью. Аэроплан пронёсся вперёд, проволочив справа свою чёрную тень. Сашку накрыло сизым шлейфом выхлопных газов. Коня хлестануло по спине горячими каплями касторового масла. Голубя швырнуло грудью на плетёную стенку.

«Ньюпор» набирал высоту.

«Тпру!» Соловей резко осадил коня: бежать ему, вестовому командира кавдивизии, от золотопогонника было глупо и стыдно. От рывка удилами Караул встал на дыбы, задущенно заржал, раздирая алый рот в снежной пене. Розово-сизый дым выхлопов бил в нос сладкой вонью церковного ладана, как на похоронах, и Сашке Соловью на миг стало

страшно: белогвардейский аэроплан разворачивался на второй заход.

Рука нащупала ремень от боевой винтовки за плечами.

В кабине можно было легко различить тёмный силуэт головы в авиашлеме и жуткое сверкание защитных очков пилота. В траве вертелась с истощенным «фррр...» подбитая шальной пулей куропатка. «Тпру!» Сашка что было силы натянул удила и заставил коня опустить копыта. Караул мёртво встал, тяжело поводя сырыми боками, вздрагивая молочной кожей, пытаясь стряхнуть с крупы пчелиные укусы горячего масла. Смерть накатывалась, волоча по земле смоляное крыло своей тени.

Сашка отчаянно стянул из-за спины через голову винтовочку «вистерле» и с ненавистью пальнул по стеклянным рыбьим глазам на гуттаперчевой голове...

Михаил ГРУШЕВСКИЙ (1866–1934)

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОГО НАРОДА *(отрывок из книги)*

Нашей задачей является воссоздание в главнейших чертах исторического развития украинского народа, или точнее, тех этнографическо-политических групп, из которых на протяжении столетий постепенно формируется то, что мы мыслим теперь под именем украинского народа, иначе называемого «малорусским», «южнорусским», «русинским» или просто «русским» (как он до последнего времени, по старой традиции, назывался и даже теперь ещё называется в Галиции). Эта разнородность названий не имеет особого значения, так как покрывает понятие, в конце концов, вполне определённое и ясное, но вместе с тем является характеристическим показателем тех исторических перемен, какие пришлось пережить этому народу.

Его старое, историческое имя «Русь», «Русич», «русский» в период его политического и культурного упадка было усвоено великорусским народом, политическая и культурная жизнь которого развилась на традициях старого Киевского, Русского государства, и великорусские государственные организации – великое княжество Владимирское, затем Московское считали себя преемниками старого Русского государства – в виду династических связей своих с киевской династией и других связующих элементов. И вот, в XIV в., когда центр тяжести политической жизни из восточной Украины передвинулся, с одной стороны, в направлении великорусских земель, а украинская государственная жизнь сосредоточилась в западной Украине, в Галицко-Волынском государстве, мы встречаемся с названием «Малой Руси» – пока в приложении к этому последнему. Так, Юрий-Болеслав, галицко-волынский князь в одной грамоте (1335 г.) титулуется себя «князем всея Малой России».

Ещё чаще встречается это название в грамотах константинопольского патриархата XIV в., где под названием «Малой России» противопоставляются

галицко-волыньские епархии восточным и северным (оставшимся под властью митрополитов «киевских и всея Руси», между тем, как галицко-волыньские епархии получают своего отдельного митрополита). Возможно, что под влиянием этой церковной терминологии принял помянутый титул и Юрий-Болеслав. Позже это название выходит из употребления; но когда в XVII в. украинские земли входят в состав Московского государства и является необходимость отличить их от московских, термины «малороссийский, Малая Русь, Малороссия» получают официальное признание и широкое распространение. Под влиянием этой официальной терминологии прежние названия и в литературе России и Западной Европы начинают вытесняться этим «малорусским» термином.

Но среди украинского общества этот термин не привился. Некоторое время он специально прилагался к официальной Малороссии, т. е. к областям, входившим в состав Гетманщины XVIII в., для обозначения же всей народной стихии и территории всё более широкое распространение получает термин «Украина», «украинский». Это старое название в памятниках киево-галицких XII-XIII вв. употреблялось нарицательно для обозначения пограничья, но в XVI в. оно становится специальным, собственным именем среднего Поднепровья, с концом XV в. превратившегося в полное опасностей, в исключительные условия поставленное и постоянным татарским нападением подверженное пограничье.

В XIII в., когда эта восточная Украина становится очагом новой украинкой жизни, развивающейся в резком противопоставлении социальному и национальному укладу Польского государства и сосредоточивающейся в себе пожелания, мечты и надежды современной Украины, тогда и её «украинское» имя приобретает особое значение. Оно неразрывно сростается с этими стремлениями и

надеждами, с бурными взрывами украинской жизни, являющимися для последующих поколений путеводной звездой, неисчерпаемым источником национального и политико-общественного сознания, надежд на возрождение и развитие. Литературное возрождение XIX в. принимает название «украинского» для обозначения этой новой национальной жизни. Для того чтобы подчеркнуть связь новой украинской жизни с её старыми традициями, это

украинское имя употреблялось одно время в сложной форме «Украина-Русь», «украинско-русский»: старое традиционное имя связывалось с новым термином украинского возрождения и движения. Но в последнее время всё шире употребляется и в украинской и в других литературах простой термин «Украина», «украинский», не только в применении к современной жизни, но и к прежним её фазисам, и это название вытесняет постепенно все прочие...

Сергей ЕЛЕОНСКИЙ (1861–1911)

ХРУСТАЛЬНОЕ ЯБЛОКО (отрывок из рассказа)

Я с обрыва увидел внизу мальчика, который держал в руках мою игрушку. Да, это оно – то самое яблоко, которое подарила мне моя мать, привезя его откуда-то издалека, из Киева, кажется. Помню как сейчас, что, когда я потерял его и плакал, она тоже горевала и сказала, что такого нигде не найти. Я тогда думал, что это яблоко – единственное во всём мире и другого, ему подобного, нет и не будет. Для меня это, пожалуй, было в сущности совершенной истиной. Я действительно нигде и никогда не видал ни у одного ребёнка такой игрушки, и когда самому приходилось покупать игрушки для своих детей и внучат, я не мог её раздобыть, хотя всегда спрашивал в игрушечных магазинах. Её в последний раз я видел давно-давно в своих руках, а теперь через полстолетия вижу снова у мальчика в овраге... у мальчика таких же лет, каких был я сам, когда зарыл её в песок в последний раз.

Я задрожал от неожиданности.

Я видел, что моё яблоко несколько не изменилось, оно прежнее, ничуть не попорченное, белое, точь-в-точь такое, каким оно всегда жило в моём представлении, ни на йоту не изменив своего вида. Оно твёрдое, литое, розовое с белыми винтящимися прожилками, сливающимися на полюсах, со сквозной дырой посередине, в которую мальчуган так же, как и я в былое время, сыплет сухой белый песок, сбочив головку, закусив нижнюю губу и улыбаясь. Вот он покатило его, догнал, полюбовался на солнце его белыми жилками, подбросил вверх, поймал, приложил к правому глазу и стал смотреть в дырочку на церковь, кресты которой видны из оврага, на баню, на ветлу и на меня... Вот он привязал его на свой синий пояс, который снял, значит – начнёт сейчас кружить им в воздухе, а когда рука устанет махать, примется зарывать... Да, так, так... всё идёт по-прежнему, решительно как по писанному... так, как я делал пятьдесят лет тому назад... зарывает в песок...

– Не зарывай! – вскричал я почти испуганно, словно боясь, что талисман снова, как клад, уйдёт в землю и пропадёт, как когда-то, и спешил к нему

в овраг. Мальчик изумлённо посмотрел на меня и остановился. Я подошёл.

– Продай мне яблоко.

– Эка!..

– Я тебе дам рубль. Вот...

– Эка...

– Я золотой тебе дам.

– Эка.

– За сколько же продашь?

– Ни за сколь.

– Да ты чей?

– Шаронин.

– А как зовут?

– Афонькой.

– Афонька Шаронин?! Врёшь...

– Нет быдто...

– Да у тебя кто отец?

– Василий Шаронин.

– А у него отец? То есть у тебя дедушка есть?

– Есть.

– Зовут как?

– Афанасием быдто... Он мне яблоко – поиграю, а потом ему опять отнесу, он его в кованный сундук спрячет, а замок-то в сундуке нутряной, три раза тенькает... А завтра он мне опять даст поиграть. Он добрый, дедушка-то, даром что молчаливый.

«Афонька Шаронин?! Афанасий Шаронин?!»

– Проводи меня, Афоня, до вашего дому. Всё там живёте – на краю, у святого родника?

– Да.

Мы подошли... Прежняя покосившаяся с маленькими окнами и уже совершенно чёрная, точно насквозь прокопчённая изба и пахнет от неё дымом... А на завалинке сидел старик, весь белый и в белой рубашке.

– Здравствуй, Афанасий!

– Здравствуй, барин.

– А вот я у твоего внука видел сейчас игрушку.

– Какую?

– Яблоко. Помнишь?.. Ведь и мы с тобой играли им...